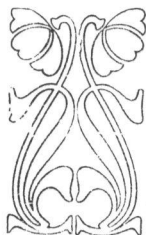

ИСТОРИЯ

АРМАВИРА — и — ЧЕРКЕСО-ГАЕВЪ.

Составилъ Членъ-корреспондентъ Императорской
Академіи наукъ Ф. А. ЩЕРБИНА.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ
Электро-тип. Т-во „Печатникъ“
1916.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль о составленіи исторіи Армавира принадлежитъ бывшему волостному старшинѣ П. А. Муратову. Въ 1914 году исполнилось 50 лѣтъ со времени покоренія Западнаго Кавказа и 75 лѣтъ съ основанія Армавира, къ чему желательно было приурочить и составленіе Исторіи. Выработана была подробная программа празднованія 75-ти лѣтія Армавира, что, однако, не могло быть осуществлено инициаторомъ дѣла по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе что вскорѣ потомъ началась война. Осталось также не осуществленнымъ и постановленіе схода объ учрежденіи въ Армавирѣ 8-ми класснаго коммерческаго училища въ память этого событія.

Лично меня давно интересовала исторія армавирскаго населенія или черкесогаевъ, съ отдѣльными эпизодами изъ жизни которыхъ мнѣ приходилось раньше знакомиться по разнымъ источникамъ. Узнавши отъ инженеръ-технолога Г. И. Акобжанова объ указанныхъ выше предположеніяхъ, я отправился въ Армавиръ. Здѣсь, въ кабинетѣ армавирскаго волостного старшины, съ которымъ я предварительно списался, въ первый разъ мнѣ пришлось встрѣтить почетныхъ представителей Армавирскаго армянскаго общества убѣленныхъ сѣдинами, но бодрыхъ стариковъ, живыхъ свидѣтелей старины. Короткое собесѣдованіе съ знатоками мѣстной устной исторіи навело меня на мысль объ утилизациі послѣдней. Мнѣ представился превосходный случай собрать матеріалы отъ тѣхъ, кто или самъ участвовалъ въ борьбѣ съ горцами, или былъ свидѣлемъ ея въ свои дѣтскіе и юношескіе годы, или же воспринялъ отъ дѣдовъ и отцовъ правдивую повѣсть былыхъ временъ.

Мои расчеты на этотъ способъ полученія историческихъ свѣдѣній дали неожиданные результаты. Въ матеріалахъ мѣстнаго волостного архива, въ семейныхъ хроникахъ и въ воспоминаніяхъ почетныхъ армавирскихъ стариковъ оказался большой запасъ фактическихъ данныхъ согласныхъ съ писанною исторіей и глубоко интересныхъ по содержанию. Поразительная аналогичность или даже полное совпаденіе однихъ и тѣхъ же событій и явленій съ очевидностью показала мнѣ, на сколько фактичны и правдивы были воспоминанія арма-

вирскихъ старожиловъ. Это были, впрочемъ не воспоминанія, а своего рода обстоятельные отчеты объ отдѣльныхъ эпизодахъ прошлой жизни черкесогаевъ, съ точными датами времени, съ поименнымъ обозначеніемъ военныхъ начальниковъ и чиновъ, съ родословными черкесскихъ князей и узденей, съ характеристикой выдающихся по дѣятельности армавирцевъ и т. п. Все это почетные черкесскіе старики не просто помнили, а знали, что называется наизусть, какъ „отче нашъ“ или заповѣди, и то, что сообщалъ одинъ старожилъ, детально подтверждалъ потомъ другой послѣ него.

Собранные такимъ образомъ матеріалы въ связи съ тѣмъ, что имѣлось въ моемъ распоряженіи раньше, дали возможность расчленивъ исторію армавирцевъ на отдѣльные моменты, какъ появлялись они генетически въ послѣдовательномъ ходѣ событий. Оказалось, что небольшая община людей, спаянныхъ между собою единствомъ вѣры и порядковъ своей семейной и общественно-бытовой жизни, прошла такой историческій испускъ, который, казалось бы, долженъ былъ совершенно убить у этихъ людей духъ инициативы и самодѣятельность. И тѣмъ не менѣе, несмотря на убійственныя условія исторической среды и обстановки, община сохранила свою національность до нашихъ дней, какъ будто это была не малая частица представителей, отторгнутыхъ отъ огромной націи, а сама эта нація или стойкое самостоятельное государство. Усвоивши виѣшній бытъ, нѣкоторыя основы гражданскаго устройства и языкъ у черкесскихъ племенъ, при совмѣстной жизни съ ними въ теченіе трехъ столѣтій слишкомъ, она, эта крошечная группа стойкихъ и закаленныхъ, какъ сталь, людей, отбросила изъ усвоеннаго все ненужное, какъ только перешла въ условія жизни другой болѣе развитой культурно русской народности. Въ нѣсколько десятилѣтій она какъ бы переродилась и перевоспиталась заново, сохранивши свою національную индивидуальность.

Всего разительнѣе въ этомъ метаморфизированіи людей и событий сплетеніе такихъ несоединимыхъ по природѣ періодовъ культуры, для измѣненія которыхъ въ послѣдовательномъ ходѣ исторіи человечества или огромныхъ государственныхъ организацій требуется безконечный рядъ вѣковъ и поколѣній. Эта сторона исторіи очень цѣнна и поучительна въ научномъ отношеніи. Въ ней могутъ найти обильную пищу и историкъ, и соціологъ, и языковѣдъ, и антропологъ, и этно-

графъ. И только тѣмъ можно объяснить существованіе такихъ отдаленныхъ по генезису формъ жизни, какъ остатки родового быта и самая позднѣйшія наслоенія современнаго капитализма. Одновременно, на живыхъ примѣрахъ, въ Армавирѣ вы можете изучать и міровоззрѣніе на жизнь чистокровныхъ узденей изъ черкесо-гаевъ и гуманные взгляды современныхъ прогрессивныхъ представителей въ области просвѣщенія и культуры. Но, что особенно поразительно, тѣ и другіе составляютъ какъ бы одну нераздѣльную семью, родовую общественную организацію.

Съ чувствомъ искренняго удовольствія я пережилъ живой интересъ и отношеніе къ родной исторіи вмѣстѣ съ тѣми представителями Армавирскаго общества, которые сумѣли до нашихъ дней удержать за собою славное народное наименованіе „почетныхъ стариковъ“ или старѣйшинъ и въ памяти которыхъ прекрасно сохранились воспоминанія о пережитой старинѣ, старинныхъ нравахъ и обычаяхъ черкесо-гаевъ. Цѣнные свѣдѣнія сообщили мнѣ С. П. Шахановъ, Е. А. Бароновъ, Х. А. Айвазовъ, О. Х. Каспаровъ, М. Г. Поповъ, К. Н. Захаровъ, И. С. Каносовъ, Х. М. Хачиковъ, С. А. Шахназаровъ, К. М. Джагуповъ, П. К. Сеферовъ и мн. др. На ряду съ фактическими матеріалами очень важную оцѣнку сообщенныхъ свѣдѣній и особенностей мѣстнаго быта дали мнѣ А. А. Тарасовъ, К. Б. Кусиковъ, д-ръ К. К. Сеферовъ, С. П. Шахановъ, П. А. Муратовъ и от. Геворкъ Сеферьянцъ. Послѣдній подѣлился со мною также, кромѣ личныхъ своихъ записей, и копіями съ печатныхъ матеріаловъ священника Хазарова. Многимъ въ успѣшности работъ обязанъ я Г. И. Акобжанову. Въ архивныхъ занятіяхъ все время помогалъ мнѣ писарь Армавирскаго народнаго суда г. Арчибисовъ, выполнившій, кромѣ того, массу кропотливыхъ работъ по учету народоселенія, крѣпостныхъ и унаотовъ, наградныхъ документовъ и пр.

Всѣхъ этихъ лицъ я прошу принять самую искреннюю мою признательность за весьма важное для меня и очень близкое, родное для нихъ дѣло освѣщенія исторической жизни черкесо-гаевъ.

Ф. Щербина.

15 августа 1914 года.

Р. С. Какъ видно по отмѣченной выше датѣ „Исторія Армавира и черкесогаевъ“ составлена была мною и напеча-

тана въ типографіи въ половинѣ августа 1914 года, т. е. годъ и 8 мѣсяцевъ тому назадъ. По какимъ то особымъ своимъ соображеніямъ, бывшій волостной старшина Г. С. Айвазовъ задержалъ выпускъ въ свѣтъ готоваго изданія, пытаясь внести свои взгляды въ мой подлежащій по условію, заключенному мною съ П. А. Муратовымъ, трудъ и мотивируя задержку изданія необходимостью приложить къ исторіи, кромѣ избранныхъ мною видовъ и портретовъ лицъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ содержанію исторіи, еще цѣлой массы другихъ представителей населенія. Послѣдовавшее затѣмъ самоубійство старшины Г. С. Айвазова внесло еще больше путаницы въ задуманное имъ предпріятіе дать въ цинкографіяхъ рядъ портретовъ преимущественно современныхъ армавирцевъ. И только благодаря выбору Армавирскимъ обществомъ новаго интеллигентнаго старшины юриста Г. С. Шаханова, явилась, наконецъ, возможность пустить въ обращеніе настоящее изданіе.

Ф. Ш.

5 апрѣля 1916 года.

О г л а в л е н і е.

	Стран.
I. Первые поселенцы и ихъ предки	1—16 ✓
II. Политическое положеніе армянъ у черкесовъ	16—26
III. Торговля и аталычество	26—38
IV. Внутренняя жизнь и религія	38—52
V. Переходъ армянъ къ русскимъ	52—62 ✓
VI. Военный періодъ Армавира	62—86 ✓
VII. Гражданское устройство и сословія Армавира	86—103 ✓
VIII. Сельское управленіе и судъ	103—115
IX. Семейный бытъ и права населенія	115—127
X. Суевѣрія и просвѣщеніе	127—145
XI. Земельныя порядки и хозяйство	145—155
XII. Армавиръ, какъ торговый центръ	155—165 ✓
XIII. Обращеніе Армавира въ городъ	165—176 ✓
XIV. Главнѣйшіе моменты въ исторической жизни арма- вирскихъ армянъ	177—184
XV. Списокъ армавирскихъ армянъ, получившихъ ордена, награды и похвальныя свидѣтельства	185—190 -
XVI. Потомки трехъ родословныхъ по прямой линіи	191—191
XVII. Важнѣйшіе источники	191—192. ✓

I.

Первые поселенцы и их предки.

Звучное и красивое названіе Армавирь было дано очень убогому въ свое время поселенію. Семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ Армавирь былъ зауряднымъ ауломъ черкесскаго типа. Здѣсь, въ наскоро сколоченныхъ сакляхъ, безъ всякихъ удобствъ и сколько нибудь серьезныхъ защитныхъ укрѣпленій, осѣли въ 1839 году предприимчивые и энергичные люди, державшіе въ одной рукѣ торговые вѣсы, а въ другой остро-отточенную шашку. Это были черкесо-гаи, черкескіе или горскіе армяне.

Какъ они попали сюда?

Объ этомъ у армавирцевъ существуетъ своя исторія, богатая не столько документальными данными, сколько живыми вѣяніями старины, свято хранимой въ воспоминаніяхъ почетныхъ стариковъ. Эти Несторы мѣстной исторіи многое видѣли собственными глазами и еще больше слышали отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ о такихъ временахъ и событіяхъ, которыя составляютъ интереснѣйшія страницы исторіи покоренія Сѣвернаго Кавказа. Они прекрасно еще помнятъ тѣ черкесскія племена и ихъ вождей, въ средѣ которыхъ они жили: у нихъ еще сохранились живыя воспоминанія о выдающихся военныхъ событіяхъ, о дерзкихъ набѣгахъ горцевъ, объ отвѣтныхъ подвигахъ армавирскихъ удалцовъ; въ ихъ памяти на столько еще свѣжи воспоминанія о собственныхъ кровавыхъ происшествіяхъ, что они по именамъ перечтутъ тѣхъ изъ своихъ предковъ, которые сложили головы въ борьбѣ съ черкесами: вмѣстѣ съ тѣмъ имъ до очевидности памятны тѣ взаимоотношенія, которыя установились исторически между ними и горцами, ихъ права и преимущества у черкесскихъ народностей, весь строй первобытной жизни ихъ предковъ въ горахъ, такъ какъ они унесли отсюда въ Армавирь горныя нравы, обычаи, несложныя общественныя установленія, патріархальный семейный укладъ и даже черкесскій языкъ, забывши свой родной.

Такія воспоминанія сохранились въ семейныхъ хроникахъ всѣхъ вообще дорожащихъ родной стариной армавирцевъ, а у многихъ изъ нихъ оказались и писанные документы въ видѣ актовъ на званіе узденей, сдѣлокъ на продажу крѣпостныхъ людей, удостовѣреній объ отпускѣ послѣднихъ на волю, собственныхъ родословныхъ, официальныхъ формулярныхъ списковъ, свидѣтельствъ на орденъ, похвальныхъ отзывовъ объ отличіяхъ и заслугахъ, распоряженій военнаго начальства по части порученій армавирцамъ и т. п. Въ мѣстномъ архивѣ Армавирскаго волостнаго правленія сохранился безграмотно, съ помарками написанный, но очень интересный документъ подъ своеобразнымъ заголовкомъ „Біографія жителей се-

ленія Армавиръ“. Въ эту біографію занесены по фамиліямъ тѣ родовыя группы, которыя исторически сложились при совмѣстной жизни армянъ съ горцами и которыя вошли потомъ въ составъ населенія нынѣшняго Армавира. По отдѣльнымъ частямъ Армавира записаны также имена и фамиліи тѣхъ армянъ, которые были убиты и ранены черкесами или у которыхъ оказались, при боевыхъ стычкахъ, убитыми и ранеными лошади. Тщательная провѣрка этихъ записей и пополненіе ихъ путемъ опроса цѣлаго ряда стариковъ, знатоковъ мѣстной исторіи, дала матеріалы цѣннаго и вполне достовѣрнаго характера. И по архивнымъ записямъ и по живымъ показаніямъ стариковъ могутъ быть, съ достаточною точностью и полнымъ совпаденіемъ въ мелочахъ, установлены важнѣйшіе акты и событія, изъ которыхъ сложилась исторія Армавира и его населенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ эти неписанные и записанные источники живого народнаго преданія не только ни въ чемъ существенно не расходятся съ писанною исторіею Сѣвернаго Кавказа, но лишь ярче отгѣняютъ и безъ того яркія страницы ея. Устная исторія армавирцевъ тѣмъ именно и драгоцѣнна, что, пока не ушло еще время, ею можно воспользоваться безъ явнаго ущерба истинѣ и искаженія фактовъ. Болѣе того. Можно пополнить незаполненныя еще страницы мѣстной исторіи.

Существуетъ два предположенія о времени появленія горскихъ армянъ между черкесами. Въ пятидесятыхъ годахъ, въ „Ставропольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, сообщено было, что армяне поселились между черкесами около 200 лѣтъ тому назадъ и что они перешли сюда изъ Крыма. Сами же армяне утверждаютъ въ упомянутомъ выше документѣ, что ихъ предки поселились между черкесами лѣтъ 400 тому назадъ, непосредственно послѣ того, какъ было разрушено Армянское царство. Позже къ этимъ первымъ поселенцамъ присоединились выходцы изъ Крыма, Константинополя, Трапезунда, Синопа и др. мѣсть. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по поговоркѣ „рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ, гдѣ лучше“, армяне шли къ черкесамъ въ поискахъ за лучшими условіями дѣятельности и жизни.

Относительно первыхъ выходцевъ у армавирцевъ сохранились интересныя представленія, окрашивающія въ своего рода поэтическій ореолъ армянскихъ прародителей. Въ горы, прямо изъ Арменіи, пришли люди воинственнаго и внушительнаго вида. Они были вооружены съ головы до ногъ, „закованы въ желѣзо“, носили панцири и кольчуги, въ видѣ спаянныхъ изъ стальныхъ колець рубашекъ, надѣваемыхъ подъ верхнюю одежду, а ихъ головы защищены были стальными также уборами, и хотя они не имѣли ни щитовъ, ни копій, но у cadaго изъ нихъ былъ боевой топорикъ, насаженный на длинную рукоятку. Такой внѣшній импонирующій видъ пришельцевъ произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе на

аборигеновъ края черкесовъ. Въ пришлыхъ войнахъ черкесы увидѣли людей благородной крови и приняли ихъ въ свою среду съ почетомъ и уваженіемъ. Позже, когда они заняли выгодное положеніе въ горахъ у черкесовъ и получили права узденей первой степени, т. е. высшихъ дворянъ, позволявшія имъ безпрепятственно исповѣдовать христіанскую религію, имѣть крѣпостныхъ людей или рабовъ и заниматься всевозможными родами дѣятельности, начиная съ военной и оканчивая хозяйственными занятіями и торговлей, — къ нимъ начали присоединяться отдѣльными семьями выходцы изъ Крыма и изъ разныхъ мѣстъ Малой Азіи, гонимые и утѣсняемые въ этихъ мѣстахъ господствовавшею національностью — турками и татарами за исповѣдываніе христіанской религіи.

Сказанія о внѣшнемъ блестящемъ военномъ видѣ первыхъ армянскихъ поселенцевъ и почетъ, оказанный имъ горцами, не исключаютъ, однако, тяжелой необходимости ухода этихъ рыцарей съ родины, взятой и поруганной врагами. Рыцари армяне были не искатели приключеній, не добровольцы, а странники, гонимые исторической судьбой.

Нужно, въ самомъ дѣлѣ, знать исторію многострадальнаго Армянскаго народа, чтобы понять суровыя вѣдѣнія этой судьбы. Армяне представляютъ собою одну изъ древнѣйшихъ народностей. Армянскіе историки возводятъ начало своего народа ко времени 21 столѣтія до Р. Х. По ихъ хронологіи, въ 2107 году до христіанской эры у армянъ былъ уже свой царь Гайкъ, сынъ Гатласа и потомокъ Іафета, второго сына Ноя. Съ 2026 года до Р. Х. главою Армянскаго народа былъ Арменакъ, сынъ Гайка. Ему наследовалъ въ 1940 году Арамасъ или Армансъ и т. д. Такимъ образомъ, армянскіе историки насчитываютъ 85 коронованныхъ царей, 43 некоронованныхъ, 7 великихъ князей или сатраповъ, 48 намѣстниковъ или консуловъ, назначенныхъ персидскими и греческими царями, а всего 183 царей и правителей Большой и Малой Арменіи и въ ихъ числѣ четыре династіи 1) Гайка, 2) Аршакидовъ, 3) Багратидовъ и 4) Рубеніановъ, послѣдній представитель которыхъ Леонъ умеръ въ Парижѣ въ 1393 году по Р. Хр., когда Арменія, какъ самостоятельное государство, не существовала уже. И въ теченіе этого длиннаго періода, обнимавшаго 3500 лѣтъ, Арменія многократно опустошалась разнаго рода враждебными ей народностями, а населеніе ея въ качествѣ плѣнниковъ увлекалось въ разныя мѣста Малой Азіи, Египта и Европы. Армяне, слѣдовательно, споконъ вѣковъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ и событій, были вѣчными странниками. Это считается отличительною чертою армянской народности даже собственными ея писателями.

„Армянинъ по природѣ, говоритъ армянскій историкъ А. Худабашевъ, хотя и преданъ торговлѣ, однако не всегда сохраняетъ привязанность въ своему родному крову. Но едва введено и утверждено въ Арменіи христіанство, какъ нравственное состояніе народа

тотчасъ подвергается довольно быстрому измѣненію, а отличительная черта народовъ непросвѣщенныхъ — ненависть къ другимъ народамъ, исчезаетъ. Армянинъ слѣдуетъ закону христіанскаго братства и легко дѣлается космополитомъ; онъ безъ труда отрѣшается отъ мѣста своего рожденія; для него лучше удалиться изъ отечества, нежели защищаться въ своей странѣ. Всѣ части свѣта ему кажутся природнымъ жилищемъ, если онъ можетъ свободно исповѣдовать свою вѣру, исполнять уставы благочестія и бѣзопасно наслаждаться жизнью“.

Надо замѣтить, однако, что историкъ очень туманно и несовсѣмъ точно охарактеризовалъ отличительную особенность армянъ, какъ устойчивой исторической народности. Ему слѣдовало бы отмѣтить, что армянинъ не только сохраняетъ привязанность къ родному крову, но и горячо любитъ свое отечество и родную національность. Это красною нитью проходитъ черезъ всѣ тѣ событія, о которыхъ говорится въ книгѣ Худабашева. Но этимъ именно и умалывается значеніе тѣхъ космополитическихъ наклонностей, которыми укоряетъ Худабашевъ родную ему армянскую народность. А, главное, вслѣдъ за приведенною выше тирадой историкъ нагромождаетъ огромное количество крупныхъ историческихъ фактовъ и событій, которыми въ корень подрывается его основное положеніе.

Оказывается, что были цѣлые историческіе періоды, когда армяне не уходили съ родины, а наоборотъ, умѣли привлекать и абсорбировать другія народности. „Арменія, по словамъ Худабашева, приняла въ себя значительное число переселенцевъ изъ евреевъ, хананейнъ, ассиріянъ, индійцевъ, китайцевъ, скифовъ, египтянъ, сасеянъ, таосовъ, болгаръ и проч.“ Если отнести эти факты ко временамъ, когда въ Арменіи господствовала еще христіанская религія, тогда еще болѣе характерными должны оказаться факты послѣдующей армянской исторіи, ярко уясняющіе коренныя причины армянскаго космополитизма — насильственное выселеніе армянъ съ ихъ родины въ чужія страны. Факты эти многочисленны. Въ IV в. по Р. Хр. персы, расправившіеся съ армянами, выселили ихъ до 700.000 душъ въ Бактрію, Парфію, Гирканію и Аріанъ. То же происходило въ періодъ времени между 450 и 550 годами. Въ VII вѣкѣ арабы увели много армянъ въ Аравію и Сирію, и только изъ одного города Дувина было выселено 35000 человекъ. Еще въ большемъ количествѣ армяне были выселены изъ родины въ половинѣ IV вѣка аравійскимъ эмиромъ Буга въ Египетъ, Сирію, Аравію, Палестину, Вавилонъ и пр. Греки выселяли армянъ въ Константинополь, Македонію, Эпиръ, Болгарію и пр. Археологическія памятники Болгарскаго царства, существовавшаго въ Поволжьѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что и здѣсь были армяне. Татары Золотой Орды водворили много армянъ въ Сараѣ на Волгѣ.

Будучи, такимъ образомъ, разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ Азіи, Европы, Африки, армяне въ однихъ случаяхъ по принужденію, а

въ другихъ по собственной волѣ переходили изъ одной страны въ другую, отъ однихъ народностей къ другимъ. И вотъ тутъ-то, во второмъ случаѣ, несомнѣнно игралъ роль ихъ торговый космополитизмъ. Крымъ, до господства въ немъ генуэзцевъ въ XII вѣкѣ, былъ населенъ армянами, переселяющимися сюда отъ времени до времени изъ Великой Арменіи, Малой Азіи и Болгаріи. Въ одной Кафѣ или Феодосіи съ ея округомъ обитало въ это время до 100.000 армянъ. Въ XIII вѣкѣ армяне, жившіе въ Сараѣ, Астрахани и Казани, будучи угнетаемы татарами, подняли на нихъ оружіе и переселились въ Крымъ. Другая часть ихъ переселилась изъ Сарая туда же въ концѣ XIV вѣка, когда Золотая Орда была разрушена Тамерланомъ. Эти выходцы расселились въ Судакѣ, Кафѣ, Тамани и Карасу-базарѣ. По всему Крыму были армянскія церкви и для управленія ими въ Крыму были учреждены двѣ архіепископскія кафедры. Когда Крымъ былъ завоеванъ турками, часть армянъ была перерѣзана побѣдителями, и часть бѣжала въ Польшу, гдѣ уже жили до того времени армяне. Въ XVII вѣкѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, армяне имѣли свои колоніи въ Москвѣ, Новгородѣ, Архангельскѣ, а позже и въ Петербургѣ И т. п., и т. п.

Такимъ образомъ, армянъ толкали съ родины въ чужія страны не космополитизмъ, а кровавыя событія и тяжелыя историческія обстоятельства. И само собой понятно, что такой невольный изгнанникъ становился космополитомъ, т. е., проще говоря, оставался жить тамъ, гдѣ меньше посягали на его личность, семью и добро, гдѣ его не тиранили, не насиловали жену, сестеръ и дочерей, не отнимали послѣдняго куска хлѣба. Вѣдь всѣ такіе факты не за горами. Не только послѣ окончательнаго разгрома Армянскаго царства, но и во всѣ послѣдующія затѣмъ времена вплоть до нашихъ дней армянъ не однократно выселяли, грабили, мучили, истязали, рѣзали, творили надъ ними всевозможныя звѣрства, отъ которыхъ избавиться можно было, лишь убѣжавши съ родины въ чужія края.

И такъ, слѣдовательно, условіями, вліявшими на массовыя передвиженія Армянскаго народа съ родины въ чужія страны, были войны, грабежи и творимыя надъ армянскимъ населеніемъ звѣрства, повторявшіяся много разъ въ теченіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ существованія этой народности. Переселились ли предки армавирскихъ армянъ въ Кавказскія горы къ черкесамъ 200 или 400 лѣтъ тому назадъ, въ обоихъ случаяхъ главною побудительною причиною ихъ передвиженія служила потеря отечества или, правильнѣе, невозможность жить въ собственномъ отечествѣ почеловѣчески.

По разсказамъ уважаемыхъ армавирскихъ стариковъ, историческіе слѣды, по которымъ, какъ по ниточкамъ, можно добратъся до прошлаго ихъ предковъ въ горахъ, сохранились на лицо до нашихъ дней. Армавиръ и въ настоящее время, наканунѣ превращенія его въ городъ, дѣлится на четыре части, носящія особыя

названія по прежнему мѣстожительству армянъ въ горахъ между черкесскими племенами. Изъ нихъ первая часть или кварталъ называется Хакубхабль, вторая Гяурхабль, третья Хатукай и четвертая Егерухай. Но хатукаевцы и егерухаевцы были тѣ ближайшія племена, вблизи которыхъ поселенъ былъ Армавиръ и въ средѣ которыхъ жила часть выселившихся въ него армянъ, а Гяурхаблемъ или, по произношенію армавирцевъ, Джяурхаблемъ назывался самый большой армянскій аулъ на черкесскихъ земляхъ, который цѣликомъ и перешелъ въ Армавиръ. Оказывается, такимъ образомъ, что, въ самый моментъ заселенія Армавира, его поселенцы размѣстились на новомъ мѣстожительствѣ въ порядкѣ тѣхъ родственныхъ группъ, которыми они были расселены до того въ разныхъ мѣстахъ черкесскихъ владѣній.

Первыми по времени выходцами отъ черкесовъ къ русской границѣ были армяне, образовавшіе въ Армавирѣ Хатукаевскій кварталъ. Они жили на земляхъ Хатукаевского племени, главою котораго считался князь Джангирей Чирчановъ или, правильнѣе, Хатиковъ. Въ 1828 году хатукаевцы были покорены генераломъ Анрепомъ и приняли присягу на русское подданство. Около этого же времени армяне и князь Джангирей остановились на мысли о необходимости переселенія въ такія мѣста къ русскимъ границамъ, гдѣ можно было жить болѣе или менѣе спокойно отъ военныхъ тревогъ и грабежей. Армяне указывали на выгоды такого сосѣдства съ русскими. Князь былъ умный человекъ, предвидѣвшій, что черкесамъ не устоять противъ русскихъ и рано или поздно придется окончательно подчиниться ихъ власти. „Сейчасъ мы все хорошо и дружно живемъ, говорилъ онъ армянамъ, но, можетъ быть, другіе владѣльцы и вы или ваши дѣти не будутъ такъ ладить другъ съ другомъ. Я, какъ и вы, намѣренъ выселиться отсюда, переселимся же все вмѣстѣ“. Такъ говорилъ Джангирей потому, что другой владѣлецъ, младшій его братъ Сястанъ, былъ противъ переселенія съ хатукаевскихъ земель на новыя мѣста. Но армяне раздѣляли взгляды Джангирея и даже первыми подсказали ему мысль о переселеніи и о преимуществахъ жизни близъ русскихъ и подъ ихъ защитою. Вотъ какъ происходило это, по словамъ лучшаго знатока мѣстной исторіи С. П. Шаханова.

Сколько помнили старики — отцы и дѣды, хатукаевская группа Армавирскихъ армянъ всегда жила совместно съ черкесскими князьями изъ рода Хатикова, переименованнаго впоследствии въ Кирканова или Чирчанова, по имени дѣда Джангирея Чирчана. Хатиковы жили у шансуговъ на р. Хабанецъ, откуда перешли потомъ на земли, примыкавшія къ Кубани между притоками ея Бѣлой и Пшишъ. Отецъ Шаханова, умершій 85 лѣтъ отъ роду въ 1872 году, родился еще на р. Хабанецъ. Следовательно, хатукаевцы съ своими князьями находились въ концѣ XVIII столѣтія далеко западнѣе по Кубани и ближе къ морю. Хатукаевцы, какъ и бжедухи, темиргоев-

цы, егерухаевцы и бесленеевцы любили кочевать, переходить цѣлыми аулами съ мѣста на мѣсто. Новое переселеніе ихъ съ Бѣлой и Пниша задумано было армянами и княземъ Хатиковымъ въ 1830 году, послѣ того какъ въ 1828 году хатукаевцы приняли въ первый разъ русское подданство, будучи вынуждены къ тому генераломъ Анрепомъ. По другой версіи они переселились въ 1828 году послѣ побѣды надъ ними русскихъ войскъ, подъ командою этого генерала.

При переселеніи хатукаевцевъ произошла распря между братьями Хатиковыми — старшимъ Джангиремъ и младшимъ Сястаномъ. Первый переселился въ 1830 году и занялъ подъ своей ауль съ подвластными ему черкесами мѣсто выше Казанской станицы на лѣвомъ берегу Кубани, а армяне одновременно поселились отдѣльнымъ ауломъ ниже по Кубани противъ Казанской станицы въ урочищѣ Ушькундушко (Ушькундинскъ). Сястанъ съ другою частью хатукаевцевъ остался на мѣстѣ.

Три года прожили спокойно Джангирей и армяне на новомъ мѣстѣ. Все это время братья были во враждѣ, но ничѣмъ наружно не проявляли ее. Въ 1833 году они помирились и весною этого года Сястанъ явился къ Джангирею съ людьми и подводами и помогъ ему съ ауломъ перейти на старое мѣстожительство. Но армяне отказались слѣдовать за нимъ и это сильно раздражило Сястана да и Джангирею пришлось не по душѣ. Выругавши армянъ, Сястанъ открыто пригрозилъ расправиться съ ними, какъ ослушниками княжеской власти. Армяне хорошо знали цѣну княжескимъ угрозамъ и не безъ тревоги ожидали расправы.

Имъ не долго пришлось ждать этого. Въ томъ же 1833 году, темною осеннею ночью къ воротамъ армянскаго аула, у которыхъ на стражѣ стояли три часовыхъ, прискакалъ всадникъ. Онъ былъ закутанъ въ бурку и завязанъ бантыкомъ такъ, что нельзя было узнать, кто онъ такой. Незнакомецъ назвалъ по именамъ Ширина Каспарова и еще двухъ вліятельныхъ стариковъ аула и просилъ вызвать ихъ къ воротамъ, чтобы передать имъ тайну, очень важную для армянъ. Стража удовлетворила его требованіе. Старики хорошо знали незнакомца. Это былъ хатукаевецъ Алиджукъ Адемиевъ. Онъ передалъ старикамъ, что Сястанъ собралъ до 500 всадниковъ, съ которыми и рѣшилъ напасть на армянскій аулъ. Хатукаевецъ „присягнулъ на книгѣ,“ что онъ сообщилъ сущую правду, и потребовалъ, чтобы и армянскіе старики присягнули на той же книгѣ въ томъ, что они никому не скажутъ, отъ кого они узнали о готовившемся на аулъ набѣгѣ. И обѣ стороны присягнули на одной и той же книгѣ, которою былъ Коранъ, захваченный съ собою предусмотрительнымъ черкесомъ.

Полученная армянами отъ кунака вѣсть встревожила ихъ. Тогда же ночью они отправили посланцевъ въ станицу Казанскую къ начальнику ея Бабалыкову съ просьбою о помощи. Бабалыковъ

немедленно донесъ о томъ же главному начальнику полковнику Васмунду, который и прислалъ въ армянскій аулъ двѣ роты солдатъ съ тремя пушками. Когда явился съ своимъ отрядомъ князь Сястанъ, аулъ оказался вооруженнымъ такъ внушительно, что черкесы не рѣшились нападать на армянъ. Снова разразился бранью Сястанъ и поклялся, что рано или поздно онъ припомнитъ имъ ихъ вину и жестоко расправится съ ними. Армяне нашли свое положеніе на столько опаснымъ, что рѣшили переселиться съ Кубани куда нибудь подальше, гдѣ не могъ бы мстить имъ Сястанъ.

Въ это время армяне припомнили, что еще въ 1824 году уполномоченный отъ всѣхъ горскихъ армянъ Бабасинъ Твеловъ подалъ въ Таганрогъ Государю Александру I прошеніе о желаніи армянъ поселиться близъ Нахичевани на землѣ Самбекъ. Армяне получили на это разрѣшеніе отъ русскаго правительства, но извѣщеніе объ этомъ Бабасину Твелову попало случайно въ руки князя Джембулата Болотокова. Хотя сильно разгнѣванный князь и наказалъ Твелова штрафомъ въ 6 рабовъ, но армяне во всякомъ случаѣ знали, что возлѣ Нахичевани находилась свободная земля Самбекъ, на которой русское правительство разрѣшило имъ поселиться. И вотъ теперь, находясь въ постоянной тревогѣ отъ ожиданія мести князя Сястана, они вспомнили про землю Самбекъ и задумались надъ тѣмъ, чтобы переселиться туда изъ за Кубани.

Но въ это время вывело ихъ изъ затруднительнаго положенія одно случайное обстоятельство. Изъ Петербурга въ Екатеринодаръ и оттуда въ свой аулъ черезъ Казанскую станицу проѣзжалъ пользовавшійся извѣстностью между черкесами Хатукаевскій узденъ первой степени Маххометь Гирей Педисовъ, служившій въ Петербургѣ въ конвоѣ Государя. Педисовъ имѣлъ свой аулъ близъ ст. Баталпашинской, куда переселился онъ отъ хатукаевцевъ послѣ того, какъ былъ убитъ его отецъ и готова была разразиться сильнѣйшая кровавая мѣсть. Въ аулѣ у Педисова жили и армяне. Вотъ къ этому-то знатному горцу и обратились за совѣтомъ армяне, встрѣтившіе его въ Казанской станицѣ. Педисовъ, однако, не посоветовалъ армянамъ „сидѣться на городскія права“. Яркими красками изобразилъ онъ имъ неподходящія для нихъ условія городской жизни, замкнутой въ узкія рамки торговли и стѣснительныхъ порядковъ. „Молодежь, говорилъ онъ армянамъ, быть можетъ, и привыкнетъ современемъ къ городу, а вы, старики, помрете отъ скуки и тоски по вольнымъ мѣстамъ“. Совѣтуя армянамъ остаться на мѣстѣ, Педисовъ завѣрилъ ихъ честнымъ словомъ, что ихъ не тронутъ ни хатукаевскіе, ни другіе черкесскіе князья, такъ какъ онъ принимаетъ на себя покровительство армянъ. Черкесы полагали, что Педисовъ, служившій въ Петербургѣ, приближенное лицо у Государя и, поэтому, боялись его, какъ чловѣка сильнаго, могшаго двинуть противъ нихъ царскія войска, въ случаѣ нарушенія его правъ, какъ знатнаго черкесскаго узденя.

Все это происходило весной в 1834 году, послѣ того какъ армяне, частью вслѣдствіе неурожаа, а частью изъ боязни набѣга Сястана, совсѣмъ переселились въ 1833 году изъ аула въ станицу Казанскую. Въ слѣдующемъ 1835 году перешелъ и Педисовъ съ своимъ ауломъ изъ подѣ Баталпаинска къ станицѣ Кавказской и осѣлъ здѣсь на Кубани выше армянскаго аула. Тогда армяне снова перешли изъ станицы въ аулъ. Къ нимъ присоединились здѣсь три армянскихъ семьи, жившія въ аулѣ Педисова, и въ числѣ ихъ двѣ изъ фамиліи Азгимова и Назарова. Здѣсь, подѣ покровительствомъ Педисова, армяне спокойно прожили до переселенія въ 1839 году въ Армавирь. За все это время, въ теченіе 5 лѣтъ, у нихъ „не пропало ни одного курченка.“ Такъ боялись черкесы ихъ покровителя Педисова.

При переселеніи въ Армавирь группа хатукаевскихъ армянъ состояла изъ 12 фамилій въ количествѣ 42 семействъ. Въ составъ ея входили фамиліи Каспаровыхъ, Сеферовыхъ, Кусиковыхъ, Шахановыхъ, Бароновыхъ, Айдиновыхъ, Назаровыхъ, Азгимовыхъ, Каплановыхъ, Мосесовыхъ и др. Въ числѣ ихъ были выходцы изъ Арменіи, Крыма, Турціи и пр. Такъ Каспаровы считались изъ „Аджемъ“, т. е. выходцами такъ называвшейся мѣстности или поселенія въ Арменіи, Шахановы переселились въ Армавирь изъ Крыма, попавши предварительно къ шапсугамъ, а отъ нихъ уже къ хатукаевцамъ, у Бароновыхъ текла даже кровь крымскихъ татаръ. Всѣ хатукаевскіе армяне осѣли, однако, въ Армавирѣ особымъ такъ называемымъ Хатукаевскимъ кварталомъ. Послѣ къ нимъ присоединилось нѣсколько семействъ, перешедшихъ въ Армавирь вмѣстѣ съ выходцами 1840, 1859 и позднѣйшихъ годовъ, а потомъ нѣкоторые изъ первоначальныхъ перешли въ другіе кварталы.

Другая группа армянъ, осѣвшая въ Армавирѣ въ 1839 году и основавшая здѣсь Гяурхабльскій кварталъ, сдѣлала два передвиженія прежде, чѣмъ попала въ Армавирь, и эти передвиженія происходили также совмѣстно съ черкесскимъ княземъ, покровителемъ гяурхабльцевъ. Армяне эти жили между темиргоевцами у пользовавшагося въ свое время извѣстностью князя Джембулата Болотокова. Ауль ихъ назывался Гяурхабль или, по выговору армавирцевъ, Джюурхабль и считался самымъ богатымъ и старѣйшимъ армянскимъ ауломъ. Это была, по отзывамъ армянъ, столица всѣхъ армянъ, въ которой жили не только родовитые армяне, но часто имѣли мѣстопробываніе и духовныя лица, что придавало аулу и значеніе духовнаго центра, въ который армяне изъ другихъ мѣстъ съѣзжались по религіознымъ побужденіямъ. По имени аула получилъ свое названіе и Джюурхабльскій кварталъ.

По рассказамъ армянъ, князь Джембулатъ Болотоковъ былъ родовитымъ и независимымъ владѣльцемъ, не признававшимъ ничьей власти. Когда какъ-то сказали ему, что, въ видахъ сохраненія добрыхъ отношеній, генераль Зассъ желалъ бы опредѣлить гра-

ницы его владѣній, какъ ближайшаго къ русскимъ сосѣда, то Болотоковъ ядовито замѣтилъ: „что тамъ выдумалъ этотъ русскій генералъ, которого родила женщина безъ штановъ? какая у меня граница! Я—сынъ солнца и луны, т. е. произошелъ отъ столь чистой родительской крови, что родители мои могутъ быть уподоблены только солнцу и лунѣ, — и владѣнія моихъ предковъ простирались по Кубани, отъ р. Лабы до Чернаго моря. Граница этимъ владѣніямъ одна—Кубань. По одну сторону ея мои земли, по другую —русскія. Всѣ должны знать это“. И никакими доводами не удалось потомъ убѣдить князя Болотокова войти въ соглашеніе на счетъ границъ съ генераломъ Зассомъ. Князь отличался непреклоннымъ характеромъ и поддерживалъ самые строгіе порядки въ своихъ владѣніяхъ. У него, рассказывали армянскіе старики, не было никакихъ шалостей и воровства и жилось всею покойно. Даже утерянныя вещи были розыскиваемы и возвращались ихъ владѣльцамъ. Оброненный въ лѣсу пожикъ — и тотъ находили, по приказанію князя, его люди.

И вотъ подъ покровительствомъ такого князя находился армянскій аулъ Гяурхабль, расположенный близъ княжескаго жилища. Между армянами и княземъ Болотоковымъ существовали самыя близкія и дружескія отношенія. Дѣло въ томъ, что армяне Гяурхабля были аталыками князя. Въ ихъ аулѣ жилъ аталыкъ Джембулата Болотокова—Джагуновъ, вскормившій и воспитавшій князя, а по обычаю и весь аулъ, какъ чисто родовая организація, находился также въ аталыческихъ отношеніяхъ къ князю. Каждое утро князь Болотоковъ, свершивши намазъ и позавтракавши, садился верхомъ на лошадь и объѣзжалъ свои владѣнія, чтобы лично убѣдиться, не произошло ли гдѣ какихъ либо безпорядковъ или несчастныхъ случаевъ. Свой объѣздъ онъ начиналъ съ Гяурхабля и освѣдомлялся здѣсь о здоровьѣ своихъ аталыковъ. Разъ какъ то утромъ, посѣтивши гяурхабльскихъ аталыковъ, Болотоковъ увидѣлъ, что старикъ Паносовъ вертѣлся у загородки съ высокимъ, утыканнымъ колючками плетнемъ. Это, по словамъ рассказчика, была тогда своего рода крѣпость, такъ высоко, прочно и искусно былъ возведенъ плетень. „Никакими способами нельзя было перелѣзть черезъ него внутрь загородки“. Въ этой загородкѣ старикъ Паносовъ откармливалъ корову для убоя.

„Что это ты тамъ дѣлаешь?“ спросилъ Болотоковъ старика „А вотъ посмотри, князь, самъ, что тутъ у меня случилось“. Отвѣтилъ ему озабоченно Паносовъ. Князь отправился въ загородку и нашелъ тамъ зарѣзанную корову, у которой было отрѣзано полъ туши мяса. Воры, не могшіе проникнуть въ загородку черезъ высокій и колючій плетень, подрѣзали его снизу и, подкопавшись здѣсь, утащили половину зарѣзанной коровы. Это былъ небывалый случай домашняго воровства во владѣніяхъ Болотокова, сильно возмутившій его. Мрачно осмотрѣлъ суровый князь слѣды продѣлки

воровъ. покачалъ головою и сказалъ, обращаясь къ Паносову: „это изъ нашихъ, но это не просто воры и гяуры, а хуже всякаго гяура, гяуры межъ гяурами. Тутъ не жить намъ съ тобою, старикъ“, махнулъ рукою, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ дальше по своимъ владѣніямъ.

Князь Болотоковъ рѣшилъ поучить уму-разуму своихъ воровъ и тѣхъ, кто потворствовалъ имъ. Его разсердили домашніе хищники, не побоявшіеся князя и нарушившіе установленные имъ порядки. Желая наказать подвластныхъ ему черкесовъ, пользовавшихся удобствами спокойной у него жизни, онъ рѣшилъ перейти на новое мѣсто безъ нихъ. Забравши съ собою только близкихъ ему людей, своихъ крестьянъ и населеніе аталычяго армянскаго аула, Болотоковъ переселился съ праваго берега р. Бѣлой къ устью р. Лабь. Переселеніе это было произведено въ 1836 году и армяне прожили на новомъ мѣстѣ два года до 1838 года, когда князь Джембулатъ Болотоковъ былъ предательски убитъ изъ засады какими-то неизвѣстными убійцами въ лѣсу по правую сторону Кубани противъ впаденія въ нее р. Урунъ.

Убійство Болотокова случилось при обстоятельствахъ, заставлявшихъ армавирцевъ предполагать, что оно совершено было безъ участія генерала Засса, къ которому въ Прочноокопъ ѣздилъ Болотоковъ, чтобы оправдаться отъ обвиненій въ неблагонадежности, возведенныхъ на него лазутчиками. Когда, послѣ трехдневнаго пребыванія въ Прочноокопской крѣпости, Болотоковъ проѣзжалъ по высокому правому берегу Кубани у лѣса, то скрывавшаяся здѣсь засада пустила въ князя градъ пуль, одною изъ которыхъ онъ и сраженъ былъ. Говорятъ, что Болотоковъ, умирая, назвалъ имя одного замѣчательнаго стрѣлка ногайца, который только и могъ убить его на далекомъ разстояніи отъ лѣса и который служилъ у Засса. По другимъ рассказамъ, Джембулата Болотокова убили прочноокопскіе казаки, такъ какъ одинъ изъ нихъ, отличавшійся, впрочемъ, бахвальствомъ, хвастался, что смерть черкесскаго князя была дѣломъ его рукъ.

Какъ бы тамъ ни было, а армяне, жившіе бокъ-о бокъ съ темиргоевцами на р. Лабѣ и пользовавшіеся исключительнымъ вниманіемъ Болотокова, въ силу своихъ аталыческихъ связей съ нимъ, побоялись остаться въ аулѣ безъ защиты князя, опасаясь грабежей и разоренія со стороны черкесовъ. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ они послали трехъ стариковъ, въ числѣ которыхъ былъ нѣкто Огурлы, къ генералу Зассу съ просьбой перенести ихъ аулъ въ другое болѣе безопасное мѣсто. Такъ какъ рядомъ съ армянскими саклями расположены были сакли черкесовъ темиргоевцевъ, то Зассъ распорядился, чтобы въ назначенную имъ ночь все армяне поставили кресты на своихъ сакляхъ. Ночью явились русскія войска съ подводами и забрали армянъ съ ихъ имуществомъ, безъ всякихъ замѣшательствъ и кровопролитія. Гяурхабльскіе армяне были поселены особымъ ауломъ выше аула хатукаевцевъ и ближе къ

станции Кавказской. Здѣсь они перезимовали, а весною передвинулись еще выше по Кубани въ урочище „Домбай тукъ“, т. е. Зубровое мѣсто, противъ станицы Темнибѣкской. Осенью 1838 года къ джаурхабльцамъ присоединилась новая группа армянъ, выходцевъ отъ егерухаевцевъ, а обѣ группы вмѣстѣ съ хатукаевцами въ слѣдующемъ 1839 году перешли въ Армавиръ и образовали здѣсь одновременно съ Хатукаевскимъ два самостоятельныхъ квартала— Гяурхабльскій и Егерухаевскій. Это была, слѣдовательно, временная и чисто случайная встрѣча двухъ отраслей черкесо-гаевъ.

Гяурхабльцы перешли въ Армавиръ группою въ 21 фамилію, состоявшею изъ 93 семействъ. Въ числѣ этихъ фамилій значились Джагуновы въ количествѣ 15 семействъ, Аксентовы, Муратовы и Поповы имѣли по 10 семействъ, Кирьяковы и Гирагосовы по 8 семействъ, Шириновы и Табеловы по 6 семействъ, Паносовы 4 семьи и т. п. Позже къ нимъ присоединились также армянскіе переселенцы 1840, 1859, 1860 и другихъ позднѣйшихъ годовъ. Часть гяурхабльцевъ перешла въ другіе кварталы и многія семьи изъ другихъ кварталовъ въ свою очередь перебравшись къ гяурхабльцамъ. Все это были лишь мелкія частичныя передвиженія. Основную же массу населенія въ Гяурхабльскомъ кварталѣ составили выходцы изъ владѣній князя Болотокова, и преобладающее значеніе осталось за ними до нашихъ дней.

Проце и безпрепятственнѣе образовались двѣ остальные группы армавирскихъ армянъ— егерухаевская и хакубхабльская.

Изъ исторіи Кубанскаго войска извѣстно, что въ 1838 году въ средѣ Егерухаевскаго племени, считавшагося подвластнымъ Россіи, возникли волненія, вызванныя недостаткомъ и чрезвычайно дороговизною соли. Немедленно для возстановленія порядка къ егерухаевцамъ явился Засѣ съ войсками. Волненія сразу стихли, и жизнь вошла въ обычную свою колею, тѣмъ болѣе, что скоро потомъ прибыли транспорты съ достаточными запасами соли. Армяне, жившіе среди егерухаевцевъ, воспользовались этимъ обстоятельствомъ и просили Засеа взять ихъ съ собою для поселенія ближе къ Кубани, гдѣ осѣли уже ихъ единоплеменники. Точно такія же свѣдѣнія сообщаютъ и армавирскіе старики. Какъ отмѣчено уже выше, егерухаевскіе армяне временно были присоединены къ гяурхабльцамъ и, послѣ годичнаго пребыванія близъ станицы Темнибѣкской, перешли въ 1839 году въ Армавиръ, образовавши здѣсь свой самостоятельный Егерухаевскій кварталъ.

Въ составъ этого квартала первоначально вошли 9 семей Назарова, по 8 семей фамиліи Алавердова и Тамбіева, 6 семей Давыдова, по 5 семей Попова, Шаханова и Шорова, по 4 семьи Баронова, Гирагосова, Дарчинова, Кумшаева и Твелова, по 3 семьи Кокчева, Бѣликова, Данова, Исакова, Магдесіева и др. Въ общемъ ихъ поселилось въ 1839 году въ Армавирѣ 28 фамилій въ количествѣ 96 семействъ. Послѣ къ нимъ примкнули другіе позднѣйшіе переселенцы, а сами егерухаевцы перешли въ другіе кварталы. .

Что касается Хакубхабльской группы армянских переселенцев, то она осѣла въ Армавирѣ позже трехъ остальныхъ группъ и образовалась изъ выходцевъ, находившихся у разныхъ черкесскихъ племенъ. Основаніе ей положили двѣ подгруппы—армяне бжедуховскихъ ауловъ изъ владѣній князя Кучмеза Оздемирова и такъ называемые шапсугскіе армяне изъ владѣній князей Абатова и Шупакова. Самое свое названіе эта группа получила по имени Джантемирова, главнаго дѣйствующаго лица, который носилъ имя Хакуба или Якуба. Отсюда и получилось названіе квартала Хакубхабльскаго. Первоначально въ этотъ кварталъ вошло 18 семействъ Джантемировыхъ, 10 семействъ Акубжановыхъ, 8 семей Бароновыхъ и 8 Каракашевыхъ, 9 семей Темировыхъ, 6 семей Каладжевыхъ, 5 семей Асланова, по 4 семьи Айвазова, Байтекова, Богосова, Капланова по три семьи Азгимовыхъ, Курджиевыхъ, 1 семья Хачадурова и т. п. Позже эта группа пополнялась выходцами, побывавшими въ станицахъ бывшаго Черноморскаго войска и въ отдаленныхъ аулахъ натухайцевъ.

Такъ сложились существующіе и нынѣ въ Армавирѣ четыре квартала или части этого замѣчательнаго поселенія. До 1864 года, т. е. до покоренія Западнаго Кавказа, это былъ чисто армянскій аулъ, пополнявшійся исключительно армянскими выходцами въ теченіе 25 лѣтъ, со времени своего основанія. Такъ, въ 1840 году въ Армавирѣ пришли семьи фамилій Асланова, Аладжева, Шахназарова, Айвазова, Капланова, Шахбадзева, Саркисова, Артемова и др. Это были выходцы преимущественно изъ бжедуховскихъ ауловъ, бывшихъ во владѣній князя Кончукова и старшины Батокова. Въ 1859 году въ Армавирѣ явились 8 фамилій, обитавшихъ раньше въ аулахъ Шапсугскаго племени. Это были 3 семьи Поповыхъ, 4 семьи Богарсуковыхъ, 2 семьи Огановыхъ, 3 семьи Капреловыхъ, 2 семьи Шириновыхъ, 1 семья Харадинова, 1 семья Каспарова и 1 семья Хачикова.

Наконецъ, въ Армавирѣ была водворена и та часть горскихъ армянъ, которая вышла изъ горъ въ Черноморію и обитала здѣсь вмѣстѣ съ греками на Таманскомъ полуостровѣ, въ станицѣ Гривенной или Новонижестеблѣвской, близъ станицы Пашковской и др. Последніе были переселены внутрь Черноморіи—въ станицу Переясловскую, смежную съ Брюховецкой. Когда предположено было расселить ихъ и по другимъ станицамъ, то они просили не разъединять ихъ, такъ какъ у нихъ были общіе священные предметы и утварь. Всѣ они перешли потомъ въ Армавирѣ.

Такимъ образомъ, къ первымъ поселенцамъ образовавшихся въ Армавирѣ четырехъ кварталовъ можно отнести по крайней мѣрѣ около 400 семействъ, принадлежавшихъ къ 80 различнымъ фамиліямъ. Къ 1910 году этихъ фамилій было 87, а число входившихъ въ нихъ семействъ равнялось 688. Наростаніе шло главнымъ образомъ путемъ дробленія семействъ, а 7 лишнихъ фамилій дали по-

селенцы не армянскаго происхожденія. Такъ, Тамбиевы были кабардинцы, обьярмянившіеся впоследствии, Матеосовы греки и т. п. Но случаи видренія инородцевъ въ армянскую народность были и раньше, когда армяне жили въ горахъ между черкесами. Надо полагать, что съ армянами слилась нѣкоторая доля черкесовъ, грековъ и татаръ. На это указываютъ не только фамильныя наименованія, но и достовѣрно установленные случаи обращенія другихъ національностей въ армянскую.

Очень интересный въ этомъ отношеніи случай представляетъ фамилія Бароновыхъ. Отдаленный предокъ этой фамиліи былъ чистокровный Крымскій татаринъ изъ сословія мурзъ. Онъ нечаянно убилъ ханскаго сына и бѣжалъ отъ наказанія въ Кавказскія горы. Здѣсь онъ попалъ къ Хатукаевскому князю Индару Хатикову, котораго и просилъ принять его, какъ мурзу, въ число своихъ узденей, чистосердечно разсказавши, что побудило его оставить Крымъ. Индаръ принялъ подъ свое покровительство бѣжавшаго мурзу, но отказался дать ему черкесскія узденскія права. Вскорѣ послѣ того клеветы Крымскаго хана узнали, гдѣ находился убійца его сына, Ханъ потребовалъ выдачи бѣглеца. Черкесы очутились въ невозможномъ положеніи. Выдать татарина бѣглеца имъ не позволялъ древній обычай гостепріимства. Въ силу этого обычая, свято соблюдаемаго горцами, черкесъ скорѣ позволялъ снести ему голову, чѣмъ выдать бѣглеца или гостя. Не выдать же убійцу хану черкесы также не могли, потому что были подданными Крымскаго хана и обязаны были въ силу присяги, свято соблюдаемой ими, какъ магометанами, по отношенію къ магометанамъ, повиноваться хану и его приказаніямъ. Но черкесы нашли выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. „Принимай армянскую вѣру, Баранъ!“ приказали они бѣглецу мурзѣ, носившему имя Барона или, по татарски, Барана. Баранъ крестился, женился на армянкѣ и получилъ, какъ и все армяне, званіе узденя первой степени. Тогда князь Индаръ Хатиковъ вмѣстѣ съ 30 своими узденями, присягнувши торжественно на Коранѣ, отвѣтилъ, что между хатукаевцами нѣтъ татарина мусульманской вѣры Барана, а есть армянинъ христіанской вѣры Баронъ. На этомъ дѣло и покончилось. Татарскій мурза Баранъ сталъ армянскимъ узденемъ Бароновымъ.

По другому разсказу, фамилія Бароновыхъ положилъ начало одинъ изъ трехъ братьевъ, поселившихся у черкесовъ. Двое изъ нихъ приняли магометанскую вѣру и переселились обратно въ Турцію, изъ которой они пришли, а третій по имени Баронъ, женившійся на черкешенкѣ, остался въ горахъ, сохранилъ христіанскую религію и жилъ въ аулѣ узденей Педисовыхъ. Отъ него и произошли потомъ Бароновы. Но ко времени переселенія армянъ въ Армавиръ было уже нѣсколько развѣтвленій фамиліи Баронова, происшедшихъ, быть можетъ, отъ разныхъ корней.

Случаи перехода инородцевъ въ армянскую національность не могли, однако, имѣть, по своей малочисленности и исключительному

характеру, рѣшающаго значенія въ дѣлѣ развитія и формированія армянскаго населенія, какъ обособленной и самостоятельной народности. Внутренніе эволюціонные процессы разрастанія этой народности шли своимъ обычнымъ историческимъ путемъ. Большинство армянскихъ фамилій оказались сложными, состоявшими изъ нѣсколькихъ семей и развѣтвленій. По занесеннымъ въ „Біографію жителей селенія Армавиръ“ даннымъ, односемейныхъ фамилій было только 14. Затѣмъ въ 16 случаяхъ фамилія состояла изъ двухъ семей, въ 12-ти — изъ трехъ, въ 12-ти — изъ четырехъ, въ 4 случаяхъ изъ 5 семей, въ 5 случаяхъ изъ 6-ти семей, въ одномъ случаѣ изъ 7 семей, въ пяти случаяхъ изъ 8 семей, въ четырехъ случаяхъ изъ 10 семей, въ одномъ случаѣ изъ 15 семей и въ одномъ изъ 18 семей. Въ большинствѣ случаевъ фамиліи дробились на семьи путемъ естественнаго дѣленія, но были и случаи принятія фамиліи инофамильцами. Такъ, одинъ изъ фамилій Шиховыхъ по имени Каспаръ принялъ фамилію Каспарова, и теперь совсѣмъ нѣтъ Шиховыхъ, а есть одни только Каспаровы. Подъ одной и той же фамиліей пришли уже семьи изъ разныхъ мѣстъ и нѣкоторыя изъ нихъ поселились раздѣльно въ разныхъ кварталахъ и въ разное время, т. е. раздѣлились гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ фамилію Айвазовъ въ Армавирѣ вошли 4 семьи по Хакубхабльскому кварталу, 1 семья по Егерухаевскому кварталу, и затѣмъ въ 1840 году присоединились еще 3, 1 и еще 3 семьи, а всего, слѣдовательно, 5 развѣтвленій одной и той же фамиліи; фамилія Айдиновыхъ составила изъ 2 семей Хакубхабльскаго квартала, изъ 2 семей Гяурхабльскаго квартала, изъ 2 семей Хатукаевскаго квартала и 1 семьи Егерухаевскаго квартала. т. е. въ каждомъ кварталѣ оказались семьи одной и той же фамиліи; въ фамилію Каспаровыхъ вошли 2 семьи по Хакубхабльскому кварталу, 1 и 1 семья по Егерухаевскому кварталу, 1 семья изъ числа переселенцевъ 1840 года и 1 семья изъ состава переселенцевъ 1859 года.

Такое дробленіе семей по фамиліямъ и обособленіе ихъ въ отдѣльныя, самостоятельныя группы является очень важнымъ съ точки зрѣнія исторіи и культурной, такъ сказать, діагностики. Въ отмѣченномъ обстоятельствѣ обнаружили несомнѣнно ясныя признаки родового строя армянской народности, обитавшей въ горахъ между черкесами, и, слѣдовательно, при извѣстной стадіи культурнаго развитія. Нужны были довольно продолжительные періоды времени, чтобы одна и та же фамилія развѣтвилась на цѣлый рядъ семей—напр., на 15 семей въ фамиліи Джагунова, 16 семей у Каспарова и 18 у Джантемирова. Признакъ этотъ тѣмъ характернѣе, что горскіе армяне жили среди черкесовъ и не только по своимъ занятіямъ, но и по вѣрѣ часто платились жизнью. Если все таки при такихъ условіяхъ дробленіе семей по отдѣльнымъ фамиліямъ выразилось въ довольно значительномъ количествѣ, то ясно, что для этого требовался и достаточный періодъ времени.

И вотъ эти два этнографическіе признаки—явные слѣды родового быта и значительное количество семей по отдѣльнымъ родовымъ группамъ или фамиліямъ, и указываютъ на вѣроятную достовѣрность устныхъ преданій Армавирскихъ стариковъ. Надо полагать, ихъ указанія на то, что армяне прибыли къ черкесамъ въ горы въ первый разъ 400 лѣтъ тому назадъ, близки къ дѣйствительному ходу исторіи. Иначе не мыслимы были бы тѣ, требующіе извѣстной продолжительности времени, процессы, которыя выразились въ расчлененіи основныхъ родовыхъ формъ—фамилій, на позднѣйшія семейно-бытовыя формы.

Но главный аргументъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою то обстоятельство, что горскіе армяне буквально таки превратились въ черкесовъ. Необходимо былъ очень продолжительный періодъ времени для того, чтобы такая исторически стойкая народность, какъ армянская, утерала все отличительныя черты своей національности, до мелочей усвоила весь бытовой строй чуждой ей народности, нравы, обычаи, военную споровку, гражданскія взаимоотношенія, семейный укладъ, совершенно забыла свой родной языкъ и стала говорить только по-черкески, сохранивши неприкосновенною одну лишь христіанскую религію, которая собственно только и связывала воедино горскихъ армянъ, какъ національную группу. И разъ все это переняли пришельцы армяне отъ аборигеновъ черкесовъ, естественно, что тѣ и другіе очень долго жили вмѣстѣ.

На это же указываетъ и то политическое положеніе, которое заняли армяне у черкесовъ.

II.

Политическое положеніе армянъ у черкесовъ.

Фактъ историческій и безусловно достовѣрный, что армяне никогда не занимали у черкесовъ положенія подневольнаго сословія. Никогда и ни одинъ армянинъ не былъ ни рабомъ, ни крѣпостнымъ у черкесовъ. Напротивъ, почти все армяне, жившіе въ горахъ имѣли своихъ рабовъ, большинство которыхъ было черкесскаго происхожденія. Во время перехода горскихъ армянъ въ русское подданство и на русскія земли, все выходцы числились узденями 1-й степени, т. е. были дворянами, имѣли право держать крѣпостныхъ людей, составляли помѣстное сословіе. Такое положеніе занимали армяне у темиргоевцевъ, хатукаевцевъ, егерухаевцевъ, бесленеевцевъ, кабардинцевъ, бжедуховъ, шапсуговъ, натухайцевъ и другихъ. Узденями армяне считались у черкесовъ съ незапамятныхъ временъ, но какъ и когда они получили это званіе, объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

Отмѣченная выше легенда о первомъ появленіи между черкесами армянъ гласитъ, что армяне стали узденями сразу, какъ пришли

въ горы и что они были удостоены этого званія, благодаря своему внушительному воинственному виду, по которому черкесы признали у нихъ признаки благородной дворянской крови и, поэтому, дали имъ соответствующее мѣсто среди своихъ узденей. Хотя это и легенда, а не точно установленный историческій фактъ, но она отличается своего рода достовѣрностью, ибо дать надлежащее освѣщеніе тѣмъ взаимоотношеніямъ, въ которыя должны были стать войны пришельцы къ войнамъ аборигенамъ. Въ тѣ времена у черкесскихъ племенъ существовалъ уже тотъ политическій строй, наличностью котораго только и можно объяснить истинную подкладку легенды. У черкесовъ были уже князья, уздени или дворяне и зависимыя сословія — народъ, тѣфокотль, и крѣпостные или рабы. Князь и уздени были воинами, защитниками населенія и отчества, почему и считались высшимъ сословіемъ, а народъ и рабы представляли производительные классы, людей чернаго труда, и находились въ подчиненіи у князей и узденей. Такъ какъ армяне явились къ черкесамъ въ роли воиновъ, то естественно, что имъ отведено было соответственное мѣсто въ существующемъ сословномъ строѣ. Какъ люди „закованные въ желѣзо“, съ мечами и боевыми топорами, пришли армяне фактически не были ни рабами, ни крестьянами. Въ рабовъ и крестьянъ ихъ можно было бы обратить, если бы они были купленными невольниками или побѣжденными плѣнниками. Но черкесы даже плѣнныхъ дворянъ, напр. русскихъ офицеровъ, старались избавить отъ унижительнаго положенія — не подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ и не принуждали къ работамъ, хотя и держали ихъ въ оковахъ, плохо одѣвали и скудно кормили. Стало быть, въ силу уже обычая и существующаго сословнаго строя, черкесы должны были отнести къ пришедшимъ къ нимъ въ боевыхъ доспѣхахъ армянамъ, какъ къ военному сословію, и приравнять ихъ къ узденямъ. Строго говоря, черкесы не предоставили никакихъ привилегій армянамъ, и оставили ихъ въ томъ званіи, въ какомъ они были: по черкесскимъ понятіямъ, армяне пришли въ горы узденями, воинами, хотя и чужеземными, и само собою разумѣется, что въ качествѣ таковыхъ они и остались между ними.

Что это было именно такъ, подтвержденіемъ тому служитъ самое распредѣленіе армянъ между разными горскими племенами. Наиболѣе армянъ жило у племени Кемгой, темиргоевцевъ и ихъ развѣтвленій — хатукаевцевъ и егерухаевцевъ: у темиргоевцевъ находился и главный армянскій ауль Дзяурхабль, армянская столица. Затѣмъ значительное число армянъ находилось у бжедуховъ и отчасти у шапсуговъ. Но именно у Кемгой и бжедуховъ, осѣвшихъ первоначально на земляхъ темиргоевского князя Болотокова, искони былъ въ полной неприкосновенности аристократическій сословный строй — были князья и уздени, многочисленные по своему составу и сильные по вліянію; у шапсуговъ уздени играли также немаловажную роль. И вотъ у этихъ-то племенъ и осѣли въ наибольшемъ

количествѣ армяне. Но ихъ почти не было у такого демократическаго племени, какъ абадзехи, державшіе дворянъ въ черномъ тѣлѣ, или если и были, то въ маломъ числѣ, или же временно наѣзжали съ торговыми цѣблями.

И такъ, слѣдовательно, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что армяне стали у черкесовъ узденями сразу, какъ пришли въ горы.

Но у армавирицевъ есть и другая варьяція легенды съ инымъ ея толкованіемъ. Въ семейной хроникѣ фамиліи Поповыхъ, занимавшихъ положеніе духовенства, какъ на это указываетъ и самая фамилія ихъ въ русскомъ переводѣ, сохранилось преданіе, что первые армяне пришли въ горы безъ женщинъ и что, поживившись потомъ на дочеряхъ черкесскихъ узденей, они тѣмъ самымъ приобрѣли права дворянства. Въ этомъ толкованіи можетъ, конечно, заключаться своя доля исторической правды въ томъ смыслѣ, что въ рядахъ пришельцевъ были люди холостые; но трудно предположить чтобы никому невѣдомые иноплеменники поголовно поженились непременно на дочеряхъ узденей, за которыхъ къ тому же полагался самый высокій калымъ. Если это были рыцари-завоеватели или просто воины, что и соответствуетъ исторической дѣйствительности, то тогда это должно быть такъ — они могли пережениться на дочеряхъ узденей. Но въ такомъ случаѣ браки армянъ на дочеряхъ узденей были слѣдствіемъ ихъ собственнаго узденскаго званія, а не причиною его. Женились равные на равныхъ, и это вполне естественно.

Мало вѣроятно также толкованіе легенды въ томъ смыслѣ, что армяне пришли будто бы безъ женъ въ новую для нихъ страну на всегданнее жительство, порвавши съ родиной всѣ связи. Въ прошломъ и настоящемъ армавирицевъ есть обстоятельства, какъ бы подкрѣпляющія это толкованіе, но есть и обстоятельства, явно противорѣчающія ему, и послѣднимъ видимо принадлежало рѣшающее значеніе.

Какъ извѣстно, армяне, живя между черкесами, совершенно утратили свой національный обликъ, забыли даже родной языкъ и сохранили лишь христіанскую вѣру и нѣкоторыя христіанскія особенности семейнаго быта, не допускавшія, чтобы армянка христіанка выходила замужъ за черкеса магометанина и чтобы армянинъ, женившись на черкешенкѣ, не обратилъ ее въ христіанство.

Утерю армянами національныхъ особенностей и родного языка, конечно, можно еще объяснять тѣмъ, что разъ всѣ армяне поголовно поженились на черкешенкахъ, то жены и матери черкешенки сразу же передѣлали все на черкесскій ладъ и научили дѣтей черкесскому, а не армянскому языку, но, во-первыхъ, это одно лишь предположеніе, ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не подтверждающееся. А во вторыхъ, сильнѣе одинокой женщины была вся жизненная обстановка, среди которой приходилось существовать армянскому населенію.

Живя между черкесами, въ ихъ бытовой обстановкѣ, армяне, понятно, не могли не подчиняться вліянію окружающей ихъ среды т. е. не могли не строить черкесскихъ сабель, не ѣздить на черкесскихъ арбахъ, не вести черкесскихъ видовъ хозяйства, не усваивать ихъ обычаевъ и нравовъ, не учиться черкесскому языку и пр., пр. Ихъ торговая роль и непрерывныя сношенія съ черкесами въ сильнѣйшей степени способствовали тому. Если, поэтому, армяне и вводили въ свою семью черкешенокъ, что случалось вообще очень рѣдко, то женщина черкешенка могла оказать на армянскій бытъ несравненно менѣ вліянія, чѣмъ весь строй черкесской жизни и взаимоотношеній.

Болѣе существенное въ этомъ отношеніи значеніе имѣло сохраненіе армянами христіанской религіи, единственного устоя, на которомъ держалась и удержалась армянская самобытность. Армяне только потому и считались армянами въ черкесской средѣ, что исповѣдовали особую христіанскую религію; во всемъ же остальномъ они были тѣ же черкесы и ничѣмъ не отличались отъ нихъ ни внѣшностью, ни языкомъ, ни нравами и обычаями. Можно, по этому, положительно утверждать, что у горскихъ армянъ ни въ коемъ случаѣ не сохранилась бы неприкосновенною христіанская религія, если бы въ ихъ первыхъ колоніяхъ не было армянки, женщины христіанки, какъ непосредственной хранительницы христіанской вѣры у своего семейнаго очага. Такими хранительницами ни въ какомъ случаѣ не могли быть жены черкешенки, которымъ быть чуждъ христіанскій культъ армянъ. ихъ религіозная обрядность, традиціи и завѣты.

Къ тому же исключеніе женщины изъ первыхъ армянскихъ колоній въ горахъ не вяжется и съ общимъ ходомъ армянской исторіи. Сами армяне утверждаютъ, что первые ихъ поселенцы въ горахъ были „Аджемъ“, выходцы изъ Арменіи, оставившіе ее послѣ разгрома Армянскаго царства. Это были, слѣдовательно, бѣглецы, а не военные авантюристы. Ихъ заставила нужда уйти изъ своей родины и уйти навсегда. Но армянская исторія гласитъ, что армяне бѣглецы, уходя изъ своей родины навсегда, брали съ собою всехъ и все, что было дорого имъ, т. е. женъ, дѣтей, семьи, церковную утварь и т. п. Куда же въ такомъ случаѣ, явившись на Кавказъ, дѣли они свои семьи и своихъ женъ? Вѣроятно, въ ихъ рядахъ были какъ одинокіе воины, такъ и люди семейные и во всякомъ случаѣ женскій элементъ. Возможно также, что послѣдняго было мало и онъ пополнялся потомъ черкешенками, но совершенно исключить его нельзя. Не можетъ быть, чтобы рыцари армяне, такъ поразившіе черкесовъ своимъ благородствомъ, оставили на произволъ судьбы, безъ защиты и покровительства своихъ матерей, женъ, сестеръ и дѣтей.

Все это невольно наводитъ на мысль о томъ, что армяне пионеры пришли въ горы не только съ собственнымъ блестящимъ оружіемъ, такъ импонирующе подѣйствовавшимъ на воинственныхъ

черкесовъ, но несомнѣнно они принесли съ собою и свои крѣпкіе жизненные устои, какими всегда были и остались до послѣдняго времени христіанская религія и семейный очагъ, по сколько поддерживался въ немъ женщиной прародительскій религіозный культъ.

Но все это не исключаетъ и того факта, что армяне, издавна были узденями и занимали, въ качествѣ таковыхъ, очень важное политическое положеніе. По семейнымъ воспоминаніямъ и родословнымъ записямъ, армавиры возводятъ свои узденскіе права до шести и семи поколѣній, т. е. могутъ поименовать своихъ предковъ узденей за 200 и 300 лѣтъ тому назадъ. Изъ трехъ родословныхъ священника Сеферьянца, Алавердова и Шаханова, по родословной предковъ С. П. Шаханова, 75 лѣтняго старика видно, что отецъ его Абрамъ умеръ въ 1872 году 85 лѣтъ отъ роду и, значить, родился въ 1787 году. Отецъ Абрама Кеворкъ умеръ также въ преклонномъ возрастѣ примѣрно около 70 лѣтъ, и если при немъ Абрамъ прожилъ 30 лѣтъ, то Кеворкъ родился въ 1747 году. Отецъ Кеворка Асвадуръ и отецъ Асвадура Шаханъ, по имени котораго названа и фамилія Шахановыхъ, были также люди долголѣтніе, какъ объ этомъ можно судить по родословному дереву. Если на продолжительность ихъ жизни отчислить 80 лѣтъ, то выходитъ, что Шаханъ родился примѣрно въ 1667 году и, придя въ горы въ молодыхъ лѣтахъ, явился сюда въ концѣ XVII столѣтія, т. е. болѣе 200 лѣтъ тому назадъ. Шаханъ перешелъ изъ Крыма къ шапсугскимъ армянамъ на р. Хабанецъ, гдѣ послѣдніе давно уже жили въ положеніи узденей 1-й степени. По словамъ О. Х. Каспарова, также насчитывающаго нѣсколько поколѣній въ родословномъ деревѣ своихъ предковъ, вышедшихъ въ горы прямо изъ Арменіи, послѣдующіе выходцы изъ Крыма, Малой Азіи и др. мѣстъ явились къ армянамъ, жившимъ въ горахъ, „на все готовое“ и сразу же причислялись къ узденямъ 1-й степени. Однимъ словомъ, горскіе армяне, по своимъ родословнымъ записямъ, были узденями 1-й степени 200 и 300 лѣтъ тому назадъ. Дальше эти записи не восходятъ, да это и не имѣетъ существеннаго значенія. Важно то, что горскіе армяне имѣли уже рабовъ 200 и 300 лѣтъ тому назадъ и пользовались всѣми привилегіями узденей, чтобы установить опредѣленныя представленія о нихъ, какъ о господствующемъ у черкесовъ классѣ.

Армянскіе, какъ и черкесскіе, уздени были дружинниками князя по своему положенію. Такими покрайней мѣрѣ пользовались они преимуществами по своимъ правамъ на имущество и на личность зависимыхъ сословій. Каждый уздень имѣлъ право жить своимъ собственнымъ обособленнымъ ауломъ, пользоваться, въ предѣлахъ обычныхъ порядковъ землепользованія, потребнымъ ему количествомъ земли, вести хозяйство по своему усмотрѣнію и содержать для веденія хозяйства и для своихъ личныхъ услугъ рабовъ или ясырей. Все это были личныя дѣла узденя, ничѣмъ, кромѣ судебной процедуры, несвязывавшія его съ княземъ. Послѣднему, какъ глав-

ному защитнику всего населенія. уздень обязанъ былъ помогать оружіемъ въ минуты опасностей, являясь съ вооруженными слугами князя. На этомъ древнемъ, патріархально военномъ началѣ и держались главнымъ образомъ взаимныя отношенія между князьями и узденями.

Нѣкто Ивановъ въ своей обширной статьѣ объ армавирскихъ армянахъ, помѣщенной въ Ставропольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1855 годъ, утверждаетъ, что черкесскіе уздени несли повинности на князя и что армяне будто бы были обложены болѣе значительными налогами, чѣмъ черкесы. По словамъ г. Иванова, армянскіе уздени обязаны были поставлять своему князю двѣ арбы сѣна, двѣ арбы дровъ, четыре мѣшка пшеницы или кукурузы и десятую долю скота, составлявшаго въ горахъ главную статью доходовъ. Откуда были почерпнуты эти свѣдѣнія г. Ивановымъ, у него нѣтъ прямыхъ указаній; но армавирцы, знавшіе его, когда онъ служилъ фельдфебелемъ въ одной изъ солдатскихъ ротъ, считаютъ приведенныя выше свѣдѣнія недоразумѣніемъ. По ихъ увѣренію, уздени не платили никакой дани князю и не несли никакихъ повинностей ни денежныхъ, ни натуральныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дѣлали подарки князю или его семьѣ и оказывали ему тѣ или другія услуги, по доброй, однако, волѣ. Этими только и ограничивались имущественныя отношенія между княземъ и его узденями. Несеніе же такой повинности, какъ ежегодная уплата князю десятой доли скота, было бы явною несправедливостію, такъ какъ, при такихъ условіяхъ, въ горахъ уздень не могъ бы заниматься скотоводствомъ, лишаясь почти всего приплода.

Самъ Ивановъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что черкесскіе князья довольствовались очень скромными подарками отъ своихъ узденей. Когда князь посѣщалъ жилище узденя, то это считалось выраженіемъ милости владычца, и уздень, въ благодарность за оказанную ему честь, обязанъ былъ дать высокому посѣтителю подарокъ— „бешкенъ“, всегда почти, прибавляетъ Ивановъ, ничтожный, малоцѣнный. Соблюдалось какъ бы выполненіе одной лишь формальности. А княжескія жены, должны были прибѣгать къ особому способу, чтобы получить подарокъ отъ женъ узденей. Обыкновенно княгиня приготовляла какое-либо кушанье, такъ называемое „шипличке“, и отправляла его съ своими слугами къ армянкамъ. Это также считалось особою честью, оказываемой княгиней женамъ узденей, и послѣднія обязаны были по обычаю отослать княгинѣ, въ благодарность за оказанную честь, подарокъ. Это были болѣе цѣнные подарки, чѣмъ какіе получалъ „въ бешкенъ“ князь, но самые случаи посылки „шипличке“ и получения подарковъ были очень рѣдки.

Такіе обычай, конечно, плохо вяжутся съ представленіями о княжеской дани и чрезмѣрныхъ поборахъ, налагавшихся князьями на узденей.

Точно также армавирцы находят безусловно невѣрнымъ утверждение Иванова о томъ, что будто бы все имущество узденя и въ томъ числѣ рабы были его собственностью лишь до тѣхъ поръ, пока узденъ жилъ во владѣніяхъ князя. Если же онъ, недовольный княземъ, переходилъ къ другому владѣльцу, то его рабы и имущество, кромѣ лично ему принадлежащаго, переходили къ князю. Надо полагать, что сообщеніе г. Иванова имѣетъ свою фактическую подкладку. Князья ревниво вообще относились къ уходу узденей изъ ихъ владѣній. Самовольный уходъ узденя во всякомъ случаѣ считался актомъ нарушенія правъ князя. Армянинъ Твеловъ, хлопотавшій о переселеніи армянъ на землю Самбекъ, заплатилъ князю Джембулату Болотокову крупный штрафъ въ 6 рабовъ за то, что дѣйствовалъ безъ вѣдома князя. Другой князь Сястанъ Чирчановъ пытался переселить хатугаевскихъ армянъ на старое мѣстожителство еяною оружія. При переселеніи армавирцевъ Гяурхабльскаго квартала съ земель князя Болотокова къ станицѣ Казанской, армянамъ пришлось поставить на своихъ сакляхъ кресты и прибѣгнуть къ силѣ русскихъ войскъ. Все это указываетъ на то, что фактически уходъ узденя отъ князя къ другому владѣльцу былъ дѣломъ рискованнымъ, при которомъ узденъ могъ потерять, если не по обычаю, то подъ давленіемъ силы, своихъ рабовъ и имущество. И чѣмъ сильнѣе былъ князь, тѣмъ рискованнѣе былъ уходъ отъ него узденя.

Въ сущности обычные повседневныя отношенія между узденемъ и княземъ поддерживались двоякаго рода прерогативами княжеской власти — княжеской защитой и княжескимъ судомъ. Въ тѣ времена всеобщихъ грабежей и военныхъ столкновений, когда чело-вѣческая жизнь считалась игрушкой головорѣза наѣздника, нужна была сильная рука, которая держала бы въ должныхъ границахъ любителей набѣговъ и чужого добра. Такою рукою обладалъ князь, имѣвшій въ своемъ распоряженіи достаточное количество воиновъ въ лицѣ узденей. Плохо приходилось тѣмъ, кто нарушалъ покой населенія княжескихъ владѣній. Князь жестоко расправлялся съ ними и возвращалъ добро подвластнаго населенія сторицею. Достаточно было, поэтому, одного престижа княжескаго имени, чтобы удержать джигита отъ дерзкихъ набѣговъ на владѣнія князя. Одному, двумъ или нѣсколькимъ наѣзникамъ были не подъ силу такіе набѣги, а составленіе значительной по численности партіи было не осуществимо, потому что каждый, боясь гнѣва и мести сильнаго князя, не рѣшался открытыми дѣйствіями подставлять свою голову и имущество подъ удары его. Вотъ почему защита владѣній князя держалась однимъ престижемъ его имени, были рѣдки, внѣ систематическихъ военныхъ дѣйствій, столкновенія съ князьями, замѣнявшіяся большею частью скрытымъ воровствомъ и тайными грабежами, и вотъ почему такъ не желателенъ былъ для князя уходъ его узденей въ другія владѣнія. Уходящій не только представлялъ явную потерю вооруженныхъ силъ князя, но и служилъ какъ бы прооб-

разомъ будущаго противника князя въ рядахъ другаго владѣльца. Естественно, что князь не только связывалъ узденя добрыми отношеніями къ нему, но и недвусмысленно скрывалъ за этими отношеніями внушительную угрозу расправы съ непокорнымъ узденемъ, проявленіе которой и было равносильно лишенію узденя его рабовъ и такихъ видовъ имущества, какъ скоть или хлѣбные запасы.

Нѣкоторымъ смягченіемъ рѣзкихъ переходовъ отъ княжеской дружбы къ княжеской враждѣ служили судебные обычаи. Были судъ съ княземъ и княжескій судъ.

Въ случаяхъ возникновенія споровъ и распри между княземъ и подвластнымъ ему узденемъ, въ особенности, если этотъ споръ осложнялся вопросомъ о претензіяхъ ясырей, дѣло передавалось особому посредническому суду. Въ составъ такого суда, по взаимному соглашенію сторонъ, входили посторонніе князья, уздени и старшины. Это былъ судъ въ духѣ неконныхъ народныхъ обычаевъ и, какъ веѣ истинно народныя установленія, отличался высокимъ авторитетомъ и его отправленія были торжественными. Но стороны были вольны принять или не принять рѣшеніе суда. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ тяжущіеся подчинялись, конечно, приговору избраннаго ими суда. Тогда рѣшенія суда оформлялись торжественной клятвой, сопровождавшейся древними языческими обычаями. Дававшіе клятву прикасались языкомъ къ окровавленному кинжалу, которымъ только что заколота была овца, и нарушителю клятвы грозила, такимъ образомъ, какъ бы двойная кара — кара противной стороны и невидимой высшей силы. Понятно, что такіе обычаи смягчали остроту спорныхъ взаимоотношеній и способствовали налаживанію нормальныхъ порядковъ въ области имущественнаго права.

Княжескій судъ былъ также судомъ посредническимъ. Въ качествѣ судьи князь выступалъ не столько въ роли, присущей ему, какъ вотчиннику, сколько въ положеніи уважаемой особы. Почетъ былъ первою заповѣдью патриархальнаго кодекса черкесскихъ приличій. Старшему по крови и старшему по возрасту всегда отводилось первое мѣсто въ рядахъ даже почетныхъ людей и тѣмъ болѣе между обыкновенными смертными. На этой подкладкѣ держались и судебныя прерогативы князя. Къ нему обращались не только какъ къ высшей власти, но и какъ къ почетной особѣ. Въ этомъ несомнѣнно сказывалось вліяніе родового начала, но въ этомъ, конечно, была своя доля удобствъ и пользы общественной. Самая наличность княжеской особы служила какъ бы средствомъ обузданія строптивыхъ. Въ присутствіи князя младшіе не смѣли садиться, а забіяки безобразничать.

Не надо забывать, что и самъ уздень былъ также властелиномъ своихъ подданныхъ — рабовъ или ясырей, и что его власть должна была подчиняться извѣстнаго рода обычаямъ, нормировавшимъ взаимоотношенія сторонъ. Хранителемъ этихъ обычаевъ былъ также князь, и его посредническая роль судьи сводилась къ уста-

повленію нерушимости обычая и къ урегулированію взаимоотношеній на основаніи его. Цитированный уже выше автор очерковъ объ армавирскихъ армянахъ Ивановъ въ свое время сообщалъ, что армянскіе уздени владѣли ясырями на неограниченномъ правѣ на жизнь и имущество ясыря. Власть узденя въ этомъ отношеніи была огромная. Ему дозволялось будто бы карать смертью ясыря, разорять его домъ и продавать все его семейство и, притомъ, не только за измѣну и посягательство на жизнь узденя и его ближнихъ, но даже за дерзость и ослушаніе. Армавирцы положительно отрицаютъ правдивость этого сообщенія. Ивановъ также противорѣчитъ самъ себѣ другимъ сообщеніемъ, что армянинъ за убійство чужого ясыря платилъ его владѣльцу 9 собственныхъ своихъ ясырей. Фактъ несогласующійся съ дискреціонною властью узденя надъ ясыремъ, какъ малоцѣнной вещью; но онъ также безусловно не вѣренъ, такъ какъ по черкесскимъ адатамъ за убійство чужого ясыря убійца отдавалъ такого же ясыря владѣльцу убитаго. Самъ Ивановъ упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ, что за убитаго ясыря полагалась плата однимъ же ясыремъ. Но если и не были такъ широки, безконтрольны и безответственны права узденей надъ ясырями, уздени все таки могли обижать своихъ подданныхъ. И вотъ въ этой сферѣ правонарушеній и являлся судьей посредникомъ князь. Обычай позволялъ обиженному не только просить защиты у князя, но и требовать третейскаго суда съ узденемъ, при участіи стороннихъ узденей и старшинъ.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія обычнаго права, политическое положеніе узденя опредѣлялось второю ступенью въ сословной лѣстницѣ горцевъ: верхнія ступени этой лѣстницы занимали князья, слѣдующія среднія — уздени, а самыя нижнія ступени — зависимыя сословія. Черкесамъ были чужды нормы уголовного права, опредѣляющаго тѣ или другія наказанія за убійство или пораненія. Какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, у нихъ существовала лишь имущественная отвѣтственность и примѣнялись къ уголовнымъ преступленіямъ имущественныя нормы. Согласно черкесскимъ адатамъ, за убитаго князя полагалась плата въ 400 коровъ, за убитаго узденя 200 коровъ и за убитаго простолюдина только сорокъ коровъ или десятая доля княжеской крови. Такъ своеобразно расцѣнивалась у черкесовъ человѣческая жизнь, это высшее благо разумныхъ существъ, и такъ опредѣлялось политическое положеніе людей въ сословной лѣстницѣ народа-младенца, задорнаго, воинственнаго и граждански неуравновѣшеннаго.

Въ самомъ дѣлѣ, только дѣтскою стадіей культурнаго развитія черкесскаго народа можно объяснить ту фактическую несообразность между судомъ и наказаніемъ по суду, которая логически вытекала изъ примитивныхъ черкесскихъ установленій. За убитаго узденя полагалась плата въ 200 коровъ, но вѣдь убійца могъ не заплатить пени противной сторонѣ. У черкесовъ не было органа,

на которомъ лежала бы обязанность приводить въ исполненіе приговоры суда, и каждый былъ воленъ принять или не принять рѣшеніе суда. Вотъ тутъ-то, за этой чертой патріархальной простоты и непосредственности, и начинался самый неограниченный произволъ и безнабавное насиліе. Когда убійца не платилъ положенной пени за убитаго, онъ тѣмъ самымъ заранее подвергалъ себя „канлы“, мести за кровь. Противная сторона въ свою очередь могла его убить, и это считалось въ порядкѣ вещей. Кому было жаль потерять 200 коровъ и, быть можетъ, все свое имущество, тотъ и подставлялъ свою голову противнику. „Око за око, зубъ за зубъ“, библейское начало, начало стараго завѣта лежало въ основѣ обычая „канлы“.

Таковы были законы родового быта.

Обычай кровомщенія, это жуткое наслѣдіе сѣдой старины, представлялъ самую мрачную сторону черкесской жизни и взаимоотношеній. Весь ужасъ связанныхъ съ нимъ дѣяній человѣка заключался именно въ его родовой подкладкѣ. По черкесскимъ адатамъ, „канлы“ подвергался не только убійца, а весь его родъ и родъ противной стороны. Шелъ родъ противъ рода, искали очистительной жертвы въ крови цѣлыя группы населенія. Каждую минуту приходилось дрожать за жизнь и спокойствіе не одному убійцѣ, а всей его роднѣ. Это былъ настоящій адъ человѣческихъ недоразумѣній. Бывали случаи, когда кровомщеніе превращалось въ взаимное истребленіе отдѣльныхъ группъ населенія, когда обездоливались цѣлыя семьи и фамиліи, когда, съ безразсудною стремительностью, въ жертву кровавому Молоху приносилось все—и люди, и ихъ имущество. Положеніе армянъ ни въ чемъ не отличалось тутъ отъ положенія черкесскихъ узденей. Какъ благородное черкесское сословіе, они испивали вмѣстѣ со всѣми горькую чашу политическихъ неурядицъ и произвола.

Объективное отношеніе къ историческимъ фактамъ требуетъ, однако, отмѣтить, что если армяне, какъ народъ торговый и болѣе культурный, чѣмъ горцы, и не внесли никакихъ оздоравливающихъ началъ въ жестокіе нравы и обычай кровомщенія, то, въ тѣсной области собственныхъ своихъ взаимоотношеній, они придали ему нѣсколько иной характеръ и окраску.

Какъ извѣстно, кровавая месть у горцевъ совершалась скрытыми путями, подъ покровомъ лѣса, во время темныхъ ночей, съ помощью внезапныхъ нападений и засады. Врагъ подстерегалъ врага. У армянъ кровомщеніе велось болѣе открыто и съ нимъ былъ соединенъ другой обычай, нѣчто въ родѣ рыцарскаго поединка. Поединокъ начинался при первой же встрѣчѣ враждующихъ сторонъ и обыкновенно происходилъ, по словамъ г. Иванова, на почвѣ оскорбленія личной чести, смыть которое можно было только кровью оскорбителя. Встрѣтившіеся противники слѣзали съ лошадей и начинали стрѣлять другъ въ друга. Первый выстрѣлъ принадлежалъ

оскорбленному. Стрѣляли съ дальняго разстоянія, подходя все ближе и ближе одинъ къ другому, пока ни падалъ кто-либо изъ нихъ мертвымъ. Тогда убійца или платилъ положенную пеню роднѣ убитаго, или же открыто принималъ на себя обычныя условія „канлы“, заявляя старикамъ о своей винѣ.

Старики и болѣе благоразумные армяне всячески старались охладить страсти, ослабляя какъ поединки, такъ и кровомщеніе. Слѣдуя въ этомъ случаѣ мудрому практическому правилу, они старались бить зло не дубьемъ, а рублемъ. Армяне обыкновенно вѣдали случаи кровомщенія между армянами же сами, своимъ судомъ, безъ всякаго отношенія къ нему князя, и чтобы ослабить силу зловреднаго обычая, они назначали за убійство и пораненія самыя высокія пени. Мѣрою такой пени служила состоятельность убитаго и матеріальныя средства убійцы. Чѣмъ больше было то и другое, тѣмъ выше опредѣлялась пеня. Армянскіе старики, вѣдавшіе общественныя дѣла, въ каждомъ частномъ случаѣ устанавливали, по-этому, тотъ или другой размѣръ пени, повышая или понижая его. Часто пеня превосходила по размѣру не только узденскую, но и княжескую норму, такъ какъ назначеніемъ ея имѣлось въ виду утишить страсти и порывы къ кровомщенію. Выплата пени почти всегда грозила разореніемъ убійцы, чѣмъ, понятно, сдерживались кровожадные порывы у людей расчетливыхъ.

Но такое повышеніе пени за кровь убитаго или раненаго у армянъ не ставилось имъ черкесами въ вину. Черкесы были очень щепетильны въ этомъ отношеніи, и пеня выше узденской считалась оскорбленіемъ чести узденя, а пеня выше княжеской — оскорбленіемъ княжеской чести. Армянамъ же она не ставилась въ счетъ потому, что кровомщеніе было ихъ личнымъ, армянскимъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, армяне пользовались особыми преимуществами, которыя обусловливались ихъ дѣятельностью, а не господствовавшимъ строемъ черкесской жизни и взаимоотношеній. Дѣло въ томъ, что армяне не только умѣло упрочили за собою права черкесскихъ узденей, но и нашли пути къ расширенію этихъ правъ, занявши болѣе крѣпкое и независимое положеніе, чѣмъ черкесскіе уздени, благодаря своей экономической дѣятельности въ странѣ и воспитательной роли въ княжеской средѣ.

III.

Торговля и аталычество.

За давностью лѣтъ и отсутствіемъ прямыхъ указаній, трудно, конечно, сказать утвердительно, съ чего начали свою дѣятельность армянскіе пионеры въ горахъ. Несомнѣнно, что это были воины и торговцы вмѣстѣ. Воинами они рисуются въ легендѣ, а торговцами становились они сразу всюду, куда переходили съ родины — въ

Турціи. Греціи, въ Крыму, въ Польшѣ, у болгарь, у монголовъ, у русскихъ и пр., вездѣ считались они искусными торговыми посредниками. Однако, вѣрно и то, что собственно горскіе армяне—черкесо-гаи, были превосходные воины. Военною вѣшностью они поразили черкесовъ, а впослѣдствіи, живя между ними, они дали много примѣровъ незаурядной храбрости, поразительной находчивости и чисто геройской стойкости. Болѣе того. Не къ чести, а въ укоръ будь сказано армянамъ, въ грабительскихъ набѣгахъ и ловкихъ продѣлкахъ они не только не уступали черкесамъ, а часто превосходили ихъ. Армянская хитрость, изворотливость и умѣнье выйти сухимъ изъ воды вошли въ поговорку. А на русской службѣ армянскіе всадники или милиціонеры считались самыми надежными развѣдчиками. При походѣ русскихъ отрядовъ въ горы армяне несли обязанности вожатыхъ, всегда находились впереди отряда и прежде другихъ складывали головы въ жаркихъ стычкахъ съ черкесами.

Все это свидѣтельствуесть о томъ, что армяне, водворившись у черкесовъ въ качествѣ узденей, продолжали потомъ быть ими, т. е. воинами. По крайней мѣрѣ, сами горцы всегда такъ смотрѣли на нихъ. Тѣмъ не менѣе всѣ доводы клонятся къ тому, что армяне сразу же взяли въ горахъ за торговлю, какъ за главное занятіе. Военные доспѣхи имъ были нужны не для профессиональныхъ только цѣлей, а и для самозащиты при постоянныхъ развѣздахъ ихъ по торговымъ дѣламъ.

Предпочтеніе торговли всѣмъ другимъ видамъ занятій обуславливалось не только природною склонностью армянъ къ тому, но и общими условіями жизни черкесскихъ народностей. Во время появленія армянъ въ Черкессіи, здѣсь, преимущественно у племенъ удаленныхъ отъ моря, существовали въ высшей степени благопріятныя условія для торговыхъ начинаній. Своихъ торговцевъ у черкесовъ не было, а генуэзцы и греки тяготѣли больше къ многолюднымъ центрамъ и къ морскимъ берегамъ. У армянъ не было, слѣдовательно, конкурентовъ въ горахъ, а широкое поле торговли съ моря и чужихъ странъ открывали имъ прежніе торговцы.

Надо полагать, что первоначально горскіе армяне жили среди черкесовъ разсѣяно, отдѣльными семьями, и не имѣли ни своихъ ауловъ, ни сколько-нибудь сконцентрированныхъ пристанищъ. Это обуславливалось характеромъ дѣятельности армянъ въ связи съ мѣстными условіями разселенія коренныхъ черкесскихъ жителей. Занимаясь торговыми дѣлами, армяне, въ силу постановки торговыхъ операций и особенностей бытового строя у черкесскихъ племенъ, размѣстились отдѣльными семьями въ разныхъ частяхъ Черкессіи. Черкесское хозяйство стояло на крайне примитивной ступени развитія, экономическая жизнь была не сложна, общественный и домашній бытъ отличался полною патріархальностью, большихъ населенныхъ ауловъ горцы не имѣли, крупныхъ торговыхъ центровъ не было, даже небольшихъ, но постоянныхъ, въ родѣ базаровъ, торжища

у нихъ не сложились еще. Все это, при горномъ характерѣ мѣстности, позволяло армянамъ, какъ торговцамъ, устраиваться по ауламъ только въ ограниченномъ числѣ семей. Для большого числа торговцевъ въ черкесскихъ убогихъ поселеніяхъ не было мѣста и достаточнаго круга торговой кліентуры. Стало быть, первоначально торговля армянъ должна была отличаться мелочными формами и характеромъ. Это были зародыши будущей торговли.

Съ первыхъ же шаговъ торговой дѣятельности армяне поставлены были въ необходимость вести дѣло путемъ натуральной мѣны продуктовъ. У черкесовъ не было собственной монеты, не было совѣмъ, даже въ зачаточныхъ формахъ, денежнаго обращенія и самыя деньги получали часто не свойственное имъ назначеніе: золотыя и серебряныя монеты шли просто на женскія украшенія или переплавлялись для отдѣлки оружія и поясовъ. У черкесовъ, поэтому, армяне брали исключительно живность и сырье — лошадей, овецъ, рогатый скотъ, кожи, овечью шерсть, а также масло, медъ и воскъ. Черкесамъ они поставляли бумажныя издѣлія, сукна, оружіе, желѣзныя и стальныя издѣлія, вообще недорогіе фабрикаты изъ промышленныхъ странъ. Особый предметъ мѣны составляла поваренная соль, которой у черкесовъ не было и которую армяне поставляли имъ изъ Крыма, Азовскаго побережья и Маджарскихъ озеръ нынѣшней Ставропольской губерніи. Соль представляла для черкеса предметъ первой необходимости и имѣла такое важное значеніе, что ее не только покупали для потребленія, но ею же измѣряли цѣнность другихъ предметовъ, такъ что самъ по себѣ пудъ соли представлялъ монетную единицу.

Мало по малу армяне охватили своими торговыми операціями всю Черкессію и самыя глухіе ея уголки. Черкесы очень цѣнили торговыя услуги армянъ и охотно поддерживали ихъ торговыя предпріятія. Особенно дорожили торговою ролью армянскихъ узденей князя, смотрѣвшіе на торговлю, какъ на унижительное занятіе. Князь былъ сосудомъ благородства и его благородными дѣяніями считались военные подвиги, набѣги, грабежи и другія безчинства до воровства включительно. Князю, нуждавшемуся въ самыхъ необходимыхъ предметахъ домашняго обихода, выгодно было имѣть своихъ торговцевъ узденей, поэтому, онъ поддерживалъ ихъ и охранялъ ихъ предпріятія, а позже, когда получилъ широкое развитіе торгъ людьми, онъ поставлялъ и товаръ для торговли — невольниковъ и невольницъ. Все это упрочивало торговыя занятія армянъ. Торговля стала предметомъ всеобщей необходимости, ширясь съ годами и осложняясь.

По словамъ Иванова, въ началѣ второй половины XVIII вѣка горекіе армяне доставляли черезъ одну только Тамань въ Кафу, какъ называлась тогда нынѣшняя Феодосія, ежегодно 25.000 пудовъ овечьей шерсти, 100.000 штукъ грубаго черкесскаго сукна, 5000 пштыхъ черкесокъ, 200.000 бурокъ, 5000 кожъ, 600.000 овечьихъ овчинъ и пр. Цифры эти, конечно, свидѣтельствуютъ объ обшир-

ныхъ по тому времени торговыхъ оборотахъ, находившихся въ рукахъ предприимчивыхъ горскихъ армянъ. Армяне были сильнымъ торговымъ классомъ и располагали значительными матеріальными средствами, что придавало ихъ роли въ экономической жизни первенствующее значеніе.

Но главный источникъ торговыхъ доходовъ армянина представлялъ торгъ людьми. Этотъ видъ торговли создали не горскіе армяне: онъ существовалъ въ Кавказскихъ горахъ съ древнѣйшихъ временъ, но развили его въ значительной степени армяне. Собственно у черкесовъ торговля людьми существовала также до прихода армянъ въ горы. Черкесы, подпавши подъ власть крымскихъ хановъ, платили имъ дань красивыми мальчиками и дѣвочками. Чтобы не жертвовать своими дѣтьми, они добывали войной плѣнниковъ и плѣнницъ, а тѣ, которые не могли этого сдѣлать, покупали ихъ. Торговля ясырями имѣла широкое распространеніе у крымскихъ татаръ, и самое слово ясырь заимствовано изъ татарскаго языка. У черкесовъ же торговля людьми стала усиливаться съ того времени, какъ освободились они отъ власти татаръ. Черкесы привыкли уже добывать ясырей грабежами. Но армяне пришли хотя и на готовое, но слабое дѣло торговли людьми. Начала христіанской религіи строго воспрещали имъ заниматься этимъ возмутительнымъ дѣломъ. Но соблазнъ былъ великъ, выгоды громадныя, условія благоприятныя и армяне христіане, прикрывшись тѣмъ, что они черкесскіе уздени, которымъ не только не возбранялась, а даже поощрялась торговля людьми, взялись съ энергіей за новыя для нихъ предпріятія и скопили на нихъ огромныя состоянія.

То были мрачныя, изувѣрскія времена. Кровавыми ужасами, безвременною гибелью людей и повальнымъ разореніемъ сопровождалась тогда войны. Попрана и принижена была до послѣдней степени человѣческая личность обращеніемъ плѣнниковъ и плѣнницъ въ живой товаръ. Но трудно сказать, что было хуже и безотраднѣе истребленіе ли людей войнами, или же обращеніе ихъ въ рабовъ тѣмъ же путемъ.

Добывали ясырей и поставляли ихъ на рынокъ двумя способами — при помощи войнъ и разбоями. Война давала побѣдителямъ плѣнниковъ и плѣнницъ, а грабежи и разбои — просто добычу, которую чаще всего продавали куда-нибудь подальше, чтобы замести слѣды хищенія. Черкесамъ были знакомы оба способа. Но при войнахъ съ русскими, черкесамъ приходилось возвращать часть русскихъ плѣнныхъ своихъ, а часть сами русскіе выкупали. Для торговли оставалось немного и на рынокъ некого было поставлять. Черкесскіе набѣги не походили въ этомъ отношеніи на набѣги татаръ на южныя окраины Россіи, откуда уводились тысячами ясыри. Грабежи же и разбои давали черкесамъ такого рода добычу, которая въ большинствѣ случаевъ шла на невольничій рынокъ.

Позорно вели себя въ этомъ отношеніи черкесы. Князья и уздени не брезгали хищеніями дѣвушекъ и дѣтей у своихъ же еди-

ноплеменниковъ, разъ они были отдѣлены какою-либо границей отъ ихъ владѣній. Ловкіе набѣзники часто не щадили даже своихъ сосѣдей. Это былъ любимый промыселъ у джигитовъ. И въ продажу чаще всего поступалъ добытый этимъ путемъ товаръ. Еще возмутительнѣе были случаи продажи родителями собственныхъ дѣтей. Чаще всего продавали рѣзвыхъ мальчиковъ и красивыхъ дѣвочекъ, какъ наиболѣе цѣнный товаръ. Родители, говорятъ, утѣшали себя тѣмъ, что, быть можетъ, ихъ дѣвочки попадутъ въ гаремъ, если не самого турецкаго султана, то важнаго паши, и будутъ счастливы, а изъ мальчиковъ выйдутъ знатные сановники. Соблазняя черкесовъ продажей дѣтей, армяне, по словамъ Иванова, указывали имъ на то, что изъ числа черкесскихъ плѣнниковъ двое—Баркокъ и Алибей, достигли въ Египтѣ верховной власти. Первый, родомъ черкесъ, основалъ въ 1382 году династію Мамелюковъ, а второй, родившійся въ Абхазіи въ 1728 году, обладалъ Египтомъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Такими мало сбыточными надеждами успокаивали свою совѣсть безсердечные родители. Но достовѣрно было одно, что, при крайней бѣдности и даже нищетѣ черкесовъ, ихъ дѣтямъ, быть можетъ, жилось дома хуже, чѣмъ въ неволѣ въ чужой сторонѣ.

По словамъ того же Иванова, армяне, щедро расплачиваясь съ черкесами за покупаемыхъ у нихъ невольниковъ, сильно способствовали этимъ размноженію разбоевъ въ горахъ, главною цѣлью которыхъ было похищеніе людей. Начиная съ половины XVII и до конца XVIII столѣтія, черкесы занимались преимущественно торговлею съ армянами. При посредствѣ послѣднихъ плѣнники и невольники направлялись для продажи въ черноморскіе порты—въ Анапу, Суджукъ, Геленджикъ, Кодосъ, Изгауръ, Сухумъ-кале, Поті, Батумъ, Синопъ и Трапезунтъ. Отсюда плѣнники отправлялись въ Константинополь, Ливанскіе и Египетскіе порты. Въ Египетъ отправляли преимущественно молодыхъ людей крѣпкаго тѣлосложенія, способныхъ носить оружіе, а въ Константинополь—молодыхъ и красивыхъ женщинъ для гаремовъ. Торговля людьми въ Черкессіи усилилась въ послѣдствіи до такой степени, что считалась дѣломъ не противнымъ ни религіи, ни закону. Похищать въ мирное время людей у сосѣдей сдѣлалось для горскаго набѣзника особаго рода удалствомъ, и только одно кровомщеніе между горцами нѣсколько сдерживало порывы хищничества и заставляло дѣлать набѣги не всеѣмъ открыто. Легкость набѣговъ и увода плѣнниковъ была также немаловажною причиною того, что нѣкоторые черкесы, имѣвшіе красивыхъ дѣтей, изъ боязни, чтобы ихъ не украли, сами сѣшили продать ихъ армянамъ.

Нужно вообще замѣтить, что рабы у черкесовъ были въ большинствѣ случаевъ изъ черкесскихъ же племенъ, а у армянъ, которые сѣснялись держать въ рабствѣ христіанъ, рабы были исключительно черкесы. Факты, ярко свидѣтельствующіе объ отсутствіи у черкесовъ какихъ-либо нравственныхъ нормъ или разумныхъ обы-

часвъ для урегулированія взаимныхъ отношеній. Свой былъ рабомъ у своего же, и это считалось въ порядкѣ вещей.

И вотъ такими вредными для человѣческихъ обществъ явленіями приходилось армянамъ питать и поддерживать свою торговую дѣятельность въ горахъ. Чаше всего помогали имъ въ этомъ князья, которымъ, при усиливавшихся набѣгахъ и грабежахъ, некуда было дѣвать похищенныхъ плѣнницъ и дѣтей, имѣвшихъ хорошую рыночную цѣнность. Торговцу также выгоденъ былъ такой товаръ, тѣмъ болѣе что князь являлся и охранителемъ торговца при отправкѣ невольниковъ и невольницъ на приморскіе рынки.

Такова была оборотная сторона торговой медали армянъ. Несомнѣнно, что торговля вообще имѣла огромное значеніе для черкесскаго населенія, приучая его къ гражданственности и доставляя ему выгоды товарообмѣна. Но если бы на одну чашку историческихъ вѣсовъ можно было положить обычные виды торговли, а на другую — торговлю людьми, то послѣдняя, безъ всякаго сомнѣнія, перетянула бы первую. Горцы больше теряли, чѣмъ приобрѣтали въ интересахъ развитія и культуры.

Исторія, однако, точно отпечатлѣвая тѣ и другіе факты, важнѣйшею своею задачею имѣетъ уясненіе причинъ, породившихъ положительныя и отрицательныя явленія, и вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Съ этой точки зрѣнія, существеннымъ собственно для исторіи Армавира является то обстоятельство, что черкесы не имѣли своего торговаго класса и что, такимъ обрзомъ, армяне, замѣняя этотъ классъ собою, явились необходимою органическою частью горныхъ народностей. Безъ армянъ у князя не было бы торговцевъ, и этимъ только усиливалась экономическая роль и политическое значеніе, послѣднихъ, какъ необходимаго сословія. Уздень армянинъ былъ болѣе нужный членъ княжеской дружины, чѣмъ уздень черкесъ. При такомъ отношеніи къ армянамъ, ихъ экономическая роль въ горахъ усиливалась еще болѣе накопленными ими богатствами. Многіе армянскіе уздени были далеко богаче черкесскихъ князей, могли обставить свою жизнь лучше, чѣмъ эти послѣдніе, и пользовались особымъ почетомъ въ населеніи, въ силу того обстоятельства, что большому кораблю — большое и плаваніе.

Въ томѣ XI „Кубанскаго Сборника“, въ примѣчаніи къ статьѣ „Хаджи Магометъ“, авторъ ея Д. Соколовъ сообщаетъ невѣроятныя свѣдѣнія объ армавирскихъ армянахъ, неизвѣстно откуда имъ почерпнутыя. По его словамъ, „жители селенія Армавиръ были нѣкогда рабами у горцевъ, а скупались армяне горцами на разныхъ торговыхъ рынкахъ Турціи“. Исторіи не извѣстны такіе рынки у черкесовъ скупщиковъ, и когда въ шестидесятыхъ годахъ черкесы, по распоряженію русскаго правительства, отпустили на волю своихъ рабовъ, въ рядахъ ихъ не нашлось ни одного армянина. Наоборотъ, армяне имѣли въ горахъ сотни рабовъ черкесскаго происхожденія и съ сотнями такихъ же рабовъ перешли въ Армавиръ, а когда въ

тѣхъ же шестидесятихъ годахъ они отпустили на волю своихъ рабовъ, то изъ нихъ образованъ былъ цѣлый аулъ на р. Урупѣ, въ которомъ они пребываютъ и до настоящаго времени, какъ вольноотпущенники армянскіе. Очевидно, и въ „исторіи“ бываютъ случаи, когда слышенъ звонъ, да неизвѣстно, гдѣ онъ.

Независимо отъ торговли, армяне шире и лучше, чѣмъ черкесы, вели хозяйство, имѣли большія стада скота, особенно табунныхъ лошадей, и значительное число рабовъ для ухода за скотомъ и хозяйствомъ, а женщины армянки славились своею домовитостью и умѣньемъ справляться съ обширнымъ хозяйствомъ въ отсутствіи мужей. Домъ армянина былъ полная чаша, семья жила въ довольствѣ, а для гостя и „кунака“, пріятеля, всегда находился теплый уголь и обильное угощеніе. Последнее считалось въ горахъ высшею добродѣтелью и въ концѣ концовъ узденъ армянинъ являлся, такимъ образомъ, нужнымъ для всѣхъ человѣкомъ, какъ торговый посредникъ, и уважаемымъ лицомъ, какъ богатый горецъ. Все это давало явныя преимущества узденю армянину передъ узденемъ черкесомъ.

Особенно же армяне усилили свой престижъ въ этомъ отношеніи умѣньемъ воспитывать чужихъ дѣтей. Армяне считались лучшими „аталыками“, т. е. воспитателями, которымъ знатные горцы отдавали своихъ дѣтей для воспитанія. Армяне усвоили обычай аталычества у горцевъ, живя между ними, до тѣхъ же поръ онъ былъ имъ совершенно неизвѣстенъ.

Обычай аталычества существовалъ у черкесовъ съ незапамятныхъ временъ и нѣкоторыми писателями объяснялся какъ пережитокъ сѣдой старины, когда въ горахъ Кавказа обитали амазонки и когда раздѣльно, особыми половыми союзами, жили женщины амазонки и мужчины воины. Каждый годъ осенью оба пола сходились въ опредѣленномъ мѣстѣ, приносили здѣсь жертвы своимъ богамъ и свободно вступали во временные браки. Рожденные потомъ отъ этихъ браковъ дѣти дѣлились между обоими полами—женщины оставляли у себя дѣвочекъ, а мальчиковъ отдавали мужчинамъ. Отсюда будто бы и возникъ обычай отдачи мальчиковъ на воспитаніе въ чужія семьи мужчинамъ—„аталыкамъ“.

У черкесовъ отдавали мальчиковъ на воспитаніе только знатныя лица—князья и уздени, т. е. одно военное сословіе, и обычай аталычества сталъ такимъ образомъ, достояніемъ только высшихъ классовъ народа. Считалось большою честью взять на воспитаніе княжескаго сына. Тотъ, кто воспитывалъ княжескаго сына, становился къ князю въ самыя близкія отношенія, ибо былъ для княжича „вмѣсто отца“. Аталыкъ обыкновенно относился къ отданному ему на воспитаніе мальчику съ большимъ вниманіемъ и заботливостью, чѣмъ къ собственнымъ своимъ дѣтямъ. Всѣ въ семьѣ аталыка особенно рачительно ухаживали за княжескимъ ребенкомъ не только потому, что это былъ будущій князь, но и подъ вліяніемъ

возникновѣнія той связи, которая устанавливалась между княжеской семьей и семьей аталыка. Аталыкъ пользовался въ семьѣ своего воспитанника особымъ уваженіемъ, чисто родственными связями, и эта близость къ княжеской семьѣ распространялась не только лично на аталыка, но и на его семью, даже на ауль или родъ, къ которому она принадлежала, хотя и въ извѣстной постепенности. Сыновья аталыка, вскормленные одною грудью съ княжескимъ сыномъ, назывались молочными братьями послѣдняго и, въ качествѣ таковыхъ, пользовались уваженіемъ не только въ семьѣ князя, но и между горцами вообще. На нихъ какъ бы переходила часть обаянія, соединеннаго съ понятіемъ о княжеской крови. Впослѣдствіи, когда княжескій сынъ приходилъ въ возрастъ и становился наѣздникомъ, молочные братья всюду сопровождали его, становились какъ бы его дружинниками, оруженосцами или подручными. Въ то же время они занимали особое мѣсто и въ семьѣ своего главы княжича. Черкешенки, какъ извѣстно, покрывали лицо „чадрой“, покрываломъ: магометанской религіей и обычаями строго воспрещалось показывать открытымъ лицо женщины постороннему мужчине. Но съ молочными братьями женщины княжеской семьи встрѣчались, говорили и проводили время съ открытыми лицами, а дѣвушки обращались, какъ съ братьями. Всѣхъ однофамильцевъ и одноаульцевъ княжичъ называлъ и привѣтствовалъ словомъ „мой аталыкъ“.

Столь прочныя связи воспитателей съ княжеской семьей закрѣплялись обычаями аталычества. Армяне считались особенно искусными аталыками. Къ тому же они, какъ люди состоятельные и часто болѣе богатые, чѣмъ самъ князь, имѣли возможность хорошо обставить воспитанника, чище одѣвать, лучше кормить, систематичнѣе слѣдить за его здоровьемъ и поведеніемъ. Все это давало армянскому узденю преимущества передъ узденемъ черкесскимъ. Черкесскіе уздени на перебой одинъ передъ другимъ старались получить княжескаго ребенка на воспитаніе. Но когда въ горахъ появились и обжились армяне, они отбили профессію аталычества у мѣстныхъ узденей, тѣмъ болѣе, что лучше справлялись съ тѣми задачами, которыя преслѣдовались при воспитаніи будущаго джигита, идеальнаго наѣздника въ черкесскомъ смыслѣ.

Получивши на воспитаніе княжича еще груднымъ ребенкомъ, аталыкъ фактически становился вторымъ его отцомъ и широко пользовался своими отцовскими правами и властью, какъ это водилось у черкесовъ. Лишь только ребенокъ становился на ноги, аталыкъ всѣ свои усилія направлялъ на его физическое воспитаніе. Онъ заставлялъ его рѣзвиться и продѣлывать всѣ тѣ пріемы, которыми развивалась главнымъ образомъ физическая сила, показывалъ ему способы для усвоенія быстроты, гибкости и ловкости въ движеніяхъ, пріучилъ приблизительно опредѣлять разстояніе, примѣняться къ характеру мѣстности и т. п. Затѣмъ аталыкъ научалъ своего воспитанника, какъ надо владѣть оружіемъ—кинжаломъ, лукомъ и

пашкой, а позже и ружьемъ. и какъ надо обращаться съ лошадыю и ѣздить на ней. Все это клонилось къ тому, чтобы выработать изъ питомца наѣздника и джигита, будущую грозу безпечныхъ людей и удалого похитителя чужого добра.

Когда воспитанникъ достаточно укрѣпился физически и умѣлъ ѣздить на лошади, аталыкъ преподавалъ ему на живыхъ примѣрахъ важнѣйшую въ горахъ науку воровства. Онъ бралъ его съ собою на воровство, выбиралъ удобное для того время, принималъ цѣлый рядъ предосторожностей, показывалъ скрытые ходы, лазейки и укромныя мѣста, приучалъ къ осторожности и къ умѣнию выматривать, выжидать и пользоваться удобными моментами. Захвативши при удобномъ случаѣ добычу, онъ съ питомцемъ угонялъ ее домой. Добычей были — лошадь, корова, телокъ или овца, вообще тотъ видъ скота, который подвергивался подъ руку. Послѣ одного, двухъ или нѣсколькихъ такихъ опытовъ, аталыкъ посылалъ своего ученика на самостоятельное воровство, снабдивши его всевозможными указаніями и совѣтами, а самъ аталыкъ старался незамѣтно слѣдить за юнымъ джигитомъ, чтобы оказать ему помощь въ случаѣ нужды. Удачнымъ воровствомъ княжича вѣнчалось дѣло его воспитанія. Ни наука, ни изящныя искусства, ни даже простая грамотность, никакія, однимъ словомъ, школьныя упражненія не полагались при этомъ спартанскомъ воспитаніи. Питомцу давали только то, чѣмъ богата была жизнь — живое слово, умѣнье говорить и пѣть, запоминать сказки, преданія и случаи черкесскаго героизма.

Все это время отецъ, мать и вообще семья воспитанника были разобщены, отрѣзаны отъ него. Обыкновеніе это держалось на томъ соображеніи, чтобы близостью и ласками къ будущему джигиту не попортить его спартанскаго воспитанія. Разумѣется, самъ аталыкъ встрѣчался съ княземъ и давалъ ему отчеты о ходѣ воспитанія, радуя княжеское сердце разказами о случаяхъ удалества своего питомца или некусной, артистической, въ черкесскомъ смыслѣ, кражи.

Когда воспитаніе княжича заканчивалось, мальчикъ, ставши юношей, успѣвалъ воспринять все, что требовалось для джигита, умѣлъ владѣть собою, выказывалъ, однимъ словомъ, достаточную самостоятельность какъ черкесскій воинъ и наѣздникъ, — аталыкъ снабжалъ его полнымъ вооруженіемъ, лучшею лошадыю и щегольскимъ наѣздническимъ костюмомъ. Въ такомъ видѣ узденъ армянинъ доставлялъ сына отцу и сдавалъ его ему на руки. Это было торжественный для всѣхъ моментъ и для князя, и для аталыка, и для его воспитанника, вступавшаго въ родичью семью, и для всѣхъ его родственниковъ по крови и молоку. Съ этого времени окончательно закрѣплялись прочныя связи между княземъ и аталыкомъ, между семьями и даже родами перваго и втораго, а связь аталыка съ его воспитанникомъ продолжалась на кровномъ началѣ. Если воспитанника постигала бѣда, его обидѣли или убивали, —

за кровь убитаго одинаково метили отецъ и аталыкъ. Это была ихъ священная обязанность. Точно такую же обязанность принималъ и воспитанникъ по отношенію къ аталыку. Онъ метилъ за его кровь, какъ за кровь роднаго отца, и часто даже съ большимъ рвеніемъ, подъ вліяніемъ той нравственной связи, которую аталыки умѣли вкладывать въ душу и возрѣнія своихъ питомцевъ.

Какъ воспитатели, армяне были вообще въ модѣ у черкесовъ. Семейная жизнь армянна, домашніе порядки и обстановка заслуживали, съ точки зрѣнія горца, того, чтобы считаться образцовыми и для горца. И черкесская знать охотно отдавала въ семьи армянскихъ узденей на воспитаніе не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Это было уже не видоизмѣненіе стариннаго обычая аталычества, а новизна, введенная въ жизнь черкеса армянами, благодаря ихъ вліянію, какъ сословія передоваго, дѣятельнаго, хорошо матеріально обезпеченнаго и по всему этому заслуживающаго подражанія, въ въ области образцовой внутренней жизни и добрыхъ нравовъ. Отдавая своихъ дочерей на воспитаніе въ армянскія семьи, князья желали, чтобы армянки дали ихъ дѣтямъ свои знанія и семейныя навыки. И армянки научали черкешенокъ шитью, ткацкому ремеслу и разнымъ женскимъ рукодѣльямъ, показывали имъ, какъ надо готовить кушанья и печенья, заготавливать и хранить съѣстные припасы, и вообще порядки веденія хозяйства. Это были, однимъ словомъ, живые примѣрные уроки по семейному укладу и взаимоотношеніямъ армянской семьи, успѣвшей уже окончательно усвоить коренные черкесскіе обычаи. Существенной разницы между обычаями армянской семьи и обычаями черкесской, внѣ религіозныхъ особенностей, не было. Различія сводились лишь къ большей матеріальной обезпеченности армянской семьи сравнительно съ черкесской и къ болѣе чистымъ и здоровымъ началамъ семейныхъ взаимоотношеній. Слѣдовательно, армянская семья служила своего рода школой для горца.

Такъ крѣпко связывали армяне свою судьбу съ княжеской долей, укрѣпляя тѣмъ самымъ свое прочное и безъ того узденское положеніе. Торговля и аталычество были въ сущности своего рода двумя китами, на которыхъ покоилось господствующее положеніе армянскихъ узденей въ средѣ черкесской народности. А какую некую сѣтью тонкихъ жизненныхъ нитей переплетались связи армянскихъ узденей съ черкесскою знатью, объ этомъ можетъ дать некоторое представленіе слѣдующій, сохранившійся въ армавирской исторической копилкѣ, случай.

Въ одно время комендантъ Ананы Хаджи Гасанъ папа разъѣзжалъ въ горахъ между черкессами, убѣждая ихъ, съ одной стороны, соблюдать миръ съ Россіей, какъ желало того Турецкое правительство, а съ другой хранить въ неприкосновенности мусульманскіе законы и слѣдовать въ судебныхъ дѣлахъ одному шаріату т. е. духовному суду. Черкесы обѣщали вести себя съ русскими

миролюбиво и не захотѣли мѣнять свои адаты на мусульманскій шаріатъ. Гасанъ паша между прочимъ попробовалъ поколебать и армянскій авторитетъ въ судебныхъ дѣлахъ и среди горцевъ путемъ приниженія армянъ, какъ христіанъ, передъ мусульманами; но совершенно неожиданно встрѣтилъ несокрушимую преграду къ тому въ аталыческихъ связяхъ армянъ съ черкесскою знатью. Въ Турціи, рассказывалъ паша черкесамъ, армянамъ, какъ христіанамъ, не разрѣшено ѣздить на настоящихъ лошадяхъ, а только на кобылицахъ, и армяне не имѣютъ право носить черкесскіе пояса съ пряжками и наборомъ, а опоясываются просто шарфами. Паша совѣтовалъ и черкесамъ сдѣлать тоже съ армянами, чтобы можно было отличить христіанина отъ мусульманина. Но такія измѣненія сочли позоромъ для армянъ какъ сами армяне, такъ и черкесы. Когда по этому поводу, по приказанію пашы, былъ присланъ къ нему армянскій узденъ Бароновъ и паша предложилъ ему передать изложенныя выше предложенія остальнымъ армянамъ, то Бароновъ на отрѣзъ отказался взять на себя эту миссію, предупредивши пашу, что онъ скорѣе позволитъ отрѣзать себѣ голову, чѣмъ зайкнуться хоть однимъ словомъ о столь постыдномъ для армянъ, какъ узденей, предложеніи. Паша въ свою очередь вспылить и безъ разговоровъ приказалъ казнить ослушника. Но тутъ выступили съ своими соображеніями черкесы. Они объяснили Хаджи-Гасану, что ни въ коемъ случаѣ нельзя ни казнить Баронова, ни трогать армянъ, такъ какъ армяне состоятъ аталыками всѣхъ знатныхъ, вліятельныхъ и наиболѣе сильныхъ черкесскихъ князей. По обычаямъ аталычества, князья должны будутъ стать на защиту армянъ, и тогда между самими черкесами могутъ возникнуть такія распри и междуусобіе, какихъ не было еще въ горахъ отъ сотворенія міра. Въ виду столь рѣшительной перспективы, Хаджи-Гасанъ паша отмѣнилъ свое рѣшеніе относительно Баронова и оставилъ армянъ въ покоѣ.

Въ дѣйствительности вліяніе армянъ на господствующіе въ горахъ классы было такъ глубоко и всесторонне, что не было ни одной стороны какъ въ жизни черкесовъ вообще, такъ и въ жизни князей въ частности, на которую такъ или иначе не воздѣйствовали бы армяне. Князья имъ довѣряли свои тайны и поручали улаживать самыя интимныя и щекотливыя дѣла. Въ такихъ случаяхъ съ особою яркостью выступали не столько армянскія узденскія права, торговое значеніе и аталычество, сколько армянскій умъ, тотъ духовный аппаратъ, благодаря которому армяне христіане смогли въ конечномъ результатѣ такъ прочно и удобно устроиться среди мусульманъ черкесовъ и играть въ ихъ жизни такую важную деризирующую роль.

Особенно поразительна была эта роль въ семейныхъ дѣлахъ князей и въ черкесскомъ народномъ судѣ. Нерѣдко армяне улаживали недоразумѣнія, возникавшія между князьями или даже въ ихъ семьяхъ, являясь третейскими судьями въ однихъ случаяхъ и посред-

никами по мировымъ сдѣлкамъ въ другихъ, разрѣшали княжескіе споры и умѣряли взаимныя претензіи по дѣламъ имущественнымъ и кровавой мести. Особенно цѣнными посредниками они слыли у черкесовъ при сватовствѣ и заключеніи брачныхъ договоровъ. За эти послѣднія услуги князья не только высоко цѣнили дипломатическую ловкость армянъ — узденей, но и хорошо платили имъ за это, щедро одѣляя ихъ подарками. Это было въ обычаяхъ того времени и архангелскій почетъ родового быта уживался съ демократическою кощѣйкой позднѣйшаго времени.

Верхи же армянскаго вліянія и авторитета сказывались въ народныхъ мусульманскихъ судахъ. Тутъ ужъ, можно сказать, армяне занимали особое исключительное положеніе. Какъ-то не вяжется съ обычными представленіями совмѣстное участіе въ народномъ мусульманскомъ судѣ такихъ судей, какъ армяне христіане, съ одной стороны, и черкесскіе муллы, съ другой. А между тѣмъ въ такомъ составѣ черкесскіе суды рѣшали какъ гражданскія дѣла мусульманскаго населенія, такъ и уголовныя до семейныхъ и религіозныхъ правонарушеній включительно. Волѣе того. Даже тогда, когда черкесы превратились въ истыхъ магометанъ и стали фанатичными дѣтьми пророка, армяне заѣзжали въ черкесскихъ народныхъ судахъ, какъ люди почетные и уважаемые, участвовали въ рѣшеніяхъ дѣлъ по шаріату, подавали свои голоса на равнѣ съ муллами и часто армянскими христіанскими голосами вершились судебныя дѣла, а голосъ муллы оставался безрезультатнымъ и лишеннымъ авторитета и силы. Такъ великъ былъ армянскій престижъ и судейскій авторитетъ. Армяне вообще считались у черкесовъ наиболѣе мудрыми, безпристрастными и справедливыми судьями въ дѣлахъ большаго значенія для черкеса, касавшихся его чести и добраго имени.

Неудивительно, что при такихъ преимуществахъ, какія были на сторонѣ армянъ, какъ болѣе культурной, дѣятельной и хорошо организованной народности, не только черкесскіе уздени, но и князья часто вступали съ армянами христіанами въ родственныя связи. Они выдавали за армянъ своихъ дочерей, которыя вступали въ армянскія семьи при непремѣнномъ условіи принятія христіанской вѣры. Черкешенки также охотно выходили замужъ за армянъ, такъ какъ жизнь съ ними имъ сулила полное довольство и относительно самостоятельное положеніе. А старики, кромѣ личныхъ качествъ новой родни, дорожили армянами, какъ людьми богатыми, которые не стѣнялись въ выплатѣ самаго высокаго калыма за невѣсту. Но были лишь случаи выдачи черкешенокъ за армянъ и не было случаевъ выхода замужъ армянокъ за черкесовъ. Особенно часты, по преданію армавирцевъ, были выходы въ замужество черкешенокъ за армянъ въ былыя времена. Быть можетъ, этимъ и объясняется возникновеніе легенды объ армянахъ піонерахъ, какъ холостыхъ войнахъ. Но были и другія обстоятельство, способствовавшія частому заключенію браковъ армянъ съ черкешенками. Чѣмъ дальше въ глубь про-

шедшихъ временъ, тѣмъ меньше была религіозная пропасть между черкесами и армянами. Черкесы были полухристіанами и терпимо относились къ настоящимъ христіанамъ - къ армянамъ, не видя ничего предосудительнаго въ обращеніи ихъ дочерей въ полныхъ христіанокъ. Армяне же упрочивая свое положеніе въ чужомъ краѣ, охотно и умѣло пользовались такою податливостью аборигеновъ. Позже, когда послѣдніе стали омусульманиваться и обращаться въ фанатиковъ, труднѣе было устраивать браки между христіаниномъ и магометанкой. Тѣмъ не менѣе въ Армавирѣ и теперь еще здравствуетъ старуха черкешенка благородной узденской крови, отдавшая предпочтеніе армянскому браку передъ черкесскимъ, принявшая христіанство и навсегда связавшая свою судьбу съ армянами.

IV.

Внутренняя жизнь и религія.

Сколько помнятъ армавирцы, раньше у нихъ всегда были только старшіе и младшіе - и больше никого, никакого начальства. Старшіе, почтенные старики, руководили общественными дѣлами и направляли дѣятельность молодого поколѣнія. Младшіе, съ почетомъ и уваженіемъ, относились къ старикамъ и къ искушеннымъ жизнью руководителямъ. И теперь еще, въ тѣсномъ кругу повседневныхъ встрѣчъ и отношеній, у армавирцевъ существуетъ прекрасный обычай привѣтствія молодежи стариковъ. Серьезно и вѣжливо молодой армавирецъ произноситъ первымъ свое привѣтствіе старику, желая ему добраго утра или дня, и слегка приподнимаетъ при этомъ правую руку къ лицу, наподобіе того, какъ военные отдають честь. Спокойно и съ достоинствомъ отвѣчаетъ пришедшему его же словами старикъ. Нѣсколько мгновеній молчанія. Младшій стоитъ въ почтительной позѣ, выжидая, какъ отнесется къ нему убѣленный сѣдинами старикъ - подастъ ли ему руку, предложитъ ли ему сѣсть, или, быть можетъ, первымъ спроситъ, зачѣмъ онъ пришелъ? И чувствуется въ этомъ почтительномъ выжиданіи и степенныхъ, методичныхъ движеніяхъ старика вѣяніе той сѣдой старины, когда у людей были только старшіе и младшіе - и больше никого.

Это были времена господства родового начала въ жизни и дѣятельности людей, когда патріархальный бытъ слагался изъ простѣйшихъ экономическихъ явленій, несложныхъ общественныхъ отношеній и формировавшагося еще семейнаго уклада. Тогда были отцы и дѣды, сыновья и внуки - и длинная вереница наименований родни мужской и женской, родными или родовичами были все, потому что все произошло отъ одного колѣна и изъ одного корня. Далеко ушло отъ армавирцевъ это время и они не помнятъ его

въ первобытной чистотѣ. По вліяніе родового начала на внутреннюю ихъ жизнь и взаимоотношенія было сильно, когда они жили между черкесскими племенами и когда, отдѣлившись отъ нихъ, переселились въ Армавирь. Объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ бытовымъ явленіямъ, дошедшимъ до нашихъ дней. Но такую же, хотя и за позднѣйшее время, старину хорошо помнятъ еще армавирскіе старики не только по разсказамъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, но и по личнымъ своимъ воспоминаніямъ. Она, эта старина, не вышла еще изъ ихъ міросозерцанія.

Въ старину первую и самую насущную нужду совмѣстной жизни родовичей составляла организація управленія. Въ такихъ аулахъ горскихъ армянъ, какъ Гяурхабль, Егерухай, Адыхой и др., нельзя уже было жить безъ общественнаго управленія. Кто же и какъ заправлялъ ими? Въ Ставропольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ пятидесятыхъ годовъ было напечатано, что когда армавирскіе армяне жили за Кубанью между черкесами, то для порядка выбирали изъ своей среды старшину, который и заправлялъ всѣмъ ауломъ. Это положительно не вѣрно. Ни тогда, ни раньше аульныхъ старшинъ у армянъ не было. Управленіе вѣдала такъ называемая „тхамада“, которую лица, описовавшія Армавирь, по незнакомству съ армянскимъ языкомъ и организаціей управленія, и называли господиномъ старшиной въ нашемъ оффиціальномъ смыслѣ. Въ переводѣ на русскій языкъ слова тхамада значитъ старшіе. Тхамадой можно назвать и старшину, какъ старшее въ управленіи лицо. Но на самомъ дѣлѣ тхамада представляла не лицо, не единоличнаго начальника, а коллегіальный органъ, состоявшій изъ четырехъ выборныхъ лицъ. Всѣ они были равноправны, не выбирали изъ своей среды старшаго, а заправляли ауломъ сообща, на чисто коллегіальномъ началѣ.

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же Ставропольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, мнимый аульный старшина названъ армянскимъ словомъ „ерецпоханъ“, съ поясненіемъ, что въ русскомъ переводѣ это означаетъ „за священника“. Въ этомъ случаѣ аульный старшина рисуется двуначальникомъ, старшиной и вмѣстѣ духовной особой низшаго ранга, которая будто бы, заправляя ауломъ, исправляла и нѣкоторыя требы, напоминая по внѣшности мусульманскаго муллу — такъ далеко зашла фантазія автора. Въ дѣйствительности же „ерецпоханомъ“ назывался одинъ изъ членовъ тхамады, которому товарищи поручали хранить священную утварь, чтобы она была подъ руками при совершеніи богослуженія и требъ заѣзжимъ въ аулъ священникомъ, такъ какъ постоянныхъ поповъ въ аулахъ не было. Ерецпоханъ, слѣдовательно, ничего общаго не имѣлъ ни съ старшиной по власти, ни съ муллою по внѣшности, а попросту былъ ктиторъ.

Характерно въ этомъ случаѣ, что правящій органъ состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, а не изъ одного начальника. Тхамада

представляла нѣкоторое отступленіе отъ единоличной формы родового управленія. Въ неконныхъ, чистыхъ формахъ родового управленія родомъ управлялъ одинъ родоначальникъ — „аксакалъ“, т. е. бѣлобородый, у современныхъ намъ киргизовъ, старѣйшина у другихъ народовъ; у армянъ же ихъ было нѣсколько, несмотря на то, что аулы у нихъ были не велики и малолюдны. Объясняется это, надо полагать, тѣми условіями, въ которыхъ находились армяне. Выше уже было упомянуто, что первоначально они жили раздѣльно, немногими семьями, разбросанными въ разныхъ черкесскихъ аулахъ, и что позже, когда они размножились и расширили свои хозяйственныя занятія, эти разрозненные семьи собирались въ одно мѣсто и образовывали аулъ, общину, т. е. создавали такую форму, для которой, въ силу необходимости, требовалось общественное управленіе. Естественно, что при этомъ представители разныхъ, составныхъ частей аула желали принимать участіе въ общественномъ управленіи черезъ своихъ уполномоченныхъ. Это вѣдь была не первичная родовая форма, когда отъ одного колѣна, путемъ браковъ и рожденій, получалось нѣсколько развѣтвленій, жившихъ въ одномъ мѣстѣ или кочевавшихъ вмѣстѣ, а форма позднѣйшая, видоизмѣненная, но несомнѣнно родовая. Она составлялась путемъ соглашенія, договора изъ разрозненныхъ родовичей или отдѣльныхъ фамилій, какъ это водилось у горскихъ армянъ. А фамиліи считали болѣе или менѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ имѣть во главѣ управленія не одного, а нѣсколько старѣйшинъ.

Въ организаціи этой видоизмѣненной формы управленія, слѣдовательно, ярко отразились народный творическій умъ и вѣрное пониманіе тѣхъ осложнившихся жизненныхъ задачъ, которыя предстояло разрѣшать новому органу управленія. Старая первичная форма родового управленія, при наличности одного старѣйшины или родоначальника, естественно, путемъ эволюціи перешла въ повѣйшую форму родового самоуправленія при участіи въ немъ нѣсколькихъ старѣйшинъ.

Несмотря на кажущуюся простоту и незатѣйливость тхамалы, она фактически выполняла очень сложную и отвѣтственную роль. Ея вѣдѣнію подлежали самыя разнообразныя дѣла, начиная съ какого-нибудь мелкаго наряда по аулу и оканчивая случаями кровавой мести, убійствъ и вооруженныхъ дѣйствій съ стороны цѣлыхъ группъ населенія или партій. При этомъ тхамала находилась, такъ сказать, между двухъ огней. Съ одной стороны, приходилось соблюдать интересы роднаго аула, а съ другой, ладить съ господствующимъ сосѣднимъ населеніемъ — съ черкесами. Отношенія переносились и нужно было много умѣнья и такта, чтобы, регулируя собственную внутреннюю жизнь, не перейти чужихъ границъ вѣдѣнія и не допустить вторженія въ свои.

Тхамала была административнымъ и судебнымъ органомъ вмѣстѣ и послѣднимъ въ большой степени, чѣмъ первымъ. Административныхъ дѣлъ и распоряженій по аулу, позволительно думать,

было мало потому уже, что въ жизни господствовало родовое начало, при которомъ послушаніе и непрекословное подчиненіе вельбнїямъ родоначальниковъ было для всѣхъ непреложнымъ закономъ. Но случаи частыхъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ могли встрѣчаться на каждомъ шагу. Могли быть претензіи самихъ армянъ другъ къ другу, армянъ къ черкесамъ и черкесовъ къ армянамъ. Все это было тѣмъ возиожнѣе, что кругомъ въ горькомъ населеніи царили ничѣмъ не сдерживаемыя страсти, безшабашное удальство, дерзкіе грабежи и повальное воровство.

По установившимся въ теченіе долголѣтнаго совмѣстнаго сожителъства армянъ съ черкесами, обычаямъ, свои внутреннія дѣла армяне вѣдали самостоятельно, безъ всякаго касательства къ нимъ черкесовъ и ихъ князей: дѣла же, къ которымъ были прикосновенны вмѣстѣ съ армянами и черкесы, разрѣшались черкесскимъ судомъ при участіи армянъ. Тхамата строго держалась этого естественнаго подраздѣленія правонарушеній и, согласно съ нимъ, она и дѣйствовала. Такъ, семейныя несогласія и распри всецѣло вѣдала тхамата. Всѣ дѣла имущественнаго характера, взаимныя оскорбленія, драки, споры и пр. между армянами также подлежали вѣдѣнію тхаматы. Воровство, совершенное армянами у армянъ, разбиралось и каралось тхаматой. Наконецъ, убійство, пораненія и соединенное съ ними кровомщеніе, разъ все это совершалось среди самихъ армянъ, точно также считались исключительно армянскимъ дѣломъ, и тхамата, какъ судебный органъ, играла въ дѣлахъ этого рода очень важную роль.

Вѣдая проступки и правонарушенія, совершенныя въ собственной своей средѣ, армяне, хотя и держались черкесскихъ адатовъ, но придавали судебному дѣлу и свои національныя особенности. Мелкія дѣла и проступки разрѣшались тхаматой просто и легко, ихъ вообще было мало и стороны непрекословно подчинялись рѣшеніямъ тхаматы. Если виновный былъ изоблеченъ въ воровствѣ, то добровольно, безъ всякихъ проволочекъ и отговорокъ, возвращалъ хозяину украденное или соотвѣтственную стоимость. Между тѣмъ какъ въ такихъ случаяхъ воръ черкесъ, при наличности даже самихъ неопровержимыхъ уликъ, нахально отрицалъ свою вину, считая безчестьемъ и опороченіемъ добраго имени публичное сознаніе, изобличавшее его въ томъ, что онъ не сумѣлъ украсть, какъ слѣдовало бы, и спрятать концы кражи. Точно также армяне непрекословно подчинялись рѣшеніямъ тхаматы по имущественнымъ искамъ и претензіямъ, по денежнымъ дѣламъ и долговымъ обязательствамъ, по наложенію штрафовъ за уголовныя преступленія и т. п.

Судъ тхаматы былъ судъ патріархальный, основанный на обычаяхъ и отличавшійся поразительнымъ объективизмомъ судей и справедливостью. Хотя, поѣтому, у армянъ, какъ и у черкесовъ, и не было спеціальнаго органа, приводившаго въ исполненіе приговоры

суда. но само населеніе относилось съ такимъ уважаніемъ къ этимъ приговорамъ, которымъ какъ бы исключалась необходимость въ спеціальномъ органѣ. Къ тому жѣ армяне, какъ и черкесы, въ важнѣйшихъ случаяхъ принимали предварительную присягу въ томъ, что тяжущіеся подчинятся рѣшенію суда, а присяга служила также болѣе дѣйствительнымъ средствомъ подчиненія рѣшеніямъ суда, чѣмъ принудительныя мѣры. Да и сама по себѣ тхамата служила такимъ установленіемъ, авторитетомъ котораго и полномочіями въ достаточной степени гарантировались ея приговоры, ибо это былъ органъ родоначальниковъ, который, въ силу этого, былъ органомъ административнымъ или карательнымъ по родовому праву, т. е. по праву отца надъ сыномъ, старшаго надъ младшимъ.

Иначе обстояло дѣло съ актами кровомщенія. Они, какъ отмѣчено уже, разрѣшались черкесскимъ адатомъ, но собственно у армянъ не подчинялись установленнымъ адатами нормамъ. Армянинъ, убившій черкесскаго узденя, платилъ за него роду пеню въ 200 коровъ и тѣмъ дѣло ликвидировалось. Но при убійствѣ армянина армяниномъ, тхамата, старшіе и вообще все населеніе такъ или иначе реагировали на эти тяжелые случаи правонарушенія. Тхамата назначала самую вышеную пеню, чтобы угрозою разоренія удержать другихъ отъ преступленій, старшіе и населеніе выступали въ роли посредниковъ и умиротворителей. Такимъ образомъ, это былъ судъ не только спеціальный, но и общественный въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Дѣломъ внутреннихъ распорядковъ служили у армянъ и немногія установленія религіознаго характера. Какъ упомянуто уже выше, у армянъ не было постояннаго, живущаго въ аулахъ, духовенства, и армяне сильно нуждались въ пастыряхъ, которые посѣщали ихъ только наѣздами и часто въ большіе промежутки времени. Бывали случаи, когда пріѣхавшій священникъ предварительно крестилъ жениха и невѣсту, а потомъ вѣнчалъ ихъ. Особенно часто это случалось въ глухихъ уголкахъ. Случаи посѣщенія армянъ священникомъ были, поэтому, своего рода событіями въ жизни армянъ и носили, такъ сказать, праздничный характеръ. У армянъ въ горахъ не было ни церквей, ни часовенъ, ничего такого, что напоминало бы черкесамъ, что ихъ сосѣди и сожители христіане. Вотъ какъ одинъ изъ армавирскихъ стариковъ описалъ пріѣзды въ армянскій аулъ священника, о чемъ ему въ свою очередь разсказывалъ часто его дѣдъ.

„Бывало, ерецоханъ или кто-либо другой возьметъ мѣдный подсвѣчникъ, подойдетъ съ нимъ къ саклѣ и ударяетъ по немъ ножомъ или чѣмънибудь мегаллическимъ, чѣмъ вызывался бы звонъ. Это былъ нашъ колоколь. Все таки, пояняялъ разсказчикъ, „дзинь-дзинь“ каждый слыналъ. И каждый тогда зналъ, что пріѣхалъ въ аулъ священникъ, и шелъ въ назначенное мѣсто, чтобы помолиться и выслушать богослуженіе. А настоящихъ колоколовъ, которые

во всеуслышаніе гудѣли бы, какъ теперь, ни у кого не было. Во-
злись черкесовъ“.

Но армяне сильно желали имѣть настоящій колоколъ. Какъ-
то они узнали, что у одного изъ абадзеховъ въ глухихъ горахъ
хранилась какая-то древняя христіанская святыня. Что-то тяжелое
было завернуто въ бѣлый покровъ и никто не рѣшался развернуть
этотъ покровъ и посмотрѣть, что тамъ подъ нимъ было, боясь ос-
корбить святыню. Вѣдь, однако, знали, что это была святыня и что
святыня эта сохранилась въ аулѣ съ древнихъ временъ, когда въ
горы набѣжали франки и черкесы считались христіанами, но что
хранилось подъ бѣлымъ покровомъ, объ этомъ боялись даже гово-
рить. Но если въ аулѣ появлялся моръ и повальные болѣзни, или
ауль посѣждалъ неурожай, или у кого-либо въ семьѣ случалось
несчастье, то тогда шли къ святынѣ, становились передъ ней на
колѣни, молились ей, какъ Богу, и просили ее, чтобы она охраня-
ла ауль отъ болѣзней, смерти и несчастій или чтобы она избави-
ла отъ бѣды потерявшихъ людей. И вѣдь вѣрили, что святыня мо-
гла это сдѣлать, если ей угодна была молитва и если заслужива-
ли того люди, прогнѣвившіе Бога. Вотъ эту святыню, заверну-
тую въ бѣлый покровъ, и удалось армянамъ перевезти въ Гяур-
хабльскій ауль, когда онъ находился по лѣвую сторону р. Бѣлой,
на землѣ хатукаевцевъ, рядомъ съ ауломъ князя Джембулата Бо-
лотокова. Имъ привезли святыню сами абдзехи, но, разумѣется,
армяне щедро вознаградили ихъ, потому что догадались, какая
святыня была подъ покровомъ. Это былъ колоколъ, который такъ
желали имѣть гяурхабльцы. Однако, армяне, изъ боязни вражды
и преслѣдованій со стороны черкесовъ, побоялись повѣсить откры-
то колоколъ и звонить въ него. Они продолжали хранить его,
какъ святыню, признаваемую и черкесами. Только поселившись
въ Армавирѣ, христіанское населеніе воспользовалось абадзехскимъ
колоколомъ, какъ того требовали христіанскіе обычаи. Теперь
этотъ историческій колоколъ виситъ на колокольнѣ одной изъ цер-
квей Армавира и въ него звонятъ въ торжественные дни, а его
звуки напоминаютъ армянамъ давно прошедшія времена.

По этому любопытному случаю можно судить, какъ и при
какихъ условіяхъ горскимъ армянамъ приходилось исповѣдовать
христіанскую религію, живя между черкесами. Въ то время, ког-
да армянскіе пионеры пришли въ горы, черкесы были еще, если
не настоящими поклонниками Христа, то во всякомъ случаѣ полу-
христіанами и полуязычниками, и къ тому же очень вѣротерпимою
народностью. Настоящими христіанами они не сдѣлались по тому,
что не было ни достаточно продолжительнаго времени для насаж-
денія христіанства, ни такихъ фанатичныхъ и энергичныхъ пропо-
вѣдниковъ, какими были потомъ у нихъ исламскія муллы, а меж-
ду тѣмъ тяготѣніе черкесовъ ко всему языческому, съ чѣмъ вѣка-
ми они сжились, было сильнѣйшее. Урумы, т. е. греки, а позже

потомъ франки, т. е. гегуэзцы, успѣли посѣять между ними сѣмена христіанской религіи, и пока у черкесовъ велель сношенія съ ними, христіанскій свѣточъ горѣлъ постояннымъ огнемъ. Были христіане черкесы, было у нихъ духовенство, были храмы, слѣды которыхъ сохранились до нашихъ дней. Позже, съ ослабленіемъ христіанской пропаганды и съ крупными перемѣнами международнаго политическаго характера, у черкесовъ все смѣшалось и перепуталось. Въ одно и то же время они были и христіанами, и язычниками, и магометанами.

Въ № 40 газеты Кавказъ за 1846 годъ помѣщены были въ высшей степени интересныя выдержки изъ записокъ армянскаго священника Іоанна Хазарова. Узнавши отъ екатеринодарскихъ армянъ, что за Кубанью въ горахъ между черкесами живутъ ихъ единоплеменники безъ духовенства, сильно нуждающіеся въ исполненіи религіозныхъ требъ, онъ отправился къ этимъ оторваннымъ отъ армянской церкви дѣтямъ для служенія, чтобы предворатить колеблющихся къ переходу въ магометанство, свившее уже въ это время прочное гнѣздо въ горахъ. „Чтобы больше ознакомиться съ положеніемъ своихъ единовѣрцевъ, священникъ три раза ѣздилъ въ земли мирныхъ и немирныхъ горцевъ, имѣя проводниками одного знатнаго черкеса и пятерыхъ изъ закубанскихъ армянъ“. Изъ статьи, помѣщенной въ газетѣ „Кавказъ“ не видно, въ какіе годы отецъ Іоаннъ Хазаровъ посѣщалъ закубанскія мѣста, но, по собственнымъ его словамъ, онъ лично посѣтилъ закубанскихъ армянъ „отъ Анапы и до укрѣпленія Ахметъ, что близъ горы Эльбрусъ“. Эти посѣщенія совпадали, слѣдовательно, съ послѣднимъ пребываніемъ черкесо-гаевъ между горскими племенами. Судя по одному мѣсту записокъ, гдѣ говорится, что въ 1839 году въ горахъ былъ и умеръ тогда же священникъ изъ Екатеринодара Іоаннъ Аараловъ, предшественникъ Іоанна Хазарова, послѣдній былъ въ горахъ въ первые годы существованія Армавира.

Священникъ Хазаровъ вынесъ изъ горъ очень интересныя наблюденія и свѣдѣнія, добытыя путемъ распросовъ. „Преданіе и рассказы старожиловъ, говоритъ онъ, убѣждаютъ, что черкесы не болѣе, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ приняли магометанскую вѣру.“ т. е. въ концѣ XVII столѣтія, что исторически вѣрно. Въ болѣе раннюю эпоху они были христіанами, а впослѣдствіи вернулись къ своимъ языческимъ вѣрованіямъ. Подтвержденіемъ этого служатъ тѣ обычаи и обряды, которые наблюдалъ или о которыхъ слыхалъ отецъ Хазаровъ.

„До обращенія въ магометанство, говоритъ онъ, черкесы при молитвѣ обращались лицомъ къ востоку, зажигали въ домахъ восковыя свѣчи и клали земные поклоны. Испрашивая у неба миръ, благополучіе и изобиліе плодовъ земныхъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ они собирались подъ тѣнью нѣкоторыхъ огромныхъ деревьевъ, привязывали къ сучьямъ кресты, совершали жертвоприноше-

нія и заключали угощеніемъ. Это называлось „ташь“, богоугодная жертва или молебень. За немѣніемъ священника, черкесы избирали какого нибудь старика, облачали его въ бѣлую войлочную мантию — „ямычи“, и тотъ, взявъ въ руки деревянную чашу, подобную причастной, и наполнивъ ее виномъ, а за немѣніемъ его, водкою и бузою, обращался лицомъ къ востоку и, стоя среди народа, читалъ молитву обычную, а часто импровизированную на мѣстѣ. Потомъ обращался къ народу, призывалъ на него милость и благословеніе небесъ и желалъ ему исполненія того, что было плодомъ молебствія. Все это заканчивалось пиршествомъ“.

О. Хазаровъ привелъ этотъ обычай горцевъ, къ которому причастны были и армяне, какъ яркій образецъ остатковъ христіанства, но въ сущности это былъ старинный языческій обычай черкесовъ лишь съ нѣкоторыми наслоеніями къ нему позднѣйшей религіи — христіанства. Моленія въ лѣсахъ были излюбленнымъ языческимъ обрядомъ горцевъ. Здѣсь они молились лѣенному богу — Мезитху, которому были посвящены во многихъ мѣстахъ заповѣдныя священныя рощи, какъ напр. Тхамахинская, возлѣ которой возникъ потомъ поселокъ, названный Тхамахинскимъ. Языческіе признаки описаннаго о. Хазаровымъ обычая: обращеніе къ небу, а не къ христіанскому Богу, жертвоприношеніе и пиршество, а христіанскіе признаки: свѣчи, привязанныя къ сучьямъ деревьевъ, старикъ въ войлочной мантии и чаша. Но самъ по себѣ весь обрядъ моленія о шипосланіи плодовъ земныхъ былъ чисто языческимъ.

Таковы были и всѣ другіе обычаи и обряды, въ которыхъ сохранились слѣды христіанства. О. Хазаровъ описалъ цѣлую серію ихъ.

Новый годъ у черкесовъ начинался „тлеуменкъ“, т. е. мясопустомъ, когда питались одними бобами, и послѣ него праздновалось Рождество Христово, но самое празднованіе проводилось въ играхъ и забавахъ, характерныхъ для язычества.

Своеобразными обрядами сопровождалось празднованіе „Созеренъ“ или Срѣтенія Господня. Вечеромъ, накануне праздника, въ назначенный домъ входила молодая, богато убранная женщина съ зажженною свѣчею, оставшеюся отъ прошлогодняго праздника, зажигала этою свѣчею другія свѣчи и становилась у запертыхъ дверей, съ лицомъ все время обращеннымъ къ востоку. Къ этой двери подходилъ хромой старикъ съ палкою, утыканною восковыми свѣчами, и громко произносилъ: „ой созеренъ, ичерухи тхечахъ,“ т. е. отверзай намъ двери. И весь народъ, сопровождающій старика, громогласно повторялъ эти слова. Женщина отворяла дверь. Тогда старикъ, войдя съ народомъ въ домъ, зажигалъ на палкѣ свѣчи и читалъ молитвы. Послѣ этого у дома зажигались костры и каждый, уходя съ зажженною свѣчею домой, разводилъ у себя костеръ. Смѣшеніе опять таки христіанскихъ и языческихъ обрядовъ вмѣстѣ.

Масляницу черкесы называли „Угагъ“, а великій постъ „Угыгъ“, продолжавшійся 48 дней. Вербный день назывался „Гушгахъ“, т. е.

воскресеніе мертвыхъ. Въ слѣдующее воскресенье черкесы праздновали Пасху—„Удышъ“. Весь постъ они собирали яйца, разбить которыя въ это время считалось большимъ грѣхомъ, наканунѣ Пасхи яйца красились, и ими черкесы разговлялись, послѣ чего приступали уже къ другимъ яствамъ.

Особенно почиталась у черкесовъ Богоматерь „Миріамъ“. Въ честь ея устраивались особые праздники. Такъ 7 апрѣля праздновался „Нагыпатахъ“, что буквально означало „подарить свѣжими цвѣтами“. Въ этотъ день дѣвушки и молодыя женщины толпами выходили въ поле, собирали цвѣты и дарили ими другъ друга. По объясненію стариковъ, обычай этотъ перешелъ къ нимъ отъ предковъ въ ознаменованіе того, что при благовѣщеніи Св. Дѣвѣ Маріи ангелъ принесъ ей цвѣтокъ. Обычай свято соблюдался и при посѣщеніи о. Хазаровымъ горскихъ армянъ и черкесовъ.

Другой праздникъ назывался „Тгагрныхъ“, т. е. Божья дочь или Господня дѣва. Въ этотъ праздникъ каждая дѣвушка относилась въ домъ молитвы цыпенка. Здѣсь готовились кушанья, и весь народъ собирался сюда „на дѣвичій обѣдъ“, послѣ котораго поздравляли другъ друга съ заговѣнами Богородицы. Всю слѣдующую недѣлю затѣмъ постились, а въ воскресенье торжественно справляли праздникъ „Ташхоянъ“, т. е. Матерь Божья. Весь народъ въ это время пѣлъ въ честь Богородицы: „Ташхояне Миріамнхо, Миріемнефъ тѣфжанъ дыхрыканъ мазе зыпшахъ“ что означало: „великаго бога мать, великая Марія, свѣтлая Марія, облаченная въ золото бѣлое, на которомъ имѣетъ луну, а вокругъ себя солнце“. Такихъ хвалебныхъ пѣсенъ въ честь Богородицы, по словамъ о. Хазарова, было много и Пресвятая Дѣва въ это время одинаково почиталась черкесами и армянами.

Дни, недѣли назывались также христіанскими именами, а праздникъ „Истукъ“ сопровождался окропленіемъ водою всякаго, кто подвертывался подъ руку, и проводился въ веселыхъ играхъ народа. Въ рѣдкихъ случаяхъ къ христіанскимъ обрядамъ не примѣнивались языческія обыкновенія. Рога приносимаго въ жертву животнаго украшались зажженными свѣчами, а при закланіи самой жертвы обращались лицомъ на востокъ.

Были, по свидѣтельству о. Хазарова, и многіе другіе обычаи и обряды съ христіанскою окраскою. Священникъ упоминаетъ также о христіанскихъ храмахъ, оставшихся у черкесовъ въ горахъ. Все это привело его къ тому заключенію, что черкесы были раньше христіанами, утратившими потомъ эту религію.

Что черкесы были раньше христіанами или, правильнѣе, полухристіанами и полуязычниками, это неоспоримый историческій фактъ. Нессомнѣнно также, что благодаря этому факту, черкесы такъ охотно приняли въ свою среду армянъ и быстро сжились съ ними. Повидимому, особенно въ первое время, армяне вмѣстѣ съ черкесами совершали извѣстные обряды религіознаго характера.

Это естественно сближало ихъ и служило связующимъ звеномъ, но и армяне, какъ черкесы, постепенно теряли истинныя основы христіанства и коснѣли въ языческихъ обычаяхъ и правахъ. () погребальныхъ языческихъ обрядахъ, усвоенныхъ армянами у черкесовъ, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ, священникъ Хазаровъ не упоминаетъ. Но онъ далъ слѣдующую яркую характеристику тѣмъ горскимъ армянамъ, которыхъ онъ въ первый разъ встрѣтилъ.

„Екатеринодарскіе армяне, повѣствуетъ онъ, приводили часто ко мнѣ черкесовъ и говорили, что они армяне; но я не могъ въ нихъ узнать не только армянъ, но и христіанъ. При понужденіи ихъ подойти къ моему благословенію, желая показать себя христіанами, они вмѣсто крестнаго знамени прикладывали руку ко лбу, дѣлали ею на груди какое-то движеніе, вовсе не умѣя креститься“. И это вполнѣ естественно. Отъ долгаго пребыванія въ горахъ безъ духовенства, армяне, оставаясь искренне вѣрующими христіанами, совершенно утратили обрядовую сторону религіи. Съ внѣдреніемъ между черкесами магометанства, это духовное одичаніе грозило усилиться еще больше, да и дѣйствительно усилилось. Въ прежнее время, по свидѣтельству Хазарова, армянское духовенство рѣдко посѣщало закубанскихъ армянъ, и часто они надолго оставались безъ пастырей и вѣроучителей. Когда же между черкесами сталъ укрѣпляться исламъ, армянъ въ горахъ начали чаще посѣщать армянскіе священники, старавшіеся предотвратить переходъ армянъ въ магометанство. О. Хазаровъ упоминаетъ о нѣсколькихъ священникахъ-добровольцахъ, посѣщавшихъ черкесо-гаевъ.

Въ 1808 году у армянъ былъ монахъ Вартакъ, строго запретившій имъ похищеніе дѣвицъ и нѣсколько ослабившій тѣмъ этотъ обычай. У темиргоевцевъ, въ мѣстечкѣ Гавуръ-Гамбръ, (вѣроятно Гаурхабль), жилъ отецъ Мартиросъ, скончавшійся въ 1814 году. Въ 1815 году моздокскій священникъ Саркисъ Татановъ былъ 5 мѣсяцевъ у натухайскихъ, темиргоевскихъ и бесленеевскихъ армянъ, а послѣ него тамъ же были іеромонахи Іоакимъ и Іоаннъ Черкесовы. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, говоритъ о. Хазаровъ, у горскихъ армянъ былъ священникъ Илья, дѣти котораго жили въ Нахичевани. У натухайцевъ до 1827 года былъ священникъ Арутюнъ Агасіевъ, посвященный преосвященнымъ Ефремомъ въ 1809 году. Въ 1823 году горскихъ армянъ посѣтили іерей Саркисъ Тамазовъ изъ Моздока и Мартиросъ Глубековъ, а въ 1833 и 1835 годахъ іеромонахъ Арутюнъ Лазаревъ. Наконецъ въ 1839 году изъ Екатеринодара ходилъ въ горы къ армянамъ священникъ Іоаннъ Ааратовъ, возвратившійся и умершій въ томъ же году. Послѣднимъ странствующимъ просвѣтителемъ былъ самъ авторъ записокъ Іоаннъ Хазаровъ. Въ числѣ отмѣченныхъ онъ упоминаетъ также объ іеромонахѣ Каранетѣ Арцивовѣ или, какъ называли его армавирскіе армяне, Каранетѣ Вартапетѣ, но объ этомъ просвѣтителѣ будетъ еще рѣчь впоследствии.

Само собою понятно, что все эти проповѣдители держали на извѣстномъ уровнѣ христіанскія понятія, если не у всехъ армянъ, то у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Надо полагать, что они не столько вліяли на армянъ, суровыхъ воиновъ и постоянныхъ странниковъ по торговымъ дѣламъ, сколько на ихъ семьи, особенно на женщинъ, какъ христіанки домашняго очага. И это имѣло свое значеніе для армянской народности. Недаль между черкесами усиливался, но всегдѣ не добровольнымъ путемъ обращенія сначала шансуговъ, а потомъ натухайцевъ, при помощи татаръ и алашскаго пашы, какъ говорить объ этомъ о. Хазаровъ, а насильственно и систематически татарами.

Въ концѣ XVII ст. и въ началѣ XIX между армянами и черкесами не замѣчалось еще розни изъ за религіозныхъ различій. Но она уже намѣтилась и шла въ направленіи отъ моря въ горы, съ запада на востокъ, отъ натухайцевъ и шансуговъ къ темиргоевцамъ, хатукаевцамъ и егерухаевцамъ. Такъ слагалось и религіозное теченіе ислама въ средѣ самихъ черкесовъ. Когда въ 1717 году турецкій султанъ Мурадъ IV приказалъ крымскимъ ханамъ Довлетъ-Гирею и Казы-Гирею, ревностнымъ мусульманамъ, распространять исламъ и между кавказскими горами, то ханы эти двинулись съ цѣлымъ полчищемъ татаръ и съ муллами проповѣдниками изъ Крыма на Кавказъ, чтобы посадить магометанство у черкесовъ. Медленно передвигался съ мѣста на мѣсто цѣлый религіозный лагерь, останавливавшійся въ разныхъ мѣстахъ Сѣвернаго Кавказа и у различныхъ горскихъ племенъ. Въ порядкѣ географическаго расположенія черкесовъ татары побывали у натухайцевъ, шансуговъ и бжедуховъ. Перейдя затѣмъ земли хатукаевцевъ, татарскіе проповѣдники остановились укрѣпленнымъ станомъ на земляхъ темиргоевцевъ по р. Бѣлой, въ томъ самомъ мѣстѣ ея лѣвобережья, гдѣ теперь находится станція Ханская, получившая свое наименованіе отъ этого ханскаго становища или урочища. Это былъ крайній предѣлъ ханской проповѣди откуда татары вернулись потомъ въ Крымъ. Въ зависимости отъ времени пребыванія татаръ на земляхъ разныхъ черкесскихъ племенъ или, вѣрнѣе, отъ восприимчивости этихъ послѣднихъ къ исламу, обуславливавшейся въ свою очередь ихъ сословнымъ строемъ и господствовавшими обычаями, татары оставили между черкесами далеко неодинаковые слѣды. Шансуги и натукаевцы, какъ болѣе демократическія племена, отнеслись ревностнѣе къ новой религіи, чѣмъ бжедухи, кабардинцы и темиргоевцы, имѣвшіе въ значительномъ количествѣ княжескихъ потомковъ и многочисленный классъ дворянъ. Такъ какъ, въ числѣ прочихъ благъ на небѣ, на землѣ мусульманская религія сулила равенство сословіи и равномерное пользованіе землями, то демократическимъ племенамъ по душѣ пришло новое вѣроученіе. Аристократическимъ же племенамъ всегдѣ не понравилась эта именно сторона мусульманской религіи, и они не только отнеслись холодно къ прелестямъ

магометанскаго рая и соблазнительнымъ мечтамъ о небесныхъ гуріяхъ, но выказали явную враждебность и къ проповѣдникамъ этихъ небесныхъ благъ, находя болѣе цѣлесообразнымъ и практическимъ удержать за собою блага земныя.

Такимъ образомъ, фактически историческія обстоятельства сложились такъ, что у натухайцевъ и шапсуговъ новое вѣроученіе въ началѣ сильнѣе привилось, чѣмъ у бжедуховъ и темиргоевцевъ. Въ своемъ мѣстѣ уже было упомянуто, что армяне съ большою охотою слились и болѣе ихъ было у бжедуховъ и темиргоевцевъ, съ ихъ развѣтвленіями—хатукаевцами и егерухаевцами, чѣмъ у шапсуговъ, натухайцевъ и абадзеховъ, и что у первыхъ полнѣе должны были осуществиться ихъ узденскія права, чѣмъ у вторыхъ. Въ XVIII столѣтіи присоединилось къ этой приманкѣ другое обстоятельство—менѣе сильный исламизмъ у аристократическихъ черкесскихъ племенъ сравнительно съ демократическими. У первыхъ и безъ того армянъ было болѣе и жилось имъ лучше, чѣмъ у вторыхъ. Особенно вѣротерпимы были темиргоевцы. На ихъ земляхъ находился главный армянскій аулъ Гаурхабль, т. е. общество невѣрныхъ. Слово же гяуръ, невѣрный, собака, считалось и у армянъ и у черкесовъ оскорбительнымъ: у послѣднихъ, до появленія исламизма, его совѣтъ не было въ употребленіи и они его не знали. Но названіе Гаурхабль у темиргоевцевъ звучало только шуткою уличныхъ прозвищъ, на которыя такъ надки были черкесы и армяне, и, повидимому, не считалось обиднымъ у самихъ армянъ, которые, осѣвши въ Армавирѣ, оставили это прозвище за своимъ кварталомъ, чего они, конечно, не допустили бы, если бы признавали его позорнымъ.

Тѣмъ не менѣе въ началѣ XIX столѣтія и въ первой половинѣ его религіозная рознь между армянами и черкесами пронеслась уже бурною волною по всѣмъ направленіямъ въ горахъ. Армяне прятали отъ черкесовъ колоколь, боясь возбудить вражду, не смѣли открыто исповѣдовать христіанскую религію, а черкесы стали называть ихъ гяурами и коситься на ихъ религіозную обособленность. Отношенія эти обострились по мѣрѣ того, какъ усиливался между черкесами исламъ. Вотъ что неоднократно разсказывалъ одному изъ армянскихъ стариковъ его дѣдъ о возникновеніи этой религіозной розни между армянами и темиргоевцами, самымъ близкимъ къ нимъ племенемъ.

Раньше армяне и черкесы были изъ одной семьи, изъ одного рода. Армяне хозяйничали въ ег ихъ аулахъ, а черкесы въ своихъ, считались добрыми сосѣдями, никто никому не перечилъ и никто никому не мѣшалъ, жили всѣ, какъ свои. Придетъ, бывало, армянинъ къ черкесу или черкесъ къ армянину, отворить дверь кунацкой, станетъ у порога и вѣжливо скажетъ: „пчедижъ шохабнъ“! и сѣлаетъ такъ рукою—разсказчикъ сѣлалъ по военному подъ козырекъ. И хозяинъ ему отвѣчаетъ: „пчедижъ шохабнъ“! т. е. съ добрымъ утромъ. А если это бываетъ днемъ, то одинъ говоритъ:

„мафе шохабшь“! съ добрымъ днемъ. И хозяинъ отвѣчаетъ ему: „мафе шохабшь“! И когда вечеромъ придетъ, то говоритъ: „пчигха шохабшь“, съ добрымъ вечеромъ на что ему хозяинъ также скажетъ: „пчигха шохабшь“! Если пришедшій моложе, а хозяинъ старше, то гость стоитъ у порога и ждетъ, пока хозяинъ подастъ ему руку или пригласить сѣсть. И тогда уже разговариваютъ, спрашиваютъ одинъ другого и рѣшаютъ дѣла, коли въ томъ была нужда. И все это было по домашнему, какъ у своихъ. Или бывало, встрѣтятся гдѣ-нибудь внѣ аула два всадника—черкесъ и армянинъ. Одинъ говоритъ: „гогмафъ уебженшь“! добрый путь! А другой на это отвѣчаетъ ему: „Тгха уегепсоу“! „Богъ тебя спасетъ“! И мирно разъѣдутся въ разныя стороны. А если путь лежитъ въ одномъ направленіи, то одинъ приглашаетъ въ товарищи другого и ѣдутъ вмѣстѣ. Хорошо все такъ выходило и спокойно всемъ жилось.

Но когда между черкесами появились муллы да разные хаджи, которые стали пріучать ихъ къ магометанской вѣрѣ и обычаямъ и направлять на христіанъ, то какъ бы сразу оборвалась крѣпкая цѣпь добрыхъ старинныхъ отношеній, которыми споконъ вѣку армяне были соединены съ черкесами. Случалось, что, какъ и въ прежнее время, всадникъ черкесъ встрѣтится внѣ аула со всадникомъ армяниномъ. „Салам алекумъ“! говоритъ черкесъ армянину. Армянинъ ему отвѣчаетъ по своему: „Тгха уегепсоу“! И оба поѣдутъ въ противоположныя стороны. Но вдругъ черкесъ поворачиваетъ свою лошадь назадъ, мчится, какъ сумашедшій, и еще издали кричитъ армянину: „давай мнѣ мое саламъ алекумъ назадъ! Ты—гяуръ, а не правовѣрный“, и хватается за кинжалъ. Это онъ по ошибкѣ произнесъ армянину мусульманское привѣтствіе и потомъ спохватился, что христіанину не полагается такого привѣтствія.

Такъ портились добрыя старыя отношенія между армянами и черкесами, и несомнѣнно, что религіозная рознь болѣе, чѣмъ все другія причины, способствовала отчужденію черкесовъ отъ армянъ. Особенно обострились эти отношенія, когда въ средѣ горцевъ стали появляться эмиссары Шамяля—Хаджи Магометъ, Сельмень Эффенди и Магометъ Аминъ. Хотя первый изъ этихъ агитаторовъ явился къ черкесамъ въ 1842 году, а послѣдній въ 1848 г., когда армяне благоразумно укрылись подъ защиту русскихъ и жили уже въ Армавирѣ, но это говоритъ только въ пользу ихъ предусмотрительности. И послѣ перехода армянъ изъ черкесскихъ владѣній въ Армавиръ между ними и черкесами остались еще извѣстныя связи и отношенія, но въ это время, подъ вліяніемъ названныхъ фанатиковъ, рознь между черкесами и армянами такъ усилилась, что положительно были немислимы не только совмѣстное пребываніе, но даже сколько-нибудь сносныя сношенія. Въ это время все остальные, кромѣ армавирцевъ, армяне оставляли постепенно горы и черкесскія мѣста, а армавирцы ожесточенно дрались съ своими прежними сожителями въ рядахъ русской арміи, образовавъ свою милицію.

И такъ, слѣдовательно, религіозная рознь между армянами и черкесами стала замѣтно обнаруживаться въ теченіе первой половины XIX столѣтія или, пожалуй, даже въ послѣднее десятилѣтіе передъ переселеніемъ армянъ въ Армавиръ. Но не только тогда, но и раньше армяне уже стѣснены были въ отправленіи своихъ религіозныхъ нуждъ. Даже въ собственномъ аулѣ нельзя было открыто совершать богослуженіе. Религіозный культъ былъ сокровенною тайною армянской семьи, которая была хранительницею христіанской религіи и въ то время, когда армяне жили разрозненными семьями среди черкесовъ. Охрана религіозныхъ тайнъ семей была тѣмъ дѣйствительнѣе, что сама семья у армянъ, какъ и у черкесовъ, была прочно защищена обычаемъ отъ любопытныхъ глазъ и непрошенныхъ гостей.

Долговременное сожителство армянъ съ черкесами наложило яркую окраску на внѣшнія формы домашней и семейной жизни армянина въ горахъ. Живя среди герцевъ, армяне, изъ подражанія и въ силу необходимости, строили свои жилища по исконному черкесскому типу. Въ армянскомъ жилищѣ, также какъ и въ черкесскомъ, было особое помѣщеніе для пріятелей и гостей — кунацкая. Куначество было патріархальнымъ институтомъ, налагавшимъ особыя обязанности на хозяина по охранѣ его кунака, гости и друга, а кунацкая, въ видѣ слегка обособленнаго отъ жилья помѣщенія, пристройки къ задней глухой стѣнкѣ двора и сакли, имѣла у черкесовъ двойное назначеніе. Во первыхъ, въ ней помѣщались гости мужчины, пріятели, кунаки, а во вторыхъ, она служила защитой для женскаго персонала, который, по обычаю, долженъ быть запертъ у себя, на женской половинѣ, въ саклѣ, какъ въ цитадели. Проживая цѣлые дни и недѣли въ кунацкой, мужчина могъ ни разу не видѣть не только женскаго лица, но даже и фигуры, окутанной съ ногъ до головы. Строя кунацкую, армянинъ естественно закрѣплялъ тѣмъ и черкесскій обычай изоляціи, обособленія женскаго пола.

На самомъ дѣлѣ, положеніе армянки въ горахъ ничѣмъ не отличалось отъ положенія черкешенки. Она была такою же работою слѣпago обычая, какъ эта послѣдняя. Пока женщина была дѣвицею, она пользовалась еще относительной свободой. Она встрѣчалась, при извѣстныхъ, разумѣется, условіяхъ, съ молодыми людьми, участвовала въ общественныхъ увеселеніяхъ и забавахъ молодежи, могла свободно разговаривать и шутить съ молодыми людьми, щеголять на виду у всѣхъ своими костюмами и украшениями, выказывать свои качества въ танцахъ, пѣніи, остроуміи и т. п. Это было собственно золотое время женской свободы, при тѣхъ условіяхъ варварской жизни и исключительности, какія царили въ горахъ въ силу обычая и естественныхъ особенностей страны. Всякій неосторожный шагъ женщины внѣ сакли и двора грозилъ похищеніемъ и продажей ея на сторону въ гаремы и рабни. Но

лишь только дѣвушка выходила замужъ, становилась подругой мужчины, какъ обычай сразу превращалъ ее въ затворницу, а собственную саклю въ тюрьму. Женщина закрывала плотно чадрой свое лицо и старалась избѣгать взоровъ и встрѣчи не только съ мужчиной вообще, но и съ собственнымъ мужемъ. Все это было усвоено и выполнялось армянскою женщиною въ горахъ между черкесами до зашиванія дѣвичьей груди въ корсетъ включительно. Въ горахъ же армяне усвоили обыкновеніе горцевъ брать „калымъ“ за невѣсту, какъ это широко практиковалось между черкесами.

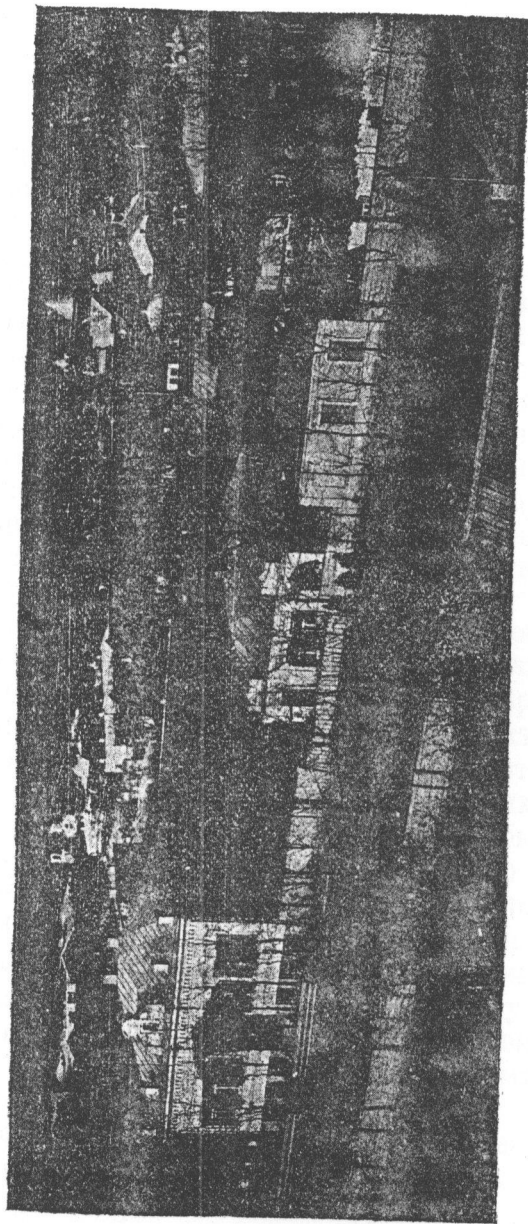
Но на ряду съ этими отступленіями отъ армянскаго уклада семейной жизни, армянская женщина сохранила свои національные навыки и привычки: она была прекрасной руководѣльницей, хорошей хозяйкой и заботливою матерью, воспитательницей дѣтей. Того, конечно, требовала жизнь армянина, человѣка хозяйственнаго и предпріимчиваго, часто оставлявшаго семью при своихъ разъѣздахъ по торговымъ дѣламъ. Армянка по необходимости должна была быть въ такихъ случаяхъ самостоятельной и осмотрительной хозяйкой. И не даромъ черкесы отдавали армянкамъ своихъ дочерей на воспитаніе. Несмотря на свое изолированное положеніе, армянская женщина жила въ своей саклѣ и дворѣ, какъ хорошая matka въ ульѣ: она вѣдала семейные распорядки, слѣдила за домочадцами, руководила прислугой и командовала рабами и крѣпостными.

Подневольное положеніе женщины армянки несомнѣнно было большимъ грѣхомъ армянъ противъ гуманности и культуры. Заключеніе, хотя бы и въ домашнюю, но форменную неволю близкаго человѣка, жены, едва ли можно найти оправданіе въ самомъ завѣтномъ для армянина установленіи — въ его религіи. И тѣмъ не менѣе, несмотря на это, эта подневольная женщина затворница была лучшею охранительницею именно завѣтовъ христіанской религіи. Дома, у семейнаго очага, она учила дѣтей чтить христіанскаго Бога и почитать родную вѣру, вмѣстѣ съ своимъ материнскимъ молокомъ она питала его духовною пищей, быть можетъ, болѣе вѣру, чѣмъ разумѣя таинства религіи. Отецъ, мужчина, по роду своей торговой дѣятельности, былъ большею частью не только внѣ дома, но и внѣ аула, и если бы армянка не была ревностною христіанкою, то самъ онъ еще въ дѣтствѣ утерять бы окончательно религію своихъ предковъ и отцовъ.

V.

Переходъ армянъ къ русскимъ.

Послѣ всего сказаннаго выше, не трудно понять, чѣмъ обуславливались какъ долготѣнее пребываніе армянъ у черкесовъ, такъ и массовый переходъ ихъ къ русскимъ.

Общій видъ центральной части Армавира съ западной стороны.

Армяне пришли въ горы при томъ состояніи родной культуры, которое въ извѣстной мѣрѣ соответствовало существовавшему у черкесовъ политическому строю. И у армянъ, и у черкесовъ одинаково господствовалъ еще родовой бытъ, осложненный, однако, позднѣйшими формами культурнаго развитія. На этомъ близко сходились обѣ народности. Но и у черкесовъ, и у армянъ были и особенности, которыми отличались одна народность отъ другой. Такъ, христіанская религія не позволяла армянамъ имѣть рабовъ или невольниковъ. Пришедшіе въ горы армяне были равны между собою, единокровны и не имѣли въ своихъ рядахъ чужихъ, инородцевъ. Ведя на родинѣ войну съ иновѣрцами, они пришли къ черкесамъ въ военныхъ доспѣхахъ, закованными въ желѣзо и броню. Между тѣмъ у черкесовъ, подъ вліяніемъ совершенно иныхъ условий, произошло уже, при наличности родового быта, сословное дѣленіе населенія, были господа и рабы, высшія и низшія сословія. То сословіе, которое носило военные доспѣхи, считалось высшимъ, дворянами или узденями. Принимая въ свою среду пришедшихъ со стороны воиновъ, черкесы, поэтому, приравнивали ихъ къ своему военному сословію — узденямъ. и тѣмъ сразу предоставляли имъ, какъ высшему сословію, очень важныя политическія права. Сходство религіозныхъ вѣрованій, основанныхъ на догматахъ христіанства, способствовало только укрѣпленію положенія новыхъ узденей. И армяне заняли свое, очень опредѣленное мѣсто въ черкесскомъ строѣ.

Съ того историческаго момента, какъ слились такимъ образомъ двѣ различныя народности, должно было начаться сглаживаніе тѣхъ бытовыхъ особенностей, которыми отличались одна народность отъ другой, и сліяніе или дальнѣйшее развитіе сходственныхъ чертъ. Въ этомъ направленіи и сложилось долговременное сожителство армянъ съ черкесами. По естественному ходу историческихъ процессовъ, преобладавшая по численности народность должна была или совсѣмъ поглотить, абсорбировать пришлую малочисленную народность, или же приспособить ее къ условіямъ своего быта въ такой мѣрѣ, чтобы не было рѣзкой розни въ важнѣйшихъ теченіяхъ жизни. Слабѣйшая же народность могла дать господствующей только то, что составляло ее культурныя преимущества и нужды въ чемъ назрѣли у народности господствующей. И дѣйствительно, при посредствѣ такихъ процессовъ, видоизмѣнился потомъ бытъ армянъ въ средѣ черкесовъ.

Армянъ было немного, жить имъ приходилось разрозненно, но они, какъ болѣе культурная народность, сразу уловили то, что было неотложною нуждою для аборигеновъ и сподручно для новыхъ узденей. У черкесовъ совсѣмъ не было своихъ торговцевъ. До того торговныя нужды ихъ обслуживались пришлыми и наѣзжими торговыми посредниками, какими были греки и итальянцы. Съ приходомъ же армянъ въ горы оказалось возможнымъ имѣть собствен-

ныхъ торговцевъ. И уздени армяне какъ бы заполнили пустовавшее до того мѣсто, образовали свое торговое сословіе. Тутъ уже помогла имъ большая культурная ихъ приспособленность, и само собою понятно, что это еще болѣе закрѣпило за армянами ихъ выдающуюся экономическую роль и господствующее положеніе среди черкесскаго населенія. Армяне стали необходимымъ элементомъ для правильнаго теченія экономической жизни аборигеновъ.

При такомъ положеніи, армянамъ было легко удержать за собою тѣ права, которыя были имъ особенно дороги — правѣ на свободное исповѣдованіе христіанской религіи и право на распорядки въ своей внутренней жизни или на самоуправленіе внѣ общинъ условій совмѣстной ихъ жизни съ черкесами. Но за исключеніемъ этихъ двухъ сторонъ чисто армянскаго быта, имъ пришлось поступиться или, правильнѣе, объединиться съ аборигенами во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Такія установленія, какъ главенство родоначальниковъ въ дѣлахъ управленія, судъ стариковъ или старѣйшинъ, адаты или обычаи, нормировавшіе общественныя и частныя взаимоотношенія, имущественная отвѣтственность за уголовныя преступленія и пр., армянамъ не требовалось заимствовать у черкесовъ. Они одинаково были свойственны, какъ армянскому, такъ и черкесскому родовому быту. Различіе могло быть лишь въ степени развитія сходственныхъ формъ, какъ напр. въ признаніи за княземъ роли родоначальника или въ замѣнѣ одного старѣйшины нѣсколькими.

Но затѣмъ передъ армянами крѣпкою стѣною стояли цѣлые ряды такихъ мѣстныхъ жизненныхъ условій, которыхъ они при своей малочисленности и соподчиненномъ у господствующей народности положеніи, не могли обойти или видоизмѣнить, но не могли также и жить безъ нихъ. Это были хозяйственный и домашній бытъ, костюмъ и вооруженіе, языкъ и тѣсно связанная со всѣмъ этимъ форма семейнаго общежитія. Во всѣхъ этихъ развѣтвленіяхъ мѣстной жизни армяне подчинились условіямъ черкесскаго быта. Въ силу необходимости они стали жить въ такихъ же сакляхъ и съ такою хозяйственною обстановкою, какъ и у черкесовъ, носить ихъ костюмъ, чтобы не отличаться отъ нихъ по внѣшности, быть при черкесскомъ вооруженіи, а главное, говорить на черкесскомъ нарѣчій. Безъ послѣдняго они не могли шагу ступить. И въ повседневной жизни, и при торговыхъ разѣздахъ по странѣ знаніе мѣстнаго языка было кореннымъ условіемъ совмѣстнаго сожительства. Мало по малу армяне совершенно усвоили черкесскій языкъ, но постепенно начали отвыкать отъ своего роднаго языка, не требовавшася ни въ повседневной жизни, съ полною ея черкесскою обстановкою, ни тѣмъ болѣе въ торговыхъ сношеніяхъ. Отъ роднаго языка остались лишь тѣ слова и названія, которыми обозначались священные и особенно дорогіе національному чувству предметы. Точно также и въ семейномъ быту армяне, сохраняли

неприкосновенность своего религіознаго культа, постепенно приня-ли формы черкесской семьи, съ замкнутымъ положеніемъ женщины и господствомъ мужчины, какъ старшаго въ семьѣ. Это была видоизмѣненная форма общежитія, но въ духѣ старинныхъ родовыхъ обычаевъ. Несомнѣнно, что тотъ же духъ родовыхъ обычаевъ способствовалъ и тому, что армяне усвоили самый ужасный изъ родовыхъ обычаевъ — кровомщеніе, месть за пролитую кровь сначала одного рода другому, а потомъ и между членами одного и того же рода. Кровомщеніе, какъ и владѣніе рабами, были уже у армянъ нарушеніемъ основныхъ началъ христіанской религіи. Оно, это нарушение, могло не считаться таковымъ у черкесовъ полухристіанъ и полужычниковъ, но у армянъ, какъ у болѣе сознательныхъ христіанъ и болѣе культурной народности сравнительно съ черкесами, оно было антихристіанскимъ и антикультурнымъ попятнымъ шагомъ назадъ. Благодаря усвоенію армянами института рабства и обычая кровомщенія, они сами себѣ создали два такихъ крупныхъ и непреодолимыхъ препятствія, которыми было заторможено дальнѣйшее ихъ культурное развитіе во все время пребыванія ихъ въ горахъ и которыя наложили темныя тѣни и штрихи на многія стороны армянской жизни.

И такъ, слѣдовательно, вотъ тѣ главнѣйшія точки соприкосновенія, при посредствѣ которыхъ было спаяно и въ продолженіи почти четырехсотъ лѣтъ держалось совмѣстное существованіе армянъ съ черкесами. Во все это время армяне какъ бы находились подъ воздѣйствіемъ того закона органической природы, который называется приспособленіемъ и который позволяетъ приспособляющемуся отстоять свою родовую, духовную, такъ сказать, сущность въ примѣненіи къ армянамъ. Пока христіанской религіи армянъ и ихъ самоуправленію въ области внутренней жизни не грозила никакая опасность, армяне жили и вели свои дѣла безъ всякихъ тревогъ и опасеній. Но когда между черкесами стала распространяться исламъ, основнымъ чертамъ армянскаго быта — христіанской религіи и внутреннему самоуправленію, начала грозить серьезная опасность въ видѣ репрессій, стѣсненій, гоненій и соединенной со всѣмъ этимъ потери правъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Армяне поняли это, сѣумѣли во время оцѣнить историческій моментъ и, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, измѣнить и дальнѣйшую свою жизнь. Такъ они поступили, рѣшивши перейти отъ черкесовъ къ русскимъ и осѣвши въ основанномъ ими Армавирѣ.

Переходъ армянъ въ Армавиръ, слѣдовательно, представляетъ собою совсѣмъ не такой простой и случайный актъ, какимъ онъ можетъ казаться при поверхностномъ взглядѣ на него. То, что армяне сдѣлали въ формѣ рѣшительнаго и одновременнаго перехода въ Армавиръ, подготовлялось постепенно во время долгаго пребыванія ихъ у черкесовъ.

Раньше другихъ забили тревогу армяне, жившіе у натухайцевъ и у шапсуговъ, и только много лѣтъ спустя, эта тревога переда-лась тѣмъ армянамъ, которые жили между бжедухами, хатукаевца-ми, темиргоевцами и егерухаевцами. Когда въ 1798 году ногайцы ушли отъ натухайцевъ, вслѣдствіе притѣсненій съ ихъ стороны, то вмѣстѣ съ собою они потянули и армянъ, которымъ также не сладко жилось въ этихъ мѣстахъ. Въ 1815 году въ ауль князя Ханука, находившійся на Таманскомъ полуостровѣ, перешла изъ горъ семья армянина Меликова, съ двумя сыновьями и тещей. Въ 1823 году грекъ Техтемировъ и трое горскихъ армянъ изъявили желаніе переселиться въ Черноморію, но не могли выполнить своего намѣренія, потому что не въ состояніи были захватить съ собою своихъ крѣпостныхъ крестьянъ безъ военной силы. Тайкомъ черкесскіе крестьяне не пошли бы съ армянами и выдали бы ихъ головою черкесскимъ властямъ, а явно ихъ не пускали съ рабами черкесы. Такимъ образомъ, уже въ это время между армянами и шапсугами, у которыхъ они жили, были на столько обострены отноше-нія, что дѣло дошло до выселеній и побѣговъ. Въ 1835 году между черкесами и ногайцами, жившими на Таманскомъ полуостровѣ, на-ходилось не мало армянъ и грековъ, ушедшихъ сюда отъ натухай-цевъ и шапсуговъ, вслѣдствіе крайне тяжелыхъ и неблагоприятныхъ условій жизни среди этихъ племенъ.

Еще раньше отъ тѣхъ же шапсуговъ армяне начали уходить къ хатукаевцамъ и темиргоевцамъ. Объ этомъ сохранились воспо-минанія и у армавирцевъ по ихъ семейнымъ хроникамъ. А впо-слѣдствіи, какъ это описано въ своемъ мѣстѣ, армяне передвину-лись уже цѣлыми аулами еще далѣе къ юговосточнымъ казачьимъ границамъ по Кубани. Это были армяне, жившіе между хатукаев-цами, бжедухами, темиргоевцами и егерухаевцами, и основавшіе потомъ Армавиръ. Когда же появился этотъ послѣдній, началось поголовное бѣгство всѣхъ остальныхъ армянъ, которые оставались еще у черкесовъ. Въ 1841 году существовалъ уже цѣлый армян-скій поселокъ близъ станицы Панковской и Екатеринодара. Въ этомъ году до 2000 горцевъ—шапсуговъ, абадзеховъ, убыховъ и натухаевцевъ, переправились черезъ Кубань у Павловскаго поста, расположеннаго противъ станицы Панковской, намѣреваясь раз-громить Панковско-Армянскій поселокъ, но были отражены казака-ми. Черкесы, очевидно, хотѣли свести свои старые счеты съ бѣгле-цами армянами.

Такимъ образомъ, около того времени, когда возникъ Армавиръ, было закончено и бѣгство армянъ отъ черкесовъ въ русскіе предѣ-лы. Армяне, съ свойственною имъ проникательностью, не только уловили опасный для нихъ историческій моментъ, но даже тѣ бли-жайшіе годы этого момента, въ которые круто измѣнились обсто-ятельства на международной аренѣ. Турки и русскіе, имѣвшіе непо-средственное соприкосновеніе съ черкесскими племенами, помѣня-

лись около этого времени своими ролями—одни уступили свои позиции, другие еще съ болынею энергіею обрушились на горцевъ.

Въ 1828 году была взята русскими войсками Анапа, главный оплотъ турокъ по сношеніямъ съ черкесами, а въ 1829 году адрианопольскимъ трактатомъ, турки уступили русскимъ номинально числившіяся за ними земли всей Черкессіи, отъ береговъ Чернаго моря до Эльбруса. Съ этого времени русскіе предпринимають систематическое наступленіе на черкесскія племена, начавши военныя дѣйствія противъ сосѣднихъ и ближайшихъ изъ нихъ. Уже одновременно со взятіемъ Анапы въ 1828 году, были покорены казачьими войсками, подъ командою наказнаго атамана Черноморскаго войска генерала Безкровнаго, бжедухи, и тогда же отрядомъ генерала Анрена—хатукаевцы. Съ 1828 по 1830 годъ шла борьба русскихъ войскъ съ темиргоевцами, окончившаяся также покореніемъ этихъ горцевъ. Въ 1834 году темиргоевцы во второй разъ должны были покориться русскому оружію. Въ томъ же году генераломъ Зассомъ были покорены махоневцы и бесленевцы, въ слѣдующемъ 1835 году—баракаевцы, и еще черезъ годъ бѣглые кабардинцы.

Такъ изъ года въ годъ и шло покореніе ближайшихъ къ Черноморіи и къ Старой Линіи черкесскихъ племенъ. Послѣдніе то принимали присягу Россіи, то безцеремонно измѣняли этой присягѣ. Къ началу сороковыхъ годовъ черкесы были тѣстными съ двухъ сторонъ—со стороны Кубани и Лабы и со стороны Чернаго моря. Въ это время въ рѣшительныя дѣйствія русскихъ войскъ съ черкесами вмѣшались эмисары Шамиля и сторонники Турціи, и борьба приняла самый ожесточенный характеръ. Но въ это же время большая часть армянъ уже жила въ Армавирѣ, а меньшая была разбросана по разнымъ станицамъ Черноморіи и въ горахъ.

Армяне оказались дальновиднѣе своихъ прежнихъ сожителей черкесовъ. Они во время учли неблагопріятныя для нихъ условія какъ на международной аренѣ, на соперничествѣ Россіи съ Турціей, такъ и у себя на дому, когда они жили бокъ о бокъ съ черкесами. Слѣдовательно, главною и ближайшею побудительною причиною переселенія армянъ къ русскимъ служило ихъ желаніе избѣжать случайностей той рѣшительной войны, которая начата была русскими войсками противъ черкесовъ и сразу же, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, показала чего можно было ожидать армянамъ, продолжавшимъ жить между черкесами.

Но военныя дѣйствія русскихъ войскъ съ черкесами были и раньше, и армяне не боялись ихъ. Страницы военной исторіи показываютъ, какъ вели себя въ такихъ случаяхъ эти торговцы и воины. Въ началѣ октября 1821 года армянинъ Аксенъ Огановъ, прибывшій изъ горъ изъ за Кубани, сообщилъ черноморцамъ, что на р. Богундырь около трехъ тысячъ натухайцевъ, шапсуговъ, абадзеховъ и черченевцевъ, подъ предводительствомъ Калабатака Хадчъ, собирались произвести нападеніе на Черноморію. Бывшіе

уже въ сборѣ горцы, однако, отмѣнили почему-то свое рѣшеніе, и весьма возможно, что тотъ же Аксень Огановъ сообщилъ что-нибудь такое черкесамъ, что удержало ихъ отъ набѣга. Въ апрѣлѣ 1828 года, когда только-что начата была война русскихъ съ турками, армянинъ Авадимъ, собиравшій свои долги въ горахъ съ черкесовъ, собственными глазами видѣлъ, какъ въ Анапу прибыло три турецкихъ корабля: на двухъ было до 1000 человекъ турецкаго войска, а на одномъ провіантъ. Четвертое судно, по разсказамъ прибывшихъ, было занесено непогодой въ Суджукъ-Кале, т. е. въ бухту нынѣшняго Новороссійска. Такие случаи сообщенія горскими армянами русскимъ войскамъ вѣстей были не рѣдкостью во время длительной русско-черкесской войны и вполне естественны. Сообщали армяне то, что видѣли, и весьма возможно, что сообщенія эти велись въ обѣ стороны, русскимъ и черкесамъ. Но вотъ-что было особенно характерно. Все такія сообщенія имѣли характеръ предупрежденій. Будьте осторожны, какъ бы предупреждалъ какую-либо сторону армянинъ, тамъ то собирается гроза, примите мѣры, а то, если разразится она, то не минуетъ ни васъ, ни ваше добро.

Послѣднее было не въ интересахъ торговца. Ему не выгодно было, чтобы уничтожалось имущество и лишали жизни людей, съ которыми онъ велъ торговые дѣла, и по очень понятной причинѣ, онъ старался предотвратить нарушеніе или полный подрывъ благоприятныхъ для него торговыхъ условій. Иначе поступалъ горецъ-предатель или такъ называемый лазутчикъ, истребитель по профессіи. Онъ велъ свою линію въ строжайшей тайнѣ. Высмотрѣвши добычу, онъ приводилъ сюда въ глухую ночь русскій отрядъ изъ мести или чаще изъ за платы. Слѣдовало внезапное нападеніе и жестокая расправа. Въ результатѣ отъ аула оставались развалины, ни да догоравшіе матеріалы деревянныхъ строеній, а жители были частью перебиты и переранены, частью захвачены въ плѣнъ и частью бѣжали въ неприступныя дебри горъ буквально таки нищими.

Такимъ образомъ, и при военныхъ дѣйствіяхъ армяне умѣли приспособляться къ обстоятельствамъ и вести свои торговые дѣла не хуже, пожалуй, чѣмъ въ мирное время, въ отношеніи барышей и матеріальныхъ выгодъ. Быть можетъ, переходя изъ одного лагеря въ другой, отъ одного противника къ другому, они давали клятвы и обѣщанія не обнаруживать того, что требовали отъ нихъ, и свято выполняли потомъ свои обязательства. Весьма возможно, что, въ обезпеченіе этихъ обязательствъ, они давали денежный залогъ или товары на храненіе, или замѣняли платежи долговыми обязательствами. Но общепризнаннымъ ручательствомъ несомнѣнно служила ихъ торговая дѣятельность, вести которую было бы не мыслимо лицамъ, принявшимъ на себя спеціальныя военныя обязанности. Разъ обстоятельства слагались въ этомъ послѣднемъ направленіи, армянинъ былъ уже не торговцемъ, а милиціонеромъ или юнкеромъ и, въ качествѣ такового, состоялъ въ рядахъ русскихъ войскъ,

числился въ спискахъ какой либо части ихъ. Въ архивныхъ документахъ казачества часто встрѣчаются фамиліи армянъ Чайтамирова и Чентемирова, Петисова, Асланова, Мищерова и др. Когда въ 1828 году, во время взятія русскими войсками Анапы, атаманъ Черноморскихъ казаковъ генераль Безкровный самоотверженно бросился въ волны разъяреннаго моря верхомъ на конѣ, чтобы спасти людей на погибавшемъ у берега суднѣ, то вслѣдъ за нимъ, въ числѣ другихъ, поплылъ на лошади и юнкеръ изъ армянъ Чайтамировъ, и погибшіе были спасены всадниками, послѣдовавшими въ море за героемъ-атаманомъ. Юнкера и милиціонеры изъ армянъ были прекрасными развѣдчиками и опытными вожатыми русскихъ отрядовъ въ горахъ, часто рискуя въ этомъ положеніи жизнью также, если не больше, какъ казаки и солдаты, но это не имѣло ничего общаго съ торговлею и ея барышами. Армянскіе же торговцы, по самой своей профессіи, постоянной, непрерывной и соединенной съ большими матеріальными средствами, не могли одновременно и съ одинаковымъ успѣхомъ служить двумъ богамъ—богу торговли и богу войны. Если же, поэтому, тѣ же армяне, смѣлые и искусные торговцы не боявшіеся военной обстановки и привыкшіе вести свои торговые дѣла подъ гулъ выстрѣловъ и удары остро отточенныхъ шашекъ, рѣшили уйти подальше отъ этой привычной имъ обстановки и осѣсть всѣмъ вмѣстѣ въ Армавирѣ, то, очевидно, что, помимо чисто военныхъ осложненій на черкесскихъ земляхъ и владѣніяхъ, были и иного рода причины, побудившія ихъ къ тому.

Такия причины дѣйствительно оказались на лицо и, хотя нѣкоторое время были также связаны съ военными осложненіями, но имѣли и свое собственное самостоятельное значеніе. Около того времени, т. е. въ концѣ сороковыхъ годовъ, замѣтно стала мѣняться экономическая обстановка какъ у казаковъ въ степяхъ, такъ и у черкесовъ въ горахъ. Тамъ и здѣсь начали обнаруживаться экономическій подъемъ и болѣе широкое развитіе хозяйственно-промышленныхъ предпріятій. Тѣ черкесы, которые были наиболѣе удалены отъ горъ, какъ бжедухи, хатукаевцы, темиргоевцы и егерухаевцы, обнаружили склонность къ переходу на положеніе мирныхъ горцевъ и сами стали перекочевывать ближе къ казачьимъ границамъ, чтобы покойнѣе вести здѣсь свое несложное хозяйство. Въ горахъ для ширившейся экономической жизни не было подходящихъ условій и достаточно мѣста. По тогдашнимъ условіямъ хозяйства, съ сильнѣйшимъ преобладаніемъ табуннаго скотоводства, расширеніе хозяйственной дѣятельности требовало большого простора и значительныхъ площадей земли и угодій. У казаковъ по правую сторону Кубани эти условія были идеально хороши, а на лѣвой сторонѣ той же черкесской рѣки-князя, въ предѣлахъ между излучиной Кубани и теченіемъ Б. Лабы, эти условія обѣщали быть еще лучше. Тутъ были огромныя пространства тучныхъ земель, обильныхъ пастбищъ и чисто степныхъ разнинъ. Ко времени же водво-

ренія армянъ въ Армавирѣ въ 1839 году былъ окончательно рѣшенъ давно задуманный планъ занятія этихъ земель казачьими поселеніями. Въ 1836 году, одновременно съ основаніемъ Армавира, были приняты военнымъ начальствомъ предположенія генерала Засса объ образованіи Новой или Лабинской казачьей линіи. Вдоль этой линіи рѣшено было размѣстить рядъ казачьихъ станицъ, въ перемежку съ укрѣпленіями и казачьими постами, а сзади, на востокъ отъ этихъ станицъ, оставить сотни тысячъ десятинъ свободныхъ земель, въ высшей степени плодородныхъ и годныхъ какъ для земледѣлія, такъ и для скотоводства. Армавиръ какъ бы съ неба упалъ и волею судебъ очутился у Кубани и Урупа, въ самомъ отдаленномъ и въ укромномъ уголкѣ этихъ богатѣйшихъ земельныхъ угодій.

По выраженію армавирцевъ, „Зассъ указалъ“, гдѣ удобнѣе всего было расположить новый соединенный армянскій аулъ, съ наименьшимъ рискомъ разоренія его черкесами. Въ стратегическомъ отношеніи положеніе Армавира дѣйствительно было очень выгодно. Съ одной стороны, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Армавира, на высокомъ, господствующемъ надъ прикубанскими равнинами берегу Кубани, была расположена сильная по тому времени крѣпость Прочнокопъ, а съ другой, къ югу по р. Урупу, находилось Георгіевское укрѣпленіе, къ западу же, по направленію къ черкесамъ, запроектирована уже была сильно укрѣпленная потомъ казачья линія.

Но можно сильно сомнѣваться въ томъ, что генералъ Зассъ указалъ это мѣсто армянамъ, а не наоборотъ, армяне генералу Зассу. Дѣло въ томъ, что положеніе Армавира было болѣе выгоднымъ въ другихъ отношеніяхъ—въ экономическомъ и въ торговомъ. Лучшаго положенія даже для нынѣшняго Армавира, съ его многомилліонными торговыми оборотами, нельзя было найти. Армавиръ водворенъ былъ въ центрѣ между тремя русскими, заселенными уже областями и четвертой черкесской, къ которой, какъ бы пушвиной, прикрѣплены были своими прежними связями новорожденные армавирскіе армяне. На востокъ отъ Армавира находилась нынѣшняя Ставропольская губернія, съ ея достаточно развитою по тому времени экономической жизнью. Та же Ставропольская губернія югозападною своею частью примыкала къ нынѣшней Терекской области, а ближе къ Армавиру, съ сѣверо-запада, съ востока и съ юга по Кубанской дугѣ, облегалась еще болѣе богатая часть нынѣшней Кубанской области, извѣстная впоследствии подъ именемъ Старой Линіи. Армяне, основавшіе Армавиръ и прожившіе нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ близъ него на Кубани у станицъ Казанской, Кавказской и Темижбекской, прекрасно, конечно, знали всѣ эти условія и навѣрно надлежащимъ образомъ оцѣнили ихъ. Навѣрное также, армяне первыми подсказали Зассу, гдѣ слѣдуетъ поселить Армавиръ, и сумѣли поселить въ Зассѣ мысль о томъ, что въ указанномъ мѣстѣ будетъ особенно хорошо, какъ у Бога за пазухой, устроить новый армянскій аулъ подъ бдительнымъ окомъ грознаго генерала.

Генералъ Зассъ, основатель Армавира.

Въ самомъ дѣлѣ, расположеніе Армавира обѣщало его основателямъ слѣдующія наиболѣе существенныя выгоды и преимущества.

Во первыхъ, преимущества сравнительно съ другими мѣстами въ отношеніи защиты отъ черкесскихъ набѣговъ. Отдаленность Армавира отъ непокоренныхъ черкесскихъ племенъ, съ расположеніемъ по пути русскихъ укрѣпленій и мирныхъ горскихъ племенъ, въ извѣстной мѣрѣ гарантировала населеніе отъ внезапныхъ набѣговъ крупныхъ непріятельскихъ партій. При указанныхъ преимуществахъ Армавира, легче было какъ обнаружить большое скопище непріятели, такъ и во время предупредить о немъ армавирское населеніе. Мелкія же партизанскія шайки могли быть опасны только въ полѣ, внѣ Армавира.

Во вторыхъ, достаточное количество свободныхъ земель, прилегающихъ къ Армавиру. По разсказамъ армавирцевъ, они считали, „по указаніямъ Засса“, свою такую площадь окрестныхъ земель въ трехъ направленіяхъ—къ сѣверу, западу и югу, какую могъ окинуть зоркимъ глазомъ всадникъ съ высокаго кургана, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ въ любую сторону. Армавирцы приплы сюда съ достаточнымъ количествомъ скота, особенно лошадей, а окружающія Армавиръ земельныя приволья позволяли удвоить и утроить наличное количество скота, безъ всякихъ стѣсненій въ землѣ.

Въ третьихъ, прекрасное расположеніе водныхъ источниковъ—Кубани по восточной границѣ армавирскихъ займищъ и р. Урупа, прорѣзавшаго земельныя угодья къ югу отъ Армавира. При наличности лѣсныхъ зарослей, у послѣдней рѣки удобно было устраивать хутора и дѣлать пристанища и зациту для скота.

Въ четвертыхъ, возможность какъ удовлетворительной ликвидаціи прежнихъ торговыхъ сдѣлокъ съ черкесами, за которыми у многихъ остались долги и не законченныя операціи, такъ и поддержанія прежнихъ торговыхъ сношеній. Мирные горцы—темиргоевцы, хатукаевцы, егерухаевцы, бесленеевцы и пр., были подъ рукой, почти сосѣдями, а черезъ мирныхъ можно было поддерживать торговыя связи и съ горами враждебными русскимъ—съ абадзехами и абазинцами. Къ тому же, близъ Армавира въ Прочнокопѣ былъ одинъ изъ крупныхъ мѣновыхъ дворовъ съ горами.

Въ пятыхъ, наконецъ, передъ взорами армавирцевъ открывались цѣлые горизонты новыхъ торговыхъ предпріятій, при наличности условій болѣе благоприятныхъ, чѣмъ въ черкесскихъ владѣніяхъ, какъ по размѣрамъ оборота, такъ и по относительно спокойной обстановкѣ. Казаки линейцы, крестьянское населеніе Ставропольской губерніи, крупныя и мелкія помѣщики, города Ставрополь, Георгиевскъ и др.—все это были, хотя и малопытанные горскими армянами въ торговомъ отношеніи сосѣди, но въ будущемъ они сулили огромныя выгоды Армавиру. Послѣдующій гигантскій ростъ Армавира и нынѣшнее выдающееся его торговое положеніе на

Съверномъ Кавказѣ показали, что разсчеты основателей Армавира были вѣрны или, быть можетъ, даже очень скромны. Дѣйствительность далеко опередила ихъ.

Такъ, въ зависимости отъ цѣлаго ряда историческихъ условий, черкесо-гаи, горскіе армяне, перешли отъ своихъ близкихъ союзниковъ черкесовъ къ ихъ врагамъ русскимъ. Въ теченіе какихъ-нибудь тридцати или сорока лѣтъ, эти условія, объединившія двѣ народности, настолько измѣнились, что для армянъ стала невозможною прежняя совмѣстная жизнь съ черкесами, безъ риска потерять послѣднее свое національное достояніе—свободное исповѣданіе христіанской религіи и право на самоуправленіе по своимъ внутреннимъ распорядамъ. Съ переходомъ армянъ въ Армавиръ должны были, понятно, измѣниться и прежнія отношенія между армянами и черкесами.

VI.

Военный періодъ Армавира.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ Армавиръ не представлялъ ни грозной крѣпости, ни замѣчательнаго чѣмъ-либо поселенія. Это былъ обыкновенный черкесскій аулъ примитивно укрѣпленный. Съ трехъ неравныхъ его сторонъ огибала канава, а четвертою онъ примыкалъ къ лѣвому берегу Кубани. Канава была въ 4 аршина глубины и ширины. Вдоль канавы изнутри аула возвышался валъ изъ насыпной земли, а по валу были поставлены два плетня—передній или наружный былъ выше задняго или внутренняго. Промежутокъ между плетнями также былъ засыпанъ землей, такъ что образована была какъ-бы стѣна или ограда вдоль канавы по валу. Въ трехъ мѣстахъ этой ограды, по прямой линіи, были устроены деревянные ворота, растворявшіяся поворачиваніемъ вокругъ связывавшаго ихъ бруса. У каждыхъ, наконецъ, воротъ днемъ и ночью находилась стража въ нѣсколько человѣкъ. Этою живою изгородью и заканчивались защитныя части Армавира.

Но внутри, за стѣнами этого примитивнаго укрѣпленія, поселились энергичные и отважные люди, поставившіе себѣ задачей устроиться по своему, повести жизнь сообразно съ своими понятіями объ общественности. До сихъ поръ это были разрозненные черкесо-гаи, а теперь они стали армавирцами, объединенными въ одно большое общество какъ общимъ мѣстопробываніемъ, такъ и задачами будущаго благоустройства и безобиднаго существованія

Обида тогда была непремѣннымъ условіемъ въ отношеніяхъ людей, жившихъ за укрѣпленными оградами. Ограждались вѣдь отъ непріятелей и враговъ, которые могли во всякую минуту обидѣть огражденныхъ. Опасались обиды и армавирцы. По обычаю, обиженными считали себя не армавирцы, добровольно и миролюбиво ушедшіе отъ угнетавшихъ ихъ черкесовъ, а наоборотъ насильники

черкесы, отъ которыхъ они ушли. По тогдашнимъ понятіямъ замѣравшаго родового быта, армавиры нарушили завѣты предковъ тѣмъ, что, вопреки волѣ чистокровнаго родоначальника князя и старшихъ послѣ него, они откололись отъ этихъ родовитыхъ и почтенныхъ людей и захотѣли быть сами, себѣ старшими, игнорируя прежнихъ властителей. Были свои и стали чужіе, а съ чужими да еще съ грубіянами не церемонятся. Нужно хорошенько поучить этихъ дерзкихъ непослушниковъ и поучить не такъ, какъ учить дѣтей отецъ, а такъ, какъ караетъ кровометитель кровометителя. Слѣдуетъ для примѣра прочимъ лишить ихъ жизни и имущества. И вотъ почтенные старики, дружившіе до разрыва сосѣди, бывшіе сводные родовичи и недавніе кунаки, превращаются въ лютыхъ враговъ и ожесточенныхъ мстителей.

Какъ мы уже знаемъ изъ разсказовъ армавирицевъ, обиженными считали себя и князь Сястанъ Чирчановъ, и его братъ Джангирей, и почти всѣ хатукаевцы, и темиргоевцы, и особенно егерухаевцы, у которыхъ, за спиною Засса, изъ подъ самаго носа армяне ушли и хотя бы наружно, ради приличія, показали видъ, что они свои и что ихъ силою чужіе увлекаютъ. Какъ же ихъ за это не побить и не пограбить?

Отъ такихъ тузовъ, какъ князь Сястанъ Чирчановъ, за которыми шли грозныя партіи въ нѣсколько сотъ джигитовъ, Армавиръ былъ защищенъ своимъ положеніемъ и именемъ русскаго поселенія. Самъ князь съ своимъ подданными считались мирными покорными Россіи горцами. Но обыкновенные рядовые джигиты и наѣзтники могли сводить счеты по мелочамъ, какъ это чаще всего водилось у черкесовъ. И это для армавирскаго населенія было несноснѣе чѣмъ даже угрозы нападенія большою партіей. Мелкіе счеты могли повторяться изо дня въ день и окончательно отравить всю жизнь армавирицевъ. Отъ этихъ-то обидчиковъ армавиры и окопались канавою, насыпали земляной валъ и поставили два плетня съ скрыпучими воротами и стражей.

Такимъ образомъ, съ самаго своего основанія Армавиръ былъ поставленъ на военное положеніе. Сами армавиры такъ и поняли свое назначеніе. Вмѣстѣ съ образованіемъ Армавира въ 1839 году, по собственной охотѣ и почину они образовали свою милицію, а русское правительство, какъ и черкесовъ, приравнило ихъ къ дворянамъ: въ качествѣ узденей 1-й степени они производились въ первый чинъ юнкерами, а потомъ получали офицерскіе чины. Армавирская милиція, подобно казакамъ на линіи и мирнымъ горцамъ близъ нея, посылала военные разъѣзды въ предѣлахъ охраны своей линіи между станицами Григориполисской съ сѣвера и Убѣженской съ юга, а на ночь армавиры высылали пѣшіе секреты по Кубани. На этомъ пространствѣ, въ опредѣленное время разъѣзжали патрули армавирской милиціи, слѣдившей за тѣмъ, чтобы горцы не могли обратиться за Кубань и нападать на мирное населеніе. У себя же

въ аулѣ армяне выставляли у воротъ постоянную стражу или караулъ. Обязанности стражи несли не одни милиціонеры, а вообще армавиры.

По мѣрѣ того, какъ, съ переселеніемъ въ Армавиръ новыхъ выходцевъ армянъ изъ горъ отъ черкесовъ, ширился аулъ, расширялась и его оградительная часть. Внѣшнюю канаву армавирамъ пришлось мѣнять четыре раза. Сначала подъ ауломъ находилось небольшое пространство нынѣшняго Армавира, занятое въ настоящее время 14 кварталами по Набережной и улицѣ Глинки отъ Кубани и до пересѣченія ихъ Прочноокопской улицей. Въ 1842 году къ этой основной части аула прибавлено было пространство еще 10 нынѣшнихъ кварталовъ. Новая канава была проложена по Войсковой, улицѣ, съ пересѣченіями у Водопроводной улицы у Кубани и Прочноокопской съ противоположной стороны. Въ 1853 году аулъ въ третій разъ былъ расширенъ на протяженіи еще 14-ти нынѣшнихъ кварталовъ, съ проложеніемъ канавы по Бульварной улицѣ, наконецъ, въ послѣдній разъ въ 1860 году, канава была проложена по Садовой улицѣ, начиная отъ Кубани и до Прочноокопской улицы съ четырьмя воротами. Всѣ эти перемѣненія крѣпостной ограды находились въ тѣсной связи съ переселеніями въ Армавиръ армянъ.

Переселенія эти, понятно, только усиливали Армавиръ, такъ какъ способствовали усиленію охраны его, а хорошо поставленная охрана была необходимымъ условіемъ мирнаго теченія жизни. Нападенія горцевъ можно было ожидать каждый часъ, каждую даже минуту и не столько со стороны крупныхъ черкесскихъ партій, сколько мелкихъ мародерствующихъ шаекъ. Армавиръ имѣетъ свою военную исторію, богатую случаями кровавыхъ столкновеній и характерную по отдѣльнымъ эпизодамъ борьбы армянъ съ черкесами.

Укрѣпленный и быстро растущій Армавиръ служилъ для черкесовъ соблазнительною приманкой, сулившею достаточную поживу разнаго рода добромъ. Самъ наибъ Магометъ Аминъ неоднократно намѣревался напасть съ огромными полчищами горцевъ „на богатый армянскій аулъ“, чтобы наказать вѣроломныхъ черкесо-гаевъ, нарушившихъ своимъ переходомъ въ русскіе предѣлы вѣковые заветы священной черкесской старины, а въ сущности чтобы обратить богатыхъ и предпріимчивыхъ сосѣдей. Но ни разу ни самъ Магометъ Аминъ, ни крупные вообще вожаки черкесскихъ партій не смогли, по разнымъ причинамъ, осуществить своихъ намѣреній. Съ одной стороны, серьезнымъ препятствіемъ служило расположеніе значительнаго количества русскихъ войскъ по пути слѣдованія изъ горъ къ Армавиру, а съ другой, и сами армавиры представляли внушительную сплоченную силу, съ которою не легко было справиться и значительнымъ полчищамъ горцевъ, благодаря извѣстной стойкости и храбрости армянскихъ всадниковъ. Тѣмъ не менѣе по мѣстнымъ воспоминаніямъ, Армавиръ три раза подвергался массовымъ нападеніямъ горцевъ. Тогда женщины и дѣти убѣгали изъ

жилицъ въ прилегавшій къ Кубани лѣсъ и здѣсь скрывались все время, пока шла перестрѣлка и схватки за стѣнами Армавира, а все мужчины, подкрѣпляемые прочнокопскими казаками и рѣже форштадскими солдатами, принимали дѣятельное участіе въ отраженіи непріятеля. Объ эту живую защиту внѣ стѣнъ Армавира и разбились все три раза возжелѣнія алчныхъ горцевъ. Армавиръ оставался, что называется, нетронутымъ внутри во все время двадцатипятилѣтней борьбы армянъ съ горцами.

Иное дѣло мелкія столкновенія черкесовъ съ армянами внѣ Армавира и въ самыхъ горахъ, гдѣ гнѣздились горцы.

Свои враждебныя дѣйствія черкесы открыли въ то время, когда армяне жили временными аулами на Кубани близъ казачьихъ станицъ. Еще въ 1837 году „изъ ненависти за принятіе армянами русскаго подданства“, какъ гласитъ „Биографія жителей селенія Армавиръ“, были убиты черкесами Ширинъ Сеферовъ противъ станицы Казанской, Кеворкъ Домбазовъ и Огурлы Табеловъ противъ ст. Темижбекской, а также Хатрухъ Джагуновъ. Въ томъ же году были ранены Саркисъ Хачерисовъ, вскорѣ потомъ умершій отъ раны. Тогда же убиты три лошади и взята въ плѣнъ одна дѣвица. Это былъ первый открытый вызовъ черкесовъ прежнимъ своимъ союзникамъ армянамъ.

Слѣдующій 1838 годъ пронелъ безъ всякихъ почти приключеній для армянъ, такъ какъ въ это время генералъ Засѣ съ своими войсками водворялъ порядки между мирными черкесами, главными врагами армянъ, и русскія войска находились въ такихъ мѣстахъ, близъ которыхъ было крайне рискованно мародерствовать и проказить.

Но въ 1839 году черкесы снова попробовали свести счеты съ своими прежними единомышленниками. Въ самый моментъ переѣзда армянъ изъ временныхъ пристанищъ на Кубани въ Армавиръ, были ранены Иванисъ Сеферовъ и Христофоръ Кусиковъ. Черкесы отняли у нихъ и все ихъ имущество.

Въ 1840 году черкесами были убиты Эдикъ и Богосъ Айдиновы. Въ 1841 году горцы открыто нагрянули на окрестности Армавира. Партія изъ 30 человекъ егерухаевцевъ и такъ называемыхъ кабардинцевъ напала въ степи на Матвѣя Бѣлѣзова, паснаго общественный табунъ лошадей, и на сторожа Огурлы Алавердова и обоихъ убила. Убитъ былъ также Матеосъ Аслановъ. И въ довершеніе всего горцы угнали 260 штукъ лошадей.

Въ 1842 году продолжались набѣги и ограбленія. Раненъ былъ Лато Тевтеревъ, убила лошадь у Киркора Гирагосова и угнано непріятелемъ 400 головъ овецъ. По дорогѣ на Фхавшаго съ товарами Абрама Аксентова налетѣла черкесская шайка и захватила у него товаровъ на 850 руб. Взятъ былъ въ плѣнъ пастухъ Ширинова, выкупленный потомъ за 400 руб., и армянинъ Яковъ Бзекеосовъ, за котораго черкесы взяли выкупъ въ 500 руб. с.

И въ 1843 году тѣ же сгорухаевцы и бѣглые кабардинцы не оставили въ покоѣ армавирцевъ. Черкесы напали въ полѣ на Ханана Алавердова и Хацука Назарова, пастуховъ, пасшихъ овецъ, и обонхъ убили. Убиты были также Тугунъ Кераковъ, Апатъ Муратовъ и лошадь у Гацука Домбазова. Раненъ былъ Залигъ Иванесовъ, пастухъ Качерисова, и взятъ въ плѣнъ пастухъ Паносова. Тогда же черкесы взяли въ плѣнъ крѣпостного Иаке Попова, угнали нѣсколько быковъ и захватили 2600 штукъ овецъ.

Въ 1845 году былъ убитъ Эдикъ Айдиновъ, взятъ въ плѣнъ крестьянинъ Алавердова и у самыхъ воротъ Армавира горцы захватили и угнали цѣлый табунъ въ 180 лошадей. Въ этомъ же году или годомъ раньше произошли двѣ стычки армянъ съ черкесами. Въ одномъ мѣстѣ бжедухи напали на Ованеса Сеферова и Хачика Кусикова, ѣхавшихъ съ товарами въ Армавиръ. Въ происшедшей схваткѣ Сеферовъ и Кусиковъ ранили трехъ непріятелей, но получили пораненія и сами отъ бжедуховъ, которые, пользуясь своею численностью, захватили товаръ армянъ и ускакали съ нимъ во свояси. Тогда же произошла и другая схватка, окончившаяся не въ пользу черкесовъ.

Партія въ 10 человекъ горцевъ засѣла на Терсѣ или Степномъ Зеленчукѣ въ ожиданіи двухъ армянъ братьевъ Хапача и Хаута Кокчевыхъ, везшихъ изъ аула, расположеннаго за Лабой, довольно значительное количество товаровъ. Черкесы устроили правильную засаду и заранѣе увѣрены были въ большой поживѣ. Но Кокчевы, по словамъ армавирцевъ, считались самыми храбрыми и отчаянными у армянъ людьми. Несмотря на численное превосходство непріятеля, оба брата сами напали на шайку, лишь только столкнулись съ ней. Съ необычайной отвагой они стремительно врѣзались въ ряды непріятеля и начали пинками дѣйствовать направо и налево, успѣвши, безъ всякаго съ своей стороны урона, однихъ убить, а другихъ поранить. Черкесы опѣшили и начали отступать къ рѣчкѣ, а Кокчевы, наступая на нихъ, загнали ихъ въ камыши. Кокчевы слышали, какъ одинъ черкесъ кричалъ въ камышѣ другому: „не выходи! Развѣ ты не видѣлъ, что тамъ бѣшеный кабанъ!“ Такъ они называли Хапача, отличавшагося необыкновенною силою и мужествомъ. По разсказамъ армянъ, Хапачъ Кокчевъ часто устраивалъ засады противъ горцевъ, пользуясь ихъ же приемами предательской борьбы. Въ извѣстныхъ урочищахъ, гдѣ можно было предположить потайные ходы черкесовъ, онъ садился ночью въ укромномъ мѣстѣ и вслушивался, не ѣдетъ ли кто. Замѣтивши присутствіе людей, онъ подавалъ условные черкесскіе сигналы свистомъ и когда приближались къ нему непріятели, онъ стрѣлялъ по нимъ, часто убивая и рани ихъ. Въ настоящемъ случаѣ братья Кокчевы ограничились тѣмъ, что забрали свои товары и благополучно прибыли съ ними въ Армавиръ.

Въ 1846 г. убиты черкесами армяне Иванисовъ и Хананіхо Асвандуровъ, раненъ Каспаръ Вартановъ и разновременно двое крѣ-

постныхъ крестьянъ и взяты въ плѣнъ два крестьянина Александра Твелова. 1847 и 1848 г.г. прошли благополучно для армянъ, а въ 1849 году черкесы убили одного Кеворка Кокшева.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нападающею стороною были, слѣдовательно, черкесы, а страдательною — армяне.

Съ 1850 года мѣняется картина борьбы армянъ съ черкесами. Армяне не ограничиваются одною защитою, а въ свою очередь начинаютъ нападать на своихъ противниковъ. Въ то же время часть армянской милиціи вступаетъ въ ряды дѣйствующихъ русскихъ отрядовъ и здѣсь, находясь въ переднихъ частяхъ отрядовъ, въ силу необходимости и развѣдочной службы, первую сталкивается съ непріятелемъ и часто въ первыхъ же рядахъ сражающихся и падаетъ. Такимъ образомъ, военная дѣятельность армавирскихъ армянъ приняла характеръ государственной службы, а не однихъ лишь заботъ о собственной безопасности и защитѣ Армавира.

Въ 1850 году армяне произвели рядъ нападѣній на черкесовъ или, точнѣе, на ихъ имуществъ. Партія въ 18 человекъ внезапно напала на егерухаевцевъ, отбила у нихъ цѣлый табунъ лошадей, какъ добычу, и пригнала его къ себѣ въ Армавиръ. Въ другомъ случаѣ 9 армавирскихъ всадниковъ пробрались внутрь горъ и здѣсь изъ конна Баракаевскаго старшины Бароне Лахова угнали 35 лошадей. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ образовался цѣлый отрядъ изъ 84 армавирскихъ наѣзтниковъ. Отрядъ этотъ пробрался къ вершинамъ горы Шедокъ и отбилъ здѣсь у горцевъ табунъ лошадей въ 500 головъ. Табунъ оказался сборнымъ стадомъ нѣсколькихъ владѣльцевъ, въ числѣ которыхъ былъ султанъ Эдииковъ, принявшій подданство Россіи. Онъ просилъ армянъ возвратитъ ему его лошадей. Армяне сослались на отсутствіе у нихъ полномочій на этотъ счетъ и предложили ему обратитъ по начальству. Султанъ отправился въ Ставрополь, и възвѣнивъ здѣсь разрѣшеніе, получилъ отъ армавирскихъ армянъ всѣхъ лошадей, на которыхъ оказалось его родовое тавро.

Но само собою понятно, что эти смѣлыя предпріятія не обходились безъ приключеній. Въ стычкахъ изъ за скота дѣло нерѣдко доходило до кровопролитія. Въ 1850 году у армянъ были ранены горцами всадники Семень Давидовъ, Каранеть Дарчиновъ и юнкеръ Барсегъ Алавердовъ, а всадникъ Каспаръ Давидовъ не только былъ раненъ, но и взятъ въ плѣнъ.

Въ 1851 году горцы старались отплатить чѣмъ-нибудь Армавиру, подстерегая его населеніе вѣтъ аула. Здѣсь, на выгонѣ у самаго Армавира, они настигли ѣхавшаго съ поля Семена Темирова, нанесли ему нѣсколько ранъ, отъ которыхъ онъ и умеръ, лишь только прискакалъ въ Армавиръ, а крестьянина, ѣхавшаго съ Темировымъ и принадлежавшаго ему, они взяли въ плѣнъ. Въ этомъ же году, при стычкѣ армянъ съ горцами у аула Кончуковскаго, раненъ былъ Авакимъ Шахназаровъ, а мальчикъ Хачадуръ Захаровъ, выпендшій

неосторожно вечеромъ за стѣны укрѣпленія, былъ схваченъ горцами и увезенъ въ плѣнъ. Братья мальчика тогда жили еще въ горахъ между черкесами, а Хачадуря они отдали въ армавирскую школу для обученія грамотѣ и письму. Поэтому, братья выкупили его у горцевъ, и онъ оставался съ ними тамъ до 1864 года, когда окончательно покоренъ былъ Сѣверный Кавказъ и все они перебрались въ Армавирь.

Въ слѣдующемъ 1852 году черкесы столкнулись съ армянами въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ былъ убитъ ими Дандикъ Бѣликовъ. Въ походѣ русскаго отряда въ Андриуковское ущелье принималъ участіе армавирскій милиціонеръ Авакимъ Шахназаровъ, тотъ самый, котораго черкесы ранили въ прошломъ году. Оправившись отъ ранъ, онъ несъ обязанности развѣдчика, находясь впереди отряда. Въ этой отвѣтственной роли онъ и былъ убитъ черкесами. Весною того же года на р. Кунипсѣ, въ одной изъ стѣчекъ, шапсуги убили подъ старикомъ Айвазовымъ лошадей. Айвазовъ жилъ тогда еще возлѣ станицы Пашковской, изъ которой переведенъ былъ въ станицу Переясловскую, а изъ послѣдней уже поналъ въ Армавирь и вмѣстѣ съ сыномъ Яку участвовалъ потомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами.

Съ своей стороны, армавирцы образовали партію въ 60 всадниковъ, которая скрытыми путями пробралась къ абадзехскому племени. Здѣсь, у старшины Магомета Джубатурова, захватила до 100 головъ рогатаго скота и до 500 овецъ, которые и были доставлены въ Армавирь.

Взаимное озлобленіе между горцами и армянами, вслѣдствіе всего этого, росло и въ 1853 году выразилось въ рядѣ новыхъ столкновеній въ разныхъ мѣстахъ.

Черкесы угнали у армавирцевъ 2600 головъ баранты и взяли при этомъ въ плѣнъ 6 человекъ. Въ другомъ мѣстѣ былъ убитъ ими вмѣстѣ съ лошадью Мердженъ Табеловъ, а бжедухи напали на бѣжавшихъ мирно армавирцевъ и ранили одного изъ нихъ Карамета Каспарова.

Въ то же время армяне образуютъ нѣсколько партій, которыя и производятъ рядъ набѣговъ на владѣнія различныхъ племенъ. Партія изъ 67 армавирцевъ пробралась къ бѣглымъ кабардинцамъ и угнала отсюда до 360 лошадей, принадлежавшихъ тремъ владѣльцамъ — Чежукову, Думанову и Адемиеву. Другая партія въ 28 всадниковъ захватила 150 головъ табуна у кабардинскаго узденя Бабукова. Третья партія проскользнула далеко въ горы къ баракаевцамъ и, захвативши близъ Шедока до 900 головъ баранты, благополучно провела похищенныхъ овецъ въ русскія владѣнія. Наконецъ, нанлись охотники побывать и у отдаленныхъ шапсуговъ. У послѣднихъ изъ аула Убенъжъ было угнано 50 лошадей и противъ этой цифры въ „Біографіи жителей селенія Армавирь“ стоитъ выразительная отмѣтка: „совершенно это было 9 человеками“.

Съ этого мѣста рукоиен терминомъ „совершенно“ отмѣчаются все случаи угона скота у черкесовъ. Армавирицы не просто угоняютъ скотъ у черкесовъ, а „совершаютъ“ что-то такое, что окружено какъ бы нѣкоторымъ ореоломъ. Угонъ скота приравнивается къ чему-то молдчеческому. Эта была уже точка зрѣнія черкесовъ, оцѣнивавшихъ всякое воровство и грабежи со стороны удалства и наѣздничества. Наѣздническія предпріятія переходятъ въ постоянную систему военныхъ дѣйствій и ведутся съ такимъ искусствомъ и успѣхами, какими не могли похвалиться ихъ противники горцы. Въ союзъ съ армянами входятъ черкесы. Въ Армавирѣ поселяется 20 перебѣжчиковъ махоневцевъ, ушедшихъ отъ Магомета Амина, который приобрѣлъ около этого времени огромное вліяніе между горцами, особенно у абадзеховъ, и, слѣдуя мусульманскимъ правовымъ воззрѣніямъ на равенство всехъ послѣдователей ислама, сильно стѣснилъ черкесскихъ дворянъ. Послѣдніе, отстаивая свои старинныя права и привилегіи, часто платились имуществомъ и даже жизнью, а нѣкоторые вынуждены были бѣжать съ родины. Махоневцы принадлежали къ числу такихъ жертвъ демократической политики наиба. Они объединились съ армавирицами на одномъ общемъ дѣлѣ — угонѣ скота у непріятели, принявши на себя спеціальныя обязанности розыска и выслѣживания добычи.

Съ присоединеніемъ къ армавирицамъ махоневцевъ угонъ скота у черкесовъ превратился какъ бы въ постоянный военный промыселъ. Армавирскія наѣздническія партіи организовались самостоятельно, безъ всякаго касательства къ нимъ русскихъ властей. Это было ихъ особое дѣло. Русское начальство разрѣшило имъ разъ навсегда сводить свои счета съ черкесами, которые въ прежнее время обижали армянъ совершенно безнаказанно. И армяне артистически повели дѣло. Во главѣ партій стали самые опытные, старые и пользовавшіеся всеобщимъ почетомъ армавирицы Осипъ Шоровъ, Багдасаръ Алавердовъ, его братъ Джумафъ, Борокъ Бароновъ, Баронъ Азгимовъ и др. Махоневцы, связанные клятвою, данною армавирицамъ, и невозможностью вернуться на родину, подъ угрозою тяжкихъ наказаній и смерти, заняли положеніе своего рода специалистовъ по части угона у своихъ сородичей скота и сокрытія слѣдовъ этихъ продѣлокъ. А обыкновенное населеніе Армавира, преимущественно молодежь и лучшіе наѣздники, представляли собою основную силу для обезпеченія удачныхъ дѣйствій въ предпріятіи.

Обыкновенно набѣги устраивались такимъ образомъ. Развѣдчики махоневцы, знавшіе все входы и выходы въ горахъ, высматривали мѣста, гдѣ слабъ былъ присмотръ за стадами и гдѣ характеръ мѣстности и вообще внѣшнія условія благопріятствовали нападеніямъ и угону скота. Свои указанія они сообщали потомъ кому-либо изъ стариковъ армавирицевъ, водившихъ партіи въ набѣгъ. Старики руководители составляли подробный планъ, извѣстный только однимъ

имъ, опредѣляли количество необходимыхъ для набѣга всадниковъ, въ зависимости отъ разстоянія мѣста набѣга, отъ количества и видовъ скота, степени охраны его горцами и т. п. условій. Въ составъ партій заранее намѣчались лица, отличавшіяся храбростью, отвагой и выдержкой, имѣвшія хорошихъ лошадей и исправное оружіе. Подъ строгимъ секретомъ, каждому изъ этихъ лицъ руководитель партій назначалъ сборное мѣсто, главнымъ образомъ какой либо курганъ, на который въ условленный часъ ночи и долженъ былъ явиться каждый приглашенный верхомъ на лошади, въ полномъ вооруженіи и съ извѣстнымъ запасомъ харчей. Собравшіеся такимъ образомъ всадники, подъ предводительствомъ опытнаго руководителя и при участіи махоневцевъ, направлялись все вмѣстѣ скрытыми путями, какъ велъ ихъ предводитель. Предводители пользовались правами военачальниковъ. Ихъ уважали и беспрекословно слушались, младшіе ухаживали за ними, чистили имъ лошадей, поили и сѣдлали послѣднихъ и т. п. Но этимъ и исчерпывались все права предводителя партій. Послѣ удачнаго набѣга онъ получалъ изъ добычи долю равную съ другими набѣдниками, а съ распаденіемъ партій становился въ обыкновенные ряды населенія и пользовался почетомъ и авторитетомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой сложилась его репутація въ Армавирѣ.

Старики разсказывали, что ни одинъ сборъ партій въ набѣгъ не обходился безъ осложнений и эпизодовъ, характерныхъ для того времени и нерѣдко комичныхъ по своимъ послѣдствіямъ. Какъ не строго въ секретѣ держалась тайна снаряженія партій въ походъ, а въ назначенное время на курганъ являлись не только избранные всадники, но и тѣ, которыхъ не приглашали руководители или которыхъ даже заранее исключали изъ состава, какъ людей не подходящихъ. Начинался учетъ необходимыхъ силъ. Старики отводили въ сторону заранее намѣченныхъ всадниковъ и гнали изъ сборища непрошенныхъ гостей. Возникали недоразумѣнія. Волонтеры просили стариковъ оставить ихъ въ рядахъ формируемой партіи. Старики отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Иногда партія все же ужь сформированная направлялась въ путь, но отъ нея не отставали и непринятые въ ея составъ всадники. Тогда предводители отдавали своимъ подчиненнымъ приказанія объ удаленіи ненужныхъ партіи всадниковъ и нерѣдко дѣло не обходилось безъ энергичныхъ мѣръ, послѣ которыхъ непринятымъ оставалось одно—оставить партію въ покоѣ. Дѣло въ томъ, что уходящая въ набѣгъ партія должна была соблюдать строжайшую тишину и двигаться въ полномъ секретѣ. Требовалось, чтобы никто объ этомъ не зналъ и не нашлось бы охотника предупредить тѣхъ, противъ которыхъ велся набѣгъ. Только тѣ немногіе, кто составлялъ партію, знали, куда предназначено было направиться и въ какомъ направленіи слѣдовало идти. Остальные слѣпо слѣдовали за предводителемъ, соблюдая лишь извѣстныя мѣры осторожности въ пути. Подробности же плана, мѣсто дѣйствія

и характеръ предпріятія имъ выяснялись лишь тогда, когда дѣло было, что называется, на носу и когда нельзя уже было дѣйствовать, не зная условій предстоящаго дѣла и всей обстановки его.

Пятидесятыя годы совпадаютъ съ наибольшимъ обостреніемъ отношеній между черкесами и армянами и съ наибольшимъ напряженіемъ ихъ борьбы. Въ это время совершенно опредѣлились взаимныя позиціи обоихъ сторонъ. Армяне стали для черкесовъ такими же гурами, какъ и русскіе, если только не хуже ихъ, такъ какъ это были свои отщепенцы. Черкесы обратились, въ глазахъ армянъ, въ злѣйшихъ противниковъ, въ чуждую народность, по отношенію которой не должно было существовать пощады ни къ жизни, ни къ имуществу. Борьба усилилась. Армяне какъ бы помѣнялись ролями съ черкесами. Изъ года въ годъ они тревожили своихъ противниковъ набѣгами и угономъ скота. Вотъ что гласятъ записи „Біографіи“.

Въ 1854 году у кабардинца Исмаила Кандаурова угнано 48 армавирцами около 1200 головъ баранты, тогдаже у кабардинскаго уздени Маргушева взято было въ плѣнъ 5 дунѣй. Плѣнниковъ армяне взяли прямо изъ сакли во дворѣ, а дворъ былъ „не какой нибудь“ обыкновенный, а „вродѣ крѣпости“—съ высокимъ плетнемъ заплетеннымъ колочкой, черезъ которую „никакъ не перелѣзешь“. Маргушевъ счелъ за лучшее подчиниться русскимъ, и тогда ему были возвращены плѣнники.

Въ 1855 году у абадзехскаго старшины Хаджимукова угнана отара овецъ въ 1260 головъ и взято въ плѣнъ два человѣка. „Совершено это 12 человѣками“.

У махоневскаго племени отбито было до 600 головъ баранты и взято въ плѣнъ 3 махоневца. „Совершено это 36 человѣками“.

У темиргоевцевъ и абадзеховъ угнанъ табунъ въ 180 лошадей. „Совершено это 48 человѣками.“

На другое утро тѣ же 48 человѣкъ и у тѣхъ же черкесовъ угнали 1600 штукъ овецъ. Хозяинъ скота безуспѣшно преслѣдовалъ армавирцевъ до Бѣлорѣченскаго укрѣпленія и здѣсь вступилъ въ переговоры съ армянами, которые отдали ему 300 головъ, но въ обмѣнъ за плѣннаго грека изъ армавирцевъ, такъ какъ въ то время черкесы не возвращали плѣнныхъ даже за деньги.

У махоневскаго племени, во время распашки земли, армавирцы угнали 116 быковъ и взяли одного плѣнника. „Совершено это 32 человѣками.“

Все это происходило въ 1855 году.

Въ слѣдующемъ 1856 г. у махоневца Мамыжева угнано 660 штукъ овецъ и взято въ плѣнъ 4 горца. „Совершено это 70 человѣками.“

Во второй разъ угнано 1150 головъ баранты у Уважука Нартыжева, который былъ убитъ при схваткѣ и „оружіе съ него сняли армавирцы“. При этомъ была жаркая перестрѣлка и много урону съ обѣихъ сторонъ. „Совершено это 80 человѣками“.

Въ концѣ года угнано у Мамсыра Хажукова 85 головъ рогатаго скота. „Совершено это 23 человекѣми.“

Въ 1857 году былъ только одинъ случай угона скота армавирицами у горцевъ. Вотъ какъ происходило дѣло, по разсказу Е. А. Баронова, 85 лѣтняго здравствующаго и нынѣ еще старика, участвовавшаго въ дѣломъ рядѣ набѣговъ на горцевъ:

Партія изъ 60 армавирицевъ выѣхала просто на добычу въ черкесскія земли. Армавирицы остановились на р. Бѣлой въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Ханская станица. Разсѣдлали лошадей, стреножили ихъ и пустили на пашу, а сами разостлали бурки и повалились на нихъ отдыхать. Кругомъ было глухо, черкесскихъ ауловъ не было вблизи, партія считала себя въ безопасности. Но вотъ одинъ изъ всадниковъ повелъ лошадь на водопой къ р. Бѣлой. Когда онъ поилъ лошадь, секреты, выставленные абадзехами, замѣтили это и пустили въ армавирица нѣсколько пуль. Армавирецъ отвѣтить тоже выстрѣломъ. Во мгновеніе ока вся партія была уже на ногахъ. Быстро были растреножены и осѣдланы лошади. По указаніямъ товарища, видѣвшаго абадзехскіе секреты, вся партія помчалась за послѣдними. „Мы за ними, а они отъ насъ; мы за ними, а они отъ насъ“, съ воодушевленіемъ и такою живостью разсказывалъ Е. А. Бароновъ, размахивая руками и причмокивая языкомъ, точно онъ мчался на живой лошади и пощупалъ ее. Абадзехи однако ушли отъ армянъ, проскакавъ даже мимо того аула, въ которомъ они жили, и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него окончательно скрылись въ густыхъ лѣсахъ. Армяне приостановили погоню и возвратились обратно, но когда поравнялись съ черкесскимъ ауломъ, то замѣтили вблизи него много рогатаго скота. „Мы отхватили 188 воловъ—и айда прямо въ Армавиръ. Всѣхъ благополучно пригнали домой“, съ улыбкой закончилъ разсказчикъ, и торжествующе обвелъ всѣхъ глазами. По всему видно было, что разсказчикъ переживалъ минуты давнишняго молодецкаго набѣга.

Но въ 1857 году у самаго Армавира случилось другое происшествіе, сильно взволновавшее его населеніе. Въ этомъ году партія изъ семи хаджиретовъ пробралась къ станицѣ Каменнобродской. Здѣсь, вблизи самой станицы, черкесы схватили двухъ мальчиковъ пастуховъ и, дождавшись ночи, тихо переправлялись черезъ Кубань между Прочноокопомъ и Армавиромъ, въ двухъ верстахъ отъ послѣдняго, рассчитывая здѣсь скрыться въ принадлежавшемъ армавирицамъ лѣсу. Но тамъ же, у берега Кубани, предусмотрительные армавирицы оставили на ночь секретъ изъ нѣсколькихъ человекъ подъ командой Таля Алавердова, считавшагося однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ Армавирѣ. Выждавши пока черкесы перебравшись черезъ Кубань съ праваго ея берега на лѣвый, секретъ, по командѣ Алавердова, сдѣлалъ по горцамъ залпъ и быстро бросился къ нимъ. Хаджиреты разсыпались въ разныя стороны, и армавирицы успѣли въ это время отнять у нихъ въ темнотѣ обоихъ мальчиковъ, одну осѣдланную лошадь и немного черкесско^й провизіи.

Таль Алавердовъ, юнкеръ 4 кв.

Алавердовъ немедленно далъ знать о происшествіи въ Армавирь. Поднялась тревога. Быстро была составлена партія всадниковъ подъ командой Бебей Давидова и Туркъ Шаханова, старшихъ и ловкихъ милиціонеровъ въ Армавирь. Отрядъ этотъ помчался въ окружающія Армавирь степи, чтобы настигнуть непріятеля. Цѣлую ночь армавирицы напрасно рыскали по степи. Хаджиреты точно въ воду канули, и армавирицы были увѣрены, что имъ удалось уйти въ свои мѣста. Но когда утромъ партія армавирицевъ возвращалась обратно домой, то совершенно неожиданно встрѣтилась съ двумя горцами, ѣхавшими по степи. Это были заблудившіеся хаджиреты. Армавирицы бросились къ нимъ и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ партіи Яковъ Назаровъ, отличавшійся горячностью, неосторожно подскочилъ къ хаджиретамъ. Тѣ подняли ружья и, когда Назаровъ поворотилъ лошадь назадъ, грянули два выстрѣла и армавириецъ былъ убитъ пулею въ спину.

„Съ конь долой!“ — командовалъ тогда Бебей Давидовъ своей партіи. И армавирицы мгновенно сбатовали лошадей.

То же сдѣлали и черкесы.

„Что вы смотрите на нихъ?“ — закричалъ Бебей товарищамъ. Вы забыли уже, какъ они расправились съ Сеферовымъ и Мосесовымъ. Сію минуту они убили еще одного нашего товарища. Стрѣляйте же въ нихъ и не оставяйте въ живыхъ ни одного изъ нихъ“.

Началась перестрѣлка. Оба хаджирета пали въ неравномъ бою. Въ убитыхъ опознаны были два кабардинца Молла Кардаповъ и Шердзеновъ.

Подобравши убитаго Назарова, партія направилась съ нимъ въ Армавирь. Трупы хаджиретовъ оставлены были въ степи. Узнавши объ этомъ, армяне позвали своихъ рабовъ черкесовъ и сказали имъ: „повзжайте въ степь и похороните тамъ своихъ единовѣрцевъ по вашимъ обычаямъ, какъ подобаетъ поступать съ мертвецами“.

Хаджиреты были похоронены въ 8 верстахъ отъ Армавира въ открытой степи, а Яковъ Назаровъ на родномъ кладбищѣ въ Армавирь.

Талъ же Алавердовъ, за храбрость и распорядительность, оказанную имъ при разсѣяніи партіи хаджиретовъ и освобожденіи двухъ плѣнныхъ мальчиковъ, получилъ военный ордеръ IV степени.

Въ 1858 году армавирицы четыре раза угоняли скотъ у черкесовъ. Въ первый разъ 30 всадниковъ напали на темиргоевскій аулъ Безжіи и отбили 65 быковъ. Въ происшедшей при этомъ стычкѣ убитъ Додухъ Мисеровъ.

Во второй разъ угнано съ пашни у махошевцевъ 166 быковъ. „Совершенно это 70 человекъ“.

Въ третій разъ 48 всадниковъ-армавирицевъ угнали у бжедуховъ изъ аула Татархабль 112 быковъ.

И, наконецъ, въ послѣдній разъ армянами отбито было 88 быковъ у бжедуховъ аула Казанукай и взяты одинъ плѣнникъ. „Совершенно это 18 человекъ“.

Въ послѣднихъ двухъ предиріятіяхъ участвовалъ живой остатокъ старины Е. А. Бароновъ и, передавая подробности своихъ столкновеній съ горцами, онъ разсказалъ между прочимъ слѣдующее:

Въ Казанукаѣ вмѣстѣ съ черкесами жилъ армянинъ Аслановъ, служившій русскимъ войскамъ и пользовавшійся, благодаря тому, большимъ вліяніемъ у мирныхъ черкесовъ и между армянами. Аслановъ обратился къ армавирцамъ съ просьбою возвратитъ ему плѣннаго, взятаго въ послѣдній набѣгъ въ Казанукаѣ, и воспользоваться только 88 быками. Армавирцы отказали ему въ этомъ, что сильно разсердило его. „Хорошо, пригрозилъ онъ армавирцамъ, если вы не отдадите мнѣ теперь плѣннаго, то послѣ сами привезете мнѣ на лошади, а если у васъ не будетъ лошади, то принесете на рукахъ“, и отправился въ Екатеринодаръ. Здѣсь онъ получилъ отъ генерала Кухаренко бумагу, въ которой говорилось о передачѣ плѣнника Асланову. А у армянъ было начальство свое кавказское, а не черноморское, по этому, они и не отдали Асланову плѣнника. Аслановъ поѣхалъ послѣ этого въ г. Ставрополь къ командующему войсками генералу Козловскому. Козловскій, хотя и находилъ возможнымъ выдачу плѣнника Асланову, какъ человѣку приносившему пользу русскимъ войскамъ, но сказалъ ему, что онъ наведетъ по этому дѣлу справки въ штабѣ, и вызвалъ къ себѣ помощника начальника штаба полковника Пѣкарекаго. Полковникъ же высказался въ томъ духѣ, что вопросъ объ отдачѣ плѣнника Асланову—личное дѣло послѣдняго съ армавирцами, такъ какъ взяли горца въ плѣнъ въ Казанукаѣ не русскія войска, а армяне, ихъ собственная милиція, съ которою Аслановъ и долженъ уладить дѣло. Аслановъ вынужденъ былъ снова обратиться къ армавирцамъ. „И что же отдали“? поставленъ былъ вопросъ Баронову. „Хе! отдали“ съ живостью отвѣтилъ онъ. „Аслановъ какъ нивертѣлся—не вывертѣлся: по червонцу каждому изъ насъ далъ, а насъ было 18“, и старикъ, плутовски подмигивая, весело разсмѣялся, какъ будто желая этимъ сказать: „вотъ какія дѣлишки мы обдѣлывали“!

Съ 1858 года сразу и „безповоротно понизилась борьба армянъ съ горцами“. Магометъ Аминъ, главный сѣятель вражды и военныхъ дѣйствій, пришелъ къ горькому выводу: къ безуспѣшности борьбы съ русскими войсками, и въ 1859 году принялъ присягу на подданство Россіи. Натравливанія черкесовъ на русскихъ ослабли. Съ другой стороны, покореніе горцевъ и занятіе казачьими станицами черкесскихъ земель по Лабѣ и Уруцу приняли такіе размѣры и характеръ, что армяне какъ бы естественнымъ образомъ были отграничены отъ черкесовъ. Не было нужды въ прежней борьбѣ, не существовало и подходящихъ условій къ набѣгамъ и угону скота. Начали слагаться иныя жизненныя отношенія. И, дѣйствительно, за все послѣдующее время съ 1858 года въ „Біографіи“ отмѣченъ былъ только одинъ въ 1863 году случай, когда у абадзеховъ аула Хакуринохабль армянами угнано было 10 штукъ рогатаго скота и взято

Мелконъ Бароновъ, милиционеръ 1 кв. и
живой участникъ въ бояхъ съ черкесами.

двое плѣнныхъ. При этомъ была сильная перестрѣлка. И все это „совершенно было 50 верховыми“. Но это была годъ упорной борьбы абадзеховъ съ русскими, и горцамъ было уже не до армянъ.

Въ предшествующіе годы черкесы не упустили ни одного удобнаго случая, чтобы отомстить своимъ прежнимъ союзникамъ. Около 1853 или 1854 года партія изъ 10 черкесовъ нашла на Бабука Тарасова и Каспара Давидова, ѣхавшихъ изъ черкесскаго аула домой. Черкесы знали, что Тарасовъ и Давидовъ имѣли при себѣ деньги, и Тарасова убили, а Давидова взяли въ плѣнъ. Мѣсяць спустя, когда родные Каспара Давидова собрали деньги, чтобы выкупить его изъ плѣна, онъ самъ убѣжалъ отъ черкесовъ. Тогда же ранены были Абрамъ Аслановъ и его братъ Христофоръ, къ которому ѣздили Абрамъ въ Абинское укрѣпленіе, гдѣ Христофоръ служилъ вѣдникомъ при русскихъ войскахъ. Христофоръ, однако, не перенесъ тяжелой раны и умеръ. Все-тогда же черкесы взяли въ плѣнъ Джумафа Темирова, паспаго въ стени овецъ, но Джумафъ успѣлъ убѣжать отъ черкесовъ, прежде чѣмъ собрались выкупить его.

Въ 1854 году убиты были Егоръ Шахановъ и Хананхо Каспаровъ, а Богдасара Алавердова два раза ранили—первый разъ въ 1854 г. и во второй въ 1855 г. Около того же времени ранили на р. Синохъ чабана грека Тевтерева, умершаго отъ мучительной раны, затѣмъ одного крестьянина, принадлежавшаго Азгимову, ранили, а другого взяли въ плѣнъ. За послѣдняго пришлось отдать черкесамъ 300 рублей выкупа.

Въ 1855 году черкесами ранены были Шумафъ Алавердовъ и Бабухъ Назаровъ. Но особенно трагическая участь постигла Арутюна Сеферова и Барсега Мосесова, убитыхъ абадзехами 6 марта, на пути возвращенія ихъ изъ Усть-Лабы въ Армавиръ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Партія въ 12 абадзеховъ заранѣе сторожила проѣздъ Сеферова, котораго, въ видахъ охраны, сопровождалъ братъ по матери Барсегъ Мосесовъ. Сеферовъ былъ очень богатый человекъ и, поэтому, абадзехи рѣшили овладѣть имъ живымъ, рассчитывая на значительный выкупъ, а отъ Мосесова, какъ лишняго противника, совсѣмъ отдѣлаться. Такъ и повели они дѣло.

Когда армавирцы, столкнувшись съ абадзехами, замѣтили въ нихъ враговъ, то, быстро слѣзши съ лошадей, сбатовали ихъ, т. е. уложили ихъ на землю, а сами, залегли за лошадьми, начали отстрѣливаться отъ непріятеля. Но абадзеховъ было много и они заранѣе заняли лучшую позицію.

Завязалась перестрѣлка. Нѣсколькими выстрѣлами, направленными исключительно въ Барсега Мосесова, абадзехи убили его и затѣмъ, прекративши перестрѣлку, они предложили Сеферову сдаться живымъ въ плѣнъ.

„Положи оружіе“! кричали они издали. „Сдавайся“!— „Не сдамся“! отвѣчала имъ Сеферовъ. „живымъ въ руки вы не возьмете меня“.

„Но насъ больше. Мы все одно убьемъ тебя. Тебѣ бесполезно защищаться. Спасай себя отъ вѣрной смерти“.

„Стрѣляйте“! кричалъ Сеферовъ. „И я съумѣю отвѣтить вамъ тѣмъ же. Вы убили моего товарища и требуете, чтобы я сдался. Съ какими же глазами я явлюсь въ Армавиръ, когда меня выкупятъ изъ плѣна“?

„Тебя судьба пощадитъ, а товарищъ палъ случайно отъ пальной пули“, продолжали убѣждать абадзехи Сеферова. „Что же въ этомъ позорнаго?“

„А советъ мой?“ возражалъ Сеферовъ. „Все скажутъ, что я купилъ себѣ жизнь цѣною смерти товарища. И я такъ думаю, и вы прекрасно это понимаете. Зачѣмъ же искушаете меня? Продолжайте ваше дѣло, а я буду отъ васъ отбиваться, пока могу“.

Горцы поняли бесполезность дальнѣйшихъ увѣщаній. Началась усиленная атака десяти противъ одного. Сеферовъ, предчувствуя близкій конецъ борьбы, распоролъ кинжаломъ брюхо лошади, положилъ нащипку и, разрядивши ружье, согнулъ его стволъ, не желая ничего дать въ руки неприятелю. Послѣ этого и палъ отъ пуль благородный армавирецъ.

Надо прибавить, что Сеферовъ и Мосесовъ могли свободно уйти отъ черкесовъ. У Сеферова была превосходная скаковая лошадь, на которой онъ могъ ускакать отъ враговъ, посадивши сзади себя на кругъ Мосесова. Но послѣдній нашелъ, по догадкѣ армавирецъ, неприличнымъ занимать такое положеніе, а Сеферовъ навѣрное не захотѣлъ оставить его одного на плохой лошади. Такъ и пали оба отъ пуль съ мыслью о собственномъ достоинствѣ и товарищескомъ долгѣ.

Въ настоящее время у р. Синохи, на могилахъ убитыхъ армавирецъ стоитъ каменный столбъ, поставленный роднымъ братомъ Сеферова. Этотъ простой и незатѣйливый памятникъ свидѣтельствуетъ о геройскомъ подвигѣ Арутюна Сеферова, сложившаго здѣсь голову за убитаго товарища изъ чувства товарищескихъ узъ и чести.

Слѣдующій 1856 годъ былъ особенно тяжелымъ для армавирецъ и ихъ семей. Убиты были Саркисъ Поповъ, Яковъ Натырбовъ и Моконъ Джагуповъ, а ранены Берзекенъ Ованесовъ въ трехъ мѣстахъ и Аведикъ Джагуповъ, взятый горцами въ плѣнъ и потомъ выкупленный за 400 рублей. Все это происходило у Армавира, гдѣ ранена была также лошадь у Минаса Тевтерова, угнаны черкесами 5 паръ быковъ и взятъ въ плѣнъ Асамбій Джантемировъ, пасшіи табунъ лошадей близъ Орловскаго поста, и потомъ убѣжавшій отъ черкесовъ.

Внѣ Армавира, въ походѣ русскихъ войскъ убиты были Бабасинъ Акубжановъ и, при взятіи русскимъ отрядомъ Татар-

хабльскаго аула у бжедуховъ, Яковъ Айвазовъ и Джанклышевъ или Бедрозовъ. Оба они, въ качествѣ всадниковъ милиціонеровъ, всегда были по обязанности службы впереди и первыхъ постигла ихъ смерть. Но особенно памятнымъ армавирицамъ было дѣло въ урочищѣ Мамрюкъ-кой по дорогѣ въ укр. Псебай близъ крѣпости Шедокъ. Здѣсь слѣдовали приставъ Дубяга и капитанъ Потуловъ, подъ прикрытіемъ отряда изъ 30 армавирицевъ и 5 татаръ. Отрядъ этотъ внезапно былъ окруженъ партией горцевъ въ 400 человекъ. Начался неравный бой. Армяне съ татарами и русскими офицерами сбатовали лошадей и залегли за ними, ведя усиленную перестрѣлку съ горцами. Пули сыпались на отрядъ со всѣхъ сторонъ, у всадниковъ были убиты и изранены почти всѣ лошади, оба офицера были ранены, убиты были Антонъ Бароновъ и Исировъ, смертельно ранены Яковъ Назаровъ и Минасъ Дановъ, оба умершіе отъ ранъ, сильно ранены были, но выздоровѣли Додоухъ Назаровъ, Шумафъ Алавердовъ 4 пулями и Яковъ Шахназаровъ тремя пулями— „въ морду попалъ, и въ ногу попалъ, и глаза выбили“, описывалъ старый вояка Е. А. Бароновъ. Подоспѣвшая изъ Шедока помощь спасла отъ смерти остальныхъ храбрецовъ.

Въ томъ же году,—точно не установлено, или въ слѣдующемъ 1857 г. убитъ былъ Тарасъ Исировъ, жившій тогда еще въ Черноморіи, и раненъ сынъ его Хацукъ, ранены были также Семенъ Джантемировъ и штабсъ-капитанъ Назаръ Джантемировъ въ бою во время похода русскихъ войскъ противъ абадзеховъ. Возлѣ Армавира хаджиреты захватили въ плѣнъ греческаго мальчика Ивана Кастанова. Мальчикъ бѣжалъ вечеромъ на арбѣ съ поля и заснулъ. Въ такомъ состояніи и взяли его черкесы.

Синодикъ убитыхъ въ двухъ предшествующихъ годахъ пополнился въ 1857 году новыми жертвами. Убиты были Тахо Донгуловъ, Трамъ Каспаровъ и Кушимезъ Донгуловъ, а ранены Исаакъ Давидовъ, юнкеръ Каригъ Вѣликовъ, Артемъ Муратовъ и, въ стычкѣ съ черкесами при занятіи мѣста подъ Майкопъ, Назаръ Бароновъ и Яковъ Муратовъ. Борокъ же Бароновъ былъ раненъ два раза—первый разъ въ 1857 году и второй разъ въ 1858 году, въ 1855 году подъ нимъ убита была лошадь и другая лошадь ранена въ 1857 году. Тогда же были взяты въ плѣнъ Андрей Гирагосовъ и Хачадуръ Шириновъ.

Въ 1858 году убитъ былъ Хатрофъ Джагуновъ и раненъ юнкеръ Саркисъ Паносовъ. Тогда же подъ 6-ю всадниками убиты были лошади и подъ однимъ ранена лошадь. Въ „Біографіи“ отмѣчено что у Юсефа Шорова убита лошадь и самъ онъ раненъ, но Е. А. Бароновъ и С. П. Шахановъ отозвались объ этомъ: „лошадь у Шорова, быть можетъ, убили или ранили, а самъ онъ не получалъ ранъ. Это былъ у насъ первый вояка и всѣ хорошо знали, что и когда съ нимъ случалось“. Справкою въ формулярномъ спискѣ Шорова подтвердились эти слова.

Въ томъ же 1858 году у Аракела Аксентова черкесы угнали 500 овецъ, 12 штукъ рогатаго скота, двѣ лошади и взяли на 1500 р. разнаго рода товаровъ, а у Аракела Керакова взята была въ плѣнъ дочь, пропавшая безъ вѣсти.

Въ 1858 году или годомъ раньше одинъ изъ армавирцевъ выказалъ замѣчательную силу стойкости и храбрости. Въ это время изъ станицы Удобной въ станицу Передовую ѣхалъ съ товарами А. М. Муратовъ. На полпути между этими станицами, у горной рѣчки Ушебъ, на него напала шайка изъ девяти горцевъ—абадзеховъ и абазинцевъ подъ предводительствомъ Деголь Эфендія. Муратовъ ѣхалъ повозкою на парѣ лошадей. Горцы выскочили изъ лѣса и окружили его. Чувствуя свое численное превосходство, они кричали ему издали: „если хочешь живымъ остаться, то сдавайся!“ На это Муратовъ отвѣтилъ: „пока я живъ не сниму оружія, а буду одинъ сражаться съ вами девятью“. Черкесы открыли огонь по Муратову. Муратовъ отвѣчалъ имъ выстрѣлами. Но численность врага скоро сказалась. Муратовъ получилъ двѣ раны въ ногу и почувствовалъ, что не можетъ больше сражаться.

Горцы замѣтили это и бросились къ нему. Нѣкоторые изъ нихъ подняли шанки, чтобы убить упорнаго армянина.

— „Вы сдѣлали, что вамъ нужно было,“ сказалъ имъ Муратовъ. „Останьтесь же благородными людьми. Берите все, что у меня есть, но не добивайте меня, чтобы мой трупъ въ этомъ глухомъ мѣстѣ не остался на съѣденіе сабакамъ.“ Горцы успѣли уже въ это время снять съ раненаго Муратова оружіе.

„Не трогать его! раздалось тогда приказаніе предводителя партіи Деголь Эфендія.“ Кто ударитъ нашего противника, того я самъ убью. Онъ правъ. Его убивать нельзя, какъ храбраго воина“. И благородный Эфендій воротилъ Муратову его оружіе.

Раненаго Муратова съ ружьемъ, но безъ лошадей и товаровъ нашли въ степи казаки, прискакавшіе на выстрѣлы. И два года потомъ онъ лѣчился, пока оправился отъ ранъ.

Приблизительно около 1857 или 1858 года раненъ былъ Абидъ Бедрозовъ, во время перестрѣлки съ черкесами, которые пытались отнять угнанный у нихъ табунъ лошадей армавирцами. Около того же времени черкесы взяли въ плѣнъ Багдасара Иснирова, искавшаго по р. Урупу своихъ коровъ.

Съ 1859 года столкновенія армавирцевъ съ черкесами переносятся уже далеко за Армавиръ и его владѣнія. Непокоренные еще черкесы были отодвинуты далеко въ горы, а мирные или покоренные черкесы, окруженные русскими войсками, находились въ условіяхъ, не позволявшихъ имъ разбоевъ. Въ этомъ году, при нападении черкесовъ на укрѣпленіе Хамкеты, убитъ былъ Батокъ Алтбармаховъ и ранены Шу Накжіевъ и Ногосъ Муратовъ съ лошадью. Подъ шестью всадниками были убиты лошади. Тогда же, но въ другомъ мѣстѣ, въ стычкѣ съ черкесами, при постройкѣ крѣ-

пости Майкопъ, смертельно раненъ былъ Хапачъ Сеферовъ, умершій отъ раны въ тотъ моментъ, когда привезенъ былъ домой.

Въ 1860 году убиты были лошади подъ тремя всадниками и раненъ былъ юнкеръ Асланъ Гирагосовъ. 1861 годъ прошелъ для армавирицевъ благополучно. Въ 1862 году близъ ст. Келермесской убиты были Егоръ Бедрозовъ и Падъ Каладжевъ наскочившими на нихъ хаджиретами въ то время, когда они везли бумаги, по порученію начальства.

1863 годомъ заканчивается списокъ убитыхъ и раненныхъ армавирицевъ въ борьбѣ съ горцами, тянувшейся 25 лѣтъ со времени основанія Армавира. Въ этомъ году ранены были юнкера Таль Алавердовъ, Христофоръ Муратовъ и Асланъ Гирагосовъ, а подъ двумя всадниками убиты были лошади. Въ этомъ же году отрядъ изъ 120 армавирицевъ, подъ командою пристава кабардинца Абдархманова, конвоировалъ Намѣтника Великаго Князя Михаила Николаевича при походѣ на шансуговъ по р. Пескупсу и въ другихъ мѣстахъ. При стычкахъ съ горцами изъ отряда, конвоировавшаго Великаго Князя, ранены были двое—подпоручикъ Михайлъ Хачиковъ и Асланъ Гирагосовъ.

Надо, однако, полагать, что въ длинный списокъ убитыхъ и тѣмъ болѣе въ списки раненныхъ внесены не всѣ жертвы, принесенныя армавирицами въ борьбѣ съ черкесами. Записи „Біографіи“ были не полны и въ нихъ не попали убитые и раненые по цѣлому кварталу, частныя записи, оказавшіяся у разныхъ лицъ, носили эпизодическій характеръ и въ такомъ видѣ годились лишь для повѣрки отдѣльныхъ случаевъ. Но въ памяти армавирицевъ сохранились указанія и на нѣкоторые случаи, не попавшіе ни въ „Біографію.“ ни въ частныя записи. Армавирицы хорошо помнятъ, напр., что, во время походовъ армянъ милиціонеровъ въ горы съ русскими войсками, убиты были Падъ Айвазовъ и Огановъ, но когда это произошло и при какихъ условіяхъ, рассказчики не могутъ указать.

Были, однако, особые исключительные случаи, глубоко вѣзавшіеся въ память всего населенія по тѣмъ характернымъ для армавирицевъ, какъ воиновъ, подробностямъ, которыми они сопровождались. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ въ 1860 году.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года, семь человекъ армавирицевъ—три юнкера Хацукъ Домбазовъ, Егоръ Артемовъ и Авдѣй Акубжановъ, и четыре милиціонера—Хачерезъ Шахановъ, Егоръ Бѣликовъ, Шу Каракашевъ и другой Акубжановъ, братъ юнкера, спокойно проѣзжали изъ крѣпости Хамкеты, куда они возили официальные бумаги, домой въ Армавиръ. Кругомъ были земли и аулы мирныхъ абадзеховъ. Главныя силы непріязненныхъ Россіи горцевъ были отбѣснены далеко въ глубь горъ и недоступныхъ ущелій. Никто и ничто, не указывало на возможность кроваваго столкновенія армавирицевъ съ непріятелями. Армавирицы, посоветовавшись между собою, порѣшили раздѣлиться на двѣ партіи. Трое—юнкера Домбазовъ,

Артемовъ и Акубжановъ, отдѣлившись отъ партіи, поѣхали въ гости къ абадзехскому узденю 1-й степени Абату Безруко, аулъ котораго находился вблизи, а остальные четыре милиціонера поѣхали долой по дорогѣ въ Армавиръ.

Но лишь только послѣдніе четыре милиціонера, всѣ почти юности, въѣхали въ ближайшій Надежгевскій лѣсъ, какъ на нихъ набросились 12 вооруженныхъ всадниковъ. Это были хищные хамышевцы, не признававшіе русской власти. Дружнымъ залпомъ изъ ружей, направленныхъ въ армавирцевъ, они ранили двоихъ Хачереса Шаханова и Егора Бѣликова, перваго въ ногу, а втораго въ руку. Съ парализованной ногой Шахановъ не могъ усидѣть на лошади и повалился на землю. Раненный Бѣликовъ и Шу Каракашевъ поскакали по направленію къ аулу Абата Безруко, четвертый всадникъ Акубжановъ повернулъ свою лошадь въ ту сторону, куда поѣхали юнкера, чтобы догнать ихъ и предупредить о случившемся несчастіи. Между тѣмъ и хамышевцы также раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна погналась за Бѣликовымъ и Каракашевымъ, а другая за Акубжановымъ. Этимъ моментомъ успѣлъ воспользоваться очнувшійся отъ обморока Шахановъ. Преодолевая жестокую боль въ ногѣ, онъ кое какъ проползъ къ срубленному дубу и спрятался за нимъ. Хамышевцамъ, однако, не удалось догнать ни одного армавирца. Не пайдя на мѣстѣ и Шаханова, котораго они, очевидно, сочли убитымъ, хамышевцы принялись ловить его лошадь.

Въ это время Акубжановъ догналъ троихъ изъ партіи, ѣхавшихъ въ гости къ мирнымъ абадзехамъ. Онъ передалъ имъ, что на нихъ внезапно напали 12 человекъ черкесовъ, что Шаханова и Бѣликова они убили, а что случилось съ Каракашевымъ—онъ незамѣтилъ. Тогда Хацукъ Домбазовъ, какъ старшій и старѣйшій въ партіи, обратился къ остальнымъ со словами: „впередъ: поѣдемъ выручать товарищей!“ и, пользуясь указаніями Акубжанова, всѣ четыре всадника помчались къ мѣсту происшествія. Они успѣли приекакать сюда раньше хамышевцевъ и совершенно случайно попали въ то мѣсто, гдѣ спрятался Шахановъ. Онъ подаль имъ голосъ. Товарищи носѣлились къ нему и между ними и раненымъ произошла трогательная сцена. Шахановъ настаивалъ, чтобы товарищи оставили его и сами поскорѣе ушли отъ опасности.

„Я раненъ смертельно и чувствую, что все равно умру,“ говорилъ онъ. „А вамъ зачѣмъ рисковать изъ за меня жизнью? Вы будете еще жить и нужны въ Армавирѣ. Уѣзжайте же поскорѣе отсюда!“

Но товарищи рѣшительно заявили, что они не оставятъ его одного ни живымъ, ни мертвымъ, а будутъ защищать его и сражаться съ непріятелемъ, если даже черкесы перебьютъ ихъ всѣхъ до одного. Они быстро стреножили лошадей, спрятали ихъ за деревья, а сами залегли за тѣмъ дубомъ, подъ которымъ спрятался Шахановъ. Горцы, ловившіе лошадь Шаханова, замѣтили это и

завязали перестрѣлку съ оставшимися на мѣстѣ армянами. Последніе стали отстрѣливаться отъ нападавшихъ.

Въ это время Абатъ Безруко узналъ уже о побоищѣ отъ прискакавшихъ къ нему Бѣликова и Каракашева. Онъ немедленно собралъ 15 вооруженныхъ всадниковъ и поскакалъ съ ними къ мѣсту происшествія, находившемуся въ 6 верстахъ отъ его аула. Лишь только показались эти всадники, какъ хамышевцы, сообразившіе, къ чему клонилось дѣло, ускакали съ поля битвы и скрылись въ лѣсу.

Раненный Шахановъ былъ перевезенъ въ аулъ къ Безруко, а отсюда его вмѣстѣ съ Бѣликовымъ перевезли въ Армавиръ. Раны дѣйствительно привели къ смертельному исходу. Сначала умеръ Шахановъ, а два дня спустя и Бѣликовъ.

У армавирскаго населенія жива еще память о томъ и другомъ мученикахъ войны, и армавирицы съ гордостью рассказываютъ о рыцарскомъ обыкновеніи старыхъ милиціонеровъ не оставлять раненыхъ товарищей подъ рискомъ даже собственной смерти,

Таковыми-то кровавыми случаями борьбы и великими подвигами личной нравственности участниковъ въ ней характеризуется военный періодъ Армавира. Какъ показываетъ все сказанное выше, названный періодъ сложился изъ троякаго рода теченій военной жизни: 1) изъ нападений черкесовъ на Армавиръ и его населеніе въ окрестностяхъ, 2) изъ набѣговъ армавирицевъ на черкесовъ и угонъ отъ нихъ скота и 3) изъ столкновеній армянъ съ горцами въ рядахъ русскихъ войскъ и при несеніи армавирицами военныхъ порученій. Каждое изъ этихъ трехъ теченій имѣло свои особенности.

Перваго рода случаи сначала носили у черкесовъ характеръ родовой мести, а потомъ перешли въ разбойныя нападенія. Черкесы убивали и ранили своихъ противниковъ, брали ихъ населеніе въ плѣнъ и угоняли у нихъ скотъ

Второй видъ случаевъ, производившихся въ видѣ набѣговъ уже со стороны армавирицевъ, начался также на почвѣ возмездія врагу, но скоро превратился потомъ въ своего рода наѣзднической спортъ, рассчитанный главнымъ образомъ на добычу скота и плѣнниковъ.

И, наконецъ, третій родъ столкновеній входилъ въ болѣе широкій кругъ долговременной войны русскихъ съ черкесами и отличался всѣми случайностями и крайностями этой послѣдней.

Вотъ къ какимъ выводамъ приводятъ всѣ изложенные выше фактическіе матеріалы:

Въ теченіе 25 лѣтъ военныхъ распрей между черкесо-гаями и черкесами, послѣдніе убили 50 человекъ первыхъ, ранили 47 человекъ и взяли въ плѣнъ 28 дунъ. Потери горцевъ, судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ, были едва ли меньше, чѣмъ у армянъ. Армавирицы въ свое время не отмѣчали, какой уронъ нанесли они своимъ противникамъ въ каждомъ частномъ случаѣ.

Есть лишь единичныя указанія на то, что потери людьми у черкесовъ были вообще значительныя. Армавирцы не легко давались живыми въ руки, а тамъ, гдѣ на ихъ сторонѣ были преимуще-ства, они не щадили своихъ постоянныхъ враговъ и неутомонныхъ противниковъ.

Болѣе полныя и опредѣленныя указанія даютъ случаи угона скота обѣими сторонами. По цифровымъ даннымъ выходитъ, что черкесы угоняли лошадей у армянъ только три раза и что всего они угнали 442 штуки, а армавирцы у черкесовъ 7 разъ отбивали лошадей и отбили всего 1275 головъ, т. е. у армянъ прибавилось 833 головы. Рогатый скотъ черкесы угоняли у армянъ 4 раза и, по тремъ точно записаннымъ случаямъ, всего только 32 головы, а между тѣмъ армяне пригнали, посаѣ 9 набѣговъ на черкесскія владѣнія, 930 головъ, т. е. на 898 головъ болѣе, чѣмъ взяли у нихъ черкесы. Наконецъ, въ 4 набѣга черкесы отняли у армавирцевъ 6100 головъ баранты, а армяне сдѣлали 8 набѣговъ на черкесскій стада и пригнали въ Армавирь 7870 штукъ овецъ, т. е. опять таки на 1770 головъ больше, чѣмъ потеряли. Побѣдителями оказались безусловно армяне, а не черкесы.

Что касается военной службы армянъ въ рядахъ русскихъ войскъ, то, при исключительной отвѣтственности, она отличалась высокими чертами честности и самоотверженія. Въ качествѣ военныхъ развѣдчиковъ армавирцы выполняли самыя рискованныя порученія начальства, въ роли вожатыхъ отрядовъ они всегда были впереди на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, при первыхъ стычкахъ съ неприятелемъ, они въ первыхъ рядахъ вступали въ бой, первыми же они слагали свои головы въ тяжелыя минуты борьбы, и во все продолженіе войны, не было ни одного случая измены или предательства, чѣмъ не могли похвалиться ни черкесы, ни даже русскіе дезертиры. Одинъ изъ бытописателей Армавира еще въ 1855 году, т. е. въ самый разгаръ военной дѣятельности армавирцевъ, писалъ: „порученія, возлагаемыя на армавирцевъ русскимъ начальствомъ, исполняются тщательно, а данная ими въ 1841 году присяга хранится свято. Это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

„Четвертаго апрѣля 1850 года, одинъ изъ армавирцевъ, нѣкто Семенъ Давидовъ, выѣхавъ изъ своего аула съ беленеевскимъ узденемъ Асланъ-Гиреемъ по торговымъ дѣламъ, былъ взятъ близъ аула Егеръ-ухай кабардинцемъ Керешъ Хаджи въ плѣгъ и, принятый за лазутчика, представленъ въ судилище, „мягкеме“, къ наибу Магометь-Амину. Судилище приговорило Семена къ смерти. Магометъ-Аминъ, надѣясь получить отъ него свѣдѣнія о состояніи русскихъ войскъ, объявилъ черезъ двухъ эфендіевъ своихъ Камаза и Давуде, что онъ освободитъ Семена отъ смерти, если онъ приметъ магометанство: но, получивши отъ Семена отказъ наибу начать принуждать его къ тому угрозамъ, говоря, что онъ броситъ его въ рѣку, разстрѣляетъ и т. п. Когда же угрозы эти не подѣйствовали,

наибъ приказалъ бросить Семена въ ровъ, устроенный близъ судилища, „мягкеме“, гдѣ онъ, просидѣвши безъ пищи и въ грязи девять дней былъ снова приставленъ къ наibu, который ласково объявилъ ему, что онъ не станетъ болѣе принуждать его къ принятію магомганства и сдѣлаетъ его своимъ оруженосцемъ, если онъ согласится служить ему противъ русскихъ. На это Семень отвѣчалъ, что, присягнувъ на подданство Россіи, онъ не измѣнитъ своей клятвѣ и останется ей навсегда вѣрнымъ. Тогда наибъ приказалъ надѣть на него оковы и посадить въ темницу, изъ которой Семень Давидовъ былъ освобожденъ двумя своими аталыками и благополучно возвратился, при помощи ихъ, въ Армавиръ.

Въ семьѣ Давидовыхъ сохранилось черновое прошеніе о принятіи на счетъ казны того выкупа, который былъ внесенъ за Давидова черкесамъ. Имсаръ, составившій это прошеніе, не поспешилъ на краски, которыя, по его мнѣнію были необходимы, какъ неопровержимое доказательство на полученіе пособія отъ казны, но придавалъ совершенно иной характеръ подвигу Давидова съ исключительной точки зрѣнія его заслугъ, какъ лазутчика. Семень Давидовъ считался вообще не только исправнымъ развѣдчикомъ, но и храбрымъ воиномъ. Онъ былъ раненъ, имѣлъ уже до пораненія военный орденъ Св. Георгія IV степени и серебряную медаль на шеѣ.

Количество полученныхъ армавирцами орденовъ служить вообще лучшимъ показателемъ ихъ военныхъ заслугъ. Судя по документамъ, формулярнымъ спискамъ, грамотамъ, свидѣтельствамъ, удостовѣреніямъ и пр., а также словеснымъ показаніямъ армавирцевъ о наградахъ, списокъ которыхъ помѣщенъ въ приложеніи, болѣе ста армавирцевъ получили въ разное время различные ордена и знаки отличія за военныя дѣла и службу. Въ числѣ получившихъ ордена значатся 12 офицеровъ, 30 юнкеровъ и 65 милиціонеровъ и жителей или 107 человекъ приблизительно на 360 семей. Но въ списки вошли далеко не все, получившіе награды. Только по двумъ кварталамъ — Хатукаевскому и Хакубхабльскому были сообщены болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, и по этимъ неполнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что 53 армавирцевъ получили военный орденъ Св. Георгія 4-й степени, четверо 3-й степени и одинъ 2-й ст., а всего, слѣдовательно, оказалось 53 георгиевскихъ кавалеровъ. Затѣмъ 5 человекъ получили орденъ Св. Анны, 5 человекъ св. Станислава и одинъ св. Владиміра 4-й степени. Все эти ордена пожалованы за военныя заслуги въ дѣлахъ съ горцами — за храбрость и военныя отличія, соединенныя часто съ пораненіями и случаями выдающихся подвиговъ. Но для армавирцевъ, какъ милиціонеровъ, установлены были особые военные ордена — медали за храбрость и отличія болѣею частью на георгиевской лентѣ. Такихъ орденовъ было роздано 108 или въ частности 6 большихъ золотыхъ медалей, 24 большихъ серебряныхъ, 8 малыхъ золотыхъ и 70 малыхъ серебряныхъ. А всего, слѣдовательно, селенію въ 360 семействъ роздано было 177 орденовъ. Только въ очень немногихъ случаяхъ значилось,

что эти ордена пожалованы за усердіе на службѣ, въ подавляющемъ же большинствѣ случаевъ армавирицы получили ихъ за храбрость и отличія въ бояхъ.

Такимъ образомъ, военныя заслуги небольшой армянской общины официально засвидѣтельствованы такими краснорѣчивыми доказательствами, какъ георгіевскіе знаки отличія и другіе ордена. Есть цѣлыя фамиліи, особенно выдающіяся по заслугамъ. Такъ, 13 лицъ изъ фамиліи Каспаровыхъ получили 20 орденовъ и въ томъ числѣ 6 военный орденъ Св. Георгія, 10 лицъ изъ фамиліи Чептемировыхъ получили 18 орденовъ и въ томъ числѣ 7 Св. Георгія, 7 лицъ изъ фамиліи Бароновыхъ получили 10 орденовъ и т. д. Но и единичные случаи по нѣкоторымъ фамиліямъ дали поразительные примѣры военныхъ заслугъ и отличій. Такъ, изъ фамиліи Шоровыхъ много орденовъ пожаловано было одному только лицу, но этимъ лицомъ былъ извѣстный между армавирицами и въ русскихъ войскахъ сначала милиціонеръ, а потомъ подпоручикъ Осипъ Христофоровичъ Шоровъ. „Съ поступленія на службу въ январѣ 1847 года, говорится въ формулярномъ спискѣ Шорова, разновременно онъ былъ лазутчикомъ, посылался начальствомъ въ горы для разузнанія о хищническихъ намѣреніяхъ горцевъ и предупреждалъ отряды о покушеніи ихъ на набѣги въ русскіе предѣлы, разновременно былъ вожаккомъ русскихъ отрядовъ въ горы и вообще по день покоренія Кавказа безпрестанно находился въ дѣлахъ съ горцами, а также участвовалъ“, во время послѣдней Восточной войны, въ битвахъ съ турками. Впослѣдствіи ему поручено было графомъ Евдокимовымъ составить отряда волонтеровъ для набѣга въ горы, и Шоровъ награжденный 6 орденами пять получилъ за храбрость и только одинъ за усердіе по службѣ. Въ 1858 году былъ раненъ юнкеръ Карпъ Бѣликовъ, имѣвшій уже орденъ Св. Георгія IV степ. за храбрость, золотую медаль на шеѣ за усердіе по службѣ, серебряную медаль на шеѣ за храбрость, золотую медаль въ петлицѣ за храбрость и серебряную медаль въ петлицѣ также за храбрость. Юнкеръ Авдѣй Акубжановъ имѣлъ два георгіевскихъ креста 4 и 3-й степ., а юнкеръ Бабасипъ Акубжановъ три 4-й, 3-й и 2-й степ. Поручикъ милиціи Барсегъ Поповъ, служившій переводчикомъ въ русскихъ войскахъ съ 1843 по 1864 годъ, имѣлъ только два ордена Св. Георгія 4-й степ. и серебряную медаль на Георгіевской лентѣ за храбрость, но участвовалъ въ 23 экспедиціяхъ русскихъ войскъ въ горы и не менѣе какъ въ 260 мелкихъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ съ горцами. И это былъ не единичный случай.

Трудно вообще учесть ту огромную пользу, которую принесли армавирискіе армяне государству при борьбѣ съ горцами и покореніи Западнаго Кавказа. Но мимо военныхъ подвиговъ, они оставили не мало примѣровъ и гражданскихъ заслугъ, тѣсно связанныхъ съ военными дѣлами. Подпоручикъ Михаилъ Христофоровичъ Хачиковъ, награжденный орденами Георгія, Анны и Станислава за храбрость

О. Х. Шоровъ, подпоручикъ 2 кв., начальникъ
вольной армянской дружины и бывший волостной
старшина.

и двумя медалями также за храбрость и военные отличія, имѣль серебряную медаль за спасеніе погибающихъ. Въ 1848 году свѣдѣствовали по всему Черноморскому побережью въ Новороссійскѣ, Геленджикѣ, Туапсе и пр., ужасныя бури. Въ Новороссійскѣ былъ выброшенъ на берегъ весь русскій флотъ, а тендеръ „Струя“ пошелъ ко дну со всею экипажемъ. Въ такую бурю 14 марта 1848 года Хачиковъ вмѣстѣ съ всадниками спасъ экипажъ съ купеческаго судна „Азовскій Курьеръ“ въ ущельѣ Мысхако, за что и получилъ медаль. Юнкеръ Авдѣй Акубжановъ, посланный армавирскимъ старшиной вмѣстѣ съ юнкеромъ Айвазовымъ въ ночь съ 27 по 28 января 1867 года для подачи помощи казачьему транспорту въ сильную мятель, съ рискомъ собственной жизни, отыскалъ казачій транспортъ, занесенный уже снѣгомъ, и хотя съ большимъ трудомъ доставилъ транспортъ и 4-хъ казаковъ въ Армавиръ благополучно, за что и выдано было армавирцамъ „похвальное свидѣтельство“.

Во время военныхъ дѣйствій армавирцы чаще всего помогали русскимъ войскамъ и населенію доставкою плѣнныхъ. Въ 1816 году полковникъ Пятериковъ выдалъ грузинскому дворянину Георгію Шахназарову, жившему во владѣніи князя Мисоуста Айтекова, аттестатъ въ томъ, что „изъ усердія своего къ государственной пользѣ онъ доставилъ изъ за рѣки Кубани на нашу сторону собственнымъ своимъ контомъ находившагося въ плѣну у обитающихъ тамъ горскихъ народовъ войска Черноморскаго казака Андрея Болдырева“. Тотъ же Шахназаровъ въ 1819 году доставилъ изъ горъ русскимъ властямъ еще двухъ лицъ бѣжавшаго унтеръ-офицера Вологодскаго пѣхотнаго полка Ивана Складнева и взятаго въ плѣнъ черкесами молдованина Вавилу Сергѣева. Армянинъ Христофоръ Михайловичъ Хачиковъ выкупилъ у абадзеховъ двухъ казачьихъ мальчиковъ и передалъ ихъ безвозмездно родителямъ въ станицу Васюринскую. Овакимъ Шахназаровъ участвовалъ въ освобожденіи генерала Кухаренко, умершаго въ плѣну у горцевъ. Часто такія дѣянія соединены были съ рискомъ собственной жизни и граничили съ выдающимися подвигами.

За эти и другіе подвиги и безупречную службу армянь, многіе армавирцы пріобрѣли право еще на слѣдующіе ордена: Николаевскую медаль за службу съ 1825 по 1855 года, медаль за восточную войну 1855 года, медаль за покореніе Кавказа въ 1864 году, крестъ за то же и др. отличія. Но вѣдь къ числу героевъ, служившихъ беззавѣтно Россіи и своему родному Армавиру, нужно прибавить еще и тѣхъ, которые случайно не получили никакихъ наградъ да и на свои дѣянія въ области защиты и самоотверженія смотрѣли, какъ на обычныя, свойственныя всякому честному человѣку и обязательныя для людей и безъ награды дѣянія. Многое, что кажется намъ теперь не обычнымъ, считалось въ то время въ порядкѣ вещей. Но защита родины или населенія съ рискомъ собственной жизни навсегда останется рѣдкимъ проявленіемъ нравственной силы

людей. Военная исторія Армавира или первые двадцать пять лѣтъ существованія его, обнимающіе эту исторію, не лишены были, какъ это видно изъ всего сказаннаго выше, этой исторической окраски, выразившейся въ единичныхъ и групповыхъ подвигахъ армавирицевъ. Этимъ въ высокой степени скрашиваются мрачныя проявленія человѣческой рѣзни и насилій.

VII.

Гражданское устройство и сословія Армавира.

Гражданское устройство Армавира было занесено изъ прежняго мѣстожителъства армянь между черкесами, но, будучи поставлено въ новыя условія, оно приняло нѣсколько иной характеръ. Армяне сразу стали господами положенія и, сообразно съ этимъ, построили и свою гражданскую жизнь.

При основаніи Армавира, у армянь существовало два сословія— сами армяне, они же поголовно все дворяне или уздени, и ихъ холопы или рабы, совершенно безправное, зависящее отъ господъ населеніе. Естественно, что собственно управленіе ауломъ и его населеніемъ вѣдали одни господа или армяне; рабы же не имѣли къ нему никакого отношенія, а представляли собою одну подневольную рабочую силу.

Какъ и на старомъ мѣстожителствѣ, во главѣ гражданского управленія стояла „тхамата“, органъ, избираемый населеніемъ изъ старѣйшихъ или почетныхъ стариковъ. Это была строго патріархальная власть, державшаяся на народныхъ обычаяхъ и руководившая тѣми же обычаями въ своихъ дѣлахъ и распоряженіяхъ.

Въ составъ тхаматы входили четыре лица, по одному отъ каждой части Армавира. Отдѣльно выбирались представители отъ Хакубхабля, Гяурхабля, Хатукая и Егерухая. И это имѣло свое бытовое или хозяйственное значеніе. Какъ мы знаемъ уже, каждая изъ этихъ четырехъ групп образовалась частью изъ родственныхъ семей, частью изъ близкихъ сосѣдей и вообще изъ такого рода хозяйствъ, которыя и до своего поселенія въ Армавирѣ были объединены извѣстнаго рода сожителствомъ въ одномъ ли аулѣ или въ сопредѣльныхъ мѣстахъ и, слѣдовательно, находились въ нѣкоторой связи и взаимоотношеніяхъ. Это было не случайное объединеніе лицъ въ самый моментъ поселенія ихъ въ Армавирѣ, а естественный союзъ людей съ несомнѣнной подкладкой родового быта и его позднѣйшихъ историческихъ наслоеній. Нѣкоторое исключеніе составляла одна Хакухабльская часть, въ которую вошли поселенцы изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, но опять таки болѣе или менѣе значительными группами.

Тхамата была установленіемъ какъ административнымъ, такъ и судебнымъ по преимуществу. Административная роль тхаматы

А. С. Акубжановъ, юнкеръ 1-го кв. п.
б. переводчикъ, спасшій казачій обозъ
въ мятель 1867 г.

была не сложна. Обычная жизнь армянъ въ то время слагалась изъ такихъ шаблонныхъ отношеній, которыя не требовали постоянной непрерывной дѣятельности власти. Каждый жилъ по изстари установившимся порядкамъ въ тѣсномъ кругу собственныхъ семейныхъ нуждъ и хозяйственной практики. Только одна охрана аула и готовность отразить врага требовали распорядительной дѣятельности тхамасы. Поддержаніе въ порядкѣ канавы, ограждавшей Армавиръ, вала, плетней и воротъ таковы были эти требованія, но здѣсь уже начиналась область чисто военного дѣла.

Высшимъ редижирующимъ органомъ было собраніе армавирицевъ въ лицѣ хозяевъ или старшихъ членовъ семьи, учрежденіе чисто народное, то самое, которымъ избиралась и тхамаса. Такія собранія сзывались въ важныхъ случаяхъ, когда или тхамаса считала недостаточнымъ свои полномочія и права, или она не желала брать на себя отвѣтственности за то или другое рѣшеніе, или же созыва представителей отъ всего населенія требовали особыя, чрезвычайныя обстоятельства. Самый созывъ на собраніе или сходъ производился особыми лицами—крикунами или по черкесски „гоу“. Крикуны также выбирались населеніемъ и каждая часть Армавира имѣла своего крикуна. Несложныя обязанности крикуна состояли въ томъ, что, получивши распоряженіе отъ тхамасы, крикунъ шелъ по своему околадку и, останавливаясь на проулкахъ и вообще на такихъ мѣстахъ, откуда голосъ его слышался бы на возможно большемъ разстояніи, онъ во всю глотку кричалъ: „завтра послѣ обѣда приходите на собраніе. Будетъ рѣшаться такое-то дѣло. Приходите.“ Оповѣщенное такъ населеніе посылало на собраніе своихъ старшихъ членовъ и въ урочное время собраніе армавирицевъ вершило свои дѣла.

У армавирицевъ не сохранилось ясныхъ представленій о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находилась тхамаса и вообще армавирицы къ русской власти. Въ „Статистическомъ описаніи Армавира“ за 1877 годъ, есть лишь указаніе на то, что какъ въ моментъ возникновенія Армавира, такъ и въ первые годы существованія его ближайшее участіе въ дѣлахъ принималъ генералъ Зассъ. Съ покореніемъ черкесовъ въ 1864 году и съ выселеніемъ ихъ въ Турцію, „армавирицы говорится въ исторической части этаго описанія, получили полное гражданское устройство, развитіемъ котораго они обязаны были барону Зассу, слѣдившему за благоустройствомъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и часто принимавшему въ дѣлахъ ихъ личное участіе“. Но въ чемъ проявилось конкретно это участіе, въ армавирическихъ дѣлахъ нѣтъ указаній. Надо полагать, что непосредственное участіе генерала Засса, помогавшаго армянамъ устроиться въ Армавирѣ, касалось болѣе военной части—укрѣпленія Армавира и порядковъ охраны, чѣмъ гражданского быта и установленій. Нельзя же допустить, чтобы Зассъ учредилъ или даже реформировалъ такія характерныя для армянской народности формы народнаго

быта, какъ тхамата, общія собранія представителей населенія или даже штатъ крикуновъ. Это было несомнѣнно собственнымъ, пожалуй, даже исключительнымъ дѣломъ самыхъ армянъ.

Тотъ фактъ, что все армяне считали себя равноправными въ дѣлѣ гражданскаго управленія находился конечно въ тѣсной связи съ принадлежностью ихъ къ одному и тому же сословію. Горскіе армяне или черкесо-ган, какъ мы знаемъ уже, принадлежали къ сословію дворянъ или узденей. Сами армяне, въ своихъ официальныхъ ходаатайствахъ, причисляютъ себя къ узденямъ 1-й степени, и несомнѣнно, что подавляющее большинство ихъ фактически находилось у черкесовъ въ этомъ рангѣ дворянской крови. Небольшая доля армянъ, тѣ изъ нихъ, которые пришли въ горы позже другихъ, быть можетъ состояли узденями 2-й степени; но это не имѣло уже никакого практическаго значенія для армянъ въ Армавирѣ. Все они сознавали себя единымъ дворянскимъ сословіемъ, потому что все имѣли право держать и дѣйствительно имѣли крѣпостныхъ людей.

У армавирцевъ сохранились очень интересные документы, указывающіе на то, что основателей Армавира озабочивалъ вопросъ объ ихъ сословномъ положеніи. У черкесовъ не было своей письменности и вообще они не имѣли обыкновенія оформлять на бумагѣ важнѣйшія событія или какіе либо случаи правоваго характера изъ своей жизни и взаимоотношеній. Но армавирскіе армяне, живя уже въ Армавирѣ, пытались укрѣпить за собою дворянскія права документально. Изъ числа этихъ документовъ въ нашемъ распоряженіи оказалось нѣсколько такихъ, которые имѣютъ огромный историческій интересъ. Документы написаны на арабскомъ языкѣ и помѣчены 1268, 1270 и 1290 годами мусульманской гижры, т. е. 1852, 1854 и 1874 годами христіанскаго лѣтоисчисленія. Следовательно, документы первыхъ двухъ датъ составлены были тогда, когда на узденскія права армянъ никто не посягалъ и ничто не угрожало этимъ правамъ, а документы, помѣченные 1874 и позднѣйшими годами, совпадаютъ съ временемъ потери армянами узденскихъ правъ. Но тѣ и другіе акты однопредметы и отличаются однимъ и тѣмъ же юридическимъ характеромъ.

Къ числу важнѣйшихъ документовъ этого рода принадлежитъ актъ съ довольно своеобразнымъ заголовкомъ. „Писаніе для доказанія дѣла.“ Въ Писаніи дѣло идетъ о фамиліи армянина Джагунова.

„Это должно служить, говорится въ документѣ, подтвержденіемъ и доказательствомъ для будущаго времени въ томъ, что дѣйствительно армянинъ Джагуновъ, при жизни своей между Кимеркойцами (Темиргой), былъ надъ ними старшиною (главою), точно также какъ дѣти наслѣдники Ликджука и дѣти наслѣдники Дегужій. И онъ, Джагуновъ былъ въ полной независимости ни отъ кого, вполне самостоятельно распорядился въ дѣлахъ Кимеркойцевъ. Порядокъ, обычай и отношеніе къ нимъ у Джагуна были точно такіе, какъ у

Айвазовъ Нану, онъ же Христофоръ, милиціонеръ, спасшій казачій обозъ въ мятель 1867 г.

сыновей Ликджука, и во веѣхъ дѣлахъ онъ съ ними справлялся, какъ и наследники Дегужія справлялись съ ними въ каждомъ жизненномъ дѣлѣ. Такъ какъ сыновья Ликджука и Дегужія господствовали надъ Кимеркойцами. (которые были у нихъ холопами), еще во время наследниковъ Булатокъ хана и въ то же самое время, т. е. при жизни дѣтей Булатокъ хана, армянинъ Джагунъ то же воспользовался веѣми такими же правами, какими воспользовались сыновья Ликджука и Дегужія.“

Отъ этого „Писанія“, составленнаго нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, вѣсть, однако, глубокою сѣдою стариною. Тѣ самые черкесы, которыхъ русскіе привыкли называть темиргоевцами, а сами черкесы именовали себя Кемгой или Кемгуй, на арабскомъ нарѣчій оказались Кимеркойцамъ, т. е. Киммерійцами, именемъ народа, оставившаго въ исторіи очень смутные слѣды, но глубоко древняго, Киммерійцы считаются аборигенами Сѣвернаго Кавказа. строителями древнѣйшихъ здѣсь памятниковъ дольменовъ или „богатырскихъ хатъ“, предшественниками скифовъ и вмѣстѣ родственнымъ съ ними племенемъ. Болѣе тщательныя изысканія по другимъ источникамъ и филологическія изслѣдованія, быть можетъ, прольютъ свѣтъ и на это обстоятельство, но въ данномъ случаѣ дѣло касается неособенно отдаленнаго отъ насъ времени.

Въ ряду другихъ племенъ Адиге или черкесовъ кимеркойцы или темиргоевцы считаются самымъ древнѣйшимъ и какъ бы основнымъ для нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ развѣтвленій Адиге племенемъ. Имъ повидному принадлежитъ въ исторіи черкесовъ такое же мѣсто, какъ и кабардинцамъ, если только кабардинцы и кемгой не были въ извѣстное время однимъ и тѣмъ же племенемъ. Во всякомъ случаѣ кимеркойцы были многочисленнымъ племенемъ и ихъ развѣтвленіями считаются хатукаевцы, егерухаевцы, джанкитовцы и др. Во главѣ кимеркойцевъ съ незапамятныхъ временъ стояли князья Болотоковы или Булатокъ ханъ и ихъ подручными или независимыми дружинниками дворянами были уздени. Къ числу первыхъ узденей повидному принадлежали Ликджукъ и Дегужій, во владѣніи которыхъ была часть кимеркойцевъ, занимавшихъ положеніе холоповъ или крѣпостного населенія. Попали кимеркойцы, по черкесскимъ сказаніямъ, въ это положеніе путемъ завоеванія ихъ иноземными князьями и узденями, которые слѣдовательно, были принципальнымъ элементомъ. Когда-то такимъ пришельцемъ былъ Булатокъ ханъ, потомъ Ликджукъ и Дегужій и еще позже армянинъ Джагунъ. Какимъ образомъ Джагунъ попалъ въ это положеніе изъ документа не видно, но, судя по выраженію, что онъ „воспользовался“ предоставленными ему правами, это могло произойти путемъ пожалованія его холопами, какъ знатнаго гостя или, еще вѣроятнѣе, какъ человека богатаго, который купилъ себѣ часть холоповъ изъ племени кимеркойцевъ.

Такимъ образомъ, природа правъ Джагуна опредѣляется слѣдующими общими чертами: онъ былъ стариною или главою нѣко-

торой части кимеркойцевъ, точно такимъ же, какъ наследники Ликджука и Дегужія въ своей части: въ этомъ положеніи онъ ни отъ кого не зависѣлъ и распоряжался дѣлами кимеркойцевъ совершенно самостоятельно, и опять таки точно также, какъ наследники Ликджука и Дегужія: наконецъ самое старшинство или господство надъ холопами регулировалось опредѣленными обычаями и порядками, точно такими же, какъ у Ликджука и Дегужія. Следовательно, Джагунъ занималъ сословное положеніе одинаковое съ наследниками Ликджука и Дегужія и сталъ въ это положеніе, по свидѣтельству документа, „при жизни дѣтей Булатокъ хана“. Это значитъ, что Джагунъ поналъ въ свое привилегированное положеніе при готовомъ уже строе, существовавшемъ у кимеркойцевъ.

Но какое практическое значеніе имѣлъ приведенный выше документъ для фамиліи Джагуновыхъ? „Писаніе“ вѣдь было составлено „для доказанія дѣла.“ Въ чемъ же состояло это дѣло? Надо полагать, что документы Джагунова составлялись въ то время, когда русское правительство воспретило армянамъ торговлю холопами или рабами. На это указываетъ и дальнѣйшая фраза въ документѣ о томъ „что дѣйствительно армянинъ Джагунъ былъ почетный и превосходный старшина у кимеркойцевъ, почему и не имѣется никакихъ препятствій и вмѣшательства на это“. Джагуновы, какъ известно, были атакыками князя Джамбулата Болотокова и пользовались большимъ почетомъ какъ у армянъ, такъ и между черкесами. Но дѣло состояло не въ этомъ, а въ томъ, что они были господами надъ холопами кимеркойцами. И это обстоятельство заевидѣтельствовало и изъявили готовность вновь подтвердить такія свѣдѣнія въ черкесскомъ мірѣ, какъ поднесавшіеся подъ документомъ Асланъ бекъ, сынъ Булатокъ хана, Келеметъ бекъ, сынъ Булатокъ хана, Султанъ Оганъ-Гирей Ерыковъ, Султанъ Магометъ Гирей Казыевъ, владѣтельный князь Джамботъ Коноковъ, владѣтельный князь Асламъ-бекъ Джамботовъ, первой степени узденъ прапорщикъ Крымъ Гирей Докнукинъ и первой степени узденъ Пниханъ Унароковъ. Свидѣтельство такихъ важныхъ родовичей у черкесовъ и черкесо-гаевъ считалось неопровержимымъ.

Тремя подобными же документами подтверждаются дворянскія права и принадлежность къ высшему дворянскому сословию у темиргоевцевъ еще трехъ армавирскихъ фамилій—Муратовыхъ, Ширниновыхъ и Куסיковыхъ.

Фамилія Муратовыхъ встрѣчается даже въ двухъ документахъ. Одинъ изъ этихъ документовъ названъ „свидѣтельствомъ“ и помѣченъ 1268 годомъ магометанскаго или 1852 годомъ христіанскаго лѣтосчисленія. Подъ свидѣтельствомъ поставили свои подписи или печати 19 знатныхъ горскихъ фамилій, а именно: Итекъ Бекъ сынъ Булатокъ, Селямъ-Бекъ сынъ Булатокъ, Келеметъ-Бекъ сынъ Булатокъ, Хаджи Татаревъ сынъ Ликджъ, Хаджи Беюка сынъ Хаджмъзы, Технука сынъ Пнижъ, Булатокъ сынъ Дегужій, Эндаръ

сынъ Дегужій, Буранокъ сынъ Дегужій, Кураши сынъ Ханьсь, Ширтлокъ сынъ Тохзы, Хохпокъ сынъ Хобаджъ, Мухаммедъ Али сынъ Вобджиджъ, Ваздемиръ сынъ Дедекъ, Изманлъ сынъ Нихки, Эльмурза сынъ Восътэ, Шумафъ сынъ Дегужій, Бурука сынъ Тохгонсявъ. Все это были темиргоевцы, какъ это значится и въ свидѣтельствѣ.

„Мы, дѣти Булатокъ Бека и Калына, а также дворяне темиргоевскіе, гласить документъ, слышали, что прибывшіе христіане, которые жили въ Бѣлядѣ (ауль или поселеніе) Темиргоя, потомки Мурадокъ. Изъ старины и до сего времени они жили по обычаю и обряду Ликджука и Дегужія. Веѣмъ извѣстно, что они жили съ дѣтьми Булатокъ и Калына, а также съ дворянами и вообще съ другими народами въ союзѣ и въ полномъ согласіи и дружбѣ.“

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ лишь подтверждается одинъ фактъ однословности фамилии Мурадокъ или Муратова съ другими дворянами Темиргоя, съ которыми Мурадокъ жили въ союзѣ, согласіи и дружбѣ. Но природа правъ Муратова была таже, что Джагунова, т. е. жизнь по обычаю и обряду Ликджука и Дегужія. Очевидно, это были самые древнѣйшіе представители темиргоевского дворянства, установившіе, быть можетъ, совместно съ Булатокъ ханомъ или бекомъ, и самые обычаи и обряды, которыми, какъ неписанными законами, регулировались взаимныя отношенія дворянъ между собою, къ князямъ и къ холопамъ. Практическое же значеніе документа видимо сводилось къ тому, чтобы засвидѣтельствовать, что Мурадокъ такой же полноправный и родовитый дворянинъ, какъ и подписавшіеся подъ свидѣтельствомъ темиргоевцы.

Еще категоричнѣе подтверждаются дворянскія права Муратовыхъ въ другомъ „свидѣтельствѣ.“ написанномъ для трехъ фамилій вмѣстѣ. Свидѣтельство это также помѣчено 1268 или 1852 годомъ и подъ нимъ стоятъ подписи нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей, значащихся и въ первомъ документѣ. Но здѣсь кромѣ того, не только шире очерчены дворянскія права армянъ, а и включены нѣкоторыя данныя историческаго характера, по которымъ можно судить, какъ и когда одворянились поименованные въ свидѣтельствѣ армяне.

„Мы, нижеподписавшіеся, гласить этотъ документъ, свидѣтельствуемъ, что эти три потомка: одинъ изъ нихъ Ширинъ сынъ Кышырзь, второй Чиназь Мурадокъ и третій Кусень Шуреука, при Хаджи Хотфозокъ, сынѣ Булатока, были точно такіе же свободные, какъ Телькеджъ-ука и Дюкжи-ука, потому что они пріѣхали въ Темиргой съ дѣтьми Телькеджъ-ука и Дюкжи-ука, а также съ дѣтьми Булатока вмѣстѣ“. Было, слѣдовательно, когда-то такое время, когда въ Темиргой пріѣхали дѣти владѣтельнаго бека или хана Булатокъ вмѣстѣ съ дѣтьми свободного сословія трехъ армянскихъ и двухъ черкесскихъ фамилій. Последніе, т. е. армяне и черкесы, были однословны и въ документѣ дальнѣе повѣствуется, какъ осѣли армяне въ Темиргоѣ, какъ устроились здѣсь и какими правами пользовались.

„Затѣмъ они (армяне), говорится въ свидѣтельствѣ, расположились осѣдло въ Темиргоѣ и составили себѣ хозяйство, начали

жить въ свободѣ и ограничивались тѣми же правами, какими пользовались вышеупомянутые господа, (т. е. Телькеджъ-ука и Дюкжи-ука). Они въ высшей степени жили съ ними въ дружбѣ и были сообрядниками и вообще сообычниками имъ, такъ что, кромѣ вѣры у нихъ ничего не было отдѣльнаго. Если бы у нихъ не было религіозной разницы, то съ обѣихъ сторонъ они усватовали бы одинъ у другого и вѣнчали бы своихъ дѣтей“.

Жить въ тѣ времена осѣдло и „составить хозяйство“ означало поселиться, во первыхъ ауломъ и, во вторыхъ, имѣть въ своемъ распоряженіи крѣпостныхъ или рабовъ, безъ которыхъ нельзя было и пезелось у вышнихъ сословій хозяйство. Веденіе же хозяйства, при этомъ условіи, регулировалось извѣстными обычаями и обрядами, которыми опредѣлялась часть дохода отъ хозяйства для господина и для раба, количество работъ или услугъ послѣдняго, правъ и обязанностей владѣльца по отношенію къ рабамъ и т. п. Все эти обычаи и обряды были одинаковы у армянъ и у черкесовъ и, слѣдовательно, съ одной стороны, Ширинъ, Мурадокъ и Кусень, а съ другой, Телькеджъ и Дюкжи были равноправными свободными дворянами. Они были только разновѣрцы.

Но послѣднее обстоятельство не было препятствіемъ къ односложности. „Наши высокіе предѣды, повѣствуется далѣе въ свидѣтельствѣ, не отняли у нихъ (армянъ) ихъ обычаевъ, т. е. не заставили ихъ бросить свои собственные порядки и обряды, такъ что наши старики относились къ такимъ обрядамъ съ почтеніемъ и уваженіемъ. Потомъ они вышли изъ среды темиргоевцевъ съ этими же, т. е. съ темиргойскими, обрядами и обычаями“.

Въ этихъ немногихъ и приведенныхъ выше словахъ изложена собственно вся исторія возсоединенія армянъ съ черкесами. Армяне поселились у темиргоевцевъ въ качествѣ дворянъ, какъ сообычники и сообрядники ихъ, но, что всего важнѣе, они не только восприняли эти черкесскіе обычаи и обряды, но и удержали свои, къ которымъ горцы относились съ почтеніемъ и уваженіемъ. И дѣйствительно, исторически достоверно, что, кромѣ свободного исповѣданія христіанской религіи, армяне имѣли свое собственное самоуправленіе въ тѣсномъ кругу армянской жизни, по скольку она не касалась черкесской среды и взаимоотношеній.

Надо полагать, что это было въ очень отдаленныя отъ насъ времена, когда черкесы были полумусульманами и не относились фанатически нетерпимо къ христіанамъ. Сами черкесы говорятъ въ своемъ свидѣтельствѣ, что все изложенное ими было „наслѣдственнымъ и точнымъ преданіемъ“. У нихъ вѣдь не было письменности и документальной исторіи, а о прошломъ, какъ о непрiloжномъ доказательствѣ для послѣдующихъ временъ, горцы судили по обычаю и преданію. Вкратцѣ, говорится въ заключеніе въ свидѣтельствѣ, наше доказаніе въ томъ, что дѣйствительно армянскіи обычаи и обряды изъ старины и до сего времени, по преданію на-

нихъ предковъ, одинаковы съ обычаями нашихъ свободныхъ Телькеджъ-ука и Дюкжи-ука“. Такъ было прежде у нашихъ предковъ говорили свидѣтели, подтвердившіе свои показанія подписями и именными печатами. А свидѣтелями были пять потомковъ Булатокъ хана, четыре потомка изъ фамиліи Дюкжи и девять темиргоевскихъ дворянъ другихъ фамилій. Наличностью такого числа и такихъ знатныхъ фамилій вполне гарантировалась полная достовѣрность показанныхъ ими свидѣній. Иного вѣдь способа пользоваться обычаями и преданіями, какъ неписаннымъ закономъ, не было тогда.

Все это считалось настолько близкимъ черкесамъ и армянамъ, такъ тѣсно сплеталось съ жизнью тѣхъ и другихъ, что въ 1854 году еще одна группа черкесскихъ дворянъ, именно Кельметъ Джамбултовичъ, Крайникъ Хынысъ, Бишызъ Тохшыкъ, Вопчеджогъ Мухаммедъ-Али, Дедекъ, Вземиръ и Шерлыкъ сыновья Тохзы, Никъ сынъ Ходжмезъ, Исмаилъ сынъ Небсынкой и Кыхпикъ сынъ Хипачъ, сочли необходимымъ засвидѣтельствовать Государю Императору, въ особомъ документѣ озаглавленномъ „Объясненіе и доказаніе положенія“, что „временно и въ гости пріѣхавшіе къ Хотфозоку Булатокову были армяне и онъ имъ пожертвовалъ владѣніе, какъ было пожертвовано Ликджуку и Дегужію“ и что „обычаи и порядки этихъ армянъ были такіе же, какъ у Ликджука и Дегужія“. Въ виду этого, черкесскіе дворяне просили Государя Императора оказать армянамъ „безцѣнную милость“, т. е. оставить имъ ихъ исконныя права, „дабы остались они дворянами“. Имена же тѣхъ армянъ, за которыхъ ходатайствовали черкесскіе дворяне, были Ширинъ и братъ его Назаръ, Чиназъ Мурадокъ, а также Кесъба сынъ Шедекъ. Теперь эти три фамиліи извѣстны подъ названіями Широныхъ, Муратовыхъ и Кушиковыхъ.

Относительно армянской фамиліи Назарова сохранился особый документъ подъ своеобразнымъ заголовкомъ „этотъ документъ для временной надобности“, характерный въ томъ отношеніи, что бросаетъ нѣкоторое освѣщеніе на чисто родовыя отношенія между армянскими и черкесскими дворянами. Вотъ что сказано въ этомъ документѣ:

„Это писаніе доказываетъ, что, во время жизни христіанъ дѣтей Назара, въ княжествѣ (во владѣніи) Абзака, они были гостями и компаніонами дѣтямъ Хаджимокъ, такъ что за ихъ дѣла ихъ принимали, какъ своихъ, въ каждомъ обычаѣ, обрядѣ и вообще въ каждомъ дѣлѣ, относящемся къ нимъ, какъ напримѣръ: требованіе и полученіе пени за убійство. Когда изъ дѣтей Назара кто-нибудь былъ убитъ врагами и вообще кѣмъ-нибудь, то за убитаго требовалась и взималась полностью пеня, какъ и за убитаго изъ дѣтей Хаджимокъ. Когда же и дѣти Назара убивали кого-нибудь, то дѣти Хаджимокъ уплачивали потерпѣвшему пеню, какъ за свое собственное преступленіе“.

Оказывается, такимъ образомъ, что армяне не только юридически пользовались одинаковыми правами съ черкесскими дворя-

нами, но и фактически одинаково были ответственны объ народности въ случаяхъ нарушенія коренного родового обычая черкесовъ— „канлы“ или кровомщенія. За правонарушенія этого рода дѣтей Назара отвѣчали дѣти Хаджимокъ и обратно. Объ фамиліи были связаны кровнымъ союзомъ какъ между собою, такъ и по отношенію къ стороннимъ лицамъ.

Но каждая фамилія была обособлена въ хозяйственномъ отношеніи. „У дѣтей Назара, въ княжествѣ Абзака, сказано въ документѣ, была собственная жизнь, т. е. земля. Слѣдовательно, они были, собственно говоря, полными хозяевами во всѣхъ дѣлахъ и обычаяхъ, точно такими же, какъ и дѣти Хаджимока“. И „этотъ документъ для временной надобности“ выдали Нагопшу Назарову, потомку Назара, потомки Хаджимока—Сулейманъ, сынъ Хаджимока, Хаджи Номафе, сынъ Хаджимока, Хаджи Итекъ и Хаджи Хаджи, т. е. такого рода свидѣтели, которымъ были хорошо извѣстны изложенныя выше обстоятельство и которые повидимому осторожно относились къ писанному документу, предназначивши его для временной надобности.

Такого же характера, но написанный уже на русскомъ языкѣ, документъ выданъ былъ фамиліи Айвазовыхъ въ 1874 году Шапсугскимъ аульнымъ правленіемъ въ видѣ „удостоверенія“. Вотъ полностью его содержаніе:

„Еще съ давняго времени до покоренія Кавказа русскими войсками, т. е. пять поколѣній тому назадъ, фамилія Айвазовыхъ находилась между племенами непріязненныхъ горцевъ наравнѣ съ правами горскаго населенія туземцевъ Кубанской области, именно въ племени шапсуговъ. Жили они въ ущельѣ р. Абннъ и были одноприсяжники съ фамиліею Абатовыхъ, пользовались всѣми правами горцевъ, владѣли собственной землей, которую они могли арендовать и продавать: въ случаѣ спорныхъ дѣлъ и тяжбъ между горцами, какъ въ убійствахъ, такъ и въ другого рода тяжбахъ, они были равномѣрными отвѣтчиками съ Абатовыми, т. е., въ случаѣ если они Айвазовы или Абатовы убьютъ или раятъ кого-нибудь, то тогда они совместно платили стоимость убитаго или нанесенной раны, также и наоборотъ, въ случаѣ убійства или раны Айвазовыхъ или Абатовыхъ, они получали также вознагражденіе, которое они дѣлили между собою. Словомъ, во всѣхъ горскихъ дѣлахъ эти двѣ фамиліи составляли одно нераздѣльное, но лишь одна религія оставалась въ своемъ значеніи. Первымъ изъ фамиліи Айвазовыхъ присягалъ съ Абатовымъ Темязъ Айвазовъ, послѣ смерти его—Айвазъ Айвазовъ, послѣ него Титухъ Айвазовъ (Титухъ онъ же Каспаръ) и послѣдній Емельянъ Айвазовъ. Впослѣдствіи же времени, еще до покоренія Кавказа, племя Айвазовыхъ и Абатовыхъ, понявъ благое намѣреніе русскаго правительства, вышли изъ среды непріязненныхъ горцевъ, отдались на покровительство Россіи и постоянно, по мѣрѣ силъ, состояли въ рядахъ русскаго войска до самаго покоренія

Кавказа. И послѣ завоеванія Кавказа, послѣдняя фамилія Айвазовыхъ переселилась въ армянскій ауль на Урупъ бывшаго Урупскаго военнаго округа, а впослѣдствіи переименованъ ауль этотъ въ селеніе подъ названіемъ Армавиръ, нынѣ Баталпаинскаго уѣзда. Все это своими подписями засвидѣтельствовали бывшіе одноаульцы Айвазовыхъ на Шансугскихъ земляхъ, старшина Шансугскаго аульнаго правленія Туталокъ и въ числѣ первыхъ шесть потомковъ когда-то именной черкесской фамиліи Абатова.

Но послѣдніе два документа, закрѣпляющіе дворянскія права за фамиліями Назарова и Айвазова, помѣчены 1874 годомъ, т. е. были составлены уже въ то время, когда армавирскіе армяне неожиданно для себя потеряли свои узденскія или дворянскія права. Это, однако не умаляетъ историческаго значенія этихъ документовъ. Сообщенныя въ нихъ свѣдѣнія вполне согласуются съ свѣдѣніями документовъ предшествующихъ и пополняютъ въ общемъ тѣ характерныя признаки, которыми опредѣлялось сословное положеніе армянъ у горцевъ.

А въ конечномъ итогѣ, слѣдовательно, на основаніи приведенныхъ выше въ документахъ данныхъ, оказывается, что дворянскія права именованныхъ въ документахъ армянъ были повсемѣстно между черкесами извѣстны. Въ числѣ свидѣтелей значатся знатныя фамиліи темиргоевцевъ, кабардинцевъ, шансуговъ, бжедуховъ и др. И всюду природа дворянскихъ правъ опредѣлялась одними и тѣми же черкесскими обычаями. Въ силу этихъ обычаевъ, дворяне были независимы, самостоятельно вѣдали свои дѣла, имѣли свои земли, пользовались одинаковыми правами въ отношеніи обычая канлы, были соперниками или кровными родичами по отдѣльнымъ фамиліямъ, а главное владѣли крѣпостными людьми или рабами. Послѣдній признакъ былъ существенно важенъ для армавирскихъ армянъ, такъ какъ почти у всѣхъ ихъ были въ самомъ Армавирѣ крѣпостные крестьяне и рабы черкесскаго происхожденія. Эти крестьяне и рабы были выведены изъ горъ армянами при переходѣ ихъ на русскія земли, а потомъ въ Армавиръ. Здѣсь они оставались, въ первые годы существованія Армавира съ 1839 и почти до конца шестидесятыхъ годовъ, въ положеніи зависимаго сословія.

Въ фамиліи Муратовыхъ сохранился слѣдующій интересный контрактъ или условіе, заключенный между владѣльцемъ Джанчатъ Муратовымъ и его холопомъ Мельхокомъ:

„Армянинъ Джанчатъ, сынъ Мурада, гласитъ условіе кончилъ тотъ споръ и недоразумѣнія между Джанчатомъ и его холопомъ Мельхокомъ, который не хотѣлъ было его слушать. И вотъ по этому то случаю господинъ и предложилъ своему холопу слѣдующія условія:

„Послѣ этого дня, что бы не приказалъ Джанчатъ Мельхоку, то онъ обязанъ исполнять безъ всякаго отказа и церемоніи съ своей стороны, напримѣръ: когда онъ придетъ домой, пасши весь день овецъ, и если какъ разъ въ это время хозяинъ приказываетъ ему

еще что-нибудь сдѣлать, то онъ обязанъ это сдѣлать безпрекословно и тотъ часъ же. Затѣмъ еще было бы извѣстно, что когда, по моему разрѣшенію, холопъ Мельхокъ будетъ пахать и сѣять что-нибудь, или овецъ будетъ пасти и наживетъ что-нибудь, то онъ обязанъ половинную часть нажитаго отдать мнѣ, и если когда онъ или его жена не будутъ требоваться для моего услуженія, то имъ не дозволяется заходить въ мой домъ. Если же, въ случаѣ требованія моего, хотя бы то и ночью, для работы въ моемъ домѣ моего холопа Мельхока или его жены Мушфехи, то они обязаны въ тотъ же моментъ придти ко мнѣ. А также онъ, Мельхокъ, обязанъ признать то, что, во время работы въ моемъ домѣ его жены Мушфехи, въ случаѣ ея будетъ что-нибудь украдено, хотя маленькая вещь, или же въ точности не будетъ исполнено моихъ приказаній, то могу продать ее. Потомъ Мельхокъ обязывается, что если его кто-нибудь будетъ соблазнять и смущать въ ущербъ моихъ интересовъ, то онъ этого не долженъ слушать никогда и ни отъ кого“.

Условія крайне тяжелыя и одностороннія. Несмотря на заголовокъ контрактъ или условіе, обязательство даетъ одна только сторона — холопъ Мельхокъ, и ничѣмъ онъ не гарантируется со стороны владѣльца. Гарантія же владѣльца состоитъ въ томъ, что за малѣйшую оплошность его холопа и семьи онъ можетъ продать ихъ. Мало того. „Для исполненія всѣхъ этихъ вышесказанныхъ условій, говорится въ документѣ, холопъ Мельхокъ и его жена Мушфехи — оба они, взявъ въ руки свои слово Божье Коранъ, клятвою обѣщали и дали слово быть всегда покорными и вѣрными холопами своего господина, Джанчата, сына Мурада“. За неграмотностью своею, Мельхокъ приложилъ къ бумагѣ два обмокнутые въ чернила пальца, и эти двѣ кляксы считались потомъ неопровержимымъ доказательствомъ данныхъ обязательствъ. Кромѣ того подъ контрактомъ подписалось 8 свидѣтелей и „другіе правовѣрные“.

Право на владѣніе крѣпостными людьми поддерживали и русскія власти. Часто послѣ удачныхъ набѣговъ на горцевъ начальники отрядовъ отдавали армянамъ набитыхъ черкесовъ въ крѣпостничество. Командующій Черноморскою кордонною линіею генералъ-лейтенантъ Ранциль снабдилъ въ январѣ 1851 года подпоручика Бекъ-Мурзу Чентемирова свидѣтельствомъ въ томъ, что „въ вознагражденіе за отличную усердную службу и понесенныя имъ потери, при переселеніи изъ за Кубани, выданъ изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, при движеніи отряда съ Черноморскою кордонною линіею въ землю абадзеховъ 14 октября 1850 года, Абадзехскаго племени черкесъ Меляхъ Хожъ 30 лѣтъ“ для препровожденія его въ мѣстожителство Чентемирова въ Армавирѣ, гдѣ онъ, Меляхъ Хожъ, и вошелъ въ составъ крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ Чентемирову. Нужно замѣтить, что черноморскій генералъ Рашпилъ былъ убѣжденный противникъ крѣпостничества въ Россіи, но по отношенію къ черкесамъ и армянамъ онъ поддерживалъ обыкновеніе, установившееся въ русскихъ отрядахъ въ періодъ войны.

Въ другихъ случаяхъ тѣ же военныя власти способствовали армянамъ въ розыскѣ и возвратѣ бѣжавшихъ отъ нихъ крѣпостныхъ крестьянъ черкесскаго происхожденія. Какъ видно изъ докладной записки Семена Давидова, того самаго, который такъ стоически выдержалъ искусъ у наиба Магометъ Амина, у него бѣжалъ собственный его крестьянинъ Хачемафъ въ горы къ непокорнымъ горцамъ. Когда же бѣжавшій очутился у егерухаевцевъ, подвластныхъ Россіи, то командующій войсками генераль Филипеонъ приказалъ егерухаевцамъ отдать Хачемафа Давидову.

Такими крѣпкими узлами были связаны рабы съ своими господами.

Но увѣренію армянъ, все они поголовно имѣли своихъ рабовъ когда жили между черкесами, потому что все они были узденями, а узденъ не мыслимъ быть безъ раба. Первые поселенцы пришли въ Армавиръ тоже съ своими рабами. На это не обратили вниманія ни генераль Засеъ, ни русская администрація. Но тѣ изъ армянъ, которые перешли въ Армавиръ изъ бывшей Черноморіи, очутились въ нѣсколько иныхъ условіяхъ. Черноморская войсковая администрація ограничила черкесовъ и армянъ въ правахъ владѣнія рабами. Въ однихъ случаяхъ, когда рабы являлись въ качествѣ бѣглецовъ, она сразу обращала ихъ въ свободныхъ людей, въ другихъ примѣняла къ владѣнію ими извѣстнаго рода ограниченія. Такъ, въ 1835 году, основываясь на томъ, что горцы владѣли рабами по обычаю, безъ всякихъ письменныхъ документовъ, наказный атаманъ черноморцевъ Заводовскій нашелъ, что владѣльцы рабовъ не могли примѣнять къ нимъ въ видѣ наказанія сдачу въ рекрута и ссылку въ Сибирь, какъ дѣлали это русскіе помѣшники съ крѣпостными крестьянами. Войсковое начальство считало также исключенными изъ крѣпостного состоянія тѣхъ рабовъ, которые не внесены были при переписи въ ревизскія сказки. Въ 1837 году армяне Яковъ и Авадема Чентемировы представили въ войсковую канцелярію ревизскія сказки о своихъ рабахъ, какъ дворовыхъ людей, опираясь на то, что эти люди достались имъ въ наслѣдство отъ отцовъ, владѣвшихъ ими еще за Кубанью. Но сказки эти не были приняты войсковою канцеляріей за истеченіемъ срока подачи ихъ. Все эти обстоятельства способствовали тому, что большинство армянъ, жившихъ въ бывшей Черноморіи, пришли въ Армавиръ безъ крѣпостныхъ людей. Такимъ образомъ, при заселеніи Армавира не все армяне перешли сюда съ рабами или крѣпостными людьми.

По собраннымъ въ 1914 году свѣдѣніямъ, изъ 84 семей, осѣвшихъ въ Армавирѣ, только у 67 семей или у 80% были рабы и у 17 семей или у 20% ихъ не было. Неимѣвшіе рабовъ принадлежали главнымъ образомъ къ числу выходцевъ изъ Черноморіи, но сами они или ихъ отцы имѣли рабовъ, когда жили у черкесовъ. У первыхъ же, владѣвшихъ рабами, послѣднихъ было въ Армавирѣ 247 семей или около 1000 душъ обоюга пола. По

отдѣльнымъ фамиліямъ крѣпостные люди были распределены далеко неравномерно. У однихъ фамилій ихъ было по 8, 10, 12 и даже 15 семей, а у другихъ по 3, по 2 и часто по одной семьѣ; у трехъ фамилій было только по одной женщинѣ.

Большая часть этого крѣпостного населенія приобрѣтена была армянами покупкою и само населеніе состояло главнымъ образомъ изъ черкесовъ, обращенныхъ князьями и узденями въ рабство. Ни русскіхъ, ни поляковъ въ этомъ подневольномъ классѣ не было да армяне и не могли бы держать ихъ въ рабствѣ, перейдя въ русскія владѣнія. Но, кромѣ черкесовъ, въ крѣпостномъ состояніи было незначительное число плѣнниковъ или ясырей изъ другихъ національностей. Нѣкоторые изъ рабовъ были получены въ подарокъ отъ черкесовъ за тѣ или другія услуги армянъ. Сами рабы перешли въ Армавиръ съ своими господами, подчиняясь черкесскимъ обычаямъ, и несли свои повинности, какъ неизбѣжную дань владѣльцамъ. Не было съ ихъ стороны ни протестовъ, ни домогательства у русскаго начальства объ освобожденіи отъ рабства, какъ это часто случалось въ Черноморіи, гдѣ рабы находили поддержку у войсковой администраціи.

Такимъ образомъ, второе послѣ армянъ сословіе въ Армавирѣ — крѣпостное населеніе, было занесено сюда, какъ существовавшій у черкесовъ и армянъ институтъ рабства.

У черкесовъ существовало собственно четыре сословія: князья или владѣльцы, уздени или дворяне, тьфокотль или народъ, и низшія подневольныя сословія. Последнихъ профессоръ Леонтовичъ въ своемъ „Обычномъ правѣ“ подраздѣлилъ на крѣпостныхъ или „пшитлей“ и рабовъ или „унаутовъ“. Пшитли обладали имуществомъ, несли опредѣленные повинности и имѣли право на судъ и защиту; унауты же были лишены всякихъ правъ и у карачаевцевъ, напр., такъ и назывались „джозъ-сызъ-куль“, т. е. слово въ слово по русски безправный рабъ. По словамъ армавирцевъ, подъ словомъ „унаутъ“ у нихъ извѣстны были одни женщины; унаутовъ мужчинъ не было или если и были, то какъ дѣти унаутовъ, составлявшихъ личную или дворовую прислугу, живущую въ семьѣ господина. Большинство же крѣпостныхъ крестьянъ у армавирцевъ состояло изъ пшитлей, т. е. семейныхъ крѣпостныхъ, ведшихъ самостоятельно хозяйство.

Еще въ горахъ армянскіе холоны пользовались извѣстными правами въ отношеніи суда и имущества, могли заносить жалобы на владѣльцевъ князьямъ, во владѣніяхъ которыхъ они находились, и требовать суда изъ представителей вышнихъ сословій — тѣхъ же князей, узденей и старшихъ, при возникновеніи недоразумѣній между холонами и владѣльцемъ. Они пользовались также важнымъ преимуществомъ избирать себѣ покровителей. Каждый холопъ выбиралъ изъ армянъ же себѣ покровителя и, надо отдать справедливость, эти покровители добросовѣтно заботились объ интересахъ своихъ

клиентовъ. Такого обыкновенія не было у холоповъ, принадлежавшихъ черкесамъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на все эти преимущества, для шитлей, какъ и для унаутовъ, оставалось неприкосновеннымъ главное зло рабства — продажа ихъ владѣльцами. Каждый владѣлецъ имѣлъ право поступать съ подневольными ему людьми, какъ съ рыночнымъ товаромъ, и никто не могъ запретить ему продать или купить себѣ раба. Нелѣпый и жестокий обычай былъ на сторонѣ сильного, а не на сторонѣ жертвы.

Съ переходомъ армянь въ Армавиръ, шитли и унауты, продолжая пользоваться прежними преимуществами, поставлены были въ болѣе благоприятныя жизненныя условія. На нихъ обратили вниманіе русскія власти, пытавшіеся оградить ихъ интересы. На первыхъ временахъ армавирскіе армяне продолжали еще вести торговлю рабами и невольницами, совершая сдѣлки съ черкесами и турецкими работниками. Но потомъ русское правительство рѣшительно запретило имъ этого рода торговлю. Разрѣшено было покупать и продавать крѣпостныхъ людей только между собою, въ средѣ самихъ армянь, да и то въ случаяхъ крайней нужды и при томъ неперемѣнномъ условіи, чтобы продажа и покупка крѣпостныхъ производилась семьями въ полномъ составѣ и неперемѣнно въ одни руки, а не разрозненно отдѣльными членами семьи. Не только дѣтей, но и родственниковъ, жившихъ въ семьѣ, нельзя было выдѣлнить изъ нея для продажи. И продажа крестьянь на такихъ условіяхъ велась до самого ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Вотъ характерный образчикъ сдѣлокъ этого рода.

„1864 года декабря 15, я, нижеподписавшійся житель селенія Армавиръ армянинъ Антошъ Хачадуровъ, говорюся въ свидѣтельствѣ за № 1450, даю эту подписку въ томъ, что крестьянь своихъ, состоящихъ изъ трехъ дунь, именно: женщины Анны 30 лѣтъ, сыновей ея Шингона 9 лѣтъ и Шехона 3 лѣтъ продалъ въ присутствіи почетныхъ народныхъ стариннь и другихъ постороннихъ лицъ селенія Армянскаго жителю его штабсъ-капитану Бекъ Мурзѣ Чентемирову, цѣною за триста рублей серебромъ, безвозвратно“. Подъ свидѣтельствомъ стоятъ подписи самого Хачадурова и свидѣтелей почетныхъ народныхъ стариннь Осипа Шорова, Аракела Акубжанова, Шумафа Баронова, Бедроса Чентемирова и Хачика Кусикова. И все это засвидѣтельствовано присутствовавшимъ при этомъ замѣстителемъ начальника округа полковникомъ Русановымъ.

Ограниченіе продажъ цѣлыми семьями значительно улучшило положеніе крѣпостного населенія не только въ моральномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи. Живя нераздѣльной семьей, крѣпостные съ большимъ успѣхомъ могли вести свое хозяйство и, скопивши средства, выкупиться на волю. И, дѣйствительно, въ единичныхъ случаяхъ шитли и унауты охотно покупали себѣ волю. Особенно сильно участились сдѣлки этого рода въ первые годы послѣ вели-

каго акта 19 февраля 1861 года. Дѣло въ томъ, что какъ у черкесовъ, такъ и у армянъ крестьяне и рабы не были освобождены отъ крѣпостной зависимости одновременно съ этимъ актомъ. Раскрѣпощеніе ихъ затянулось на нѣсколько лѣтъ и совершилось совершенно иначе, чѣмъ въ Россіи. Сами рабы и шитли должны были купить себѣ свободу, какъ это частично велось даже у черкесовъ.

Такія сдѣлки между владѣльцами и ихъ крестьянами носили форму письменныхъ условій или контрактовъ, совершавшихся въ порядкѣ частныхъ соглашеній. „Лѣта 1864 марта 10 дня мы, нижеподписавшіеся жители селенія Армавирскаго армянскаго армяне братья Семень и юнкеръ Багдасаръ Давидовы, основываясь на обоюдномъ согласіи съ крестьяниномъ мужчиною Мельбохомъ сдѣлали ему вольноотпускную на слѣдующихъ условіяхъ:

„1. Мы, Давидовы, владѣя на правахъ азіатъ поименованными крестьянами, ведущими родъ свой отъ тѣхъ крестьянъ, кои приобрѣтены были покупкою нашими предками, во время жизни еще въ горахъ, отпускаемъ ихъ на волю семь дунѣ, а именно: Мельбоха 45 лѣтъ, жену его Гучеханъ 40 л., дѣтей ихъ сыновей Нохрая 15 л., Утежука 6 л., Хацука 4 л. и дочерей Агай 18 лѣтъ и Азатханъ 1 года, съ тѣмъ чтобы крестьяне эти или ихъ потомство заплатили намъ или нашимъ наследникамъ 1150 р. сер.“ въ три срока равными частями въ 1865, 1866 и 1867 годахъ.

„2. По чистой раздѣлкѣ съ нами, Давидовыми, или нашими наследниками этихъ крестьянъ, все они дѣлаются совершенно свободными и поступаютъ, въ какое угодно имъ, сословіе.“

3. Въ случаѣ неуплаты всехъ денегъ въ срокъ, за время просрочки на неуплаченную сумму насчитываются законенные проценты.

4. Если крестьяне не въ состояніи будутъ выплатить всей причитающейся съ нихъ суммы, то Давидовы „вольны отдать ихъ въ работники или оставить у себя для отработки“ долга съ оплатою труда, какъ постороннимъ работникамъ.

„5. Я, крестьянинъ Мельбокъ, значится въ послѣднемъ пунктѣ условія, добровольно безъ всякой побудительной причины, кромѣ желанія вольности, на все въ ваши прописанныя условія, вполне соглашаясь, обязуюсь исполнить свято и ненарушимо, въ чемъ я по обычаю и по магометанскому закону принялъ присягу.“

Въ такомъ духѣ заключались все другіе контракты или акты вольноотпущенниковъ. Вольноотпущенникъ Тлимафъ Курджіевъ 15 ноября 1866 года далъ, въ присутствіи словеснаго суда Урупскаго округа, подписку въ уплатѣ армянину Карабету Курджіеву „за отпускъ на вѣчную волю и свободу 180 р. сер. деньгами или чѣмъ либо другимъ, по оцѣнкѣ постороннихъ лицъ.“ также въ теченіе трехъ лѣтъ. Уплатка армавирскаго армянина Ивана Кусикова Шефувай 50 лѣтъ, съ сыномъ Тлимафъ Хатковымъ 20 лѣтъ и дочерью Инещемафъ 13 лѣтъ, купила себѣ и дѣтямъ свободу на

томъ условіи, что дѣти ея уплатятъ 310 р. сер. владѣльцу, въ зачетъ чего дѣти поступили въ услуженіе Кусикову, какъ вольнонаемные, на два года по 62 рубля на всемъ хозяйскомъ содержаніи, а остальные 186 рублей они обязаны были уплатить въ теченіе трехъ лѣтъ. „Мать ихъ, сказано въ заключеніи условія, свободна,“ а дѣти слѣдовательно, обязались тянуть еще 5 лѣтъ ляжку условнаго невольничества. Какъ значителенъ, въ выкупномъ свидѣтельствѣ, только 13 января 1874 года, т. е. черезъ 6 лѣтъ послѣ заключенія выкупной сдѣлки, Глимафъ Хатковъ уплатилъ разновременно 130 рублей и оставался еще должнымъ 56 рублей.

Такимъ путемъ сами себя освободили крѣпостные бывшихъ армавирскихъ узденей или дворянъ. Въ февралѣ 1864 года начальникомъ Урунскаго округа предписано было старшинѣ села Армавиръ выслать въ окружное правленіе „всѣхъ унаутовъ для раздачи имъ выкупныхъ свидѣтельствъ.“ Но унаутовъ было мало. Пшитлей же оказалось такое количество, что они образовали цѣлый Вольный аулъ на р. Урупѣ, существующій и въ настоящее время. У черкесовъ и армянъ аулъ этотъ назывался „Шхашефинцъ“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „выкупленная голова“. Названіе правильное и характерное, но русскій его переводъ словомъ вольный не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Поселенные на Урупѣ вольноотпущенники черкесы получили потомъ въ надѣль определенное количество десятинъ земли по такой же нормѣ, какъ и остальные инородцы въ ихъ мѣстности и въ томъ числѣ ихъ владѣльцы армавирцы, т. е. по 10 десятинъ на мужскую душу. Такимъ образомъ, пшитли и унауты были сравнены съ ихъ господами армянами не только въ гражданскихъ правахъ, но и въ земельномъ довольствіи. Будучи черкесами и магометанами, они остались, однако, въ Россіи. Только незначительная часть ихъ ушла къ звонимъ соотчичамъ въ Турцію и нѣсколько человѣкъ въ Персію.

Повидимому владѣльцы неохотно разставались съ вольноотпущенниками и всячески старались удержать ихъ за собою, какъ даровую рабочую силу. Въ 1894 году вдова Цаца Гукетлова, жившая въ черкесскомъ аулѣ Атажуккина, просила пристава 1 участка Заталпанинскаго уѣзда отобрать дочь ея Сакубъ у Абрагама Темирова, который удержалъ ее у себя и не отпускалъ, несмотря на высочайшее повелѣніе объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По наведеннымъ въ Армавирѣ справкамъ, Сакубъ, судя по тому, что она сама не желала уходить отъ Темирова, который воспитывалъ ее. Послѣдній однако руководился совѣтмъ не патроніальными побужденіями. Въ качествѣ воспитателя онъ требовалъ, чтобы Сакубъ жила у него до замужества и отработала сдѣланныя на нее затраты по воспитанію.

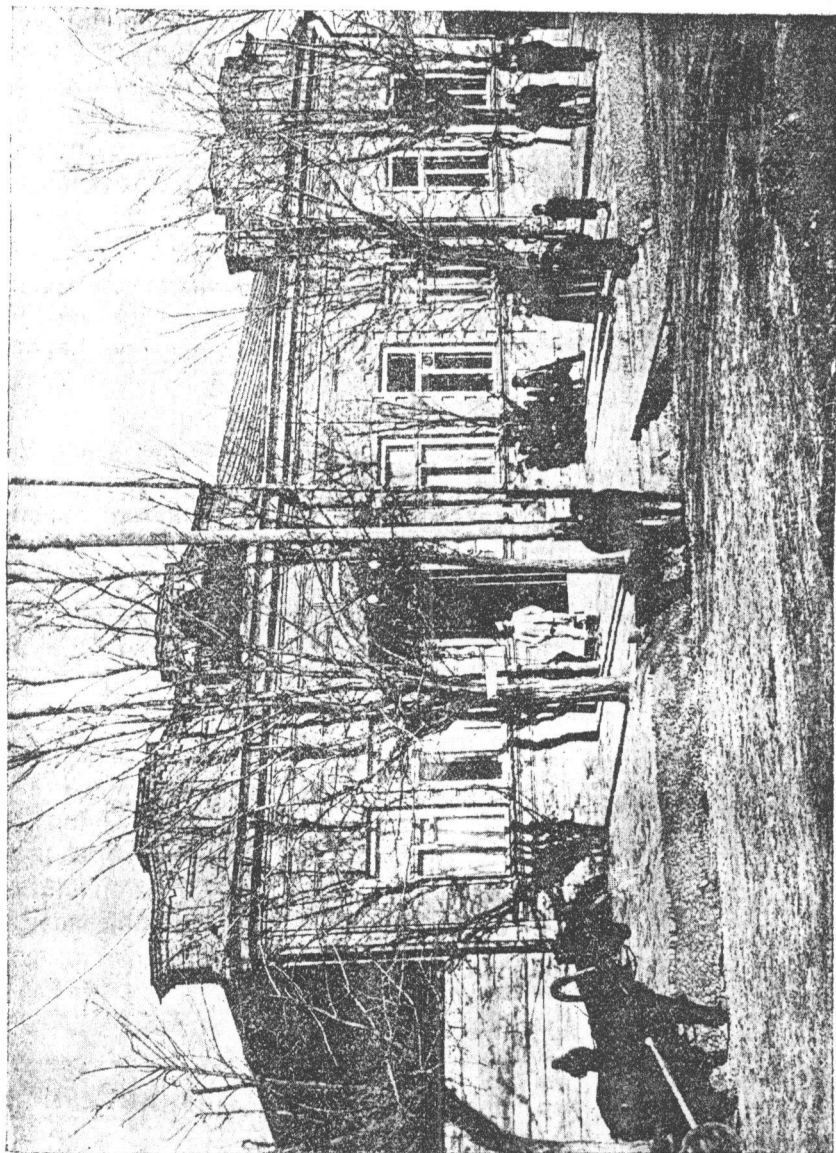
Такъ исторически сложились взаимоотношенія между двумя условіями, основанными Армавиръ дворянами или армянами и ихъ рабами или черкесами. Дворяне остались на мѣстѣ въ Арма-

вирѣ, а ихъ рабы вышли поголовно въ особый аулъ. Въ настоящее время и дворяне и ихъ бывшіе рабы принадлежатъ къ одному и тому же податному сословію. Исторія поравняла ихъ.

Случилось это какъ то незамѣтно и неожиданно. Линившіе крестьянѣ, армяне продолжали тѣмъ не менѣе считать себя дворянами. На это они имѣли свое основаніе. Въ ихъ узденскихъ правахъ никто не сомнѣвался ни сами они, ни черкесы, ни даже русскія власти. Въ качествѣ узденей они жили все время въ Армавирѣ, служили въ милиціи, производились въ чины по дворянскимъ правамъ, получали на военной службѣ содержаніе, присвоенное узденямъ или дворянамъ, имѣли право посылать своихъ дѣтей на воспитаніе въ сословныя дворянскія заведенія и т. п. Все это совершенно мирило армянъ съ ихъ положеніемъ, тѣмъ болѣе что за спиною у нихъ стояли вѣковые обычаи, признанные въ извѣстной мѣрѣ и русскимъ правительствомъ. Привычки къ священному уваженію обычая, неискушенные въ канцелярской мудрости, армяне не укрѣпили за собою дворянскихъ правъ, а направили все рвеніе на исполненіе своихъ дворянскихъ обязанностей, понимая подъ послѣдними ревностное служеніе въ арміи и въ бояхъ съ черкесами. Въ предшествующей главѣ уже очерчена ихъ огромная въ этомъ послѣднемъ отношеніи роль.

Вотъ это та интензивная и отвѣтственная служба армянъ въ русскіхъ войскахъ, съ правами на дворянское содержаніе и дворянскія привилегіи по чинопроизводству, и укрѣпила ихъ въ убѣжденіи, что они продолжаютъ быть узденями и въ Армавирѣ. Армавирцамъ какъ дѣтямъ обычая и поклонникамъ патріархальной власти, не могло придти въ голову, что преднамѣренно или по недосмотру они могутъ быть низведены на степень обыкновенныхъ обывателей аула, уравниныхъ въ правахъ съ бывшими ихъ шитлями и ун-утами. Собственно говоря съ такимъ положеніемъ, армавирцы и помирились бы, если бы эта мѣра распространена была не на однихъ ихъ. Армяне всегда были въ высшей степени покладистымъ народомъ, безгранично послушнымъ начальству. Но въ данномъ случаѣ замѣнились особія обстоятельства, затронувшія армянскій узденскій гоноръ и еще въ большей степени права на земельный надѣлъ и сословныя привилегіи въ военной службѣ.

Дѣло въ томъ, что лишены были узденскихъ правъ одни армяне, а черкесы такъ и остались узденями, съ узденскими правами на землю и привилегіями по отбыванію военной повинности. Получилось нѣчто совершенно несуразное. Армяне, боровшіеся съ горцами въ рядахъ русскіхъ войскъ и покорившіе ихъ вмѣстѣ съ этими войсками, были лишены тѣхъ самыхъ правъ, которыя оставлены были ихъ противникамъ и бывшимъ противникамъ русской власти и русскіхъ войскъ. Когда обнаружились эти обстоятельства армяне забили тревогу. Не допуская и намека на протестъ, они стали писать прошенія и посылать съ ходатайствами выборныхъ

Здание Арзавирского волостного правления.

уполномоченныхъ къ ближайшему начальству. Это, слѣдовательно, была самая мирная и безобидная тревога. Но и поднятая ими тревога не привела къ сколько нибудь удовлетворительному исходу предпринятыхъ ими хлопотъ.

Оказалось, что первое недоразумѣніе произошло съ земельнымъ владѣніемъ. Армяне, считая себя узденями, считали, что имъ принадлежали и тѣ земли на которыхъ они были поселены первоначально. А чиновники Кубанскаго областного правленія и землемѣры посмотрѣли на Армавирь, какъ на село, и на этомъ основаніи признали жителей его сельскимъ населеніемъ, приурочивши и надѣленіе земель къ рядовому горскому населенію. Официально, по незнанію или преднамѣренному игнорированію, совѣтъ не приняты были въ расчетъ уздени и ихъ узденскія права на землю. Когда же было введено положеніе о всеобщей воинской повинности, то принято было въ соображеніе другое обстоятельство, что армяне не коренное населеніе Кавказа и, слѣдовательно, не горцы инородцы, каковыми признала ихъ Терско-Кубанская сословная коммиссія, и на этомъ основаніи, ихъ дѣти записаны были въ призывные списки, какъ русское податное населеніе. Объ узденскихъ правахъ и принадлежности армянъ къ горскому племени не было уже и помину. Черкесо-ган, горные армяне, говорившіе только по черкесски, стали вдругъ коренными русскими обывателями.

Напрасно армяне писали прошенія и посылали ходатаевъ. Во всѣхъ случаяхъ ихъ просьбы не были улажены. Ничто не помогло ни обращенія къ наказному атаману и мѣстной администраціи, ни ходатайство передъ Намѣстникомъ Кавказа, ни прошеніе на Высочайшее имя. Власти, опираясь на состоявшіяся уже Высочайшія повелѣнія, не нашли возможнымъ внести поправки въ создавшееся положеніе, и армяне получали одинъ отвѣтъ: „оставить просьбу безъ послѣдствій“. Можно, конечно, было считать устарѣвшимъ, отжившимъ свое время узденство или черкесское дворянство и замѣну солдатчины горскою милиціею, какъ просили объ этомъ армяне и съ этимъ сами армяне, какъ мирный и покладистый народъ, охотно помирлись бы; но то и другое было оставлено въ полной силѣ для черкесовъ и оказалось запрещеннымъ плодомъ для армянъ, боровшихся въ рядахъ русскихъ войскъ именно съ черкесами.

VIII.

Сельское управленіе и судъ.

Какъ уже упомянуто въ своемъ мѣстѣ, армавирская община перешла изъ черкесскихъ владѣній на русскія земли съ своимъ національнымъ общественнымъ устройствомъ. Во главѣ общины стояла тхамада, выборный коллективный органъ, вѣдавшій управленіе и судебныя дѣла и придерживавшійся чисто патріархальныхъ

началь. Общественными дѣлами руководили старшіе въ родѣ почетные старики, пользовавшіеся огромнымъ авторитетомъ въ области обычно-правовыхъ отношеній населенія. Такъ „почетными народными стариками“ и именовались они въ оффиціальныхъ бумагахъ.

Но впоследствіи эти общія условія арханческаго общино-родового самоуправленія были существенно измѣнены. Уничтоженіе сословныхъ перегородокъ, отдѣлявшихъ господъ отъ рабовъ, и потеря первыми дворянскихъ правъ естественно повлекли за собою измѣненія во всемъ гражданскомъ строѣ армянской общины. Къ Армавиру, обращенному изъ горскаго аула въ русское село, и къ его населенію, приравненному къ податнымъ классамъ, примѣнено было обыкновенное сельское управленіе. Существенныя измѣненія произошли въ томъ, что выборная тхамата была замѣнена единоличною властью сельского старинны, который къ тому же въ началѣ назначался администраціей. вмѣстѣ съ тѣмъ проведена была рѣзкая граница между административною и судебною функціями сельского управленія. Судъ, образованный изъ нѣсколькихъ выборныхъ лицъ, былъ выдѣленъ въ особый самостоятельный органъ. Такимъ образомъ, прежняя тхамата стала какъ бы специально судебнымъ учрежденіемъ.

За организаціей сельскаго управленія, были оставлены, однако, нѣкоторыя особенности прежняго общественнаго устройства. Первоначально старинна обыкновенно назначался военными властями изъ почетныхъ армавирскихъ стариковъ, большею частью бывшихъ милиціонеровъ, хорошо извѣстныхъ военному начальству. Но въ помощь къ нему избирались помощники его, и армавиры удержали за этими выборами прежній характеръ. Помощники старинны выбирались по одному отъ каждой части Армавира и непременно изъ представителей этой же части, такъ что хакубхабльцы имѣли своего помощника, гяурхабльцы своего и т. д. А помощники, несшіе полицейскія обязанности, нерѣдко замѣняли собою старинну.

Такого же порядка армавиры придерживались и при выборѣ сельскихъ судей. Каждая часть Армавира имѣла своего судью, избраннаго изъ ея представителей, и въ составъ суда входило, слѣдовательно, четыре лица по числу четырехъ кварталовъ или частей Армавира.

Сохраненъ былъ и своеобразный штатъ крикуновъ или общественныхъ глашатаевъ. Четыре крикуна выбирались также изъ представителей отъ каждой части или квартала. Обыкновенно кандидаты въ крикуны намѣчались по частямъ особо, а выборы производились на общемъ сходѣ армавирцевъ, и тотъ кто получалъ наиболѣе голосовъ по своему кварталу, становился кварталнымъ крикуномъ.

Такъ видоизмѣнены были архаическія формы армянскаго общино-родового самоуправленія.

Письменные документы о дѣятельности новыхъ учреждений сохранились съ 1868 года и слѣдовательно, съ этого года, на основаніи писанныхъ источниковъ, можно прослѣдить недалекое прошлое этихъ учреждений и управленія.

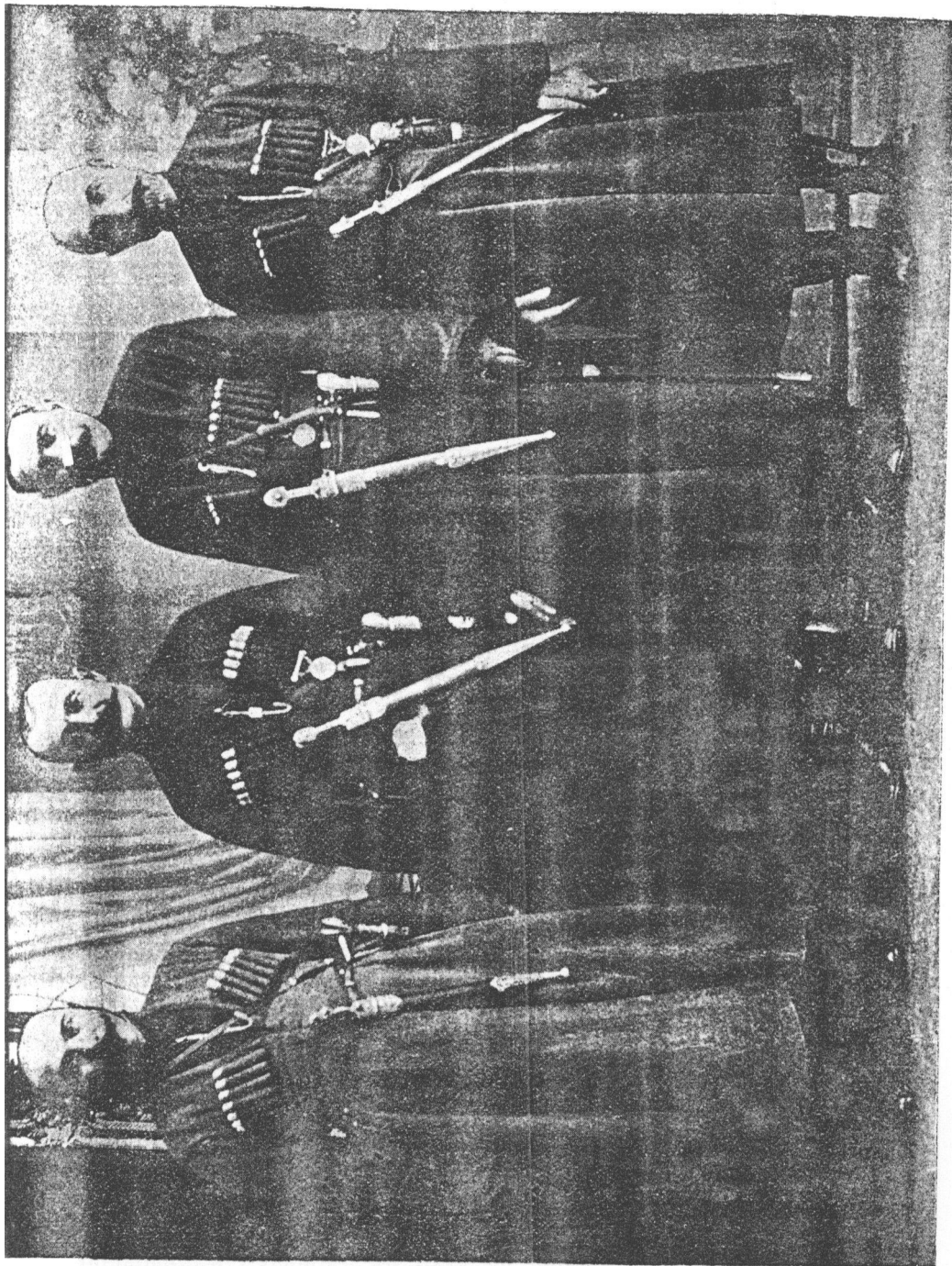
Первымъ старшиною по назначенію начальства былъ прапорщикъ Артемовъ. Въ это время у старшины, кромѣ помощника, уже былъ въ распоряженіи цѣлый рядъ лицъ, несшихъ спеціальныя обязанности. По баллотировочному списку за 1864 годъ видно, что въ составъ сельскаго управленія избраны были помощникъ старшины, казначей, смотритель магазина, его помощникъ, лѣсничій и помощникъ его. Баллотировка производилась шарами трехъ кандидатовъ на каждую должность и очень многіе были забаллотированы. Обязанности этихъ лицъ, какъ показываютъ самыя ихъ названія, обуславливались осложненіемъ хозяйственно-общественнаго строя: потребовались лица, которыя вѣдали бы денежную часть общины, продовольственные запасы и охрану лѣса, которымъ была бѣдна община, и всѣхъ этихъ лицъ стали выбирать армавирцы.

Но 1869 годъ былъ и послѣднимъ годомъ такъ называемаго военно-горскаго управленія, когда горскіе аулы были раздѣлены на сѣруга и дѣла горскаго населенія вѣдались окружною военною администраціей. Высочайшимъ повелѣніемъ 30 декабря 1869 года, Кубанская область, упраздненіемъ всѣхъ прежнихъ бригадныхъ и полковыхъ управленій и горскихъ округовъ, раздѣлена была на пять уѣздовъ — Темрюкскій, Ейскій, Екатеринодарскій, Майкопскій и Баталпаинскій. Армавиръ вошелъ въ составъ послѣдняго уѣзда. Такимъ образомъ, съ 1870 года армавирское сельское управленіе было подчинено вѣдѣнію баталпаинскаго уѣзднаго начальника, которымъ былъ въ то время популярный между русскими и горцами полковникъ Петрусевичъ, умный и безкорыстный дѣятель. Сообразно съ двойными функціями сельскаго управленія административной и судебной, оно было подчинено съ 1870 года и двоякаго рода учрежденіямъ. Въ судебномъ отношеніи Армавиръ былъ подчиненъ мировому судѣ и судебному слѣдователю 2-го участка Баталпаинскаго уѣзда, мѣстопробываніе которыхъ находилось въ селѣ Прочноокопѣ. Всѣ же остальные дѣла вѣдалъ уѣздный начальникъ, но между нимъ и сельскимъ управленіемъ Армавира находилось посредствующее лицо, вѣдавшее дѣла на мѣстѣ — начальникъ участка. Армавиръ былъ подчиненъ начальнику нижняго участка Баталпаинскаго уѣзда, и постоянное мѣстопробываніе этого лица было также въ Прочноокопѣ. Новая дѣятельность уѣздной администраціи была начата съ ревизіи дѣлопроизводства въ сельскомъ управленіи и денежныхъ суммъ, о чемъ уѣздный начальникъ заранее оповѣстилъ Армавирное управленіе.

Сообразно съ этими измѣненіями, съ 1870 года зачительно измѣненъ былъ весь порядокъ выбора должностныхъ лицъ для общественнаго управленія. Съ этого года армавирцы начали выбирать

и своихъ старшинъ. Въ помощь старшинъ стали избираться не одинъ, а четыре помощника и одинъ общій казначей: избирались также четыре судьи. И этомъ составомъ лицъ ограничены были выборы: остальные лица -- крикуны и лѣсничій повидимому назначались. Но къ выборамъ первыхъ десяти лицъ былъ примѣненъ старинный порядокъ въ довольно своеобразной формѣ. Выборы были двойные: сначала баллотировка производилась 40 выборщиками, повидимому 10 выборщиками отъ каждой части или квартала, на должности старшины и казначея выставлялись четыре кандидата -- по одному отъ каждого квартала, а помощники старшины и судьи избирались въ каждомъ кварталѣ непременно изъ своихъ же представителей. Какъ видно, изъ баллотировочныхъ листовъ, изъ четырехъ кандидатовъ на должность старшины былъ избранъ юнкеръ Осипъ Кусиковъ 28 бѣлыми шарами противъ 11 черныхъ, не считая собственнаго шара, два кандидата были забаллотированы и одинъ получилъ меньше избирательныхъ шаровъ, чѣмъ Кусиковъ. Такимъ же количествомъ шаровъ, т. е. 39 шарами, при различномъ соотношеніи числа бѣлыхъ къ числу черныхъ шаровъ избраны были и всѣ остальные лица. Изъ чего видно, что избираемые лица принадлежали также къ составу сорока выборщиковъ. Но затѣмъ тѣ же кандидаты, включая въ составъ ихъ и избранныхъ уже лицъ, были пробаллотированы на общемъ сходѣ армавирцевъ и результатъ получился почти тотъ же. Избранныя сорока выборщиками лица избраны были и всѣмъ сходомъ, за исключеніемъ одного лишь отступленія. Старшиною былъ избранъ юнкеръ Осипъ Кусиковъ 234 шарами противъ 84. Помощники пропали при 314 шарахъ и трое изъ нихъ оказались раньше избранными уже, а по одному кварталу вмѣсто избраннаго пропалъ другой кандидатъ. Такимъ своеобразнымъ способомъ армавирцы умѣли выражать волю всего населенія въ лицѣ участниковъ въ общемъ сходѣ.

Всѣ должности въ общественномъ управленіи оплачивались опредѣленнымъ жалованьемъ. Нести общественную службу приходилось съ потерями по собственному хозяйству. Въ 1871 году четыре помощника старшины въ прошеніи къ нему писали, что, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей сбора податей, наблюденія за отправленіемъ разнаго рода повинностей, устраненіе по своимъ кварталамъ нѣкоторыхъ неурядиць, имъ приходится употреблять массу времени на ихъ многотрудныя полицейскія обязанности. Затруднительное несеніе службы усугублялось еще крайне грубымъ отношеніемъ къ нимъ населенія. Такъ какъ, при всемъ этомъ, у нихъ положительно не хватало времени для того, чтобы заниматься собственнымъ хозяйствомъ, пришедшимъ въ разстройство, то помощники просили увеличить имъ содержаніе. Батраки, писали помощники старшины, и то получаютъ по 120 р. въ годъ, а намъ назначено по 50 р. содержанія. Этимъ прошеніемъ въ достаточной мѣрѣ очерчивается какъ кругъ дѣятельности помощниковъ старши-

Помощники волостного старшины: 1-й справа А. Т. Богосовъ, 2-й С. Е. Лев-
теровъ, 3-й А. Х. Аслановъ и 4-й слева С. А. Бѣликовъ.

ны, такъ и служебное ихъ положеніе. Помощники были главными исполнителями административныхъ распоряженій. Къ нимъ какъ бы перешла тяжелая сторона въ дѣятельности бывшихъ почетныхъ представителей тхамалы по распорядительной части, и этимъ, конечно, отчасти объясняются жалобы помощника старшины на грубое къ нимъ отношеніе. За ними не было престижа той патриархальной власти, которымъ пользовались члены тхамалы.

Казначей вѣдалъ исключительно денежныя суммы. Къ нему шли поступления по денежнымъ платежамъ и повинностямъ, отъ доходныхъ статей и т. п. Онъ же велъ счетъ разнаго рода расходовъ и выдавалъ жалованье служащимъ въ сельскомъ управленіи. Все это дѣлалось по установленнымъ въ денежныхъ книгахъ формамъ и по роспискамъ.

Наконецъ роль крикуновъ сведена была къ обязанностямъ разсылныхъ. Они также получали жалованье, какъ это видно изъ росписокъ у казначея. Вотъ одна изъ такихъ росписокъ: 1869 г. іюля 12. мы нижеподписавшіеся крикуны села Армавирь, Карабетъ Хачадуровъ, Согосъ Шахбадзевъ, Артемъ Айвазовъ и Аракель Чирчановъ дали сію росписку армавирскому сельскому казначею Богдасару Минаеву Каспарову въ томъ, что слѣдующее намъ жалованье съ 1 января по 1 іюля по 15 руб. всего 60 рублей получили сполна. Судя по такому скромному содержанию, крикунамъ было мало дѣла. Приходилось черезъ извѣстные промежутки времени „работать однимъ горломъ,“ кричать на улицѣ и только.

Въ ноябрѣ 1876 года сельское правленіе, сельскій старшина и судъ переименованы были въ волостное правленіе, волостного старшину и волостной судъ, на основаніи пол. 19 февраля 1860 года. Волостнымъ старшиною былъ избранъ въ этомъ году Баронъ Шахназаровъ 260 голосами противъ 47, а кандидатомъ Минай Бароновъ 235 голосами противъ 72. Въ такомъ видѣ и были утверждены выборы. Въ особомъ предписаніи уѣздный начальникъ указалъ Армавирскому обществу на то, что, несмотря на значительныя денежныя поступления, записанныхъ капиталовъ у общества нѣтъ, и совѣтовалъ избрать двухъ сборщиковъ податей и волостного казначея. Выборы всѣхъ этихъ лицъ, а также судей, были произведены примѣнительно къ четыремъ кварталамъ.

Въ сущности по предметамъ вѣдѣнія между сельскимъ и волостнымъ управленіями не было сколько нибудь существеннаго различія. Кромѣ административной роли и полицейскихъ обязанностей, управленіе вѣдало и хозяйственныя дѣла. Последнія, понятно, только намѣчались жизнью, осложняясь впоследствии. Такъ, еще въ 1863 году полковникъ Русановъ заарендовалъ у Армавирскаго общества клочекъ земли на р. Урупѣ и устроилъ водяную мельницу съ платою по 25 рублей ежегодной аренды. Такъ какъ платы этой полковникъ Русановъ ни разу не внеслъ, то правленіе приняло въ 1869 году мѣры ко взывканію аренды. Въ томъ же году

28 декабря сельское управление отобрало от трех содержателей питейных заведений подписку „въ томъ, что если у кого въ питейномъ заведеніи будутъ сельскимъ начальствомъ замѣчены безпорядки или же около онаго будутъ валяться люди отъ опьяненія, то тотъ подвергнется денежному штрафу, по усмотрѣнію начальства.“ Въ 1879 году Армавирское волостное правленіе пригласило хлѣботорговцевъ на совѣщаніе, на которомъ и составленъ былъ особый актъ, воспрещавшій покупку хлѣба внѣ Армавира по дорогамъ. Для надзора за хлѣботорговлей торговцы обязались содержать двухъ верховыхъ и двухъ нѣшихъ надсмотрщиковъ, обязанныхъ предупреждать всѣ закупки хлѣба внѣ базара и „не допускать насильственнымъ способомъ заводитъ продавца въ амбары.“ Самимъ надсмотрщикамъ строго воспрещалось направлять продавцовъ въ какіе либо амбары. Въ такомъ духѣ велись и другія хозяйственныя и распорядительныя дѣла.

Впрочемъ, и сельское и волостное управленія дѣйствовали скорѣе, какъ исполнительный органъ, а не по собственному почину. Центръ тяжести въ этомъ отношеніи лежалъ на общественныхъ сходахъ. Общественные сходы выбирали весь составъ сельского или волостного управленія, общественные же сходы рѣшали назрѣвшіе вопросы и дѣла.

Важнѣйшимъ актомъ общественныхъ сходовъ были выборы должностныхъ лицъ. Во время выборовъ армавирское общество всегда находилось въ нѣсколько повышенномъ настроеніи. Предстояла замѣна однихъ лицъ другими, велась агитація по кварталамъ и на общемъ сходѣ. Оцѣнивалась дѣятельность прежнихъ избранниковъ. Все это придавало выборамъ въ каждомъ случаѣ тѣ или другія отличія. Но основныя черты ихъ сплоченность, корректность, и серьезное отношеніе къ дѣлу, оставались все время неизмѣнною. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ избранники проходили подавляющимъ большинствомъ голосовъ и непремѣнно съ соблюденіемъ разъ намѣченнаго условія соответствія съ тѣми требованіями, которыя предъявлялись каждымъ кварталомъ или частью Армавира. Всегда выбирались тѣ, кто намѣченъ былъ по кварталамъ, были ли это единичные представители управленія, или же лица коллегіи и сложнаго состава. Въ старшины и казначей проходили тѣ изъ кандидатовъ, которые намѣчались по кварталамъ. Были поразительные случаи въ этомъ отношеніи. Въ 1878 году, при баллотировкѣ въ казначей, Осипъ Сеферовъ получилъ въ закрытую всѣ 350 шаровъ и ни одного чернаго. Казначей всегда выбирались значительнымъ большинствомъ голосовъ. Такимъ же характеромъ отличались и выборы старшины, хотя въ этихъ случаяхъ чаще замѣчалось партійное дѣленіе общества, выражавшееся въ мѣнявшемся количествѣ черняковъ. Выборы же въ судью и помощника старшины подвергались наибольшимъ колебаніямъ въ количествѣ избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ, но основной принципъ, въ силу

котораго каждый кварталъ долженъ былъ имѣть непременно своего представителя въ составѣ судьи и помощниковъ старшины, соблюдался строго и неуклонно. Въ этомъ, конечно, выразилось уваженіе населенія къ своимъ стариннымъ традиціоннымъ порядкамъ,

Общественные сходы устанавливали затѣмъ и свои внутренніе общественные распорядки. Такъ, приговоромъ 20 ноября 1877 года Армавирское общество постановило, чтобы всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались на сходахъ закрытою баллотировкою, такъ какъ при открытомъ голосованіи часто возникали споры и несогласія и многіе отказывались отъ поднеси приговоровъ и журналовъ. Приговоромъ 6 августа 1893 годъ поручено было волостному старшинѣ штрафовать тремя рублями каждого, кто, будучи оповѣщенъ, неявлялся на сходы по неважнымъ причинамъ, ибо часто сходы не могли состояться за невякою достаточнаго числа хозяевъ и этимъ затягивалось разрѣшеніе неотложныхъ общественныхъ вопросовъ. Вообще чѣмъ ближе къ нашему времени и многочисленнѣе становились сходы въ Армавирѣ, тѣмъ отдѣльные члены ихъ выказывали болѣе индифферентизма къ нимъ. Терялся общественный духъ, свойственный сходами въ старину.

А между тѣмъ задачи сходовъ росли и ширились. Сходы изъ скромныхъ сходбищъ, передававшихъ всѣ важнѣйшія дѣла вѣдѣнію тхаматы, превратились въ бурныя вѣча, съ осложнившимся въ высшей степени кругомъ общественныхъ вопросовъ и нуждъ, требовавшихъ разносторонней дѣятельности какъ всего Армавирскаго общества, такъ и исполнительнаго его органа — сельскаго или волостного управленія. Увеличивались смѣтные назначенія и росли источники доходовъ. Вышнее благоустройство въ Армавирѣ, народное образованіе, нужды въ медицинскій помощи, дѣла призрѣнія и пр., пр. — все это требовало и увеличенія матеріальныхъ средствъ отъ населенія и интенсивной дѣятельности отъ его общественныхъ представителей. Потребовались и временные неполнительные органы по общественнымъ дѣламъ. Такъ, приговоромъ 18 іюля 1876 г. Армавирское общество избрало 15 человекъ для провѣрки общественныхъ суммъ, бывшихъ въ вѣдѣніи казначея. Избирались особыя комитетин для наблюденія за общественными дѣлами и уполномоченные для ходатайства по такимъ дѣламъ.

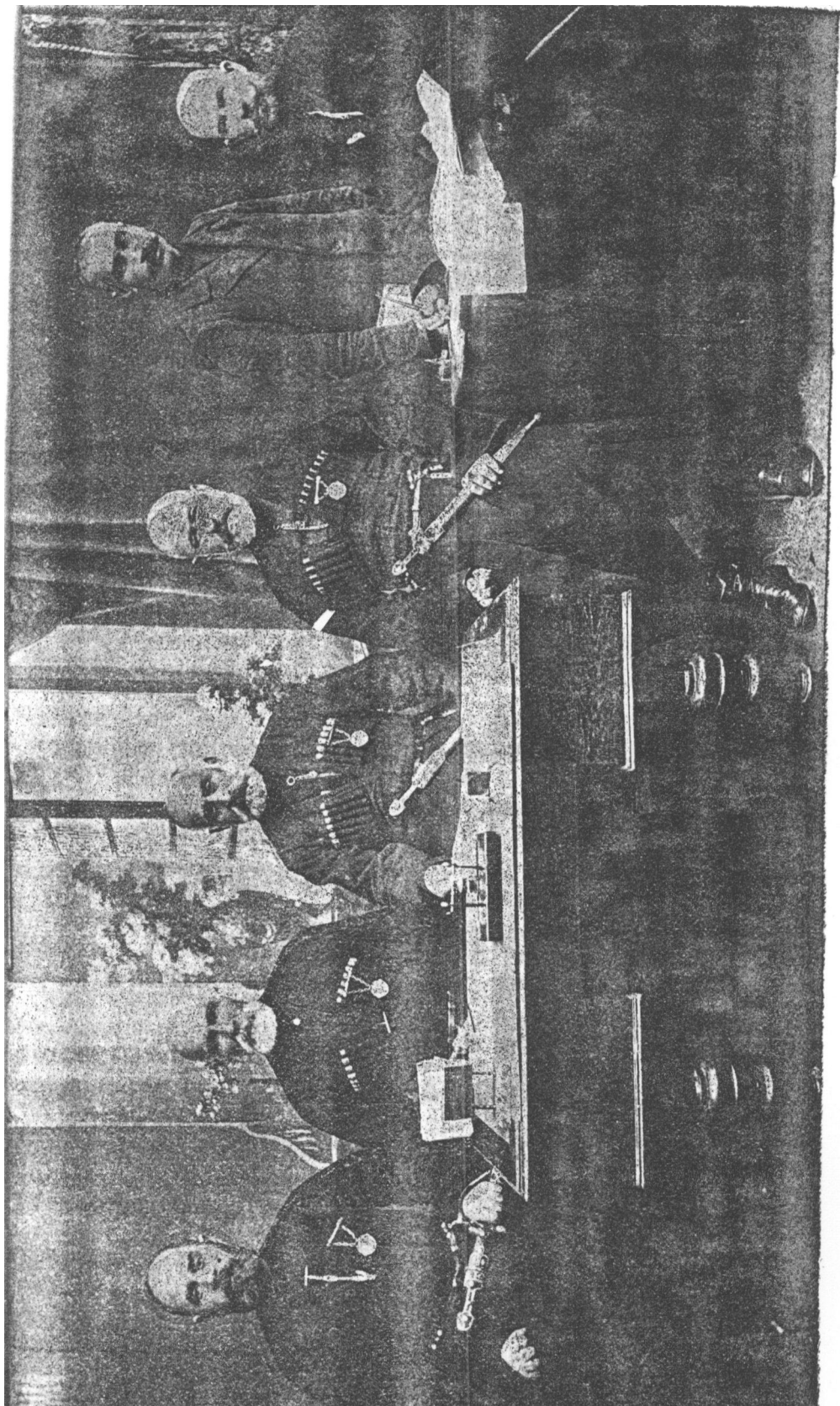
Существеннымъ измѣненіемъ подвергся и Армавирскій народный судъ. Компетенція этого учрежденія была чрезвычайно сужена. Когда-то скромная по обстановкѣ, но пользовавшаяся огромнымъ авторитетомъ тхамата вѣдала буквально всѣ дѣла включительно до рѣшеній, касавшихся смертоубійства и кровавыхъ распрей. Впослѣдствіи за волостнымъ судомъ оставлены были лишь мелкія правонарушенія имущественнаго и уголовнаго характера, а всѣ дѣла высшаго порядка въ области уголовнаго и гражданскаго права переданы были въ вѣдѣніе судебныхъ слѣдователей, мировыхъ судей, окружнаго суда и судебной палаты, т. е. учреждений и агентовъ

правительственной власти. Тѣмъ не менѣе, хотя коллекція народнаго суда въ Армавирѣ была сѣужена до чрезвычайности сравнительно съ тѣмъ, что вѣдала тхамата, но все вѣбшія отличительныя черты патріархальнаго учрежденія численный составъ, значенію присяги, судоговореніе на началахъ состязательности, строгій объективизмъ судей, вліяніе обычая и т. п., сохранились въ полной неприкосновенности и безъ существенныхъ отступленій были приспособлены къ требованіямъ новѣйшихъ русскихъ законоположеній.

Письменные документы по судопроизводству мѣтнаго Армавирскаго суда сохранились съ 1868 года. Въ этомъ году рѣшались лишь мелкіе, ординарные случаи разнаго рода правонарушеній въ области домашней жизни. Но двѣ черты, характерныя для патріархальнаго быта армянъ, довольно ярко отразились на оформленіи этихъ дѣлъ. Въ одномъ случаѣ аульный старшина удалилъ при дѣлопроизводствѣ свидѣтеля, какъ человека неблагонадежнаго, и судъ напелъ это въ порядкѣ вещей. Дѣло въ томъ, что такому свидѣтелю нельзя было дать присяги, а присяга у армавирцевъ до послѣдняго времени осталась актомъ высокаго гражданскаго долга, допускавшимся лишь при условіи полнаго довѣрія судей къ лицу, дававшему присягу, и только при наличности серьезныхъ поводовъ къ тому. Другія черта, свойственная стариннымъ обычаямъ, выразилась въ рѣшеніи сомнительныхъ дѣлъ по формулѣ грѣхъ по поламъ. Вотъ характерный примѣръ такого рѣшенія.

Сосѣдъ жаловался суду на сосѣда, что песь послѣдняго съѣлъ у него 18 молодыхъ индѣекъ и просилъ взыскать съ него убытки. Отвѣтчикъ съ недоумѣніемъ заявилъ, что онъ не можетъ собѣ представить, какъ и когда его песь могъ поѣсть столько сосѣдскихъ индѣекъ, такъ какъ собака эта всегда находилась дома. Истецъ сослался на одного изъ судей, которому онъ въ свое время заявлялъ какъ о постоянной пронажѣ его индѣекъ, такъ и подозрѣніи на сосѣдняго пса. Допрошены были другіе сосѣди, которые съ своей стороны заявили, что песь, принадлежащій отвѣтчику, „сомнительный, нехорошій, блудящійся“, но что именно онъ поѣлъ индѣекъ, этого они не могли утверждать. На судѣ выяснилось также, что жена отвѣтчика просила истца не жаловаться въ судъ, а сойтись миролюбиво съ ея мужемъ. Тѣмъ не менѣе судьи находили неясными обстоятельствоми дѣла. Трудно было сказать, одинъ ли „обвиняемый песь“ поѣлъ всѣхъ индѣекъ, или же ихъ ѣли и другія собаки. Въ виду отсутствія ясныхъ доказательствъ, судъ, поэтому, постановилъ раздѣлить между истцомъ и отвѣтникомъ „грѣхъ по поламъ“. Оба тяжущіеся остались довольны этимъ рѣшеніемъ и въ подтвержденіе этого приложили „своими перстами чернильные знаки“.

Очень характернымъ для новыхъ порядковъ въ Армавирѣ является послѣднее дѣло Армавирскаго суда за 1868 годъ. Дѣло это было возбуждено Армавирскимъ старшиною, замѣтившимъ драку. Судьи нашли обонхъ драчуновъ одинаково виновными и оптрафо-

Армавирский волостной судъ. Судьи: 1-й справа Б. Е. Ханжіевъ, 2-й К. М. Джагуловъ, 3-й Е. К. Каспаровъ и 4-й М. Г. Поповъ; стоитъ разсылный С. Е. Лухраевъ, послѣдній писарь И. Н. Арчибисовъ.

вали 5 рублями каждого. На этомъ рѣшеніи уѣздный начальникъ написалъ, что „старшина обязанъ былъ самъ општрафовать дравнившихся, а не передавать дѣла въ судъ“. Надпись свидѣтельствующая о предпочтеніи административнаго усмотрѣнія судебному рѣшенію, но ни въ коемъ случаѣ, съ юридической точки зрѣнія, конечно, неправильная.

Въ слѣдующемъ 1869 году было положено начало систематическому съуженію юрисдикціи народнаго армянскаго суда, какъ сложилась она исторически въ тхамадѣ. Въ Январѣ этого года Армавирцамъ было объявлено, что въ самомъ Армавирѣ, кромѣ существовавшаго сельскаго суда, будетъ открытъ Окружный словесный судъ Урупскаго округа и что разбирательство дѣлъ въ этомъ судѣ послѣдуетъ съ 14 Января 1869 года. Всѣ важнѣйшія дѣла, рѣшавшіяся раньше тхамадой, должны были перейти во вновь образованный правительственный судъ.

Собственно армавирскимъ народнымъ судомъ было постановлено въ 1869 году 47 рѣшеній. Это были главнымъ образомъ иски по долговымъ обязательствамъ и въ меньшемъ числѣ по другимъ правонарушеніямъ имущественнаго характера. Было лишь одно уголовное дѣло нанесеніе побоевъ. Судъ по прежнему относился съ крайнею осторожностью къ присягѣ. Присяга служила неопровержимымъ доказательствомъ, а приложеніе къ дѣлу „собственныхъ перстовъ“ очень важнымъ процессуальнымъ актомъ. Но особенно знаменательнымъ является то обстоятельство, что армавирскіе судьи никакъ не могли отрѣшиться отъ своихъ старинныхъ обычныхъ правъ въ дѣлахъ правосудія. Въ числѣ рѣшенныхъ дѣлъ оказались иски на сумму и въ три рубля и въ 1600 рублей. Армавирскіе судьи не считались съ размѣромъ нековъ, выходившихъ изъ области ихъ юрисдикціи по русскимъ законамъ.

Старинные обычаи и даже взаимоотношенія между армянами и черкесами никакъ не могли выдти изъ обычнаго теченія жизни. Слѣдующее оригинальное дѣло является прекраснымъ показателемъ въ этомъ отношеніи.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ армавирецъ Григорій Шахановъ далъ, подъ поручительствомъ армавирца Якова Назарова, родному брату его Тито Назарову и племяннику Бороку Назарову заимообразно на торговые обороты 257 р. Когда послѣдніе, поторговавши въ горахъ, возвращались обратно въ Армавиръ, на нихъ напалъ горецъ Сельмень Туовъ съ товарищами и отнял у нихъ всѣ вымѣнянные у горцевъ товары стоимостью на 450 р. Шахановъ предъявилъ искъ въ судъ и старики присудили, чтобы поручитель Яковъ Назаровъ уплатилъ Шаханову 160 рублей долга, которые въ свою очередь должны были возвратить Якову Назарову его братъ и племянникъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1864 г. былъ покоренъ Западный Кавказъ и Шахановъ узналъ, что черкесы Сельмень Туовъ жилъ

въ аулѣ Хачимзей, Лабинскаго военнаго округа. Въ этотъ аулъ посланъ былъ съ жалобой на Туова одинъ изъ Назаровыхъ, наиболѣе потерѣвшій. По жалобѣ былъ назначенъ судъ изъ трехъ чловѣкъ армянъ и трехъ мѣстныхъ горцевъ, которые и присудили Туова къ уплатѣ прѣхавшему въ аулъ Назарову 210 р. сер. Но два Назаровыхъ, братъ Якова Тито и племянникъ Борокъ раздѣлили эти деньги между собою и ничего не дали ни займодавцу Шаханову, ни поручителю Якову Назарову, между тѣмъ какъ первымъ двумъ, по ихъ расчету, слѣдовало получить одну треть изъ 210 рублей возврата. Тогда Шихановъ и Яковъ Назаровъ обратились къ армавирскому суду, заранѣе предупредивши его, что Назаровъ, вздвигннй въ аулъ Туова, будто бы подговорилъ односельца Семена Давидова, чтобы онъ показалъ подъ ложною присягою, что искомыхъ денегъ не слѣдовало давать истцамъ. Старики, однако, не допустили свидѣтеля Давидова къ присягѣ, но и дѣла не рѣшили окончательно, а постановили произвести подробное слѣдствіе по этому запутанному дѣлу. Слѣдствіемъ было установлено, что поручитель Яковъ Назаровъ былъ женатъ на черкешенкѣ изъ рода Туова и не заплатилъ слѣдуемаго за нее калыма. Почему, Сельмень Туовъ и отнял товары у торговцевъ Назаровыхъ, зная, что за нихъ поручился не исполнившій своего обязательства Яковъ Назаровъ. Судъ же, рѣшившій дѣло Назаровыхъ съ Туовымъ, присудилъ двумъ Назаровымъ торговцамъ 210 р. по такому расчету: 160 рублей имъ Туовъ отдать въ возмѣщеніе такой же суммы, которую они уплатили Якову Назарову за поручительство Шаханову и 50 рублей принадлежало лично торговцамъ въ числѣ отнятыхъ у нихъ товаровъ на 450 р. Братъ Якова Назарова и племянникъ приняли очистительную присягу въ этомъ передъ армавирскимъ судомъ. Когда же предложено было дать такую присягу и Шаханову, то онъ отказался дать. На этомъ основаніи ему отказано было въ искѣ уже въ 1869 году, т. е. послѣ слѣдственнаго выясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ спорнаго дѣла.

Такъ внимательно и строго объективно къ дѣлу отнесся армавирскій народный судъ. Повидимому все дѣло окончилось тѣмъ, что займодавецъ не получилъ огромныхъ процентовъ на занятый имъ капиталъ и сами торговцы, быть можетъ, понесли небольшой уронъ въ прибыляхъ, такъ какъ навѣрное они оцѣнили отнятые у нихъ товары по повышеннымъ цѣнамъ. Самъ же Сельмень Туовъ не былъ подвергнутъ какому-либо наказанію, такъ какъ на сторонѣ его было нарушеніе обычая о калымѣ его противникомъ Яковомъ Назаровымъ.

Такимъ образомъ уже находясь въ русскомъ подданствѣ, армавирскіе армяне продолжали придерживаться юридическихъ обычаевъ и видовъ суда, свойственныхъ собственно черкесскому быту. Въ отмѣченномъ случаѣ армяне и черкесы обратились къ третейскому суду, составленному изъ равнаго числа представителей

отъ обѣихъ національностей, а рѣшеніе армавирскаго суда было санкціонировано очистительной присягой. Присяга имѣла одинаково важное юридическое значеніе въ судебныхъ процедурахъ какъ у черкесовъ, такъ и у армянъ. Последніе собственно слѣдовали кореннымъ черкесскимъ обычаямъ въ этомъ отношеніи. Были два вида присяги—присяга суду и присяга для суда. Въ первомъ случаѣ тяжущіеся давали суду присягу въ томъ, что они подчиняются его рѣшенію. Этотъ видъ присяги былъ позднѣйшаго происхожденія и вызывался тѣмъ, что, при патріархальныхъ формахъ суда, державшихся исключительно на одномъ обычаяхъ, не было органовъ, которыми приводились бы въ исполненіе рѣшенія суда. Такъ было у черкесовъ, такъ велось дѣло у армянъ. Тяжущіеся давали клятву не по существу дѣла, а самому суду, какъ судебной инстанціи. У черкесовъ до сихъ поръ еще сохранился мѣстами этотъ обычай новѣйшаго образованія, а у армавирцевъ слѣды отъ него уцѣлѣли въ писанныхъ матеріалахъ армавирскаго народнаго суда. Въ послѣднее время клятвенныя обѣщанія этого рода замѣнились простой поднеской тяжущихся въ подчиненіи судебнымъ рѣшеніямъ, каковъ бы ни былъ исходъ дѣла. Такъ, въ 1870 году армавирцы Петръ Поновъ и Касаръ Алавердовъ, подравніеся другъ съ другомъ, при чемъ первый побилъ второго, дали предварительно Армавирскому сельскому суду поднеску въ томъ, что какое бы не послѣдовало рѣшеніе судей, они безирекословно подчиняются ему и не станутъ возбуждать жалобъ о дальнѣйшемъ движеніи дѣла въ судебныхъ учрежденіяхъ. Послѣ этого армавирскій судъ, рѣшеніемъ своимъ отъ 7 декабря, постановилъ взыскать съ Понова, какъ зачинщика драки и главнаго виновника ея, тяжело оразивнейся на побитомъ Алавердовѣ, 27 рублей въ видѣ штрафа. Но и потерпѣвшій Алавердовъ, какъ участвовавшій въ дракѣ, не получилъ ничего изъ этихъ денегъ въ вознагражденіе; штрафъ обращенъ былъ въ общественыя суммы.

Другой видъ клятвы присяга по самому дѣлу или присяга очистительная, существовала у черкесовъ и армянъ съ незапамятныхъ временъ и имѣла характеръ древнихъ родовыхъ обрядовъ. Такую клятву давали и подсудимые, и ихъ свидѣтели, и тѣ лица, на которыхъ указывала противная сторона или судъ, какъ на людей, заслуживавшихъ безграничнаго довѣрія. Это былъ обычай родового быта, когда родовичи клялись другъ за друга и за весь родъ, какъ за себя. И этотъ обычай сохранился у армянъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ.

Когда же дѣятельность армавирскаго народнаго суда была сведена къ разбору мелкихъ имущественныхъ дѣлъ и малозначительныхъ неурядицъ, тогда само собою стало ненужною очистительная присяга, какъ торжественный актъ, связанный съ дѣлами серьезнаго бытового характера. Такъ 1876 году изъ 102 рѣшеній суда 41 постановленіе было сдѣлано о взысканіяхъ долговъ по векселямъ

и словеснымъ договорамъ, 27 рѣшеній относилось къ дѣламъ по найму на работы для пастьбы скота, уборки хлѣба и пр., 6 рѣшеній по потравамъ. Большинство исковъ было возбуждено по имущественнымъ дѣламъ и, напр., въ числѣ 6-ти рѣшеній по убыткамъ въ хозяйствѣ, одно дѣло состояло въ неумышленномъ пораненіи коровы, другое въ несвоевременномъ исполненіи работъ и т. п. Изъ 18-ти дѣлъ уголовного характера 10 рѣшеній было постановлено по дракамъ и побоямъ, 3 по мошенничеству, при чемъ въ одномъ случаѣ продана была хозяйская овца, въ другомъ овца была зарѣзана безъ вѣдома хозяина и въ одномъ обманомъ была взята шапка, 2 рѣшенія касались ругательства и 3 увоза тайкомъ чужаго сѣна со степи. Особенно мелки и малозначительны были имущественныя правонарушенія. Въ 1877 году одинъ армавирецъ жаловался суду на сосѣда, что его буйволъ поломалъ ему огорожу, другой предъявилъ искъ къ сосѣду въ поломкѣ его бугаемъ сада, третій жаловался на саножника, что у него лопнули новые саногы, спитые саножникомъ, четвертый просилъ вознагражденія за убитаго по неосторожности теленка и т. п. Само собою понятно, что во веѣхъ такихъ случаяхъ торжественный актъ очистительной присяги былъ просто не умѣстенъ, какъ по очевидности нѣкоторыхъ правонарушеній, такъ и по малозначительности ихъ.

Тѣмъ не менѣе дѣла по семейнымъ обычаямъ и домашнему быту армянь продолжали носить въ рѣшеніяхъ семейнаго суда армавирицевъ яркую окраску былыхъ патріархальныхъ взаимоотношеній армянскаго населенія. Въ 1875 году было рѣшено судомъ два характерныхъ въ этой области дѣла. Въ одномъ случаѣ Семенъ Каспаровъ заявилъ жалобу суду на Карапета Каспарова, обвиняя послѣдняго въ томъ, что двѣ недѣли тому назадъ, въ ночное время, онъ сманулъ 14-ти лѣтнюю дочь его Задыкъ выдти за него тайно замужъ и увелъ ее изъ отцовскаго дома, чѣмъ нанесъ ему оскорбленіе и нарушилъ спокойствіе въ семьѣ. Отвѣтчикъ призналъ наличность этого факта, но утверждалъ, что его невѣста была на то согласна и что отецъ отобралъ ее у него безприсяжно. Судъ, какъ говорится въ его рѣшеніи, „въ виду искорененія безпорядковъ въ отношеніи тайнаго вступленія въ бракъ,“ постановилъ оштрафовать Карапета Каспарова 15 рублями въ пользу общественныхъ доходовъ.

Съ этимъ дѣломъ было связано и другое. Оштрафованный Каспаровъ въ свою очередь пожаловался суду на Цукъ Айдинова, который побилъ его безъ всякой вины съ его стороны и порвалъ на немъ суконную черкеску. Айдиновъ объяснилъ суду, что, замѣтивши, какъ Каспаровъ, подсылалъ своихъ пріятелей въ садъ Семена Каспарова, чтобы увлечь тайно въ замужество дочь его Задыкъ, онъ схватилъ подвернувшася ему Карапета Каспарова за руку, а тотъ такъ рванулся при этомъ, что разорвалъ на себѣ черкеску. Судъ нашелъ, однако, что Айдиновъ не имѣлъ права

задерживать на улицѣ Карапета Каспарова и присудилъ заплатить послѣднему 3 рубля вознагражденія за порванную черкесску, а „за сочиненіе драки“ онъ оштрафовалъ того же Айдинова 2 рублями въ пользу общественныхъ суммъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ явственно сказалось сплетеніе старинныхъ народныхъ обычаевъ съ новѣйшими юридическими понятіями. Если въ первомъ случаѣ судъ и не поощрилъ Карапета Каспарова въ древнемъ обычаѣ умыканія невѣсты, то во второмъ косвенно онъ сталъ какъ бы на защиту того же Каспарова и въ томъ же проступкѣ, основываясь на томъ формальномъ признакѣ, что Айдиновъ пытался задержать Каспарова на улицѣ, признавши въ самомъ фактѣ задержки нарушеніе личныхъ правъ Каспарова.

Такъ постепенно ослабѣвали и мѣнялись старинныя армянскіе обычаи и связанныя съ ними юридическія понятія. Наличие согласія невѣсты на тайное ея похищеніе избавляла отъ уголовной отвѣтственности жениха. Но судъ нашелъ уже ненормальнымъ самый фактъ такого заключенія браковъ, окрашенный въ старину ореоломъ удали и отваги молодежи. Жизнь мѣнялась, но она продолжала еще таить послѣдніе растки старины въ тѣсномъ кругу семейнаго быта и нравовъ.

IV.

Семейный бытъ и нравы населенія.

Семейный бытъ и нравы населенія, какъ и все въ человѣческой жизни, подвержены безконечнымъ измѣненіямъ. Прошлое въ нихъ проявляется въ видѣ разнаго рода переживаній — устарѣлыхъ обычаевъ и отживающихъ нравовъ, а настоящее воплощается въ измѣненныя формы новѣйшихъ историческихъ теченій. И все это непременно проходитъ черезъ семью, какъ основную ячеичную форму, въ которой, какъ въ общемъ горнилкѣ, и перерабатывается. Семья служитъ какъ бы передаточной инстанціей между духовнымъ творчествомъ и его практическими послѣдствіями. Въ семьѣ дольше, чѣмъ въ обществѣ, сохраняются старинныя обычаи и традиціи. Семья консервативнѣе и упорнѣе, чѣмъ отдѣльныя лица, противостоитъ разрушенію національныхъ особенностей. Въ семью труднѣе и рискованнѣе, чѣмъ въ селеніе или городъ, пробраться чуждому человеку. Въ семьѣ, какъ говорится, все шито-крыто. Словомъ, по своему внутреннему укладу и замкнутости, семья является безусловно консервативнымъ учрежденіемъ, крѣпко привязаннымъ къ историческому прошлому. Все это закрѣпляетъ за семьей особую силу и устойчивость происходящихъ въ ней процессовъ и все это въ высшей степени характерно для семейнаго быта армавирца.

Собственно семья черкесская была буквально таки загромождена національными наслоеніями другого народа. Въ этомъ, конечно,

сказались слѣды историческихъ вліяній черкесскихъ племенъ на армянскую народность. Семья армянина-горца представляла собою какъ бы двустворчатую раковину, въ меньшей половинкѣ которой свѣтлымъ огонькомъ непрерывно тлѣли національныя установленія армянъ, а въ большей половинкѣ, путемъ постепенныхъ отложений, накапливались національныя особенности пріютившаго армянъ народа — черкесовъ. Такъ только и могли совершаться длительные историческіе процессы. Чѣмъ глубже въ отдаленную старину, тѣмъ проща была жизнь людей. Позднѣйшія видоизмѣненія осложняли эту жизнь и, понятно, чѣмъ ближе къ нашему времени она приближалась, тѣмъ больше становилось этихъ осложнений. Къ тому же, по своей численности, армяне составляли ничтожное меньшинство въ ряду коренныхъ черкесскихъ народностей, а по закону воздѣйствія цѣлаго на части, они неминуемо должны были приспособиться къ условіямъ жизни господствовавшей національности.

Первый по времени бытописатель армавирскихъ армянъ Ивановъ рисуетъ армянскую семью въ Армавирѣ, какъ носительницу исключительно черкесскаго уклада жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ армянской семьѣ объяснялись ея члены не на родномъ армянскомъ языкѣ, а на языкѣ черкесовъ, все въ этой семьѣ носили не національную армянскую одежду, а одежду черкесскую, армянская семья жила въ черкесскихъ сакляхъ, окружена была предметами черкесской обстановки, вела хозяйство по черкесскимъ пріемамъ и совершала повседневный оборотъ жизни по черкесскому шаблону. Ничего своего, армянскаго, казалось бы, не должно было сохраниться у поставленныхъ въ такія условія армянъ. И, однако, эта кажущаяся безличной и разбросанная между черкесскими племенами группа людей имѣла свою особую историческую физиономію. Все знали, что это были армяне, а не кто-либо другой, и при всевозможныхъ условіяхъ чувствовалась паличность ихъ національности. Въ чемъ заключались эти трудно условимые признаки? Всецѣло въ непрерывныхъ процессахъ духовной жизни, по скольку она проявлялась въ христіанской религіи и культурныхъ началахъ.

Армяне были крѣпки своею идейною силою, опредѣленнымъ тяготѣніемъ къ духовному міровоззрѣнію, выражавшемуся въ неповѣдуемой ими христіанской религіи. Христіанскій Богъ и таинства связывали во едино этихъ немногочисленныхъ, но стойкихъ по духу представителей древней Гайканіи. Съ христіанскою вѣрою тѣсно соединены были весь внутренний укладъ армянской жизни. Христіанскіе праздники періодически напоминали армянину паличность его національности, гуманныя начала христіанскаго вѣроученія сглаживали грубую дѣйствительность повседневныхъ отношеній, христіанскія таинства связывали въ одно цѣлое исполнявшихъ ихъ людей и христіанскій бракъ, какъ важнѣйшее въ жизни таинство, были краеугольнымъ камнемъ національнаго единства армянъ въ черкесскихъ горахъ. А все это было необходимою принадлежностью армян-

ской семьи и изъ нея, какъ первоисточника въ народномъ быту, исходило въ видѣ руководящихъ стимулирующихъ началъ.

Съ другой стороны, горекіе армяне были культурнѣе черкесовъ. При наличности у обѣихъ народностей родового быта, армяне прошли уже извѣстныя стадіи культурнаго развитія и стояли на болѣе высокихъ ступеняхъ культурной лѣстницы, чѣмъ черкесы. Они усвоили уже исторически нѣкоторыя культурныя начала, пріучившія ихъ къ высшимъ формамъ экономической дѣятельности. Такова была ихъ торговая роль въ экономической жизни и воспитательное значеніе въ институтѣ аталычества, какъ объ этомъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ. Примитивныя формы торговли, какъ способы получения матеріальныхъ средствъ, стояли несравненно выше и были далеко надежнѣе, чѣмъ военные набѣги и грабежи, разсчитанные на добычу. Естественно, что въ области экономической жизни черкесы должны были идти на поводу у небольшой группы армянъ. Такъ, о чемъ мы знаемъ уже, и было въ дѣйствительности. А культурно-экономическія преимущества армянъ создали имъ одновременно особое почетное положеніе въ черкесскихъ народныхъ судахъ и въ черкесскомъ институтѣ аталычества. И опять таки все это хранилось и переходило изъ армянской семьи, какъ основной культурной формы, заключавшей въ себѣ элементы воспитанія и для самаго армянина.

Вотъ почему въ армянской семьѣ удивительнымъ образомъ сгласились внѣшнія формы черкесскаго народнаго быта съ внутреннимъ содержаніемъ армянскаго духовнаго творчества. Армянинъ всегда былъ черкесомъ по внѣшности и армяниномъ по духу.

Различія этого рода отражались прежде всего на характерѣ взаимоотношеній между старшими и рядовыми членами семьи. Въ суровыя времена черкесской исторіи, черкесъ, какъ глава семьи и дома, не только пользовался правомъ безграничнаго главенства, но могъ прогнать и даже казнить свою жену, при наличности извѣстныхъ условій. Армянину христіанскій законъ не давалъ такихъ правъ, и женщина армянка, ведя такую же затворническую жизнь, какъ черкешенка, пользовалась болѣею свободою и независимостью сравнительно съ черкешенкой въ области какъ хозяйственной, такъ и семейной жизни. То же надо замѣтить и относительно дѣтей. Родители у черкесовъ могли продавать и продавали своихъ дѣтей въ рабство и неволю. У горекихъ армянъ никогда этого не было. Но, наряду съ этими рѣзкими отличіями, семейный бытъ и нравы у армянъ построены были по черкесскимъ образцамъ и формамъ, и вся внѣшняя обрядовая сторона была лишь точнымъ снимкомъ съ черкесскаго быта.

Въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, по описанію г. Иванова, домашніе обычаи армавирцевъ ничего общаго не имѣли съ обычаями другихъ армянъ, а были точнымъ снимкомъ съ черкесской жизни. Армавирскіе дѣвушки пользовались до замужества полною свободою

и участвовали вмѣстѣ съ юношами въ общественныхъ забавахъ и увеселеніяхъ. Съ выходомъ замужъ положеніе женщины радикально измѣнилось. Она запиралась въ свою комнату, какъ въ келью, и днемъ никому не показывалась на глаза, пряталась даже отъ мужа. Мужъ имѣлъ въ домѣ отдѣльное отъ жены помѣщеніе. Если мужъ случайно днемъ заставалъ въ комнатѣ жену, то она закрывала свое лицо и убѣгала на другую половину дома. Принимая гостей, мужъ оповѣщалъ объ этомъ женщину условнымъ стукомъ въ стѣну, чтобы дать имъ возможность во время спрятаться отъ гостей. Все это велось такъ именно, какъ у черкесовъ.

Воспитаніе получали дѣвушки также черкесское. Съ десяти или съ двѣнадцати лѣтъ ихъ зашивали въ кожаный корсетъ, чтобы придать особую стройность стану. Корсетъ этотъ дѣвушка не снимала до самаго замужества и женихъ освобождалъ ее отъ него только въ первую брачную ночь, разрѣзая его на груди лезвіемъ кинжала. Самый выходъ замужъ дѣвочки былъ обставленъ очень сложными и стѣснительными условіями. Были особые сваты или посредники по заключенію браковъ, условливались на счетъ калыма или платы за невѣсту, строго соблюдали цѣлый рядъ разнаго рода обрядностей. Такъ, между прочимъ, по словамъ г. Иванова, посредникъ по сватовству обязанъ былъ раздѣть и убрать невѣсту. Брачный же нарядъ невѣсты состоялъ изъ шелковаго или шерстяного платья, головной круглой шапочки, обшитой позументами, изъ серебряннаго пояса, браслетъ и колець. Послѣ совершенія брака священникомъ, посредникъ отводилъ невѣсту въ домъ жениха и, послѣ поздравленія жениха и невѣсты, онъ сопровождалъ ихъ и въ брачную комнату. Здѣсь, въ присутствіи жениха, онъ раздѣвалъ его жену и, забравши въ свою пользу все бывшія на ней украшенія, оставлялъ потомъ ихъ однихъ.

Съ перваго же брачнаго дня молодую женщину превращали буквально таки въ затворницу. Она не должна была выходить изъ дома даже къ близкимъ своимъ родственникамъ и тѣмъ болѣе къ чужимъ людямъ. Только подаривши мужу трехъ дѣтей, женщина получала, наконецъ, свободу и становилась въ обычныя условія жизни, а если женщина была бездѣтной, то ея затворничество продолжалось до 7 лѣтъ. Свобода молодой женщины начиналась со дня посѣщенія ею отца, матери и ближайшихъ родственниковъ. Посѣщеніе это обставлялось особыми церемоніями—происходили угощенія, дѣлались посѣдательницы пріивѣтствія и т. п. И чѣмъ торжественнѣе все это совершалось, тѣмъ лестнѣе это считалось для начинавшей новую жизнь женщины.

Что касается мужской молодежи, то и въ этомъ отношеніи соблюдались нѣкоторые своеобразные обычаи. Молодой супругъ былъ свободенъ, какъ птица, но по обычаю онъ не долженъ былъ попадаться на глаза тещю въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Собственно опредѣленнаго срока для этого не полагалось и тещь, какъ старшій, воленъ былъ удлинить или сократить этотъ срокъ, но факти-

чески послѣдній продолжался 3 или 4 года. Когда же оканчивался этотъ своеобразный искусь, тесть приготавливалъ богатый подарокъ для зятя—въ большинствѣ случаевъ хорошо убранныю лошадь, и устраивалъ роскошный по черкесски обѣдъ, къ которому приглашались и другіе родственники. Зять точно такимъ же образомъ отдавалъ тестя, устраивалъ для него и родственниковъ обѣдъ, и съ этого дня на всю жизнь завязывались между тестемъ и зятемъ обычныя родственныя отношенія.

Подобно черкесамъ, у армавирскихъ армянъ браки заключались какъ путемъ свободнаго договора сторонъ, такъ и съ помощью умыканія невѣсты. Послѣдній способъ придавалъ своего рода пикантность брачнымъ событіямъ, и молодая дѣвушка, по словамъ г. Иванова, особенно тщеславилась, если женихъ увозилъ ее изъ дому тайкомъ, что несомнѣнно носило своего рода романической характеръ и указывало на удалъ и ловкость жениха. Благодаря этому, и самый обычай похищенія женихомъ невѣсты отличался особою живучестью, несмотря на то, что увозъ невѣсты рѣдко обходился мирно и не сопровождался бурными послѣдствіями. Въ большинствѣ случаевъ между семьями брачующихся становились и другіе претенденты на невѣсту, происходили ссоры и увѣчья, сопровождавшіяся не рѣдко форменнымъ кровопролитіемъ или даже убійствами.

По свидѣтельству г. Иванова, до 1855 года армавирское духовенство напрасно пыталось искоренить этотъ вредный обычай. Армяне были глухи къ увѣщаніямъ духовества. Но въ это время въ Армавирѣ случилось происшествіе, заставившее армавирцевъ серьезно задуматься надъ тѣми неурядицами и зломъ, которыя порождались обычаемъ тайнаго похищенія невѣсты.

Армавирецъ Барсегъ-оглы, разсказываетъ г. Иванова, имѣлъ дочь Анойшъ, считавшуюся первою красавицей въ аулѣ. Анойшъ была рѣзвою, умною и умѣницею постоять за себя дѣвушкою, безъ которой въ Армавирѣ не обходилось ни одно общественное увеселеніе молодежи. Молодые люди одинъ передъ другимъ старались обратить на себя вниманіе красавицы при танцахъ, скачкахъ и джигитовкѣ на лошадахъ. У Анойши, поэтому, было много искателей ея руки. Однако, самъ отецъ ея отказывалъ всеѣмъ женихамъ Анойши, хорошо зная ей цѣну. Но явился къ нему богачъ Абкаръ-оглы и предложилъ крупный калымъ за его дочь. Барсегъ принялъ это предложеніе. Анойши не было извѣстно это обстоятельство и, на одномъ изъ увеселеній молодежи, она въ свою очередь дала согласіе на бракъ армавирцу Агаронъ-оглы, который ей нравился больше другихъ юношей. Когда же она узнала, что она не только просватана за Абкара, но что черезъ недѣлю назначенъ былъ и день ея свадьбы, то, улучивши удобную минуту, извѣстила объ этомъ Агарона и потребовала, чтобы онъ тайкомъ увезъ ее, если только онъ любитъ ее. Агаронъ считался удалыцемъ въ рядахъ молодежи и успѣлъ такъ искусно похитить свою невѣсту, что, какъ говорится,

и слѣды ея простыль. Напрасно Абкаръ, его пріятелн, самъ Барсегъ и его слуги пытались отыскать слѣды, куда исчезла Анойшъ. Все были убѣждены въ томъ, что ее похитилъ какой-либо уздень удалецъ съ шайкою ловкихъ набздинокъ черкесовъ. Но вдругъ Абкаръ-оглы узнаеть, что его невѣста преспокойно живетъ въ домѣ Агарона-оглы, похитивнаго ее.

Дѣло приняло сразу крутой оборотъ, грозившій худыми послѣдствіями. Похищена была чужая невѣста, которую не только по всемъ правиламъ обычая просватать самъ ея отецъ, но и взять уже за нее часть калыма. Обезкураженный Барсегъ отправился къ армавирскому старшинѣ и просилъ его помочь горю. Старшина рѣшилъ подвергнуть это дѣло суду всего Армавирскаго общества и община созвала для этого сходъ, который своимъ приговоромъ и могъ наказать примѣрно похитителя чужой невѣсты, если онъ окажется виновнымъ. Обычай утратилъ уже прежнее свое значеніе и армавиры стали разбираться въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его. Въ этотъ же день немедленно состоялся сходъ всего Армавирскаго общества. На это торжественное судилище былъ призванъ главный виновникъ происшествія Агаронъ-оглы. Онъ откровенно разсказалъ все, какъ ни онъ, ни Анойшъ не знали, что она просватана за Абкаръ-оглы, какъ Анойшъ согласилась на бракъ съ нимъ, Агарономъ, и какъ потомъ сама она потребовала, чтобы онъ похитилъ ее и назначила для того условный часъ въ глухую темную ночь. Тогда армавиры пригласили на сходъ Барсегъ-оглы, Анойшу и Абкаръ-оглы. Когда передъ судилищемъ оказались на лицо оба жениха и невѣста, хитроумные армавиры спросили прежде всего Анойшу: кого изъ двухъ претендентовъ она предпочитаетъ избрать женихомъ. Краснорѣчивымъ жестомъ Анойшъ указала на Агаронъ-оглы. Судьи поняли суть дѣла. Убѣжденные въ томъ, что Анойшъ и Агаронъ дѣйствовали по взаимному влеченію другъ къ другу, они не признали ловкаго жениха виновнымъ въ насильственномъ похищеніи своей невѣсты и поступили, какъ истые мудрецы. Своимъ рѣшеніемъ судьи постановили выдать замужъ Анойшу за Агаронъ-оглы, форменному жениху Абкаръ-оглы они предоставили право взыскать съ противной стороны все матеріальныя убытки, понесенныя имъ, а счастливому его сопернику Агарону предложили внести эти убытки, въ размѣрѣ 300 рублей, Барсегу для возмѣщенія имъ претензій Абкаръ-оглы. А чтобы не повадно было и другимъ воровать невѣсты, общество оштрафовало 50 рублями удалца Агарона. Агаронъ охотно согласился на все эти условія и дѣло было разрѣшено миролюбиво ко всеобщему удовольствію.

Самъ по себѣ этотъ случай принесли такъ по дунѣ армавирицамъ, что они обратили его въ новый обычай. Постановлено было, чтобы дѣвушка выбирала сама себѣ жениха. Съ этою цѣлью свать, непросивши предварительно согласіе у родителей дѣвушки на выдачу ея въ замужество за указаннаго имъ жениха, долженъ былъ

отправиться въ домъ послѣдняго и взять у жениха нѣсколько золотыхъ монетъ въ подарокъ невѣстѣ. Монеты эти онъ относилъ въ домъ невѣсты и здѣсь, въ особой комнатѣ, въ присутствіи родителей, ближайшихъ родственниковъ и самой невѣсты, онъ объявлялъ о причинѣ своего прихода, излагалъ желанія родителей жениха и ихъ родственниковъ и затѣмъ подносилъ на блюдѣ принесенныя имъ золотыя монеты. Если невѣста брала монеты, то это означало, что она согласилась выдти замужъ за жениха; если же она отказывалась отъ подарка, то это означало отказъ ея и жениху. Посредникъ немедленно уходилъ и никто уже не имѣлъ права принуждать ее къ выходу замужъ за человѣка, отъ подарка котораго она отказалась.

Такъ разумно было измѣненъ у армяно-гасевъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ обычаевъ, но не скоро стерлись окончательно отъ него слѣды въ жизни. Въ судебныхъ дѣлахъ армавирцевъ остались характерные случаи этого рода переживаній. Какъ видно изъ рѣшенія армавирскаго словеснаго суда 25 декабря 1871 года, пять армавирцевъ „въ глухую полночь самовольно ворвались въ домъ Матвѣя Каракашева, съ намѣреніемъ взять насильно дочь его, вдову Анну“, въ замужество. Но не найдя ее здѣсь, они самовольно также ворвались въ домъ юнкера Багдасара Каракашева и отсюда насильно выволокли ее во дворъ и повели въ домъ Терзіева. По дорогѣ къ этому дому ихъ настигъ помощникъ старшины и отнял Анну, воспрепятствовавши такимъ образомъ насильственному браку. Въ Январѣ 1872 года армяне Богосъ Ивановичъ и Артемъ Муратовъ дали подписку Армавирскому сельскому суду о полномъ подчиненіи его рѣшенію по дѣлу „о кражѣ Ивановичемъ невѣсты, дочери Муратова“. Въ томъ же 1872 году у Аслана Каспарова два раза покушались украсть дочь его, 15 лѣтнюю Зартыръ, сватавшійся за нее Моисей Каспаровъ, при участіи Давида Куенкова и Огана Шаханова. Было установлено, что однажды эти лица утащили дѣвицу изъ дому, а въ другой разъ они хотѣли снять ее съ дрогъ, когда она ѣхала со свадьбы домой. Похитители, однако, утверждали, что на это была согласна сама Зартыръ, что она передала жениху кольцо въ 25 рублей и пр. Но въ то время дознано было, что Зартыръ, уѣзжая со свадьбы, просила нѣсколько человѣкъ проводить ее домой изъ опасенія, что по пути на нее произведутъ нападеніе охотившіеся за нею женихи. Сами похитители не отрицали своихъ поступковъ и ссылались лишь на адаты, освящавшія подобныя дѣянія въ старину. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, общественное мнѣніе и судъ были на сторонѣ женщины, какъ страждущаго элемента.

Измѣненія обычаевъ и судебныхъ приговоровъ шло въ этомъ направленіи. При малѣйшихъ правонарушеніяхъ судъ всегда становился на сторону женщины. Особенно заботливо онъ охранялъ права матери. Такъ, въ 1868 году Армавирское сельское управленіе

просило нахичеванскую полицію розыскать и отправить въ Армавиръ жителя его Антона Донгулова, издавна жившаго въ Нахичевачи и помогавшаго изъ своихъ заработковъ матери Маріи Донгуловой, но въ послѣднее время переставшаго исполнять эту сыновнюю обязанность. Въ 1872 году четыре брата дали Армавирскому словесному суду подлинску, что одинъ изъ нихъ будетъ содержать и кормить до выхода замужъ сестру, а трое другихъ будутъ давать на воспитаніе ея 22 р. 50 коп. въ годъ. Приговоромъ 8 августа 1875 года Армавирское сельское общество единогласно постановило выдать одному изъ своихъ жителей безвозвратно сто рублей изъ общественныхъ экономическихъ суммъ, чтобы онъ имѣлъ возможность обезпечить принятую имъ на призрѣніе въ свою семью сестру. Послѣдняя, разрѣшившись тремя младенцами, находилась въ болѣзненномъ состояніи и, какъ беспомощная женщина, не могла добыть средствъ для своего существованія.

Вообще же, несмотря на сильнѣйшее смягченіе суровыхъ нравовъ и обычаевъ, положеніе женщины въ армянской семьѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было еще довольно тяжелымъ. Въ 1877 году Армавирскому словесному суду одна жительница Армавира заявила жалобу на тещу, сильно избивавшую ея дочь. Такъ какъ свидѣтель только слышалъ, что въ домѣ тещи происходила драка, но не видѣлъ, кто кого билъ; то судъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій, признавши домашнюю ссору явленіемъ обычнымъ и ненаказуемымъ. Такой взглядъ самаго суда свидѣтельствовалъ, конечно, о суровости обычныхъ отношеній между женщинами, занимавшими различное положеніе въ семьѣ. Положеніе невѣстки всегда было страдательнымъ. Въ томъ же 1877 году въ другой семьѣ теща Мирамъ обвиняла свою невѣстку Серпину въ томъ, что будто бы она называла ее волшебницей и ругала скверными словами, неприличными женскому полу. Серпина же заявила, что теща Мирамъ билла ея такъ часто и сильно, что доводила тѣмъ до безчувствія и изступленія. Это подтвердили и два свидѣтеля—офицеръ и священникъ, видѣвшіе Серпину избитою до крови. Судъ нашелъ поведеніе тещи жестокимъ, такъ какъ нанося побои невѣсткѣ, она тѣмъ самымъ вызывала ея на ругательства, за что и присудилъ свирѣпую тещу къ 6 днямъ общественныхъ работъ. Но и невѣстку онъ также не пощадилъ, а присудилъ ея къ одинаковому наказанію „за неповиновеніе тещи и ругательства“. Судъ повидному поддерживалъ престижъ старшихъ въ семьѣ, но этотъ престижъ часто проявлялся въ самой грубой формѣ и велъ къ самымъ худымъ послѣдствіямъ. Въ 1871 году было два случая покушенія невѣстокъ на самоубійство изъ за неурядиць такого рода. Въ одномъ случаѣ пыталась утопиться въ Кубани, но была во время вытаскана изъ воды, Софія, жена Хачика Капрелова, покушавшаяся на самоубійство, велѣдствіе притѣвленій ея старшею невѣсткой, „уличавшей будто бы ея въ непотребствѣ и другихъ проступкахъ противъ семейныхъ нравъ“. А

въ другомъ случаѣ невѣстка Егора Каладжева Марія также бросилась въ Кубань, но была вытѣнена двумя армавирцами. Причиною покушенія послужили „угрозы и ругательства свекра ея за порчу двухъ чекменей, взятыхъ у постороннихъ лицъ для питья“. Свекоръ напугалъ ее тѣмъ, что за порчу чекменей ее вышлютъ за карауломъ въ Прочноокопъ къ мировому судѣ.

Все это, конечно, такіе случаи, какіе могли встрѣчаться въ семьѣ не однихъ армянъ, но любой національности. Однако, они свидѣтельствуютъ о тѣхъ внутреннихъ процессахъ, которые, въ слѣдъ за измѣненіями обычая, происходили въ семьѣ. Женщина становилась свободнѣе и не могла безропотно переносить тѣ утѣсенія, которыя ревниво охранялись въ замкнутыхъ условіяхъ существованія прежней старинной семьи. Новизна лѣзла наружу и направлялась на общественное вниманіе.

Совершались повидимому измѣненія и въ имущественныхъ взаимоотношеніяхъ между разными членами семьи. Эти отношенія до послѣдняго времени носили окраску черкесскихъ порядковъ. Собственникомъ былъ одинъ мужчина, обязанный обезпечить, по принятому обыкновенію, женскій полъ. Имущество, поэтому, распредѣлялось только между мужскимъ персоналомъ семьи. Если сами члены семьи не приходили къ соглашенію, то они прибѣгали къ посредничеству стороннихъ уважаемыхъ лицъ. Вотъ характерный документъ, дающій возможность судить какъ объ имущественныхъ правахъ отдѣльныхъ членовъ семьи, такъ и степени матеріальной обезпеченности достаточнаго по зажиточности армавирца.

Въ ноябрѣ 1869 года избранные братьями Оганесъ и Торосъ Торосовыми посредники—пародный денутатъ Урупскаго военного округа юнкеръ Егоръ Муратовъ, Армавирскій сельскій судья Григорій Шахановъ, юнкеръ Осипъ Кусиковъ и почетные армавирцы Егоръ Сеферовъ, Артемъ Каспаровъ и Борисъ Назаровъ составили слѣдующій раздѣльный актъ.

Послѣ принятія присяги братьями Торосовыми, они объявили составъ принадлежащаго имъ имущества въ такой оцѣнкѣ: турлучный домъ о четырехъ комнатахъ и съ обстановкою внутри, амбаръ, плетневая конюшня, пристройка для сѣнки хлѣба, курятники и пр. стоили 615 рублей, лавка въ ст. Лабинской 160 р., четыре быка 155 р., двѣ кобылицы съ жеребятами 70 рублей, наличными деньгами было 601 р., кредита за должниками 790 р. 43 к., что въ общемъ итогъ составляло сумму въ 2033 р. 33 к. Независимо отъ этого, братья были должны другимъ лицамъ 357 р. 77 к.

По рѣшенію посредниковъ, Ованесу, какъ старшему брату, отданъ былъ домъ съ частью построекъ всего на сумму 1195 р. 71 коп., съ погашеніемъ половины кредита, т. е. 178 р. 88 коп. Второму младшему брату предназначено было остальное имущество, стоившее также 1195 р. 71 коп., съ погашеніемъ другой половины долга въ 178 р. 88 коп.

Остальное имущество, не вошедшее в эту развертку, поделено было между братьями таким образом: хлеб посредники поделили по числу дунг в каждой семье, а сено и дрова пополам. Кроме того жена Оганеса получила корову и ее сынов жеребенка стригуна, а младшему Торосову досталась лошадь с сядлом.

Таким образом, судя по этому делению имущества на две равные части, в основу раздельного акта положена была семья каждого брата, а не количество числившихся в ней лиц. Отступление в пользу последних было сделано только для одного хлеба, как главного пищевого продукта, разделенного по ртам.

Но этим, конечно, не обезпечивалось еще имущественное положение того или другого члена семьи. В делах Армавирского архива сохранились указания на то, что и в этом случае на главном месте стояли интересы семьи, как целого, и затѣм остальных членов. Во всех случаях отдавалось преимущество мужскому полу, затѣм матери и затѣм уже остальному женскому персоналу. Так, при решении отлученного выше дела тещи Мирам с невесткой Серпиной, судья приказал одному сыну с женой его Серпиной выдти из дому и жить отдельно, а матери Мирам жить при младшем сыне. „Если же, говорится в решении суда, Мирам Назарова будет обращаться также и с младшим сыном и невесткою, то будет наказана по силе ст. 102 полож. о крест., вышешю мѣрою розгами, а если она выйдет замуж, то имущество должно быть разделено по ровну между двумя сыновьями“. Таким образом, писанный закон внес розгу в семейные отношения, а обычное право осталось на стороне равновѣрнаго деления имущества между братьями, чтобы в равной мѣрѣ обезпечить материальными средствами две вновь образовавшиеся семьи. В другом случае мать, не желая жить с сыном, вследствие сварливости невестки, просила судью признать за нею право собственности на усадьбу. Сын же указал суду на то, что он владѣлъ усадьбою болѣе 10 лѣтъ и поддерживал ее на свои средства. Вследствие этого судья постановил оставить усадьбу за сыном, обязавши его уплатить матери 60 рублей: если же она останется по прежнему жить при сыне, то освободить его от этого платежа. В этом отношении обычное право армавирцев не исключало участия в имуществѣ, кроме главара-хозяина, и других членов женскаго персонала. В решениях Армавирскаго словеснаго суда за 1870 г. сохранилась подписка дочери дѣвicy отцу, что она получила от него в наследство деньгами 30 рублей и никаких претензій впоследствии не станетъ предъявлять къ нему.

Самое наследство, какъ и у другихъ народностей, отдавалось обыкновенно в опеку, при чем опекунами были какъ старшіе члены в семье, такъ и родственники или сторонніе даже лица. В февралѣ 1876 года вдова Алѣксѣя Попова заявила на сходѣ Армавирскому обществу, „что послѣ смерти мужа я, в декабрѣ

1875 г., галантерейная лавка его осталась запечатанною для охраны имущества и товаров не столько въ интересахъ наследниковъ, сколько кредиторовъ“. Общество, назначивъ опекунами вдову умершаго и одного изъ жителей Армавира, передало имъ имущество „въ полное ихъ владѣніе, которымъ онѣ должны распорядиться по ихнему усмотрѣнію и подѣ собственною ихъ, опекуновъ, отвѣтственностью“. Въ такой формѣ передавались обыкновенно въ опеку все наследственные имущества.

Такъ мѣнялся семейный бытъ у армянъ съ переселеніемъ ихъ въ Армавиръ. Культура быстро шла на смѣну патріархальности. Отжило свое время старинный строй семьи, съ ея затворничествомъ женщины и умыканіемъ невестъ, измѣнились отношенія между полами, перестали платить калымъ, завоеванія женщины въ семейномъ быту шли въ направленіи расширенія ея правъ, какъ хозяйки и матери. Особенно упорно держалось обыкновеніе уплаты калыма, противъ чего боролись и духовенство, и народный судъ, и общественные сходы. Въ 1869 году племянница жаловалась суду на дядю, что онъ силою вынудилъ у ея мужа 35 рублей, какъ калымъ за нея, выдавая ее замужъ вдовой. Дядя объяснилъ, что онъ дѣйствительно взялъ у племянницы 25 рублей, но не какъ калымъ, а какъ вознагражденіе за свои поѣздки въ Пескунскій округъ, гдѣ жила его племянница послѣ смерти ея перваго мужа. Свидѣтели подтвердили фактъ этихъ поѣздокъ, и судъ отказалъ въ искѣ племянницѣ.

Замѣчательно, что эта жалоба передана была въ судъ отъ окружного начальника, которому подали ее нецы и у котораго, очевидно, они рассчитывали найти поддержку, влетая въ дѣло калымъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ о калымѣ издавна служилъ злобою дня у армавирцевъ. По свидѣтельству г. Иванова, армавирская молодежь еще въ первое время существованія Армавира просила свое духовенство избавить ее отъ тяжелаго обычая, по которому они обязаны были, на основаніи устава черкесо-гая Ованеса, платить за невесту сорокъ штукъ бязи. Духовный пастырь обѣщалъ исполнить просьбу молодежи и обратился къ старикамъ. Но послѣдніе упорно стояли за калымъ. По ихъ соображеніямъ, калымъ былъ необходимъ для того, чтобы семьи, выдававшія замужъ своихъ дочерей, прибавляя къ сорока штукамъ бязи столько же съ своей стороны, тѣмъ обезпечивали молодую семью, надѣляя ее подготовленнымъ такъ имуществомъ. Молодому человѣку, не могущему послѣ брака содержать семью и дѣтей, не слѣдуетъ совсѣмъ жениться. „Лучше, говорили они, такому человѣку вести холостую жизнь, нежели увеличивать число нищихъ“.

Представителю духовенства не удалось убѣдить стариковъ во вредѣ обычая и онъ продолжалъ существовать во всей своей силѣ обязательнаго правила еще въ 1855 году. Но впослѣдствіи, подѣ

вліяніемъ духовенства, прогнѣ уплаты калыма выступили армавирскія власти и нѣкоторые изъ почетныхъ стариковъ. Дѣло осложнилось и на очередь былъ поставленъ болѣе широкій вопросъ объ отмѣнѣ всѣхъ адатовъ, имѣвшихъ черкесское происхожденіе и подкладку язычества. Въ походѣ противъ адатовъ, особенно религіознаго характера, оказался и мѣстный архіепископъ Кеворкъ. Его сильнымъ сторонникомъ былъ энергичный армавирскій старшина юнкеръ Кусиковъ, которому и удалось убѣдить Армавирское общество во вредѣ дѣлаго ряда адатовъ, обнимающихъ большею частью религіознообрядовую сторону и имѣвшихъ связь съ семейнымъ бытомъ. По настоянію Кусикова, приговоромъ 24 іюля 1871 года, Армавирское общество отмѣнило цѣлый рядъ адатовъ, касавшихся религіозной обрядности, и въ частности уплаты калыма и умыканія невѣсты.

„Никто, говорится въ этомъ приговорѣ, не имѣетъ права, безъ вѣдома церковнослужителей, брать къ браку дѣвицу тайно“. Точно также не позволялось, послѣ вѣнчанія, отводить брачующихся въ домъ свата или посаженнаго отца, какъ названъ онъ въ приговорѣ, а также раздѣвать невѣсту посаженнымъ отцемъ, въ присутствіи жениха, и получать за этотъ обрядъ снятое съ невѣсты платье и украшенія. Собственно же о калымѣ въ пунктѣ 7-мъ приговора было сказано: „плату денежную или такъ называемый калымъ брать за дѣвицу съ жениха возбраняется“. За нарушеніе этого постановленія виновные наказывались армавирскимъ судомъ.

Такъ пали послѣдніе устои старинной патріархальной семьи армянъ калымъ и кража невѣсты.

Вмѣстѣ съ измѣненіями въ семейномъ быту или измѣненія и въ нравахъ населенія. При жизни въ горахъ, среди военныхъ тревогъ, разбоевъ и грабежей, при господствѣ такихъ обычаевъ, какъ „канлы“, при существованіи рабства и т. п., не было подходящихъ условій для смягченія нравовъ и развитія гуманнѣхъ взаимоотношеній. Съ переходомъ армянъ въ Армавиръ, измѣнились всѣ эти условія и жизнь пошла въ расширеніи культурныхъ нравовъ и привычекъ. Но слѣды прошлаго въ первое время пребыванія армянъ въ Армавирѣ были еще свѣжи, и армавирскому суду приходилось считаться съ этимъ въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній, направленныхъ на искорененіе грубыхъ нравовъ и навыковъ. Въ 1875 году въ Армавирскомъ словесномъ судѣ разбиралось слѣдующее характерное въ этомъ отношеніи дѣло.

Къ Артему Шахбадзеу, во время обѣда, зашелъ сосѣдъ Хамцарцумъ Сермекеневъ и, когда женщины вышли изъ сакли, набросился съ коломъ въ рукахъ на хозяина и, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Пагу, началъ бить имъ Артема. На шумъ прибѣжалъ старикъ Карапетъ Сермекеневъ, отецъ братьевъ, съ обнаженнымъ кинжаломъ, и сталъ кричать, что онъ послалъ сыновей своихъ не бить, а убить сосѣда. Два свидѣтеля показали, что старикъ Сермекеневъ

О. П. Кусиковъ, юнкеръ 3 кв. и б.
волостной старшина.

кричалъ и ругался неприличными словами и одинъ свидѣтель подтвердилъ, что старикъ приближалъ съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукахъ. Отецъ Сермекешевъ, отрицая, что онъ послалъ на драку сыновей и обнажалъ кинжалъ, пояснеть, что къ нему зашли три односельца, сказавшіе ему, что у него во дворѣ должны быть краденные кизеки. Сермекешевъ предложилъ обыскать дворъ, но кизековъ при обыскѣ не оказалось. Когда Сермекешевъ спросилъ предшнихъ односельцевъ, кто имъ сказалъ, что у него во дворѣ находятся краденные кизеки, то они назвали сосѣда его Шахбадзева. Тогда онъ послалъ сына, чтобы тотъ привелъ Шахбадзева для указанія, гдѣ онъ видѣлъ во дворѣ краденные кизеки. Сыновья пошли къ сосѣду и задрались съ нимъ. Также приблизительно показали и сыновья Сермекешева, но одинъ изъ нихъ добавилъ, что, во время драки, у него упали изъ шапки 50 рублей кредитками, которыя и поднялъ будто бы свидѣтель. Судъ напелъ жалобу Шахбадзева правильною, пропажу 50 рублей недоказанною, но присудилъ главному виновнику драки Хампарцума Сермекешева только къ тремъ суткамъ ареста при сельскомъ правленіи. Рѣшеніе какъ бы указывающее на то, что подобные драки не считались въ то время особенно возмутительными случаями правонарушеній противъ личности и семейнаго очага,

Въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ суда не встрѣчаются ни такіе случаи дикой расправы, свойственные нравамъ полудикихъ горцевъ, ни столь снисходительные приговоры суда. Но жизнь по прежнему осложнялась разнаго рода переживаниями, свидѣтельствовавшими о вліяніи на нее старинныхъ, отживавшихъ свое историческое значеніе, нравовъ и обычаевъ. Отличительною чертою переживаній этого рода служило проникновеніе въ народную среду правильныхъ религиозныхъ понятій и просвѣщенія. Противъ ненужной старины, вредныхъ обычаевъ, нелѣпныхъ полуязыческихъ обрядовъ, суевѣрій и невѣжества ополчились и духовенство и лучшіе умы Армавирскаго общества. Сама жизнь и вѣщнія условія ея на столько существенно измѣнились, что становилось совершенно ненужнымъ существованіе всего этого. Ненужнымъ оказалось все то, что вѣками накопилось въ армавирской семьѣ въ духѣ черкесскихъ нравовъ и обрядности. А такую именно областью были дикіе обряды и нелѣпные обычаи, связанные съ отпращиваніемъ религиозныхъ требъ и христіанскихъ обрядовъ.

Х.

Суевѣрія и просвѣщеніе.

Армяне всегда были искренними христіанами, безгранично преданными неовѣдуемой ими религіи. Изъ за вѣры они претерпѣли всевозможныя гоненія включительно до потери отечества. Собствен-

но же черкесами, при непреборимой привязанности къ вѣрѣ отцовъ, поставлены были на Кавказѣ въ особыя условія. Въ теченіе своего долготѣннаго пребыванія здѣсь, имъ пришлось жить среди народностей, допустившихъ къ себѣ христіанъ, но не мирившихся съ открытымъ исповѣдываніемъ Христіанства со времени распространенія ислама. У армянъ въ горахъ не было ни постоянныхъ духовныхъ пастырей, ни храмовъ, ни училищъ, ничего нагляднаго и никого, кто выяснялъ бы имъ истины христіанской религіи и училъ бы правильному пониманію ея таинствъ и соединенныхъ съ ними обрядовъ. Богослуженіе и требы они совершали, поэтому, только временами, періодически, при наѣздахъ со стороны духовенства и безъ надлежащей церковной обстановки. Окруженные черкесами, скорѣе язычниками, чѣмъ мусульманами, армяне привязаны были къ Христіанству однимъ сердцемъ, не постигая вполнѣ христіанской догматики, искренне вѣрили въ завіты Христа, но плохо понимали ихъ. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, у армянъ къ христіанскому вѣроученію примѣшивались языческіе обычаи и дикіе обряды, господствовавшіе у горцевъ.

Къ числу обычаевъ, противныхъ духу христіанской религіи, но тѣсно связанныхъ съ ея обрядовою стороною, принадлежали разнаго рода суевѣрія, погребальные обряды, поминовеніе умершихъ и т. п. Самымъ же дикимъ и жестокимъ обычаемъ глубокой старины былъ несомнѣнно обычай канлы или кровомщенія. Послѣдній не имѣлъ, конечно, непосредственнаго отношенія къ христіанской религіи, но онъ затрагивалъ такія стороны духовной жизни населенія, которыя составляли, такъ сказать, канву христіанскаго вѣроученія.

Подражая черкесамъ, армяне обставляли важнѣйшіе случаи своей жизни обрядами, носившими характеръ языческихъ мистерій. Вотъ какъ относились они, напр., къ умершимъ.

Послѣ смерти кого либо изъ армавирцевъ, разсказываетъ г. Ивановъ, родные, друзья и сосѣди его шли къ нему въ домъ и здѣсь непрерывно, въ теченіе семи или восьми дней подъ рядъ, наполняли жилища криками, стонами и воплями. Что-то дикое и неестественное происходило вокругъ. Присутствовавшіе на перерывъ другъ передъ другомъ старались выказать свою печаль по усопшимъ, но это выраженіе человѣческаго горя проявлялось въ невозможныхъ формахъ. Женщины рвали на себѣ волосы, царапали лицо, раздирали до крови груди, изъязвляли руки и изступленно кричали, вопили и причитали. Мужчины, считавшіе плачь неприличнымъ для себя, наносили удары себѣ, покрывая синяками тѣло и особенно лицо, какъ наиболѣе видную для стороннихъ глазъ область обнаруженія печали.

Такии сценами сопровождалась какъ смерть армавирцевъ, такъ ихъ плѣнь и вообще тѣ или другія несчастія въ ихъ жизни. Армавирцы ходили другъ къ другу въ такихъ случаяхъ не утѣшать, а растравлять наболѣвшія раны и искусственно вызывать изступлен-

ное выраженіе человѣческаго горя. Особенно падки на это были женщины. Онѣ толпами наполняли домъ печали и горя, не оставляя живущихъ въ немъ ни на одну минуту и не давая имъ покоя ни днемъ, ни ночью. Это нелѣпное инсценированіе человѣческаго горя и печалей соединено было съ другимъ обычаемъ старины—съ устройствомъ общественныхъ пировъ или обѣдовъ. Какъ бы въ награду за тѣ потуги и дикіе поступки, въ которыхъ посѣтителю и посѣтительницѣ выражали свою печаль семьямъ, постигнутымъ несчастьемъ, послѣднія обязаны были отвѣчать имъ приличными угощеніями. И эти угощенія носили также своеобразный характеръ.

Обѣды или пиршества армяне устраивали только при особыхъ обстоятельствахъ, преимущественно послѣ смерти лицъ, пользовавшихся почетомъ въ семьѣ и въ обществѣ. Въ такихъ случаяхъ они съ скрупулезною точностью копировали то, что происходило у черкесовъ при аналогичныхъ условіяхъ. Пиръ или обѣдъ устраивался по извѣстному ритуалу и не обходился безъ излишествъ въ ѣдѣ. Горскіе армяне, за исключеніемъ араки--водки изъ проса, не употребляли ни виноградныхъ винъ, ни другихъ напитковъ, и были вообще воздержны и умеренны въ этомъ отношеніи. Но они, какъ и черкесы, были не умеренны и расточительны въ ѣдѣ, разъ она производилась торжественно, при участіи гостей и стороннихъ лицъ. Тогда обычай требовалъ, что бы ни въ чемъ не было недостатка, и часто бѣднякъ рѣзалъ послѣднее свое животное, чтобы довольствоваться имъ въ жареномъ или вареномъ видѣ гостей.

Обыкновенно пиръ происходилъ въ помѣщеніяхъ и на открытомъ воздухѣ, такъ какъ тѣсныя жилища не могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ посѣтителей. Садлись за столы и приспособленія взаимнѣ обѣденныхъ столовъ все въ порядкѣ старшинства, какъ это водилось у черкесовъ, начиная съ самаго старшаго и оканчивая самымъ младшимъ. Въ такомъ же порядкѣ шло и угощеніе. Хозяинъ разносилъ блюда, начиная съ старшаго и угощая каждого особо. Затѣмъ старшій по возрасту или общественному положенію передавалъ блюдо своему сосѣду, тотъ слѣдующему и такъ до конца. Угощенія шли, что называется, въ круговую и оканчивались, когда наѣдались все въ волю или не хватало продуктовъ.

Такимъ образомъ, какъ выраженіе печали и горя, такъ и соединенныя съ нимъ пиршества одинаково отличались неумѣренностью и излишествами.

Но пальма первенства въ этомъ отношеніи несомнѣнно принадлежала обычаю канлы. Тутъ общепринятія человѣческія отношенія переходили въ смертоубійство и изувѣрскіе поступки. Трудно сказать, какъ и когда получилъ начало этотъ обычай, принесли ли армяне его съ собою въ горы или позаимствовали у черкесовъ, но онъ вѣлся въ плоть и кровь черкесо-гаю, который ставилъ его въ иныхъ случаяхъ выше вѣры своей въ Христіанскаго Бога: Г. Ивановъ передалъ въ своемъ описаніи Армавира поразительный слу-

чай страстной приверженности армавирица къ обычаю канлы или, правильнѣе пожалуй, къ тѣмъ причинамъ, которыми вызывался названный обычай.

Однажды къ мѣстному священнику въ Армавирѣ явился шестидесятилѣтній старикъ Шеренъ-оглы и просилъ поисповѣдывать его, такъ какъ, по его словамъ, ему оставалось не долго жить, а онъ долженъ былъ осуществить кровавую месть. Пастырь совѣтовалъ своему прихожанину чистосердечно раскаяться въ своихъ проступкахъ и принять святыя дары, простивши своихъ враговъ.

„Но кто же смоетъ кровь съ моего рода, возразилъ священнику Шеренъ-оглы, такъ какъ я умираю безъ потомства черезъ моего врага, который убилъ единственнаго у меня сына“?

Священникъ убѣждалъ его простить врага, какъ требовала того главная христіанская обязанность.

„Но я не могу этого сдѣлать, продолжалъ Шеренъ. Утолить свою жажду мести и непременно долженъ кровью, и если мнѣ нельзя до тѣхъ поръ, пока я не отомщу своему врагу, удостоиться священныхъ даровъ, то я отказываюсь отъ нихъ и прощу тебя только благословить меня въ дорогу въ горы, гдѣ, можетъ быть, успѣю отомстить, а можетъ быть, останусь на всегда, сдѣлаюсь добычею врага“.

Священникъ рѣшительно отказался дать благословеніе Шерену на такое дѣло и продолжалъ свои увѣщанія.

Армавирецъ искоса поглядѣлъ на пастыря. Глаза его налились кровью, онъ пытался что-то сказать, но не въ состояніи былъ выразить своего негодованія отъ сильнаго душевнаго волненія. Онъ смотрѣлъ въ это время на своего увѣщателя, точно на врага.

„Если ты не хочешь, заговорилъ, наконецъ, Шеренъ, и благословить меня, то я найду и безъ этого себѣ дорогу и доступъ въ горы“.

Долго еще всячески убѣждалъ священникъ упornaго старика въ нецѣлесообразности его поступка и противорѣчій его основнымъ началамъ христіанской религіи, пока не поколебалъ его вѣрны въ необходимость смыть свою обиду кровью врага.

„Ну, хорошо, сказалъ доведенный до изступленія Шеренъ-оглы, заскрежетавъ зубами отъ волненія, если ты говоришь правду, то я рѣшаюсь“.

Съ этими словами Шеренъ подаль руку пастырю, что служило знакомъ прощенія врага. Наставникъ благословилъ тогда армавирица и, совершивъ требуемые религіею обряды, отпустилъ его домой. Вскорѣ послѣ этого Шеренъ-оглы умеръ, унеся въ могилу тайну своего раскаянія.

Тяжело вообще давалась армянскому духовенству эта борьба съ вѣковыми заблужденіями народа. Обычай и суевѣрія глубоко вѣдрили въ жизнь населенія и остались бы непоколебленными, если бы не измѣнились общія условія и историческія обстоятельства.

Пребываніе армянъ въ Армавирѣ совпало съ этими измѣненіями. Дружными усиліями духовенства и почетныхъ, болѣе просвѣщенныхъ представителей отъ самаго населенія удалось, наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ, послѣ тридцатитрехлѣтняго существованія Армавира, добиться того, что сами армавирицы на общественномъ сходѣ осудили дикіе противохристіанскіе обычаи и особымъ приговоромъ отмѣнили ихъ разъ на всегда. Несомнѣнно, что это былъ крупный гражданскій подвигъ.

Мы, нижеподписавшіеся, жители селенія Армавиръ, гласиль, этотъ приговоръ, составленный 24 іюля 1871 года, по предложенію нашего сельскаго старшины юнкера Кусикова, имѣли на общественномъ сборѣ сужденіе „объ отмѣнѣ прежнихъ нашихъ горскихъ обычаевъ или адатовъ, что предлагалъ намъ и архіепископъ Кеворкъ. Настоящимъ шивговоромъ мы постановили.

Въ случаѣ смерти кого либо изъ жителей мужского или женскаго пола и какого то ни было возраста, посѣтитель пожелаетъ едѣлать, по христіанскому обряду, послѣдній прощальный обрядъ покойному, то онъ „долженъ придти въ домъ, съ приличіемъ и умѣренными слезами, утѣшать разслабленныя сердца родственниковъ усопшаго, не раздражая ни родныхъ, ни пришельцевъ громкими рыданіями и ударами по головѣ или въ грудь, какъ это прежде дѣлалось, начиная съ улицы и до самаго двора покойнаго“. Это противно христіанскому обряду и правиламъ, въ которыхъ, на основаніи посланій святыхъ Апостоловъ, говорится, что „не должно рыдать надъ покойниками по язычески, но быть въ смиренномъ утѣшеніи сердца и отдавать послѣдній долгъ прощанія благоговѣнно“.

Въ частности приговоромъ воспрещались длительныя посѣщенія домовъ покойниковъ, какъ это водилось раньше, когда приходившіе въ семью умершаго проводили въ ней цѣлые дни и ночи, а дозволялись лишь краткія однимъ родственникамъ посѣщенія въ теченіе трехъ дней.

Отмѣнялись также субботнія посѣщенія могилъ покойниковъ на кладбищѣ, что считалось раньше закономъ, а разрѣшалось посѣщать кладбище только въ теченіе семи дней, но „и то съ приличіемъ“.

Поминки по умершимъ установлено устраивать въ день погребенія, въ 1-й, въ 40-й дни и по истеченіи года, при непремѣнномъ условіи отсутствія расточительности какъ, водилось это раньше.

Служить обѣдни по усопшимъ положено было по субботамъ, въ 4-й день и по истеченіи года, а также справлять такъ называемый сорокоустъ, но опять таки „безъ расточительности“. Кромѣ этихъ дней, служить обѣдни объ усопшихъ въ другое время, какъ это водилось раньше, возбранялось.

Наконецъ, воспрещено было носить въ домъ усопшихъ разнаго рода кушанья, какъ это дѣлалось изстари, и платье умершихъ за-

мужнихъ женщинъ къ ихъ родителямъ, что сопровождалось прежде плачемъ и рыданіями.

Вообще, говорилось въ приговорѣ, „разъ на всегда воспрещалось какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ чинить старинные обряды по усоннимъ, поступать въ такихъ случаяхъ по правиламъ христіанскаго правовѣрія, а не по язычѣски, и слушать наставленія лишь одного духовенства“.

Этимъ замѣчательнымъ актомъ общественнаго самосознанія въ сущности только узаконялись тѣ перемены, которыя частью совершались уже фактически, а частью выражались въ сильно ослабленныхъ формахъ. Отмѣченному приговору приданъ былъ такой именно характеръ. „Приговоръ долженъ быть соблюдаться свято и ненарушимо“, и нарушителямъ его, кромѣ грѣха передъ Богомъ, грозила отвѣтственность „передъ обществомъ и сельскими властями по свѣтскимъ и духовнымъ законамъ“. Но этимъ не исключалась еще наличность нѣкоторыхъ другихъ безобидныхъ обычаевъ старины.

Таковъ былъ, напр., „курманъ“ или обычай жертвы. Въ праздники или чѣмъ либо замѣчательные дни, народные представители созывали сборъ и на общій счетъ покупали нѣсколько быковъ. Каждый кварталъ отводилъ своего быка въ церковную ограду, гдѣ священникъ благословлялъ его въ жертву, за что и получалъ кожу съ быка. Затѣмъ народъ собирался обыкновенно въ рощахъ и устраивалъ здѣсь нѣчто въ родѣ пира, которое, однако, не сопровождалось ни выпивкой, ни безчинствомъ. Армяне лишь съѣдали мясо и все, что было заготовлено къ жертвѣ.

Пали, однимъ словомъ, только обычай и обряды особенно грубые по обстановкѣ и нелѣпыя по своему духовному значенію. Старина нелегко поддавалась новизнѣ, и бытовая жизнь была еще переполнена мелкими остатками суевѣрія и невѣжества. Армяне продолжали еще вѣрить въ заговоры и гаданье, признавали чудодѣйственныя силы у колдуновъ и колдуній и прибѣгали къ ихъ помощи при болѣзняхъ и несчастьяхъ. Многие въ этомъ отношеніи они переняли отъ черкесовъ. Какъ и черкесы, они гадали на бараньей лопаткѣ и имѣли обыкновеніе вѣшать обглоданныя кости на кольяхъ забора въ базахъ и закутахъ, чѣмъ будто бы ограждался скотъ отъ волковъ. Колдуны и колдуньи дѣлились на добрыхъ и злыхъ. Если кто либо заболѣвалъ или въ домѣ случалось какое-либо несчастье то, по свидѣтельству священника Хозарова, это приписывалось злымъ духомъ и по одной лишь догадкѣ хватали подозрѣваемыхъ и подвергали ихъ испытаніямъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ при болѣзняхъ, которыя населеніе привыкло лѣчить, наоборотъ, знахари и знахарки являлись желательными посредниками между больными и нечистой силой, поселявшей въ людяхъ болѣзнь.

Въ Ставропольскомъ губернскомъ архивѣ сохранился очень интересный документъ, характерный въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Это записъ казачьяго есаула Попова со словъ есаула изъ чер-

кесовъ Шеретлу-оглы о томъ, какъ черкесы и армяне, жившіе въ Новоджереліевской и Переясловской станицахъ пригласили для лѣченія болѣзней „врача и волхва“ Гаджибея Псохотль, жившаго въ землѣ Шапсугскаго племени на р. Анхтырь. Это происходило въ 1851 году, т. е. въ то время, когда шапсуги были непокорнымъ еще племенемъ.

Инициатива приглашенія „врача и волхва“ исходила собственно отъ черкесовъ, а горскіе армяне, какъ свои люди, только примкнули къ послѣднимъ и воспользовались удобнымъ случаемъ. Но фактъ самъ по себѣ одинаково характеренъ для тѣхъ и другихъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ были переселены по дальше отъ Кубани и кордонной линіи въ глубь Черноморіи такъ называемые мирные черкесы—въ станицу Новоджереліевскую, сильно болѣвнше здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ лихорадками и горячкой. Чтобы избавиться отъ этихъ и другихъ болѣзней черкесы и вызвали изъ горъ съ рѣки Анхтырь шапсугскаго „лѣкаря и волхва“ Гаджибея Псохотль. Псохотль поставилъ своеобразный діагнозъ заболѣваній. По его мнѣнію, болѣзни происходили отъ злыхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нечистою силою. Принявши присягу въ томъ, что онъ никого напрасно не обвинитъ въ колдовствѣ, и взявши въ свою очередь присягу съ жителей, что и они не станутъ защищать колдуновъ вредителей, Псохотль началъ розыски послѣднихъ. Каждому изъ жителей онъ велѣлъ принести какую-нибудь носимую имъ вещь. Вещи эти Гаджибей положилъ на ночь себѣ подъ изголовье, а на другой день, будучи совсѣмъ неосвѣдомленъ, кому и какая вещь принадлежала, онъ раздалъ тѣмъ не менѣе всѣ вещи ихъ хозяевамъ; на вещахъ же колдуновъ вредителей онъ поставилъ отмѣтки особыми знаками.

Раздавши вещи, Псохотль приказалъ, чтобы всѣ присутствующіе повязали другъ другу руки и сѣли на землю, затѣмъ знахарь сталъ обходить всѣхъ и развязывать руки, двое оказалось со связанными руками. Это и были чародѣи, виновники народныхъ болѣзней. Торжественно при всемъ народѣ Псохотль сталъ спрашивать чародѣевъ, какую порчу они насылали на людей. Обвиняемые сначала заперлись, но когда онъ сталъ подробно описывать ихъ вредныя дѣянія, точно онъ присутствовалъ при этомъ, то „колдуны повинились и сознались въ содѣянныхъ ими чарахъ“.

Послѣ этого Гаджибей перенелъ къ розыску колдуній между женщинами. Послѣднимъ онъ не вязалъ рукъ, а просто назвалъ пятерыхъ по именамъ.

Дальнѣйшія дѣйствія знахаря состояли въ томъ, чтобы отнять у обнаруженныхъ имъ колдуновъ и колдуній способность вредить народу.

„При полномъ собраніи народа, знахарь взялъ вѣтвь акаціи, отрѣзалъ отъ этой вѣтки палочку длиною въ локоть руки, а толщиною немного потолще ружейнаго помпола; потомъ раскололъ палочку

съ одного конца до половины на четыре части и, воткнувъ въ конецъ палочки клочъ хлопчатой бумаги, обмоталъ оную по всей длинѣ шелковою ниткою. Словомъ, знахарь сдѣлалъ что-то въ родѣ кнети или помазка. Этотъ помазокъ знахарь вникнулъ въ ротъ, весь безъ остатка, каждому вовкулакѣ и каждой вѣдьмѣ порознь. Операция продолжалась надъ каждымъ пациентомъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ часа и на лицахъ пациентовъ не изображалось при этомъ никакихъ страданій“.

„Окончивъ это трудное очищеніе глотокъ, знахарь далъ каждому вовкулакѣ и каждой вѣдьмѣ проглотить какойто сухой травы. Наконецъ, знахарь наказалъ народу, чтобы очищеннымъ такимъ образомъ вовкулакамъ и вѣдьмамъ не давали ѣсть куръ и яицъ сорокъ дней, дабы вредительный ядъ не возвратился къ ихъ претупленнымъ чародѣйственнымъ жиламъ“.

Этимъ якобы Гаджибей Псохотль на всегда лишилъ колдуновъ и колдуній возможности вредить людямъ. Выходило такъ, какъ будто и сами вредители были не злонамѣренными людьми, а какими-то несчастными, въ которыхъ вселилась нечистая сила. Цѣлую недѣлю волхвъ Гаджибей прожилъ въ Новоджереліевскомъ поселкѣ и, въ теченіе этого времени, онъ лѣчилъ жителей поселка декоктами изъ травъ и корней, а также наружными окуриваніями. Такъ какъ тутъ же въ Новоджереліевкѣ и въ сосѣдней станицѣ Переясловской жили и горекіе армяне, переселившіеся потомъ въ Армавиръ, то и армяне воспользовались вмѣстѣ съ черкесами услугами нашеугекаго лѣкаря. Замѣчательно, что повидимому и самъ есауль Шеретлу-оглы вѣрилъ въ чудодѣйственную силу Псохотля, узнававшего по какому-то наитію, кому и какая вещь принадлежала, а есауль Поповъ передалъ свою записку по начальству, какъ что-то особенное.

Армяне вообще любили лѣчиться, имѣли своихъ лѣкарей и практиковали свои собственные способы лѣченія, вынесенные еще изъ горъ. Лучшими врачевателями въ свое время считались въ Армавирѣ Баронъ Азгимовъ и Абрамъ (Петръ) Шахановъ. Они лѣчили преимущественно отъ ранъ и хорошо знали это черкесское искусство. Черкесы, какъ извѣстно, удачно излѣчивали пораненія и раздробленія костей, полученныя въ бояхъ. Больныя мѣста они обливали обыкновенно настоями изъ травъ, перевязывали ихъ, забинтовывали и укладывали раненныхъ въ постель, надавая имъ сутки и болѣе спать и устранивая съ этою цѣлью пѣніе, пляски и пиры молодежи. Также лѣчили отъ ранъ Азгимовъ и Шахановъ. По мнѣнію русскихъ врачей, хорошіе результаты излѣченія ранъ по черкесскому способу получались отъ того, что черкесы умѣли дезинфицировать раны въ то время, когда въ медицинской наукѣ не существовало еще надлежащихъ знаній по этому предмету.

Были у армянъ и другіе способы лѣченія, очень своеобразные также и далекіе, впрочемъ, отъ суевѣрныхъ способовъ и представле-

ній по лѣченію болѣзней. Такъ лѣчили они, напр., отъ лихорадки. Больныхъ лихорадками армяне обыкновенно клали въ ванну и обливали сывороткою, извѣстною у нихъ подъ именемъ „кондуса“, приготовлявшася изъ чистаго молока. Изъ кондуса же они выдѣлывали и сыръ, но какъ лѣкарство онъ считался радикальнымъ средствомъ противъ лихорадки.

Очень своеобразны взгляды армянъ на оспу. Это, по ихъ воззрѣніямъ, такого рода болѣзнь, лѣчить которую грѣшно. Ее считаютъ чѣмъ-то въ родѣ посланницы небесъ, касаться которой нельзя. Все лѣченіе отъ оспы сводится, поэтому, къ тому, чтобы больные не трогали оспы, нечесали и не царапали ея пораненій. Приемъ, конечно, чисто практическаго характера. Но мѣстный священникъ о, Сеферьянцъ записалъ массу подробностей и даже хвалебныхъ народныхъ пѣсень, относящихся къ обычаю лѣченія оспы, отличающихся непонятнымъ суевѣріемъ и свидѣтельствующихъ о глубокомъ невѣжествѣ тѣхъ, кто свято хранитъ этотъ странный обычай.

Просвѣщеніе началось у армянъ вскорѣ послѣ возникновенія Армавира. Оно шло двумя путями со стороны духовенства и черезъ школу.

Первая школа въ Армавирѣ была открыта въ 1847 году, а вторая, „духовная“, возникла въ 1865 году. Въ 1871 году въ первой школѣ училось 35 мальчиковъ, а во второй 65. Но какъ программа ученія, такъ и составъ учащаго персонала былъ одинъ и тотъ же въ обѣихъ школахъ. Было по одному преподавателю русскаго языка, по одному преподавателю языка армянскаго и законоучитель. Учащимся преподавались русскій языкъ, чтеніе, диктовка, переводъ съ русскаго на армянскій языкъ, чистописаніе и арметика. Въ такомъ же объемѣ преподавался и армянскій языкъ, а арметика въ объемѣ только четырехъ дѣйствій. Въ этомъ же году существовала уже и особая женская школа, въ которой преподавались тѣ же предметы и по той же программѣ, что и въ мужскихъ школахъ. Жалованье учителя получали 300 р. въ годъ, учительница русская 250 р. въ годъ и учительница армянка 200 р. Законоучителя обучали дѣтей безвозмездно, но учитель діаконъ, преподававшій армянскій языкъ и отдававшій все свое время школьному дѣлу, получалъ 400 рублей годового содержанія. Образованіе учителя получили почти все въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ надлежащей подготовкой къ педагогической дѣятельности—русскій учитель учился въ Кубанской войсковой гимназій, армянскій - въ армянской духовной семинаріи, русская учительница въ пансіонѣ г. Ревеля и имѣла свидѣтельство на право ученія по учительскому экзамену при Ставропольской мужской гимназій, а учительница армянка окончила Нахичеванское уѣздное женское училище. Для лучшей постановки учебнаго дѣла въ женской школѣ уѣздный начальникъ Ф. А. Кузовлевъ предложилъ Армавирскому обществу выбрать двухъ почетныхъ попечителей, обязанныхъ заботиться о школѣ.

Въ іюнѣ 1875 года Армавирскимъ обществомъ былъ постановленъ приговоръ о преобразованіи сельскаго Армавирскаго училища въ двухклассное. Неотложность этого преобразованія общество мотивировало необходимостью полученія правъ учащимися и съ своей стороны обѣщало содержать училище и снабжать его всѣмъ необходимымъ на счетъ общественныхъ средствъ. Для полученія послѣднихъ общество сдало въ аренду школьный участокъ въ 3000 дес. земли. Въ случаѣ же недостачи арендныхъ денегъ, общество обѣщало черпать средства изъ другихъ источниковъ. Въ слѣдующемъ 1876 году общество избрало двухъ попечителей для мужскихъ училищъ Я. М. Каспарова и для женскаго Е. Джагупова. „Съ нынѣшняго же числа, говорится въ приговорѣ общества по этому поводу, вы, (т. е. попечители), должны имѣть самое тщательное наблюденіе надъ училищами и за дѣтьми“, и что нужно по хозяйственной части, исполнять по вашему усмотрѣнію. „Учитель и учительница должны во всемъ обращаться къ вамъ и вы должны удовлетворять ихъ, какъ можно поспѣшнѣе, совмѣстно съ правителями сельскаго правленія. „Попечители же обязаны были слѣдить за прибылью и убылью мальчиковъ и вести самую строгую отчетность по училищамъ, направляя ее черезъ каждые четыре мѣсяца въ сельское правленіе для дальнѣйшаго представленія ей по начальству. Такимъ образомъ, общественный приговоръ въ одно и то же время былъ и избирательнымъ актомъ пользовавшихся почетомъ лицъ и инструкціей для нихъ.

Приговоромъ 17 января 1894 года Армавирское общество ассигновало единовременно 10,000 рублей на постройку зданій духовно-приходскихъ училищъ. Вторымъ приговоромъ отъ того же числа постановлено было ходатайствовать передъ епархіальною властью о преобразованіи одного изъ начальныхъ училищъ въ училище 2-го разряда. А какъ гласитъ приговоръ отъ 5 мая 1894 года, „Армавирское общество имѣло разсужденіе о томъ, что, какъ слышно изъ газетъ, наше епархіальное начальство имѣетъ предположеніе открыть духовную семинарію въ одной изъ мѣстностей Сѣвернаго Кавказа, населенную армянами... Находясь нѣсколько вѣковъ въ горахъ, среди черкесовъ, большая часть изъ насъ утратила свой родной языкъ, сохранивши лишь вѣру, и въ настоящее время какъ мы, такъ и дѣти наши болѣе, чѣмъ кто-либо другой, нуждаемся въ учрежденіи у себя такого полезнаго учебнаго заведенія, какъ духовная семинарія. Почему уполномочиваемъ купца А. А. Тарасова, священника отца Геворка Сеферьянца и жителя селенія Армавира К. Д. Шахназарова ходатайствовать передъ епархіальнымъ начальствомъ объ учрежденіи въ нашемъ селѣ духовной семинаріи“.

Можно сказать, чѣмъ больше обживались армяне въ Армавирѣ, тѣмъ настойчивѣе они преслѣдовали основныя задачи просвѣщенія. Неграмотные отцы и дѣды молодого поселенія всячески старались о томъ, чтобы дать возможность своимъ дѣтямъ и внукамъ

получить образованіе. Лица, стоявшія во главѣ этого обновительнаго направленія, не упускали ни одного случая, чтобы такъ или иначе расширить образовательныя средства населенія. Участвовали въ этомъ движеніи всѣ—и почетные старики, и заслуженные ветераны Кавказской войны, и выборныя власти, и рядовая масса, по скольку она выражала свои пожеланія въ общественныхъ приговорахъ. Если инициатива тѣхъ или другихъ начинаній въ области народнаго образованія исходила часто отъ отдѣльныхъ лицъ, то окончательное рѣшеніе вопроса всегда зависѣло отъ общественнаго схода. Осуществленіе своихъ намѣреній и практическихъ предначертаній Армавирское общество поручало какъ выборному сельскому правленію, такъ и попечителямъ училищъ. При помощи этихъ исполнительныхъ органовъ въ Армавирѣ систематически и неуклонно появлялись все новыя и новыя учебныя заведенія до классическихъ гимназій включительно.

Такъ насаждалось просвѣщеніе въ Армавирѣ и проникало въ темныя закоулки его населенія, не всегда, быть можетъ, въ такихъ размѣрахъ и формахъ, какъ это желательно было руководителямъ, но всегда, хотя съ задержками и недостатками, въ одномъ и томъ же направленіи поступательнаго движенія.

Существеннымъ тормозомъ въ этомъ отношеніи служилъ, какъ и всюду, недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Не надо упускать изъ виду, что армавирскимъ армянамъ, разучившимся, по ихъ словамъ, даже говорить по армянски, благодаря своей разрозненности въ горахъ и крайнему невѣжеству и некультурности коренной народности—горцевъ, приходилось все строить заново и вести всякое дѣло по непроторенному еще пути. При такихъ условіяхъ, въ общественномъ дѣлѣ могли быть задержки и промахи. Такъ было и съ насажденіемъ въ Армавирѣ школьнаго дѣла.

Въ 1871 году на содержаніе училищъ шло 600 рублей изъ церковныхъ суммъ, 400 рублей изъ общественныхъ доходовъ и 1740 рублей съ учащихся—всего 2740 рублей, а по смѣтѣ требовалось 3714 рублей. Недостающія средства предполагалось пополнять поступленіями отъ продажи прибуднаго скота. Однако, въ 1871 г. возникли серьезныя изъ за этой недостачи затрудненія. Учителямъ не изъ чего было получать жалованье, а плата съ учащихся поступала также очень несправно. Попечитель Армавирскаго начальнаго училища юнкеръ Б. Каспаровъ сообщилъ Армавирскому старшинѣ, что для выдачи жалованья учителямъ не было денегъ и что когда онъ обратился къ родителямъ учащихся съ просьбою внести причитающуюся съ нихъ за обученіе дѣтей плату, то они отказались внести ее за неимѣніемъ денегъ. Тогда попечитель сталъ заставлять дѣтей приносить числившіеся за ихъ родителями долги по школѣ, но дѣти уходили изъ училища и не являлись на ученье по нѣсколькимъ днямъ. Попечитель просилъ старшину „принять законныя мѣры ко взывканію денегъ“ на училище.

Дѣло въ томъ, что армавирицы считали образованіе дѣломъ прежде всего родителей и главную матеріальную ношу общество возлагало, поэтому, на самыхъ родителей. Но въ рядахъ послѣднихъ были люди бѣдные, всячески, однако, стремившіеся къ тому, чтобы обучить грамотѣ и письму своихъ дѣтей. Несвоевременные взносы платы за обученіе отражались неблагоприятно на учебномъ дѣлѣ и прежде всего на жалованьѣ учителей. Въ такихъ случаяхъ сельскія власти, по порученіямъ общества, принимали понудительныя мѣры къ взысканію школьной платы, лишая часто дѣтей возможности учиться. Такъ, приговоромъ 2-го октября 1883 года общество поручило попечителямъ школъ, чтобы они не принимали въ школы дѣтей тѣхъ родителей, которые не внесутъ впередъ за годъ платы за обученіе. И такія постановленія были не единичны, падая въ большинствѣ случаевъ на лицъ бѣдныхъ и малоимущихъ. Только постепенно, по мѣрѣ развитія дѣла, Армавирское общество стало входить и въ положеніе этихъ лицъ и принимать тѣ или другія мѣры, чтобы дать возможнымъ учиться въ Армавирскихъ школахъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей. Такъ, 17 апрѣля 1877 года Армавирское общество постановило освободить отъ платы за ученіе въ мужскихъ и женскихъ училищахъ по одному учащемуся на каждый дворъ, обложивъ остальныхъ дѣтей 12 р. съ учащагося изъ армянской семьи и 20 рублями съ дѣтей иногороднихъ жителей. Другимъ приговоромъ, 29 сентября тогоже 1877 года, общество постановило зачислить во вновь открытое двухклассное училище бѣднѣйшихъ дѣтей, которыя, въ числѣ 38 учащихся, и были поименованы по именамъ и фамиліямъ въ приговорѣ, отнеся плату за этихъ дѣтей на счетъ общественно-церковныхъ суммъ. Допустить же остальныхъ дѣтей въ училище рѣшено было лишь путемъ жеребьевки по одному учащемуся отъ двора.

Вообще же школьное дѣло, какъ и всякое другое въ области общественныхъ нуждъ, армавирицы ставили на чисто практическую почву, примѣняя тѣ или другіе приемы, сложившіеся въ жизни практически, по опыту. Съ перваго же раза съ учительскимъ персоналомъ, приглашеніе котораго общество производило самостоятельно, безъ всякаго участія учебнаго начальства, армавирицы вступили какъ бы въ контрактныя отношенія, заключивши письменныя условія. Особенно много такихъ условій оказалось въ Армавирскомъ архивѣ съ учительницами. Суть этихъ условій была одна и таже и заключалась въ слѣдующемъ:

Третьяго мая 1871 года, общество селенія Армавири и учительницы Анна и Елизавета Никольскія заключили это условіе въ нижеслѣдующемъ:

Общество обязалось платить 500 рублей въ годъ жалованья двумъ учительницамъ, съ выдачею его по третямъ, дать квартиру, съ отопленіемъ и водою, особое помѣщеніе для учащихся дѣвочекъ—залю, и сторожа къ училищу.

Учащіяся должны имѣть свои учебники, бумагу, перья, чернила, карандаши, аспидныя доски и грифель.

Учительницы обязались обучать дѣтей русскому языку, ариѳметикѣ, разнымъ рукодѣльямъ и танцамъ, при чемъ рояль для танцевъ должны были поставить учительницы, но доставить инструментъ изъ г. Ставрополя общество обязалось своими средствами.

Обученіе дѣвочекъ должно было идти непрерывно 10 мѣсяцевъ, съ 1 марта 1871 года по 1 марта 1872 г., съ каникулами отъ 15 іюня по 15 августа.

Учительницы обязались „прилагать къ воспитанію дѣвицъ наилучшіе современно-педагогическіе приемы и обходиться съ ними ласково“.

Ученіе велось во все дни, за исключеніемъ воскресныхъ, годовыхъ праздниковъ и высокаторжественныхъ дней.

Въ этомъ краткомъ перечнѣ взаимныхъ обязательствъ, принаровленныхъ къ учебному дѣлу, заключалась, слѣдовательно, и програмная часть послѣдняго. Все было взвѣшено и учтано, и въ такомъ видѣ заключали попечители школъ и уполномоченные депутаты отъ общества и съ остальными учителями и учительницами, разъ они не принадлежали къ составу казенно-служащихъ. Въ 1877 году Армавирское общество заключило условіе съ учителемъ Саркисомъ Теръ-Саркисьянцемъ, въ силу котораго онъ обязался за 500 р. жалованья преподавать армянскій языкъ въ двухъ школахъ. Если бы Саркисьянецъ не справился одинъ въ обоихъ училищахъ и въ помощь ему потребовался еще учитель, то Саркисьянецъ получалъ только 300 рублей жалованья по одному училищу.

Такія условія или контракты имѣли довольно важное практическое значеніе для дѣла. Ими заранѣе регулировались взаимоотношенія между обществомъ и учительскимъ персоналомъ. Не было ни одного случая, когда сторонами нарушался бы контрактъ или возникали по поводу его какія-либо недоразумѣнія.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда ставленникомъ въ школѣ являлся учитель, назначенный учебной администраціей, взаимныя отношенія между обществомъ или его выборными властями и представителями, съ одной стороны, и учителями, съ другой осложнялись; возникали нерѣдко крупныя недоразумѣнія, касавшіяся какъ неисправностей общества по обезпеченію матеріальными средствами, такъ и небрежнаго или высокоумрнаго поведенія учителей по отношенію къ обществу.

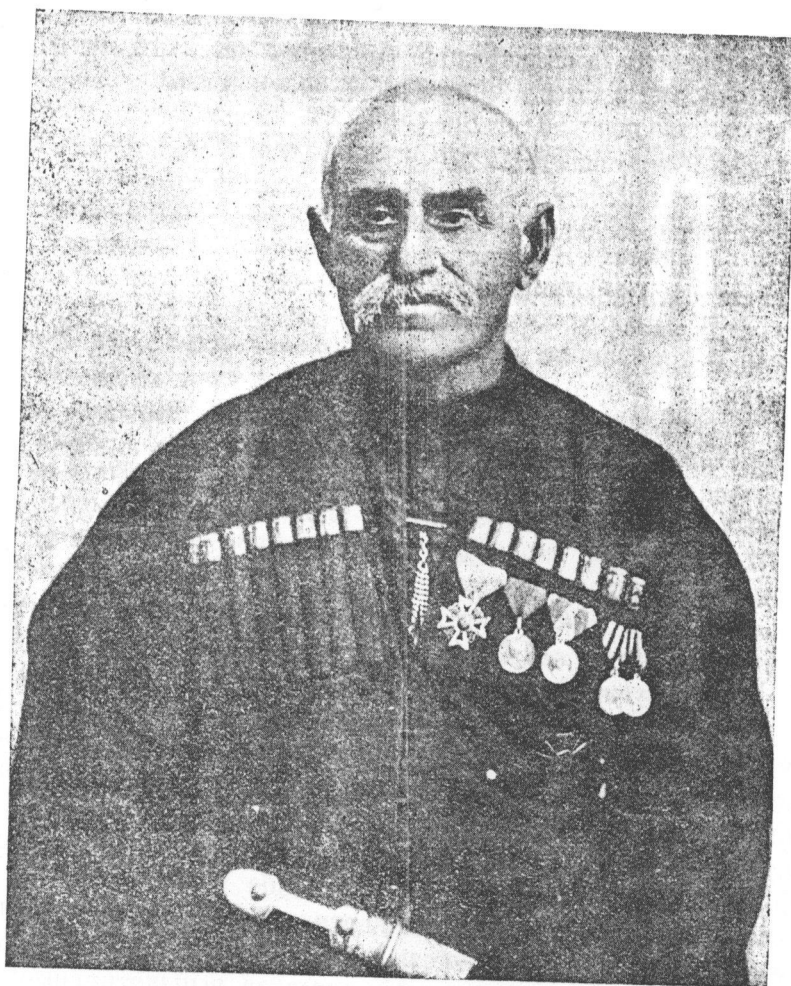
Особымъ приговоромъ въ ноябрѣ 1873 года Армавирское общество, указавъ на то обстоятельство, что „смотритель и учитель приходскаго училища Андрей Варжевъ не занимается своимъ дѣломъ и сварливымъ своимъ характеромъ, при незнаніи дѣла, положительно оттолкнулъ отъ себя учениковъ“, просило начальство удалить Варжева отъ должности и до назначенія дирекціей новаго учителя допустить къ исправленію должности вольнонаемнаго учителя.

Пока шли разслѣдованія, учитель, отставной юнкеръ, въ свою очередь началъ наступать на общество. Въ январѣ 1874 года онъ требовалъ отъ Армавирскаго сельскаго правленія снабдить классы дровами, такъ какъ въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ все мерзло— и учащіеся и учителя, и грозилъ пожаловаться уѣздному начальнику. Въ ноябрѣ того же года Варжевъ писалъ въ правленіе, что училище уже второй день безъ воды и просилъ нанять поскорѣ водовоза. Такъ ли было въ дѣйствительности, какъ писалъ Варжевъ, или же въ его сообщеніяхъ была утрировка, но въ декабрѣ 1874 года на имя старшины Армавира подано было учениками слѣдующее заявленіе.

„Мы, нижеподписавшіеся ученики Армавирскаго начальнаго училища, заявляемъ вамъ, милостивый государь господинъ Куенковъ, что, по предложенію уѣзднаго начальника и по доносу вашему безъ вѣдома родителей, вы получили бумагу о закрытіи училища и объ удаленіи нашего учителя отъ занятій, но такъ какъ мы содержимъ это училище изъ средствъ нашихъ родителей и не на вашъ счетъ, то не желаемъ, чтобы училище было закрыто, а вмѣстѣ съ нимъ мы написали просьбы на васъ начальнику области, директору и уѣздному начальнику, что мы желаемъ имѣть сего учителя и у него учиться. „а что касается до зданія, то наши родители и дѣды строили, а отопленіе доставляемъ сами“.

Неизвѣстно, на сколько самостоятельно или по сочувствію къ удаленному учителю дѣйствовало 38 мальчиковъ, подписавшихся подъ этимъ заявленіемъ, но оставленные большинствомъ ихъ каракули и ошибки въ подписяхъ свидѣтельствовали о низкомъ уровнѣ знанія и пониманія мнимыхъ протестантовъ, и едвали можно сомнѣваться, что заявленіе старшинѣ написано было самимъ Варжевымъ, юнкеромъ въ отставкѣ и, какъ оказалось впоследствии, человекомъ совершенно непригоднымъ для педагогическаго дѣла. Вскорѣ послѣ столь демонстративнаго заявленія учащихся и, вѣроятно, такихъ же жалобъ начальству, учебная администрація совершенно удалила отъ педагогической дѣятельности бывшаго учителя „по причинамъ его позорнаго поведенія“ — пьянства, дебоширства и т. п.

И это былъ лучшій исходъ для общества и такихъ почетныхъ представителей его, какъ старшина Куенковъ, ревностно заботившійся о просвѣщеніи своихъ односельцевъ. Чаще отношенія между обществомъ и казенными учителями не доходили до такой остроты и откровенности, а ограничивались язвительною перепискою между сторонами. Но въ основѣ этихъ недоразумѣній всегда ясно сквозили одни и тѣ же поводы къ нимъ: учителя, опиравшіеся на свою казенную службу и совершенно независѣвіе отъ общества, не хотѣли признавать послѣдняго хозяиномъ дѣла и часто третировали армавирицевъ, какъ подчиненную имъ сторону, а армавирицы никакъ не могли помириться съ мыслью о томъ, что самое близкое имъ дѣло, на которое они обращали больше вниманія, чѣмъ на все остальные

Б. Д. Шахъ-Назаровъ, быв. волостной старшина.

общественныя нужды и потребности, изъято изъ ихъ вѣдѣнія, и можетъ быть ведено вопреки ихъ волѣ и предположеніямъ.

Въ сущности извѣстнаго рода неопредѣленностью и запутанностью отличались отношенія къ школѣ и третьей еще стороны — духовенства. Армянское духовенство всегда близко стояло къ школѣ и участвовало въ веденіи школьнаго дѣла. Особенно въ первые годы существованія Армавира. На образованіе или церковно-общественныя суммы, а представители духовенства вели и самое образованіе въ качествѣ законоучителей и учителей. Астраханская консисторія и мѣстная епархіальная власть были высшими инстанціями, куда восходили дѣла по народному образованію въ церковно-приходскихъ школахъ. Совершенно естественно, что и въ эту область должны были проникнуть тѣ или другія осложненія, вызванныя жизнью. Возникали недоразумѣнія между духовенствомъ и учебнымъ персоналомъ и обществомъ.

Въ іюнѣ 1875 года учительница Никольская получила отъ мѣстнаго армянскаго попечительства духовныхъ училищъ предложеніе оставить, на основаніи распоряженія епархіальнаго начальства армяно-григоріанской церкви, училище съ 1-го іюля. Никольская препроводила это распоряженіе къ уѣздному начальнику. Такъ какъ въ дѣло вмѣшалось церковное попечительство, органъ епархіальной власти, а начальныя школы вѣдало Армавирское сельское общество въ лицѣ своихъ попечителей и сельского правленія, то уѣздный начальникъ обратился къ Армавирскому обществу съ запросомъ, кому принадлежала женская школа, бывшая въ завѣдованіи Никольской—обществу или духовному вѣдомству? Въ особомъ приговорѣ общество, изложивши исторію школы, установило что женское училище было открыто частными лицами и содержалось первоначально на одни частныя средства. Когда этихъ средствъ не хватало, общество покрывало недостачу изъ общественныхъ капиталовъ. Послѣ упраздненія народно-горскаго управленія въ 1871 г., начальство отдало Армавирскому обществу подъ женскую школу помѣщеніе, служившее квартирою окружнаго начальника, которое общество и отремонтировало заново на свой счетъ. Когда расширилось потомъ дѣло обученія дѣтей и увеличилось количество послѣднихъ, то, по ходатайству общества, епархіальная власть назначила въ женскую школу законоучителя и учителя армянскаго языка, раздѣливши и расходъ въ 200 р. изъ церковно-общественныхъ суммъ, но и эти незначительныя средства общество считало общественными, какъ собиравшимися съ однихъ жителей. Принимая все это въ соображеніе, Армавирское общество считало женскую школу общественною и просило, чтобы она оставлена была такою и на будущее время. „съ тѣмъ чтобы училище это, какъ первоначальное, было подвѣдомственно не духовной власти, а инспектору начальныхъ училищъ въ области“. При такомъ условіи хозяиномъ женскаго училища становилось общество, а не церковное попечительство, въ со-

ставъ котораго хотя и входили, кромѣ духовенства, нѣкоторые жители. На этомъ основаніи, и уѣздный начальникъ распорядился передать женское училище въ вѣдѣніе инспектора народныхъ училищъ въ Кубанской области и строго воспретилъ попечительству принимать на себя роль начальства надъ Никольской, которая, какъ старшая учительница въ школѣ, была и надзирательницей ея, почему и повѣрка ея дѣйствій подлежала лишь инспектору народныхъ училищъ.

Признанное такимъ образомъ официально хозяиномъ женскаго училища Армавирское общество по прежнему продолжало заключать ежегодно условіе съ учительницей Никольской, точно разграничивая въ немъ свои взаимныя права и обязанности.

Въ томъ же 1875 году недоразумѣніе между обществомъ и представителями духовной власти осложнилось еще болѣе. По случаю перестройки училища общество предложило учителю-священнику очистить квартиру при училищѣ. Священникъ сообщилъ объ этомъ въ Астраханскую духовную консисторію, изъ которой, за подписью армянскаго архіепископа, послѣдовало грозное распоряженіе не трогать священника, такъ какъ домъ принадлежалъ духовному вѣдомству. На это Армавирское сельское правленіе, въ почтительныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, отвѣтило, что священникъ передалъ владѣльцѣ невѣрныя свѣдѣнія о своей квартирѣ. Домъ былъ подаренъ обществу, а не духовенству, и общество временно обратило это зданіе подъ училище. Въ данное время общество озаботилось ремонтомъ и приведеніемъ въ лучшій видъ всѣхъ своихъ училищъ, въ виду ожидаемаго посѣщенія Армавира Намѣстникомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, почему и просило священника учителя на время уступить квартиру смотрителю училища. Такъ какъ священникъ не только не уважилъ этой просьбы общества, а завелъ съ нимъ еще и ссору, сообщая невѣрныя свѣдѣнія епархіальному начальству, то общество, въ огражденіе своего авторитета и интересовъ, приговоромъ 26 сентября 1875 года разъ навсегда выразило такъ свои пожеланія: „мы не желаемъ, говорится въ этомъ приговорѣ, имѣть въ училищахъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ учителями священниковъ, а желаемъ, чтобы священники преподавали по училищамъ лишь одинъ Законъ Божій“. Въ этихъ видахъ общество возбудило ходатайство о замѣщеніи неуживчиваго священника учителемъ, односельцемъ Борисомъ Твеловымъ, окончившимъ армянское духовное заведеніе, тѣмъ болѣе что священникъ велъ дѣло обученія дѣтей не систематически, будучи отвлекаемъ отъ него прямыми своими обязанностями по приходу. Поэтому, общество просило архіепископа назначить священника только законоучителемъ, а учителемъ армянскаго языка утвердить Твелова. Архіепископомъ тактично согласился съ такою постановкою дѣла, не упомянувши ни слова о конфликтѣ между пастыремъ и паствой. Приговоромъ 26 октября 1886 года общество пригласило учителемъ армянскаго языка

своего односельца Бориса Твелова, установивши такимъ образомъ желательный для населенія порядокъ.

Но это, какъ и другія столкновенія общества съ учителями и духовенствомъ, не вліяло неблагопріятно на дѣло просвѣщенія, которое шло и развивалось по неуклонному пути. Учителя вели свое дѣло заботливо и исправно, не мѣшая мелочныхъ недоразумѣній съ великой идеей просвѣщенія, а Армавирское общество заботилось лишь объ одномъ — о возможно полномъ и широкомъ осуществленіи этой идеи. Не отвлекая дѣтей отъ хозяйства, учителя начинали обученіе ихъ съ осени и ревностно вели его въ теченіе года. Также относились къ дѣлу учащіяся и ихъ родители. Въ 1878 году смотритель Армавирскаго двухкласснаго училища Шкиль писалъ Армавирскому волостному старшинѣ, чтобы, онъ распорядился о сборѣ въ училище учениковъ. Вечеромъ 15 октября, писалъ онъ, родители должны быть оповѣщены „черезъ крикуна“ о приходѣ мальчиковъ въ школу съ утра 16 октября. Крикунъ шелъ по Армавиру и кричалъ объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ. Въ назначенное время въ училище являлись его ученики и всѣ принимались за дѣло.

Еще съ большимъ рвеніемъ армавирицы и ихъ дѣти относились къ духовному просвѣщенію въ тѣсномъ смыслѣ, къ тому живому слову христіанской вѣры, которымъ питало ихъ духовенство. Этому особенно много содѣйствовали, говорилъ еще въ 1855 году очевидецъ происходившихъ въ армянской средѣ переменъ Ивановъ, привязанность и глубокое уваженіе, которые армавирицы съ дѣтства питали къ своему духовному наставнику. Они постоянно просили у него наставленія и слушали съ особеннымъ вниманіемъ его проповѣди. Во всѣхъ своихъ незначительныхъ домашнихъ распряхъ и беззурядицахъ они прибѣгали за совѣтами къ священнику и безпрекословно подчинялись его рѣшенію, какъ духовнаго авторитета. Во время болѣзни армавирицы также обращались къ священнику и „нетотушно требовали отъ него духовнаго и тѣлеснаго лекарства“. Вообще, въ соблюденіи нѣкоторыхъ христіанскихъ уставовъ и установленій, черкесо-гаи едѣлались даже строже тѣхъ армянъ, нравы и обычаи которыхъ не такъ сильно пострадали отъ соприкосновенія съ другими народностями. Явленіе совершенное естественное и понятное. Долгое и томительное духовное голоданіе армянъ, среди черкесовъ, съ ихъ военными тревогами и первобытными нравами, нашло сразу полный выходъ въ удовлетвореніи этого духовнаго голода при измѣнившихся историческихъ условіяхъ.

Надо отдать справедливость скромнымъ труженикамъ учителямъ, ревностно сѣявшимъ просвѣщеніе въ Армавирѣ. Много сдѣлали въ этомъ отношеніи не только тѣ, кто училъ дѣтей грамотѣ и писью, но и тѣ, кто дѣйствовалъ на населеніе живымъ словомъ и примѣромъ. Священникъ о. Сеферьянцъ, тридцать лѣтъ преподававшій Законъ Божій въ армавирскихъ училищахъ и затратившій массу

времени собственно на школьное дѣло, не уставалъ во все это время распространять правильныя религіозныя понятія въ населеніи и бороться съ его вредными обычаями и предразсудками. Но въ исторіи Армавира сохранился примѣръ высокаго подвижничества въ этой послѣдней области. примѣръ въ высшей степени поучительный по тѣмъ глубоко нравственнымъ побужденіямъ, которыми одушевленъ былъ этотъ самоотверженный дѣятель.

Это былъ, какъ привыкли называть его армавиры, „Монахъ“ или Карапеть Вартапеть, т. е. ученый. Дѣйствительная же его фамилія была Карапеть Арцивовъ. Священникъ Назаровъ говоритъ, что іеромонахъ Карапеть Арцивовъ жилъ у армянъ въ горахъ съ 1815 по 1832 годъ, но потомъ, когда черкесы начали притѣснять армянъ и часть армянъ переселись въ Черноморію, Карапеть перешелъ въ Екатеринодаръ и жилъ здѣсь до 1840 года, послѣ чего переселился въ Армавиръ. Эти краткія свѣдѣнія не даютъ, однако, никакихъ представленій о дѣятельности этого замѣчательнаго дѣятеля.

Карапеть Вартапеть былъ родомъ изъ Нахичевани на Дону. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ принялъ монашескій чинъ и рѣшилъ идти въ горы къ единовѣрцамъ армянамъ, чтобы учить ихъ вѣрѣ и церковнымъ обрядамъ. По свѣдѣніямъ Астраханской духовной консисторіи, переданнымъ мнѣ священникомъ о. Сеферьянцемъ, 31 іюля 1804 г. онъ рукоположенъ былъ въ діаконъ армієпископомъ Ефремомъ, а по указу изъ Ечміадзинскаго монастыря отъ 25 февраля 1809 года, тотъ же архієпископъ Ефремъ возвелъ его въ санъ іеромонаха.

Съ конца XVII столѣтія и до перехода армянъ въ Армавиръ, этотъ замѣчательный человекъ всецѣло посвятилъ себя дѣлу просвѣщенія своихъ единовѣрцевъ. Онъ странствовалъ изъ аула въ аулъ, посѣщая армянъ, и за исключеніемъ лошади, на которой онъ ѣздилъ, одежды, въ которой ходилъ, и священныхъ предметовъ для отправленія требъ, не имѣлъ никакой собственности. Не было у него ни дома, ни имущества, ни родного крова близкихъ людей. Онъ жилъ, какъ птица небесная, перелетая изъ одного мѣста въ другое. Тамъ, гдѣ онъ появлялся между армянами, тамъ послѣдніе и давали ему почетное мѣсто. Армянское населеніе сильно любило самоотверженнаго монаха. „Конца краю не было, такъ любили его наши“, писалъ С. П. Шахановъ.

Съ большимъ уваженіемъ относились къ нему, какъ къ человеку безупречной жизни, и черкесы. Онъ не носилъ оружія, какъ носили его армяне и горцы, не былъ похожъ на вооруженнаго съ ногъ до головы мусульманскаго муллу, а единственнымъ оружіемъ его былъ крестъ, съ которымъ онъ и ѣздилъ по горамъ, не обращая вниманія на вооруженныхъ людей. Однако, два раза въ жизни монаха, на него нападали какія-то темныя личности и отнимали у него все и даже крестъ, не тронувши, что называется, пальцемъ

безоружнаго старика. И оба раза возмущенные черкесы заставляли виновниковъ возвратить монаху его вещи и лошадей.

Что же дѣлалъ въ горахъ этотъ смиренный человѣкъ?—крестьянъ, вѣнчалъ, хоронилъ и исполнялъ другія христіанскія требы, а главное, училъ словомъ и собственнымъ примѣромъ, какъ надо было исповѣдывать христіанскую вѣру и любить своихъ ближнихъ. Это былъ живой образецъ любви къ страждущему брату, не знавшій ни боязни, ни зависти, ни влеченія къ земнымъ благамъ и всецѣло преданный дѣлу духовнаго просвѣщенія. И за это именно любили его армяне и почитали даже иноувѣрцы мусульмане.

Такъ сѣялъ въ горахъ христіанское добро и ростилъ сѣмена религіи Каранетъ Вартанетъ, разѣзжая большею частью въ земляхъ темиргоевцевъ, хатукаевцевъ и егерухаевцевъ, а не рѣдко пробираясь къ бжедухамъ, шапсугамъ, абадзехамъ и др. черкесскимъ племенамъ, гдѣ только жили армяне. Онъ умеръ 3 августа 1866 года и похороненъ въ оградѣ Армавирской Успенской церкви на 102 году отъ роду.

XI.

Земельные порядки и хозяйство.

Относительно хозяйственной правоспособности армавирцевъ сложилось довольно одностороннее представленіе. Ихъ принято считать исключительно торговцами, какъ бы нерасположенными ни къ какому другому, кромѣ торговли, роду экономической дѣятельности. Но армавирцы и ихъ предки всегда были не только умѣлыми торговцами, но и хорошими хозяевами. Исторія ихъ полна поучительными фактами въ этомъ отношеніи. Благосостояніе большинства рядового населенія всюду и всегда держалось на умѣломъ веденіи хозяйства. Въ одно и то же время армяне были и торговцами и хозяевами, скотоводами, земледѣльцами и предпринимателями въ области обрабатывающей промышленности. Когда они осѣли въ Армавирѣ, то въ первое время обратили исключительное вниманіе именно на хозяйство. Тогда и у черкесовъ и у армянъ господствующимъ занятіемъ было скотоводство. Армавирцы, какъ мы знаемъ уже, не только сами водили всѣ виды домашняго скота, но и сотнями головъ угоняли его у черкесовъ. Это была главная военная добыча и главная статья въ хозяйствѣ.

Но то было примитивное скотоводческое хозяйство. Скотъ водили безъ особыхъ затратъ на его содержаніе. Были большіе табуны лошадей, многочисленныя отары овецъ и значительныя стада рогатаго скота, но лошади и овцы почти круглый годъ выпасывались на подножномъ корму. Большое количество скота и примитивные способы содержанія его, понятно, требовали обилія пастбищныхъ угодій и широкаго земельного пространства. Стремясь къ переселенію

ленію въ русскіе предѣлы, армяне особенно заботились о томъ, чтобы мѣсто поселенія было не только возможно безопасно отъ черкесскихъ набѣговъ, но и изобиловало бы достаточнымъ количествомъ земельныхъ угодій. Такою удобною во всѣхъ отношеніяхъ мѣстностью армяне нашли степи, прилегавшія съ трехъ сторонъ къ Армавиру. И они заняли эти степи.

Но словамъ армавирцевъ, дѣло происходило такъ. Когда они обратились къ генералу Зассу съ просьбою о переселеніи къ русской границѣ, то „самъ Зассъ, говорится въ одномъ изъ прошеній армавирцевъ, указалъ намъ границы, въ предѣлахъ коихъ мы пользовались землею до послѣдняго времени, на правѣ полной собственности. Слово и распоряженіе его превосходительства для насъ были и закономъ и документомъ“. И едвали армяне такъ охотно поселились въ Армавирѣ, если бы не было этихъ условий, т. е. указаній авторитетнаго начальства на тѣ земельныя угодья, при наличности которыхъ они только и могли вести излюбленные формы скотоводческаго хозяйства.

Первоначальныя границы армавирскихъ земельныхъ владѣній были такого же рода, какъ и въ древней Руси — по живымъ урочищамъ въ открытыхъ мѣстахъ и „по граничнымъ пнямъ“ въ лѣсу, или какъ у современныхъ намъ киргизовъ, опредѣляющихъ границы своихъ земель по извилинамъ рѣчекъ, отъ кургана на курганъ, а то и просто перелѣсками и озерами. Бывало, разсказываютъ старики армавирцы, выйдешь верхомъ на курганъ и сколько охватишь глазомъ въ любую сторону — вотъ то и наше. Тогда напимъ дѣдамъ, отцамъ и намъ, мальчикамъ, и въ голову не приходило, что тѣ земли, на которыхъ паслись наши табуны и отары, а мы, охраняя ихъ, гонялись изъ края въ край за черкесами, могли впоследствии достаться кому-нибудь другому, а не намъ. Мы кровью отстояли ихъ отъ черкесовъ, охраняли ихъ, какъ свое добро, и пользовались ими, какъ своими собственными землями. Однимъ словомъ, армавирцы заняли свою территорію на законномъ правѣ, которое охранялось обычаемъ, какъ неприложный законъ.

Такая увѣренность въ правѣ заимки принесла впоследствии много горя армавирцамъ. Полагаясь на нее, армяне во время не оформили своихъ правъ на землю и не укрѣпили за собою принадлежавшихъ имъ фактически владѣній. Много условій, впрочемъ, вліяло на это и въ ряду ихъ главнѣйшія — канцелярскія неурядицы и сухой формализмъ учрежденій, вѣдавшихъ земельныя дѣла населенія.

Согласно обычному праву горцевъ, армавирцы считали занятую ими площадь земли своею собственностью въ силу троякаго рода оснований: 1) сословнаго начала, 2) первоначальнаго акта завладѣнія и 3) безспорнаго долговременнаго пользованія. У черкесскихъ племенъ землями владѣли, какъ извѣстно, князья и уздени. Армавирцы были узденями первой степени и, слѣдовательно,

землевладельцами по обычаю. Вместе съ ними въ Армавиръ перенли до 1000 дунгъ подвластныхъ имъ черкесовъ, но на нихъ, какъ на рабовъ и крѣпостныхъ, не распространялось право земельной собственности. Такихъ же взглядовъ придерживались и русскіе помѣщики на своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Это сходство положеній узденей и русскихъ дворянъ только еще болѣе укрѣпляло армавирцевъ въ томъ убѣжденіи, что занятія ими земли принадлежали имъ, какъ владѣльческому сословію.

Между тѣмъ историческія обстоятельства начали слагаться въ иномъ направленіи. Въ 1861 году въ Россіи пало крѣпостное право и произошли измѣненія въ частной земельной собственности. Вышедшіе на волю крестьяне получили часть помѣщичьихъ земель. Пали остатки тѣхъ феодальныхъ порядковъ, съ которыми армяне связывали свое гражданское положеніе въ Россіи, какъ владѣльческаго сословія.

Казалось, что въ первое время и само русское правительство признало за армянами ихъ дворянскія права. На военной службѣ армяне производились въ чины по дворянскому регламенту, получали содержаніе за службу отъ казны, какъ дворяне, имѣли право воспитывать своихъ дѣтей въ привилегированныхъ дворянскихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Когда образована была такъ называемая военно-сословная комссія для опредѣленія дворянскихъ правъ горскихъ племенъ, то армавирскіе армяне, какъ уздени первой степени, также имѣли своихъ представителей въ этой комссіи. Фактъ достаточно вѣскій, чтобы считать если не всѣхъ, то подавляющее большинство армавирцевъ дворянами. Когда, поэтому, возникъ вопросъ о надѣленіи землями туземцевъ Сѣвернаго Кавказа, то армяне рассчитывали, что съ ними поступятъ если не лучше, то во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ съ черкесами, съ которыми они прежде вмѣстѣ жили, а потомъ покорили ихъ подъ власть Россіи.

Еще въ 1861 году, т. е. за четыре года до покоренія Западнаго Кавказа, заступавшій мѣсто главнокомандующаго кавказскою арміею князь Орбеліани представилъ въ военное министерство свои соображенія о надѣленіи землею туземцевъ Сѣвернаго Кавказа. „Война, говорилъ въ своемъ представленіи князь Орбеліани, продолжавшаяся на Сѣверномъ Кавказѣ въ теченіе десятковъ лѣтъ, не позволяла намъ серьезно заняться устройствомъ матеріальнаго быта туземцевъ. Мы разрушили старый порядокъ владѣнія землями, но не могли еще создать никакого новаго порядка. Общества, отдѣльные аулы и даже отдѣльныя семейства, приносившія покорность, или оставляемы были на старыхъ мѣстахъ ихъ жительства, или, что бывало чаще, переселялись на новыя указанныя имъ мѣста, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы указывали земли только примѣрно и временно“. Эта неопредѣленность земельныхъ правъ вселяла въ населеніи постолыныя опасенія за будущее. Ею объяснялись какъ частые уходы мирныхъ черкесовъ въ горы къ черкесамъ враждебнымъ, такъ и

выселеніе горцевъ въ Турцію. Чтобы положить предѣлы этимъ колебаніямъ и заставить туземцевъ осѣсть и заняться хозяйствомъ, требовалось немедленное надѣленіе горцевъ постоянными землями. Въ этихъ видахъ главнокомандующій предложилъ положить въ основу земельной реформы соображенія графа Евдокимова, который раздѣлилъ все туземное населеніе Сѣвернаго Кавказа на три категоріи. Къ первой категоріи онъ отнесъ княжескія владѣльческія фамиліи съ надѣленіемъ ихъ землею въ личную собственность отъ одной до пяти тысячъ десятинъ, ко второй дворянъ или узденей, съ обезпеченіемъ каждаго старшаго члена въ семьѣ отъ ста до двухъ сотъ дес. и по 30 дес. на каждаго изъ остальныхъ членовъ мужскаго пола въ семьѣ, и къ третьей категоріи свободные классы „простого народа“, съ надѣломъ по 7 дес. на каждую мужскую душу. Слѣдовательно, армяне, въ качествѣ первостепенныхъ дворянъ или узденей, должны были получить земли по второй категоріи.

Мѣсяцемъ позже, въ августѣ 1861 г., военный министръ Н. А. Милютинъ извѣстилъ князя Орбеліани, что Государь нашелъ необходимымъ скорѣйшее надѣленіе землями туземное населеніе Сѣвернаго Кавказа, „по сословіямъ, обществамъ и по заслугамъ правительству“, для чего повелѣлъ:

Предварительно составить общій планъ распредѣленія земель между отдѣльными племенами и обществами, чтобы не впасть въ ошибку при частичномъ разверстаніи тѣхъ же земель въ собственность.

Послѣ утвержденія общаго плана, каждое частичное надѣленіе землями должно производиться такъ-же съ Высочайшаго соизволенія.

Такъ какъ дарованіе земель принадлежитъ къ исключительнымъ правамъ Верховной Власти, то все межевые акты должны входить также на Высочайшее Государя Императора утвержденіе.

На этихъ основаніяхъ и разрабатывались отдѣльные планы по надѣленію туземцевъ землей.

Въ теченіе 1862 и 1863 годовъ въ Урупскомъ и Зеленчукскомъ округахъ, Кубанской области, было отмежевано 27 участковъ въ количествѣ 55.936 дес. земли почетнымъ туземцамъ, въ число которыхъ не вошелъ, однако ни одинъ армавирецъ, и затѣмъ дальнѣйшія работы по случаю войны съ горцами были пріостановлены. Распоряженіемъ Намѣстника 18 іюня 1865 года были установлены нормы надѣла земли для простого народа или лицъ 3-й категоріи, при чемъ для той части Урупскаго округа, въ которой расположенъ былъ Армавиръ, назначено было по 10 дес. на каждую душу мужскаго пола. Въ 1866 году работы велись въ этомъ же направленіи. Такъ какъ значительная часть горцевъ въ это время уже выселилась въ Турцію, то въ одномъ Урупскомъ округѣ оказалось до 140.000 дес. свободныхъ земель, которыя, въ силу состоявшагося Высочайшаго повелѣнія, предназначены были къ пожалованію различнымъ лицамъ за службу на Кавказѣ.

Такимъ образомъ, вопросъ о надѣленіи землей туземныхъ племенъ Сѣвернаго Кавказа совершенно неожиданно осложнился новымъ обстоятельствомъ. Точно съ неба свалилось предположеніе о жалованныхъ за службу земляхъ. Все тѣ, кто вѣдалъ судьбами Кавказа, начиная съ верховъ и оканчивая низами чиновнаго міра, получили возможность жаловать себя землями. Прямой ихъ интересъ заключался въ томъ, что бы расширить площадь жалованныхъ земель на счетъ мѣстнаго населенія. Такъ дѣйствительно и случилось. Свыше милліона десятинъ было пожаловано разнымъ лицамъ за службу въ тѣхъ мѣстахъ, которыя заранѣе предназначены были для надѣленія землей вновь образованныхъ казачьихъ станицъ. Несомнѣнно, что проэктированныя нормы надѣла для „свободныхъ сословій“ или „простого народа“, какъ окрещены были туземцы 3-го разряда, были сведены къ минимуму. Казаки же не только потеряли лучшія земли, долженствовавшія войти въ ихъ юрты, но и часть своихъ собственныхъ, какъ это произошло на Новой или Лабинской линіи, гдѣ десятки тысячъ десятинъ земли, вошедшей въ реестръ казачьихъ земель по положенію 1845 года, пожалованы были разнымъ лицамъ. Несомнѣнно также, что тоже обстоятельство имѣло если не прямое, то косвенное отношеніе и къ земельнымъ интересамъ армавирцевъ.

Дѣло въ томъ, что въ это же время армавирскіе уздени совершенно неожиданно лишены были своихъ дворянскихъ правъ. Какъ уздени, они должны были получить землю въ размѣрѣ приблизительно отъ 160 до 260 дес. на семью, считая въ среднемъ по 3 души мужскаго пола въ семьѣ, что, при 360 узденскихъ семей, осѣвшихъ въ Армавирѣ, составило бы отъ 52.000 до 93.600 дес. общей площади. Это, конечно была бы для армавирцевъ львиная доля, о которой едвали мечтали даже первые поселенцы Армавира, но несомнѣнно, что въ этой львиной долѣ была зарыта историческая собака армавирскихъ армянъ. Когда-то именитые горекіе уздени, обращенные „въ простой народъ“, получили лишь 23.905 десятинъ надѣльной земли.

Какъ произошло это внезапное превращеніе одного сословія въ другое, въ историческихъ матеріалахъ нѣтъ сколько нибудь ясныхъ указаній. Нѣтъ ни мотивированнаго на этотъ счетъ рѣшенія вышшаго правительства, ни тѣхъ виновниковъ, благодаря которымъ были разжалованы армяне. Кому-то пришло въ голову, что армавирцы не коренные жители Кавказа, хотя и чистокровные туземцы, не говорившіе ни по русски, ни даже по армянски. Отсюда былъ сдѣланъ совершенно неожиданный выводъ, что армавирцы, слѣдовательно, и не дворяне, хотя фактически они были узденями, а въ родѣ какъ черкесское простонародье, которому достаточно дать въ надѣлъ по 7 дес. на душу и которое можно и не мазать по губамъ, какъ это дѣлалось съ коренными черкесами. Такой обходъ, понятно, былъ на руку тѣмъ, кто самъ рассчитывалъ получить участочекъ отъ общаго фонда жалованныхъ земель. Фактическую же поправку въ допущен-

ной по отношенію къ армянамъ опибкѣ некому было сдѣлать да никто того и не хотѣлъ.

Такъ или иначе, однимъ словомъ, но армавирцамъ въ концѣ концовъ пришлось подчиниться велѣніямъ исторической судьбы. Изъ благородныхъ дворянъ они были обращены въ простонародье и въ качествѣ таковыхъ получили въ общинное пользованіе 23.905 дес. земли. Впослѣдствіи за ними было зачислено еще 562 дес., оказавшіяся въ ихъ надѣльной площади при болѣе тщательномъ исчисленіи ея. Исключеніе было сдѣлано только для армавирцевъ, награжденныхъ чинами на военной службѣ. Имъ пожалованы были офицерскіе участки на правѣ частной собственности. И тогда земельные порядки сложились окончательно въ той формѣ, которая осталась затѣмъ надолго господствующей и впослѣдствіи.

Въ Армавирѣ появились двоякаго рода земли—частныя и общественныя. Первые или такъ называемые офицерскіе участки, отведенные армавирскимъ военнымъ чинамъ по 1-й и 2-й категоріямъ жалованныхъ земель, сразу же поступили въ исключительное пользованіе ихъ владѣльцевъ. Такихъ владѣльцевъ оказалось въ Армавирѣ 17, изъ коихъ два офицера получили по 400 дес. земли на каждого, одинъ—300 дес., 13 прапорщиковъ по 200 дес. и одинъ (юнкеръ) 100 дес., а всего, слѣдовательно, роздано было въ частную собственность 3800 дес. Количество незначительное сравнительно съ тѣмъ, что слѣдовало бы армянамъ, какъ узденіямъ. Какъ и у казаковъ, офицеры-землевладѣльцы остались при этомъ участниками и въ общественныхъ земляхъ; свои же собственные земли они стали большею частью сдавать въ аренду.

Что же касается земель, отданныхъ армавирцамъ въ общій надѣлъ, то къ нимъ примѣнены были порядки, свойственные вообще общинному землевладѣнію. Стремясь къ уравнительному землепользованію между всѣми общинниками, армавирское общество начало съ ограниченія хуторскихъ заимокъ и хуторского хозяйства. Хуторяне водили много скота и, поэтому, для ихъ стадъ требовалось и много земли, чѣмъ нарушались интересы хозяевъ сельчанъ. Какъ только сталъ ощущаться недостатокъ въ землѣ, такъ сразу же общинники и направили свои усилія къ тому, чтобы совсѣмъ уничтожить хутора. Приговоромъ 31 октября 1871 года общество селенія Армавиръ постановило выселить въ Армавиръ 35 хозяевъ, жившихъ хуторами, „такъ какъ они не только не заберегали порученный ихъ надзору лѣсъ, но вырубали его, вышли изъ послушенія, не являлись въ Армавиръ по требованію сельскихъ властей и вообще не хотѣли никого знать“. Хуторяне съ своей стороны выказали упорство, не желая сносить хуторовъ. Дѣло затянулось. Въ 1875 году хутора дали, однако, Армавирскому обществу подписку въ томъ, что они выселятся къ назначенному имъ сроку подъ опасеніемъ штрафа въ 200 рублей съ ослушника. Въ концѣ

концовъ побѣдительницей оказалась община и хутора были снесены, а ихъ хозяева перешли въ селеніе.

Армавирское общество очень рано обратило также вниманіе на пользованіе усадебными мѣстами. Армавиръ мѣнялъ три раза свои крѣпостные валы и каналы, вслѣдствіе увеличенія усадебъ и построекъ, и каждый разъ это дѣлалось по постановленію общества. Сначала, какъ это было, напр., въ 1863 году, новыя усадьбы отводились почетными стариками, а запросы на отводъ вносились прямо общественному сходу. Особенно обилень требованіями на усадебныя мѣста былъ 1875 годъ, послѣ того какъ черезъ Армавиръ прошла желѣзная дорога. Усадьбы раздавались въ зависимости отъ различныхъ причинъ и на различныхъ условіяхъ. Артемъ Кошчевъ просилъ дать ему усадебное мѣсто на томъ основаніи, что раньше онъ не получалъ усадьбы, и, кромѣ того, обѣщалъ дать 150 р. за отводъ мѣста. Авдѣй Дарчиновъ основывалъ свои права въ силу того, что, при семейномъ раздѣлѣ, онъ остался безъ усадьбы. Священникъ Петръ Кусикіянецъ просилъ „отдѣлить изъ общественныхъ усадебныхъ помѣстій соответственное его должности и сану“ мѣсто для постройки дома, такъ какъ въ училищномъ помѣщеніи, въ которомъ онъ жилъ, было очень тѣсно для его семейства. Двое — Дарчиновъ и Давидовъ, желали получить усадьбы просто безъ всякихъ мотивовъ „по ту сторону линіи желѣзной противу самой станціи“, какъ сказано въ заявленіи. Погоня за усадьбами у желѣзнодорожной линіи и близъ станціи была всеобщей. Здѣсь добивались усадебныхъ мѣсть все — и священникъ, и торговцы, и рядовые поселяне, и иногороднія лица, рассчитывая, очевидно, на повышеніе цѣнъ на эти усадьбы. Обществу была подана масса заявленій въ такомъ родѣ въ 1875 году.

Желаніе получить усадьбу у желѣзной дороги было такъ велико, что многіе заняли чужія усадьбы и многіе завладѣли усадебными мѣстами безъ разрѣшенія на то общества. Въ іюнѣ 1877 года послѣднее, поэтому, особымъ приговоромъ рѣшило упорядочить эту погоню за усадебными мѣстами. Было постановлено: отдать усадьбы у станціи желѣзной дороги, въ виду особой цѣнности ихъ, съ торговъ и вырученныя деньги употребить на школьное дѣло; наложить денежныя взысканія на тѣхъ лицъ, кто самовольно занялъ усадьбы; усадьбу Мелькона Степанова по причинѣ его бѣдности оставить за нимъ; обложить двѣ усадьбы особымъ сборомъ; воспретить продажу усадебныхъ мѣсть у желѣзной дороги постороннимъ лицамъ. Въ 1878 году, въ виду большихъ требованій на отводъ усадебныхъ мѣсть близъ желѣзнодорожной станціи, общество постановило образовать особую комиссію изъ волостного старшины, изъ всего состава должностныхъ лицъ Армавирскаго управленія и изъ 20-ти назначенныхъ сходомъ однообщественниковъ, поручивши имъ отводъ разрѣшенныхъ усадебныхъ мѣсть и выдачу удостовѣреній владѣльцамъ усадебъ. Въ томъ же порядкѣ отводились усадьбы и вслѣдствіи.

Приговоромъ 1883 года общество стало отводить усадьбы „въ пометвенное пользованіе, съ правомъ возведенія разнаго рода построекъ и отчужденія другимъ лицамъ и со взносомъ въ сельскій доходъ установленный посаженной платы“.

Наконецъ, пользованіе полевыми угодьями было подчинено особымъ порядкамъ непосредственно послѣ того, какъ армавирицамъ намѣченъ былъ ихъ юртъ и значительная часть земель, находившихся въ фактическомъ пользованіи армянъ, отошла отъ Армавира къ сосѣднимъ поселеніямъ. Приговоромъ 25 марта 1875 года общество, въ виду земельныхъ споровъ между отдѣльными хозяевами и ихъ группами, постановило „раздѣлить какъ пахатную, такъ и сѣнокосную земли, а равно и лѣсныя дачи, на четыре части, по кварталамъ, какъ дѣлилось селеніе“. Раздѣлъ этотъ поручено было произвести домашними средствами восьми опытнымъ односельцамъ. Въ это же время былъ выдѣленъ выгонъ и отведено 3000 десятинъ земли для отдачи въ аренду на содержаніе школы. Въ другіе годы, послѣ цѣлаго ряда перепетій, были выдѣлены земли духовенству. Прилагая свой излюбленный способъ дѣленія населенія на четыре части или квартала, армавирицы установили особые правила пользованія нѣкоторыми угодьями. Такъ, мѣста подъ бахчи отводились хозяевамъ каждаго квартала сплошной полосой, въ которой каждый хозяинъ получалъ свою долю. Для охраны бахчей одноквартирцы нанимали сторожа. Но срывать арбузы и дыни полагалось въ назначенные дни вѣснъ сообщца. О нарушеніи этого порядка сторожъ обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія мѣстныхъ властей, которыя въ свою очередь передавали дѣло въ мѣстный судъ, налагавшій денежные штрафы на виновныхъ.

Такъ слагались земельные порядки у армавирицевъ.

Въ связи съ развитіемъ земельныхъ порядковъ видоизмѣнялись и хозяйственныя формы армавирицевъ. При занятіи Армавира, у армянъ преобладало скотоводческое хозяйство, но оно отличалось крайне примитивнымъ характеромъ. Скотъ водили армяне въ степи и на хуторахъ, и въ обоихъ случаяхъ онъ содержался главнымъ образомъ на подножномъ корму. Стойловаго скота было мало, въ такомъ лишь количествѣ, сколько требовалось его для домашняго обихода. Степной же скотъ выкармливался главнымъ образомъ для продажи, чѣмъ занималась, однако, одна лишь часть наиболѣе богатыхъ армавирицевъ. Въ 1870 году, какъ это видно изъ вѣдомости о числѣ племенныхъ кобылицъ и жеребцовъ волостного правленія, было 27 владѣльцевъ конскихъ табуновъ, у которыхъ считалось 2.162 матокъ и 172 производителей. У юнкера Осипа Куенкова на 250 матокъ было 21 производитель, у Давида Давидова и Барона Шехъ-Назарова на 200 матокъ 16 и 15 производителей, у войскового старшины Дженгемирова на 140 матокъ 12 производителей. У многихъ были не табуны, а „косыны“, состоявшіе изъ нѣсколькихъ десятковъ матокъ. Въ вѣдомость, однако, не былъ включенъ повиди-

тому приплодь. Но это было настоящее табунное коневодство, хотя собственной земли въ это время у армавирицевъ не хватало уже для разведенія табунныхъ лошадей. Цѣлыхъ 17 табуновъ выпасывалось по р. Урупу на казенной землѣ, тамъ именно, гдѣ раньше фактическими владѣльцами были армяне, 3 табуна содержалось по Урупу близъ Безкорбной станицы, 5 табуновъ по р. Козьмѣ, одинъ за р. Лабой и одинъ въ Кабардѣ.

Въ 1872 году, по требованію комиссіи кавказскаго коннозаводства, Армавирское волостное правленіе отвѣтило, что у жителей Армавира было 5.350 лошадей азіатской породы. „Порода азіатская, поясняло правленіе, отличается малымъ ростомъ, краснымъ складомъ и легкостью на бѣгу“. Паслись лошади табунами и косяками. Но восемью мѣсяцами позже, въ августѣ мѣсяцѣ того же 1872 года, правленіе зарегистрировало 42 табуна въ количествѣ 241 производителей, 2.700 кобылицъ и 5.490 остальныхъ лошадей, и весьма возможно, что эти цифры, какъ и предыдущія, были всетаки ниже дѣйствительныхъ. Въ Армавирѣ водились въ это время еще въ значительномъ количествѣ лошади. Армяне не только водили скотъ, но и торговали имъ въ обширныхъ размѣрахъ, при чемъ торговли лошадьми была наиболѣе значительною. Въ приговорѣ общества отъ 18 мая 1874 года сказано, что „большая половина“ армавирицевъ занималась покупкою скота по станицамъ и ярмаркамъ, а другіе содержали лавочки съ краснымъ товаромъ въ горныхъ аулахъ. Но тѣ и другіе, мѣняя товары на скотъ, принимали часто краденный скотъ или же и сами крали его при разъѣздахъ. Общество, поэтому, постановило выселять по приговорамъ изъ Армавира опороченныхъ и заподозрѣнныхъ въ кражахъ скота лицъ. Черкесскіе виды примитивнаго скотоводческаго хозяйства въ это время не умерли еще, а съ ними продолжало еще процвѣтать и искусство воровства лошадей, составлявшее господствующее занятіе въ горахъ.

На ряду съ табуннымъ коневодствомъ, армавирицы водили и другіе виды скота. Собственно рядовое населеніе Армавира отдавало преимущество не лошадямъ, а рогатому скоту и овцамъ. Изъ волостныхъ вѣдомостей за 1871 годъ, представлявшихъ въ статистической комитетъ и потому отличавшихся крайне пониженными цифрами, видно, что въ 1871 году въ 4 кварталахъ Армавира на 4.474 лошади было 9.622 головы рогатаго скота, 10.320 штукъ овецъ и 1.163 козъ. Надо полагать, что въ вѣдомость вошелъ лишь поселянскій скотъ безъ владѣльческаго и табуннаго хуторскаго. Но и на этихъ относительныхъ цифрахъ скота ярко отражались еще пріемы горскаго скотоводческаго хозяйства. По традиціи армяне водили еще много козъ и не охотно разставались съ овцеводствомъ, несмотря на крайній недостатокъ земель для этого вида скота. Тѣмъ не менѣе скотоводство было еще господствующимъ видомъ хозяйства въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Но тѣмъ же волостнымъ вѣдомостямъ значилось въ Армавирѣ всего только 13 хозяйствъ безъ

скота или 2,6% изъ общаго ихъ числа, а въ кварталахъ Гурхабльскомъ и Хатукаевскомъ ихъ было по одному хозяйству.

Не въ одинаковомъ положеніи скотоводство находилось также и по отдѣльнымъ частямъ или кварталамъ. Если примѣнительно къ живому вѣсу скота и кормовымъ нормамъ принять 5 головъ мелкаго скота за одну голову крупнаго, то въ Хакубхабльскомъ кварталѣ было 22 головы на хозяйство, въ Гурхабльскомъ 25 головъ, въ Егерухаевскомъ 36 и въ Хатукаевскомъ 52. Такимъ образомъ, при значительномъ вообще развитіи скотоводства, наиболѣе скотоводческимъ кварталомъ былъ Хатукаевскій и за нимъ Егерухаевскій, а наименьше скота имѣли хакубхабльцы, т. е. тѣ изъ горскихъ армянъ, которые позже всѣхъ осѣли въ Армавирѣ и пришли сюда не цѣлымъ обществомъ, а небольшими группами и отдѣльными хозяйствами изъ разныхъ мѣстъ Кавказа.

Столь неравномѣрное распредѣленіе скота по разнымъ частямъ Армавира служило показателемъ измѣненій вообще въ хозяйственномъ строѣ армянъ. На смѣну скотоводческому хозяйству шли другіе виды промышленности, и эти измѣненія обнаружались въ различной степени по разнымъ кварталамъ. Въ самомъ бѣдномъ скотомъ Хакубхабльскомъ кварталѣ (22 гол. на хоз.) было наибольшее хозяйство, производившихъ запашки, именно 72%, а въ самомъ богатомъ (52 головы на хоз.) скотомъ кварталѣ Хатукаевскомъ только 40%. Стало быть, уже въ 1875 году примитивное скотоводческое хозяйство начало постепенно замѣняться хозяйствомъ зерновымъ. У армавирицевъ оказался недостатокъ въ землѣ. Въ 1870 году, въ прошеніи на имя В. Кн. Михаила Николаевича, армавирицы писали, что 15-ти десятинный надѣлъ земли на душу былъ недостаточенъ для нихъ и просили увеличить его „покрайней мѣрѣ“ до 20 дес. на мужскую душу, какъ пользовались они до того землей фактически, по границамъ, указаннымъ имъ генераломъ Зассомъ. А между тѣмъ ихъ надѣляли лишь 10 дес. на душу. Скотоводческое хозяйство пришлось волею-неволею сократить и перейти на зерновую культуру. Съ тѣхъ поръ въ Армавирѣ начала расширяться площадь запашекъ и развиваться чисто земледѣльческое хозяйство. Армавирицы, какъ и ближайшее казачье населеніе въ Кубанской области и крестьянское въ Ставропольской губерніи, стали покупать усовершенствованныя земледѣльческія орудія и вести широкую экстензивную культуру при помощи улучшеній въ земледѣльческой техникѣ.

Вообще по мѣрѣ увеличенія населенія и большого спроса на земли, армавирицы съ большей осторожностью стали утилизировать свои земли. Хутора были снесены, усадьбы продавались съ торговъ и заново отводились только при сильнѣйшей нуждѣ въ нихъ, степныя земли были развертаны по кварталамъ и т. п., а угоды общаго пользованія подчинены строгимъ ограничительнымъ мѣрамъ. Такъ, приговоромъ 31 іюля 1871 года общество постановило расчислить заповѣдную общественную рощу, находив-

щуюся противъ Прочнооконской крѣпости, и оконать ее канавою, оставивши на корню лучшія деревья— каранчъ, ясень и дубъ. Собранный же при расчисткѣ лѣсъ и матеріалы рѣшено продать и вырученныя деньги обратить въ общественный доходъ.

Обрабатывающая промышленность въ это время была слаба въ Армавирѣ, а отживающія примитивныя формы ея не согласовались съ существовавшими законодательными требованіями. Живя среди черкесовъ, армавирцы привыкли готовить на дому спиртные напитки и съ этимъ обыкновеніемъ перешли и въ Армавиръ. Армяне, по заведенному обычаю, выкуривали изъ проса такъ называемую бузу, родъ водки, и балбузу, родъ пива. Но администрація нашла этотъ родъ домашней промышленности нарушающимъ существовавшія акцизные правила. Котлы, въ которыхъ выкуривалась буза, были конфискованы, а о самомъ выкуриваніи поручено было есаулу Штригелю произвести слѣдствіе. Котлы были арестованы еще въ 1867 году, а приговоромъ 7 января 1871 года Армавирское общество избрало особую депутацію изъ мѣстныхъ почетныхъ жителей, которой поручило ходатайствовать о „возвращеніи снарядовъ для выварки араки“, т. е. котловъ, и о сложеніи штрафа, если таковой имъ назначенъ, такъ какъ жители выкуривали араку для домашняго потребленія и руководились адатомъ, а не писаннымъ закономъ, который былъ имъ неизвѣстенъ.

Столь примитивными и не совмѣстимыми съ экономическимъ укладомъ государства видами промышленности дорожили еще такъ недавно армавирскіе армяне. Скоро, однако, на смѣну выварки араки явились другія болѣе современныя отрасли крупнаго промышленнаго характера. Дѣло началось съ расширенія обработки продуктовъ земледѣлія. Въ Армавирѣ положено было начало развитію маслбойнаго дѣла. Первымъ открылъ маслбойный заводъ Яковъ Поповъ, за нимъ послѣдовали Аведовъ, Бабаевъ и др. Армавиръ сталъ центромъ приготовленія подсолнечнаго масла для торговыхъ рынковъ и широкаго сбыта. Появились паровыя мельницы, бутылочный заводъ, механическія и другія заведенія или, какъ сказано въ указателѣ Кубанскаго статистическаго комитета за 1912 годъ, „сорокъ большихъ фабрикъ и заводовъ“. Армянскій аулъ сталъ центромъ крупной обрабатывающей промышленности.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, стирались слѣды старыхъ примитивныхъ формъ хозяйства, занесенныхъ армавирцами изъ горъ отъ черкесовъ, и зарождались новыя, подъ вліяніемъ культуры и новыхъ историческихъ условій, выдвинувшихъ Армавиръ, какъ крупный торговый центръ,

ХІІ.

Армавиръ, какъ торговый центръ.

Ростъ Армавира, какъ торговаго центра, начался съ проведенія Владикавказской желѣзной дороги по Кавказскимъ степямъ и

предгорьямъ, послужившей здѣсь могучимъ рычагомъ въ общемъ подъемѣ мѣстной экономической жизни. Но по желѣзно-дорожной линіи расположень былъ цѣлый рядъ населенныхъ пунктовъ и, однако, ни одинъ изъ нихъ не занялъ того господствующаго положенія въ этомъ подъемѣ экономической жизни, какое выпало на долю Армавира. Армавиръ былъ только одинъ на всемъ протяженіи желѣзнаго пути отъ синяго Дона и до могучихъ громадъ Кавказскаго хребта. Существовали, слѣдовательно, какія-то спеціальныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ простой черкесскій аулъ превратился съ теченіемъ времени въ крупный торгово-промышленный центръ.

Какъ это произошло?

Въ Исторіи Армавира надо различать три періода: 1) военный періодъ, когда армяне вели борьбу съ горцами, защищали свое добро и дѣлали набѣги на черкесскія владѣнія, 2) періодъ хозяйственный, начавшійся послѣ покоренія Западнаго Кавказа и обнищавшій два слишкомъ десятилѣтія, въ теченіе которыхъ примитивное скотоводческое хозяйство было постепенно замѣнено зерновымъ и, наконецъ, 3) торгово-промышленный періодъ, поставившій Армавиръ въ условія крупнаго экономического центра. Каждый изъ этихъ періодовъ имѣлъ свои особенности, но черезъ все три періода красною нитью прошла одна и та же струя живой силы, обнаруженной народностью первоначально осѣвшею въ Армавирѣ. Горные армяне были господами положенія во все это время и они же были главными зодчими этихъ историческихъ теченій.

Армяне, какъ извѣстно, пришли въ Армавиръ съ готовыми торговыми навыками и репутаціей искусныхъ посредниковъ. Они обладали коммерческими связями и солидными капиталами, имѣли лавки и товары, вели сношенія съ торговцами другихъ національностей и были прекрасно освѣдомлены относительно торговыхъ условій и обычаевъ разныхъ мѣстностей. Но на всемъ этомъ лежала печать примитивныхъ пріемовъ и натурального товаро-обмѣна. Торговали не столько на деньги, сколько на предметы натуральной мѣны. Въ однихъ случаяхъ торговцы отпускали фабрикаты и брали взамѣнъ скотъ и разнаго рода продукты, въ другихъ вмѣсто денегъ денежною единицею служила соль, въ третьихъ въ торговый оборотъ шли не только товары, но и люди рабы и цѣбники или ясыри. Были свои торговые обычаи и правила. Существовалъ кредитъ на честное слово и подъ поручительство. Взимался неимоверно высокій интересъ за рискъ предпріятія и веоду рядомъ съ торговымъ дѣломъ открывалась перспектива грабежей и убійствъ, надававшихъ на голову и имущество торговца. Торговля въ однихъ случаяхъ была дѣломъ чрезвычайно выгоднымъ, а въ другихъ крайне рискованнымъ.

Въ первое время торговля велась въ Армавирѣ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Торговали не все армяне, а только нѣ-

которая ихъ часть. Торговля сношенія армавирцы вели главнымъ образомъ съ черкесами, поддерживая въ горахъ старыя торговыя связи. Въ самомъ Армавирѣ торговыя обороты были незначительны. И все это было приспособлено къ условіямъ натурального товарообмѣна. Главную статью торговыхъ оборотовъ представляли сдѣлки по продажѣ и покупкѣ невольниковъ и рабовъ. Этотъ позорный видъ торговли былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ выгоднымъ. За красивыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ брали зачастую бѣшеную плату, менѣе ходкій товаръ обращался въ рабочую силу или, правильнѣе, въ вьючный скотъ. За людьми шелъ въ продажу скотъ, а за скотомъ разнаго рода продукты—кожи, шерсть, масло, медъ, воскъ, бурки, оружіе, кустарныя издѣлія и т. п. Торговля была въ зародышѣ и не столько по своимъ оборотамъ, сколько по формамъ и способамъ мѣны.

Въ такомъ видѣ армавирцы пытались вести торговлю и на русской сторонѣ. Пока велись военные дѣйствія и существовали мѣновыя дворы для торговыхъ сношеній съ горами, главные предметы торговли и излюбленныя формы мѣны у армавирцевъ прекрасно уживались. Торговое дѣло, что называется, шло какъ по маслу. Армяне безпренятственно и выгодно добывали не только черкесскій скотъ и сырье, но еще съ большими выгодами пользовались случаями, чтобы купить или продать рабовъ. Съ этими цѣлями они посѣщали мѣновыя дворы въ Прочнооконѣ, Баталпашинокѣ, Усть-Лабѣ и пр., умѣли обходить здѣсь установленныя правила и запрещенія относительно торговли людьми и условливались на счетъ совершения сдѣлокъ этого рода внѣ мѣновыхъ дворовъ. Позже армяне и мирныя горы стали посѣщать русскія ярмарки въ Ставрополѣ, Георгіевскѣ и въ казачьихъ станицахъ, и на нѣкоторыхъ ярмаркахъ открыто вели торговлю черкесскими рабами и крѣпостными. Русское правительство, однако, скоро наложило свое вето на этого рода сдѣлки. Армянамъ разрѣшено было покупать и продавать рабовъ въ своей только средѣ, однимъ лишь односельцамъ. Съ наступленіемъ періода освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости исчезли и эти послѣдніе слѣды постыдной торговли. И вотъ тогда-то начали развиваться новыя формы торговли примѣнительно къ новому строю гражданскихъ взаимоотношеній и къ новѣйшимъ экономическимъ теченіямъ.

Въ одномъ изъ общественныхъ приговоровъ за 1874 годъ сами армавирцы свидѣтельствуютъ о томъ, что одна часть армянъ занималась скототорговлей, а другая имѣла лавочки съ краснымъ товаромъ въ черкесскихъ аулахъ. Скотъ армяне скупали на ярмаркахъ и въ казачьихъ станицахъ, но и въ черкесскихъ лавочкахъ, нерѣдко также совершались сдѣлки по скототорговлѣ, черкесы также поставляли лавочникамъ армянамъ скотъ въ обмѣнъ на красный товаръ и русскіе фабрикаты. Но это были уже жалкіе остатки прежней примитивной торговли армянъ съ черкесами. Центръ тяже-

сти скототорговли былъ перенесенъ изъ за Кубани на русскую сторону и скототорговля приняла новый несвойственный ей раньше характеръ. Совсѣмъ выкинуты были изъ торговаго обихода пріемы натуральной мѣны и въ основу торговыхъ операцій положены были денежные обороты. Армяне завязали торговья связи съ отдаленными рынками Россіи. Цѣлыми табунами гоняли они лошадей для продажи на ярмарки въ Бахмутъ, Полтаву, Ромны, Бердичевъ и Варшаву, а гурты сѣраго мясного скота въ Луганскъ и Ростовъ на Дону.

Свои заботы о развитіи торговли собственно въ Армавирѣ армяне выразили въ рядѣ ходатайствъ торговаго характера передъ мѣстной администраціей и собственныхъ мѣропріятій по постановленіямъ сходовъ. Въ силу этихъ ходатайствъ въ Армавирѣ были разрѣшены двѣ ярмарки — одна на 9 мая и другая на 8 сентября. Въ 1876 году армавирицы просили Кубанское областное правленіе о перенесеніи осенней ярмарки съ 8 на 20 сентября, такъ какъ одновременно, около 8 сентября, бываютъ ярмарки въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ, куда отвлекается часть армавирскихъ торговцевъ, но уѣздный начальникъ почему-то не далъ движенія этому ходатайству. Вмѣстѣ съ тѣмъ армавирицы устраивали собственные общественныя лавки и заботились о лучшей постановкѣ торговаго дѣла на мѣстныхъ ярмаркахъ и базарахъ. Какъ видно изъ вѣдомости общественныхъ построекъ за 1870 годъ, въ Армавирѣ въ это время было 15 общественныхъ деревянныхъ подъ желѣзною крышею лавокъ. Были и другія общественныя зданія, какъ напр. хлѣбозапасный магазинъ, училищныя помѣщенія, церковная сторожка и т. п., но все они существовали, какъ обязательныя учрежденія, а общественныя лавки служили дѣлу развитія торговли и обезпечивали обществу извѣстный доходъ.

Въ ряду мѣропріятій по постановкѣ въ лучшія условія торговли относилась забота Армавирскаго общества объ улучшеніи путей сообщенія. Пока не было Владикавказской желѣзной дороги, главное вниманіе армавирицевъ было обращено на р. Кубань, удобное сообщеніе черезъ которую связывало торговлю Армавира съ русскимъ населеніемъ. Въ 1870 году обществу Армавиръ разрѣшено было намѣтникомъ Кавказа устроить паромъ черезъ р. Кубань. Но подрядчикъ по этому предпріятію предложилъ соорудить вмѣсто парома планкоутный мостъ, съ правомъ пользованія доходами съ моста въ теченіе 10 лѣтъ, послѣ чего мостъ переходилъ въ собственность Армавирскаго общества. Съ своей стороны и общество должно было дать подрядчику въ ссуду 2.000 рублей, подъ залогъ его каменнаго дома, а потомъ и построеннаго моста. По своему времени это было крупное сооруженіе для Армавира, имѣвшее, кромѣ торговыхъ выгодъ, и хозяйственное значеніе. Армавиръ уже началъ понемногу обращаться въ центръ и образовывать вокругъ себя торговый районъ изъ станицъ Кубанской области и селеній Ставропольской гу-

бернии, и его торговая роль становилась дѣломъ ближайшаго времени.

Въ семидесятыхъ годахъ Армавиръ былъ еще чисто армянскимъ поселеніемъ и его торговля находилась въ рукахъ исключительно армавирцевъ. Въ 1875 году, по оффиціальнымъ даннымъ, въ Армавирѣ числилась 611 хозяйствъ и въ томъ числѣ только 54 хозяйства или 8,8% изъ общаго числа принадлежали иногороднему населенію. Въ числѣ этихъ послѣднихъ не было ни крупныхъ капиталистовъ, ни выдающихся торговцевъ. Иногородцы занимались земледѣліемъ, имѣли свой скотъ, преимущественно лошадей, нѣкоторые были извозчиками, а въ 17 хозяйствахъ совсѣмъ не было скота. Однимъ словомъ, это были слабые экономически элементы, не игравшіе никакой роли въ хозяйственной и торговой жизни Армавира. Послѣдній былъ еще замкнутой армянской колоніей, доступной, однако, и другимъ національностямъ.

Но въ это время уже началось то экономическое теченіе въ мѣстной жизни Сѣвернаго Кавказа, которое, охвативши Армавиръ, какъ и многіе другіе пункты, измѣнило характеръ и направленіе самой торговли. Съ семидесятыхъ годовъ началась усиленная распашка земли, степи стали превращаться въ пашни, чѣмъ положенъ былъ конецъ пастбищному степному скотоводству и начало зерновой культурѣ. Народилось промысловое хлѣбное хозяйство, подчинившее своимъ нуждамъ и скотоводческой промыселъ. Стали не только много производить зерна, но и много отправлять его за границу. Этому въ сильнѣйшей степени способствовали двоякаго рода условія — проложеніе Владикавказской желѣзной дороги и близость морей съ ихъ портами. Чѣмъ ближе къ морю и желѣзной дорогѣ лежала извѣстная мѣстность, тѣмъ усиленнѣе въ ней шла замѣна скотоводческаго хозяйства зерновымъ. Въ первое время было много еще мѣста и для скота, но для хозяйства требовался главнымъ образомъ рабочій скотъ, который и утилизировался для земледѣльческихъ операций.

Армавиръ лежалъ вдали отъ моря, но на самой желѣзнодорожной линіи и въ такомъ мѣстѣ, близъ котораго, какъ на Старой Линіи и въ Ставропольской губерніи, населеніе издавна привыкло производить посѣвы. Къ тому же онъ попалъ въ центръ превосходныхъ земель, представлявшихъ неизсякаемый источникъ для добычи зерна. Близъ него и вокругъ него началось усиленное производство зерновыхъ продуктовъ, а это повело за собою быстрое развитіе хлѣбной торговли. Такимъ образомъ, Армавиръ, въ силу уже своего естественнаго положенія, сталъ центромъ мѣстной хлѣботорговли, и это, понятно, въ значительной степени повліяло на измѣненія въ его прежнихъ торговыхъ операцияхъ. Армавирцы начали заниматься покупкой и перепродажей зерновыхъ продуктовъ — главнымъ образомъ пшеницы и льна, отправляемыхъ на заграничные рынки. У Армавира появились торговые связи съ морскими портами и въ его

торговомъ ростѣ заняла главное мѣсто хлѣботорговля и всѣ тѣ виды торговыхъ операцій, которые были связаны съ ней.

Съ этого времени и началось собственно вліяніе Армавира на окрестности, какъ торговаго центра. Армавирицы взялись за хлѣботорговлю, что называется, сплошною массою. Хлѣбною торговлею начали заниматься почти всѣ прежніе армавирскіе торговцы и къ нимъ примкнуло много новыхъ. Армавиръ и его окрестности наводнены были преимущественно мелкими посредниками въ хлѣботорговлѣ, и хлѣбъ часто переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки прежде, чѣмъ попадалъ на экспортный рынокъ. Начиная съ 1871 года, въ книгахъ Армавирскаго суда встрѣчается масса дѣлъ по покупкѣ и продажѣ хлѣба, относящихся главнымъ образомъ къ невыполненію условій договора и взаимныхъ обязательствъ. Все это дѣла мелкихъ скупщиковъ. Само армавирское общество неоднократно пыталось урегулировать покупку хлѣба мелкими посредниками у производителя. Назначились мѣста сбыта и время для торговыхъ сдѣлокъ, устанавливались правила покупки зерна и отвѣтственность за нарушеніе ихъ, устранялась возможность конкурирующихъ скупщиковъ хлѣба пользоваться исключительными условіями и т. п. Судъ всегда былъ на сторонѣ слабѣйшаго и неизмѣнно поддерживалъ интересы производителя. Нѣкоторыя мѣры, какъ запрещеніе закупокъ хлѣба въ пути внѣ базара или „зазыванье“ производителей зерна въ амбары и лабазы, имѣли именно такое значеніе. Мелкія скупки хлѣба отличались вообще крайне неблагоприятными пріемами — производителей обмѣривали, обвѣшивали и всячески обманывали. Но этотъ видъ торговли широко охватилъ экономическіе интересы края и населенія.

Дѣло въ томъ, что повышенное производство зерна и усиленный сбытъ его за границу способствовали развитію болѣе широкихъ потребностей въ семьѣ и нововведеній въ хозяйствѣ. Для болѣе успешной постановки зерноваго хозяйства потребовались усовершенствованныя орудія и подъемъ земледѣльческой техники. Появились американскіе и нѣмецкіе плуги, вѣялки, сортировки, молотилки и вообще земледѣльскія машины; личныя потребности населенія также расширились, стали предъявляться требованія на лучшіе матеріалы для костюмовъ, на самые костюмы, на предметы домашней обстановки, на экипажи и т. п. Торговые обороты приняли двусторонній характеръ. Производитель привозилъ въ Армавиръ зерно для продажи и на вырученныя деньги покупалъ земледѣльскія машины и предметы личного потребленія. Такимъ образомъ образовались въ Армавирѣ склады земледѣльческихъ орудій и машинъ, возникли большіе торговые магазины и расширенъ вообще былъ товаро-обмѣнъ. Чѣмъ больше продавали зерна, тѣмъ больше покупали фабрикатовъ. Торговое развитіе Армавира шло, слѣдовательно, въ двухъ направленіяхъ — къ большому привлеченію зерна на рынокъ и къ расширенію сбыта переработанныхъ продуктовъ и фабрикатовъ съ рынка.

Армавирицы прекрасно учли оба момента торговли и старались придать имъ характеръ мѣстныхъ предпріятій, тѣсно связанныхъ съ фискальными интересами общества. Склады были обложены известными сборами, а для торговли красными товарами, бакалеей и пр. армавирицы устроили общественныя лавки. Въ октябрь 1875 года общество постановило интересный въ этомъ отношеніи приговоръ. Дѣлая постановленіе объ увеличеніи числа общественныхъ лавокъ, оно мотивировало этотъ актъ тѣмъ соображеніемъ, что увеличеніемъ лавокъ можно привлечь иногороднихъ торговцевъ къ мѣстной торговлѣ, а большее количество торговцевъ дастъ и большіе доходы арендою общественныхъ помѣщеній. Проведеніе желѣзной дороги, по свидѣтельству приговора, дало доступъ въ Армавиръ большому количеству пришлыхъ торговцевъ. Въ тѣхъ же видахъ общество постановило изъять у цѣлаго ряда владѣльцевъ ихъ усадьбы съ лавками въ общественную собственность, обративши строенія въ общественныя лавки, такъ какъ владѣльцы этихъ усадебъ заняли ихъ, не испросивши на это согласія у Армавирскаго общества и не взявши установленныхъ на то общественныхъ приговоровъ. Чтобы не вводить, однако, въ убытки этихъ самовольныхъ заимщиковъ, армавирицы предложили имъ или сдать свои лавки обществу „по оцѣнкѣ присяжныхъ оцѣнщиковъ“, или же советъ снести строенія и освободить усадебныя мѣста въ случаѣ несогласія на оцѣнку присяжныхъ оцѣнщиковъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда владѣльцы заняли усадьбы, согласно установленнымъ на этотъ счетъ порядкамъ, и владѣли ими, что называется, на законныхъ основаніяхъ, общество просто покупало необходимыя для общественныхъ нуждъ мѣста. Такъ, приговоромъ 17 августа 1875 года оно поручило правленію купить у вдовы Усаевъ Турповой усадьбу, лежащую рядомъ съ общественными зданіями въ виду необходимости расширить эти послѣднія.

Вообще армавирицы всячески заботились какъ объ унорядоченіи пользованія мѣстами и зданіями для разныхъ видовъ торговли, такъ и о полученіи съ нихъ доходовъ въ общественную кассу. Всякій шагъ въ этомъ отношеніи общество оформляло въ приговоры, какъ дѣлало это въ отношеніи землепользованія, раздачи усадебъ, веденія школьнаго дѣла, выдачи разрѣшеній на открытіе трактировъ и питейныхъ заведеній и т. п. Относительно послѣднихъ армавирицы руководились двоякаго рода соображеніями—необходимостью ограниченія пьянства и возможностью пополнить общественные доходы обложеніемъ этихъ заведеній. Въ виду сильнаго развитія пьянства ч соединенныхъ съ нимъ безобразій, ноябрскимъ приговоромъ 1874 года общество постановило ограничиться открытіемъ въ Армавирѣ только трехъ или четырехъ питейныхъ заведеній. А приговоромъ 1877 года оно приняло за правило давать разрѣшеніе на открытіе питейныхъ заведеній только лицамъ хорошаго поведенія, не состоявшимъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и тутъ же были поименованы фамиліи девяти армавирицевъ, пользовавшихся издавна

прекрасною репутацией. Въ приговорахъ на открытіе питейныхъ заведеній, пивныхъ, трактировъ и пр. за другіе годы фигурировали также имена и фамиліи главнымъ образомъ армавирцевъ. Велѣдствіе ли особой выгодности этихъ заведеній, или подъ влияніемъ довѣрія къ своимъ односельцамъ, или просто по тому, что свой своему братъ, но армавирское общество выдавало удостовѣренія на открытіе заведеній съ разнаго рода напитками по преимуществу своимъ же жителямъ.

Это не значитъ, однако, что такимъ путемъ армавирцы какъ-бы желали избавиться отъ конкуренціи пришлаго торговаго класса. Иногородніе торговцы начали осѣдать въ Армавирѣ съ тѣхъ поръ, какъ была проведена желѣзная дорога черезъ него и какъ только вошла въ широкую колею сбыта хлѣботорговля. Пришлымъ элементамъ армавирцы не ставили никакихъ препятствій въ этомъ отношеніи, и разъ свивши гнѣздо въ Армавирѣ, иногородцы стали быстро заполнять послѣдній. На 3.715 душъ об. пола кореннаго населенія, по официальнымъ даннымъ за 1876 годъ, въ Армавирѣ приходилось 888 душъ или 19% населенія иногородняго. Черезъ пять лѣтъ, въ 1881 году, иногородцы составляли 23,7% населенія. Еще черезъ 10 лѣтъ, въ 1891 году, ихъ было уже 63%, при чемъ 12,6% приходилось на долю осѣдлыхъ иногородцевъ и 50,4% иногородцевъ, не имѣвшихъ въ Армавирѣ никакой осѣдлости. А въ 1911 году, при общей цифрѣ населенія въ 37.220 душъ об. пола, коренныхъ жителей или армянъ было 5.118 душъ или 13,7% изъ общаго числа населенія, иногородцевъ осѣдлыхъ 9.680 душъ или 26% и иногородцевъ, неимѣвшихъ осѣдлости, 22.422 души или 60,3%. Вообще же съ 1876 по 1911 годъ, т. е. за 35 лѣтъ, населеніе Армавира съ 4.603 д. увеличилось до 37.220 душъ или въ 8 разъ, а количество хозяйствъ съ 578 возросло до 2.298 дворовъ или въ 4 раза. Столь быстрый ростъ Армавира и широкій притокъ къ нему иногородняго населенія находился въ тѣсной связи съ осложненіями экономической жизни и съ интенсивнымъ развитіемъ торговли. Господствующій тонъ этой послѣдней всегда давали армавирцы, но въ ней принимали также дѣятельное участіе и иногородніе торговцы.

Трудно, конечно, провести рѣзкую черту между тѣмъ, что дали Армавиру свои мѣстные армянскіе торговцы и что внесли въ армавирскую коммерцію торговцы пришлые. Судя потому, что какъ въ первое время, такъ и въ послѣдующіе затѣмъ годы пришлое населеніе состояло главнымъ образомъ изъ рабочаго люда, не имѣвшаго никакихъ обзаведеній и собственности, иногородцы имѣли отношеніе къ торговлѣ въ Армавирѣ скорѣе какъ потребители и рабочій классъ, чѣмъ какъ активные торговые посредники. Послѣдніе составляли незначительное меньшинство въ общей массѣ пришлаго люда, но и въ рядахъ этого меньшинства стояли преимущественно мелкіе торговцы и посредники. Особенно много между ними было такъ назы-

ваемых „пабасевъ“ или мелкихъ скупщиковъ хлѣба и второстепенныхъ приказчиковъ по хлѣботорговлѣ. Господами же положенія несомнѣнно были коренные армавирцы. Въ торговлѣ скотомъ, въ обширныхъ хлѣбныхъ операціяхъ, при снабженіи населенія земледѣльческими орудіями и машинами, въ сбытѣ красныхъ товаровъ и фабрикатовъ, въ продажѣ желѣзныхъ издѣлій и бакалеи, однимъ словомъ, во всѣхъ видахъ мѣстной армавирской торговли наиболѣе дѣятельными ея предпринимателями и агентами были по преимуществу армяне. Армяне создали Армавирь и армяне довели въ немъ торговлю до той степени ея развитія и напряженія, въ которомъ она находилась въ самыя послѣдніе годы.

Какъ уже упомянуто выше, первоначально торговля въ Армавирѣ велась одними армянами. Она начата была черезъ два года послѣ заселенія его, т. е. въ 1841 году. Въ это время на площади къ югу противъ церкви Успенія былъ построенъ первый торговый рядъ. Здѣсь торговало до двухъ десятковъ отдѣльныхъ мелкихъ торговцевъ почти исключительно краснымъ товаромъ и очень мало азіатскимъ. Мануфактурный товаръ привозился изъ Ставрополя, а азіатскій изъ Тифлиса. Въ бакалейныхъ товарахъ въ то время не было нужды. Впослѣдствіи торговля дѣла армавирцевъ стали расширяться. Кромѣ черкесскихъ ауловъ, армяне открыли лавки съ краснымъ товаромъ и въ казачьихъ станицахъ, какъ напр. въ Лабинской, Михайловской и др. Около 1860 года открылась болѣе или менѣе крупная торговля азіатскимъ товаромъ главнымъ образомъ по ярмаркамъ. О первыхъ по времени торговцахъ изъ Армавира прекрасно еще помнятъ старики. Они называютъ по именамъ слѣдующихъ торговцевъ: К. С. Каспарова, Б. и Ос. П. Куеиновыхъ, А. З. Каспарова, Б. С. Попова, Н. Х. Попова, Ар. Б. Сеферова, Е. Ар. Артемова, Б. М. Каспарова, Темира Ширинова, Хачадур Хачересова, Христофора Давидова, Емельяна Капланова и Карапета Давидова. Всѣ эти лица вели торговлю въ такъ назыв. базарномъ ряду. Съ проведеніемъ Владикавказской желѣзной дороги впервые въ Армавирѣ стали появляться иногородніе торговцы. Съ 1880 года въ Армавирѣ перешли изъ Ставрополя крупныя торговцы—Лактіонъ Рудневъ, Мисеневъ, Мисенинкины и другіе.

Но впослѣдствіи, съ развитіемъ торговли, основную группу крупныхъ торговыхъ фирмъ далъ самъ Армавиръ. Фирмы эти стали извѣстными далеко за предѣлами Армавира, по Кубани и Тереку, въ Ставропольской губерніи и на Дону, въ такихъ городахъ, какъ Ростовъ, Екатеринодаръ, Ставрополь, Владикавказъ, Георгіевскъ, Пятигорскъ и др. Главныя же торговыя связи первостепенныхъ армавирскихъ фирмъ поддерживались съ Москвою. Кромѣ Кавказскихъ городовъ, отдѣленія армавирскихъ фирмъ возникли впослѣдствіи въ Воронежѣ, Тамбовѣ и пр. Нѣкоторыя фирмы перенесли свою объединяющую разныя торговыя предпріятія дѣятельность въ Москву. Но большинство ихъ ведутъ свои торговыя операціи въ

Армавирѣ. и во главѣ тѣхъ и другихъ фирмъ, за немногими исключеніями, стоятъ армяне.

Какъ на поразительный примѣръ перехода отъ мелкой торговли къ крупнымъ коммерческимъ предпріятіямъ можно указать на извѣстную фирму Тарасовыхъ.

Основатель фирмы Асланъ Тарасовъ выселился съ горъ въ Армавиръ въ 1839 году совмѣстно съ своими единоплеменниками и сразу же занялся здѣсь торговлею. Въ 1841 году онъ выстроилъ лавку, въ которой онъ и его сыновья торговали до 1885 года, а въ этомъ году перешелъ на мѣсто, гдѣ расположены торговыя строенія Тарасовыхъ и въ настоящее время.

Въ 1855 году Асланъ Тарасовъ былъ избранъ армавирцами сельскимъ почетнымъ судьей, въ каковой должности и умеръ въ 1857 году. Послѣ его смерти съ слѣдующаго 1858 года во главѣ фирмы былъ старшій сынъ умершаго Ованесъ. Въ это время было открыто торговое отдѣленіе въ Екатеринодарѣ и Тарасовы, кромѣ торговли, занялись коневодствомъ, скотоводствомъ и овцеводствомъ.

Въ 1858 году семья Тарасовыхъ, во главѣ съ матерью Марією Сеферовною, приписалась въ купеческое сословіе г. Нахичевани на Дону, а въ 1879 году, когда Екатеринодаръ былъ обращенъ въ гражданскій городъ, Тарасовы приписались къ купечеству этого города.

Въ 1875 году Тарасовыми была открыта въ Армавирѣ ватная фабрика. Въ 1880 году они образовали товарищество подъ фирмою „Торговый домъ братьевъ Тарасовыхъ“. Черезъ пять лѣтъ изъ товарищества выдѣлился Ованесъ Тарасовъ, открывшій самостоятельную торговлю, а остальные братья—Александръ, Лазарь, Гавріиль и Михаилъ, оставшіе въ составѣ фирмы Торговаго Дома братьевъ Тарасовыхъ“, открыли отдѣленія фирмы въ Ставрополѣ, Симферополѣ и Астрахани.

Въ 1900 году Торговый домъ братьевъ Тарасовыхъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, преобразованъ былъ въ „Товарищество мануфактуръ братьевъ Тарасовыхъ“, съ капиталомъ въ 3 милліона руб. Въ настоящее время капиталъ товарищества увеличенъ до 6 милліоновъ рублей и, кромѣ того, товарищество располагаетъ двумя милліонами рублей запаснаго и страхового капитала. Независимо отъ всего этого, „Товариществу Тарасовыхъ“ принадлежитъ много земель и разнаго рода имуществъ.

Въ такомъ же направленіи отъ малаго къ большому развивались и многія другія торговыя фирмы армавирскихъ армянъ, хотя надо прибавить, и въ не такой высокой степени, какъ фирма Тарасовыхъ.

Быстрое поступательное развитіе торговли въ Армавирѣ дало сильнѣйшій толчекъ и развитію въ немъ денежнаго обращенія. При наличности цѣлаго ряда крупныхъ торговыхъ фирмъ, здѣсь появились солидныя торгово-промышленныя предпріятія и цѣлая серия

А. А. ТАРАСОВЪ

банковъ. Армавиръ превратился въ огромный торгово-промышленный центръ, занявши въ этомъ отношеніи первое мѣсто между важнѣйшими городами Сѣвернаго Кавказа какъ по своимъ торговымъ операціямъ, такъ и по всестороннему вліянію на экономическій бытъ тяготеющихъ къ нему мѣстностей. Случилось нѣчто особенное, экстраординарное. Когда-то убогій по внѣшнему виду черкесскій аулъ, а потомъ просто селеніе, какъ значился Армавиръ по оффиціальнымъ бумагамъ, фактически сталъ городомъ, какъ крупный центръ.

ХІІІ.

Обращеніе Армавира въ городъ.

Обращеніе Армавира въ городъ велось годами и имѣетъ свою исторію, богатую не столько фактами заботливости объ интересахъ кореннаго населенія, сколько юридическими несообразностями и дефектами. Съ Армавиромъ случилось то же самое, что произошло съ узденскими правами армянъ и ихъ фактическимъ землевладѣніемъ. Права были утеряны, а часть земель отобрана. На послѣддокъ, въ довершеніе бѣды кореннаго населенія, рѣшено было и самый Армавиръ передать въ руки пришлаго населенія. Таковы были вѣлѣнія неумолимыхъ историческихъ событій.

Вопросъ объ обращеніи Армавира въ городъ возникалъ два раза и оба раза по совершенно различнымъ мотивамъ. Въ первый разъ предложено было обратить Армавиръ въ городъ въ то время, когда велась еще война съ горцами и Армавиръ считался обыкновеннымъ черкесскимъ ауломъ. Во второй разъ ту же мѣру задумано было осуществить нѣсколько десятилѣтій спустя, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда Армавиръ фактически, по своему торгово-промышленному значенію въ краѣ, началъ принимать обликъ торговаго русскаго города. Но въ первомъ случаѣ обращеніе Армавира въ городъ тѣсно связано было съ охраной интересовъ армянъ, а во второмъ реформа проектировалась многими учрежденіями въ ущербъ этимъ интересамъ.

Въ мѣстныхъ историческихъ матеріалахъ сохранился интересный „Проектъ положенія объ учрежденіи города Армавира“, составленный въ тотъ періодъ войны русскихъ съ горцами, когда Армавиръ и ближайшія къ нему мѣстности находились въ вѣдѣніи командующаго войсками праваго крыла Кавказской линіи, т. е. послѣ изданія въ 1858 году закона объ управленіи Кавказской арміей. Кто былъ авторомъ положенія и почему оно было не осуществлено, по матеріаламъ не видно; но основныя начала этого положенія заслуживаютъ вниманія, какъ характерный историческій показатель. Судя по нимъ, военная администрація того времени серьезно была занята вопросомъ о томъ, въ какое сословное положеніе слѣдовало поста-

вить армянъ, вышедшихъ изъ черкесскихъ владѣній на русскія земли Примѣнительно къ этой задачѣ и былъ составленъ проектъ объ обращеніи Армавира въ городъ.

„Находящяся нынѣ на лѣвомъ берегу р. Кубани, противу Прочноокопскаго укрѣпленія армянское селеніе Армавиръ, гласитъ параграфъ первый названнаго положенія, обращается въ городъ подъ тѣмъ же названіемъ, во 1-хъ для установленія и опредѣленія правъ и обязанностей живущихъ тамъ выходцевъ изъ горъ — армянъ, во 2-хъ для доставленія остающимся между непокорными горами армянамъ и грекамъ возможности выселяться подъ наше покровительство и устроить прочную осѣдлость и правильную торговлю, и въ 3-хъ вообще для развитія торговли и промышленности въ окрестныхъ Армавиру мѣстностяхъ“. Задачи совершенно ясны, понятны и тѣсно связанныя съ текущими историческими условіями того времени. Требовалось позаботиться объ осѣвшихъ въ Армавиръ поселенцахъ.

Кавказскую военную администрацію повидимому смуцалъ вопросъ о томъ правовомъ положеніи, какое предстояло укрѣпить за горскими армянами, выселившимися въ Армавиръ. Къ какому сословию, въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало причислить ихъ? Обратитъ ихъ прямо въ низшее сословіе — крестьянъ, какъ это было сдѣлано впоследствии, нельзя было, потому что армяне сами владѣли крѣпостными крестьянами. Представленія о нихъ, какъ о дворянахъ, такъ же не укладывались въ общепринятые рамки. Во первыхъ, это были форменные горцы, рѣзко отличавшіеся по своимъ нравамъ, обычаямъ и привычкамъ отъ русскаго дворянства, а во вторыхъ, отъ этихъ своеобразныхъ черкесскихъ дворянъ вѣяло такимъ духомъ торговыхъ навыковъ и дѣятельности, который также никакъ не вязался съ русскими дворянскими установленіями. По соображеніямъ бюрократіи того времени выходило какъ-то такъ, что армавирскіе дворяне не подходили къ русскому дворянскому двору, тѣмъ болѣе что это были не настоящіе черкесы головорѣзы, а добровольцы христіане, съ которыми, какъ послушными чадами, можно было и не церемониться. Но все таки предстояло найти какое либо мѣсто въ русской сословной лѣстницѣ для людей, которые были одновременно и дворянами и купцами. Такое мѣсто было найдено. Рѣшено было армавирскихъ армянъ обратитъ въ особаго рода торговцевъ, сохранивши за ними часть дворянскихъ ихъ правъ и обезпечивши ихъ разнаго рода льготами.

На основаніи параграфа 5-го положенія, всѣ армавирскіе армяне перечислялись въ мѣщане города Армавира, съ правомъ перехода, по собственному усмотрѣнію, въ купцы 1, 2 и 3-й гильдій: въ силу же параграфа 20-го армавирцамъ, поступившимъ добровольно въ милицію, предоставлялись „права горскихъ узденей, какъ это было принято при обязательномъ несеніи ими службы въ милиціи“. Такимъ образомъ, большинству армавирскихъ жителей давался ши-

рокіи просторъ для торговыхъ занятій, а за меньшинствомъ, оставшимся вѣрнымъ военнымъ традиціямъ, закрѣплялись узденскія права. Повидимому Кавказскіе законодатели предполагали, что изъ горскихъ армянъ выйдетъ больше именитыхъ купцовъ, чѣмъ русскихъ дворянъ. Поэтому, быть можетъ, не въ примѣръ русскимъ купцамъ и мѣщанамъ, параграфомъ 18 положенія всеѣмъ армавирскимъ жителямъ предоставлено было право владѣть, въ продолженіи 25 лѣтъ, „такъ называемыми крѣпостными людьми магометанскаго вѣроисповѣданія“. Стало быть, временно не только армавирскіе купцы, но даже мѣщане востаки оставались если не столбовыми дворянами, то временными помѣщиками, при чемъ права и обязанности владѣльцевъ къ ихъ крѣпостнымъ и крѣпостныхъ къ своимъ владѣльцамъ остались неизмѣнно тѣми же, какія существовали у нихъ до того времени по народнымъ обычаямъ.

На такихъ же основаніяхъ должны были зачисляться въ Армавиръ и тѣ изъ жившихъ еще среди непокоренныхъ черкесскихъ племенъ армяне и греки, которые переходили изъ горъ въ русскія владѣнія. Всеѣмъ имъ, наравнѣ съ армавирцами, предоставлялись „слѣдующія льготы и преимущества: а) освобожденіе съ потомствомъ отъ рекрутской повинности какъ натуральной, такъ и денежной; б) отъ постоянного наряда милиціи для кордонной службы или въ продолжительныя экспедиціи противъ горцевъ; в) отъ воинскаго постоя, кромѣ случаевъ прохода черезъ городъ воинскихъ командъ; г) отъ тѣлеснаго наказанія; д) отъ подушной подати, замѣнявшейся черезъ 25 лѣтъ двухрублевымъ взносомъ со двора. Въ теченіе этого же времени они освобождались отъ платежа гильдейскихъ и другихъ государственныхъ повинностей.

Армянамъ затѣмъ отдавались бесплатно дворовыя мѣста въ городской чертѣ въ вѣчную и потомственную собственность, а „городу Армавиру отводился бесплатно на вѣчныя времена особый участокъ земли для хлѣбопашества и скотоводства изъ назначенныхъ для закубанскихъ горцевъ свободныхъ земель на лѣвой сторонѣ рѣки Кубани“ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ армавирцы фактически пользовались. А какъ велики были размѣры земельныхъ владѣній армавирцевъ, объ этомъ можно судить по примѣчанію къ послѣднимъ параграфамъ, коимъ армавирцы должны были „защищать свои земли отъ черкесовъ сами, а при неустойкѣ давать знать ближайшему кордонному начальству“. Столь внушительная военная обстановка возможна была только на обширныхъ площадяхъ земли.

По городовому положенію, наконецъ, Армавиру предположено было даровать особый гражданскій судъ, съ разборомъ дѣлъ „по своимъ правамъ и обычаямъ“. Лица, входившія въ составъ этого суда, должны были состоять вмѣстѣ съ тѣмъ и членами городского правленія. Въ составъ послѣдняго входили предсѣдатель правленія, онъ же и начальникъ города, который назначался военною администраціей изъ штаба офицеровъ, непремѣнный членъ или помощникъ

начальника и его замѣститель, и шесть присяжныхъ старшинъ, избираемыхъ городскимъ обществомъ изъ своей среды. При городскомъ правленіи состояла канцелярія въ составѣ секретаря, нѣсколькихъ писцовъ и стряпчаго.

Судъ присяжныхъ старшинъ, долженствовавшій вѣдать все тѣ гражданскія, исковыя и тяжбы дѣла, какія вѣдались совѣстными и словесными судами, былъ, однако, учрежденіемъ совершенно независимымъ. Въ составъ его не входили коронные члены и когда въ немъ разсматривались дѣла примѣнительно къ обычному праву армавирцевъ, то предсѣдателю и непремѣнному члену положеніемъ воспрещалось принимать какое либо участіе; „присяжные же старшины сохраняли въ своихъ дѣйствіяхъ все правила и порядки, существовавшіе въ Армавирѣ издавна по народнымъ обычаямъ“. Обычаи эти или адаты оставались, слѣдовательно, въ полной силѣ и независимость народнаго суда считалась неприкосновенной. Это было то, чѣмъ особенно дорожили армяне.

При наличности такихъ-то установленій военная администрація проектировала обратить Армавиръ въ городъ въ то время, когда въ немъ начиналась только хозяйственная и торговая жизнь. На ряду съ коренными армавирцами и послѣдующими выходцами изъ горъ— армянами и греками, положеніемъ предоставлялось право селиться въ новомъ городѣ вообще „русскимъ подданнымъ всехъ свободныхъ состояній“, чтобы придать такимъ образомъ армянскому городу общерусскій характеръ. Но главная задача администраціи состояла въ томъ, что-бы узаконить сословное положеніе армянъ, не ломая повозможности ихъ обычныхъ установленій и порядковъ, и обезпечить въ надлежащей мѣрѣ ихъ интересы, по скольку они касались армянскаго быта и не шли въ разрѣзъ съ государственнымъ строемъ.

Иначе поставленъ былъ вопросъ о преобразованіи Армавира въ городъ во второй разъ. Тутъ ужъ мотивы обезпеченія интересовъ кореннаго населенія отодвинуты были на задній планъ и на первое мѣсто были выдвинуты соображенія чисто тактическаго свойства. Простому и естественному государственному акту былъ приданъ чисто боевой характеръ.

Когда Армавиръ достигъ значительной экономической мощи и сталъ торговопромышленнымъ центромъ для окрестныхъ мѣстностей, тогда противъ него буквально таки предпринятъ былъ походъ. Ополчилось пришлое населеніе противъ коренныхъ жителей. Съ первыхъ же шаговъ своего похода иногородцы старались придать вопросу о муниципализаціи Армавира крайне тенденціозный характеръ. Они жаловались начальству на то, что армавирскіе армяне вредный народъ, что они утѣсняють иногороднее населеніе и что, поэтому, Армавиръ слѣдуетъ обратить въ городъ, изъявъ его изъ вѣдѣнія кореннаго населенія и передавъ его имъ, какъ угнетаемымъ. Мотивы не столько дѣловаго, сколько князюзнаго характера, но и они

были обставлены очень странно и неудовлетворительно. Кромѣ огульного обвиненія армянъ во враждебномъ отношеніи къ пришлому населенію, иногородцы ихъ обвиняли еще въ томъ, что они склонны къ повышеннымъ преступленіямъ, какъ горская народность, и установили „безправные, по терминологіи прошенія. налоги“ въ видѣ посаженной платы съ иногороднихъ и обложенія извозчиковъ. Можетъ быть, эти налоги были и тяжелы, что осталось необоснованнымъ въ прошеніи, но странно обвинять коренное населеніе въ томъ, что оно беретъ въ общественный доходъ плату за общественныя земли и облагаетъ налогомъ тѣхъ, кто пользовался мостовыми Армавира, освѣщеніемъ улицъ, городской охраной и другими удобствами, обслуживаемыми на общественныя средства.

Что же касается обвиненія армянъ во враждебномъ отношеніи къ пришлому населенію, то просмотрѣнные мною, за все время существованія письменнаго дѣлопроизводства въ управленіи армянъ, общественные приговоры, тысячи рѣшеній мѣстнаго армянскаго суда, которому подчинено и русское податное населеніе, и остальные документы, касавшіеся взаимоотношеній между армянами и неармянами, не даютъ основаній для этого голословнаго обвиненія. Наоборотъ, всѣ эти неподкупные показатели свидѣтельствуютъ о полной корректности кореннаго населенія въ дѣлахъ общественнаго характера и о поразительномъ объективизмѣ ихъ народнаго суда.

Точно также сомнительнымъ является и обвиненіе армянъ въ повышенной преступности сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Въ спискахъ поднадзорныхъ Армавирскому правленію лицъ, осужденныхъ за воровство, мошенничество и др. преступленія, фамиліи армянъ во всякомъ случаѣ значатся въ меньшинствѣ. Дракъ и серьезныхъ столкновеній между армянами, судя по судебнымъ матеріаламъ, было дѣйствительно много въ первые годы существованія Армавира, когда въ ихъ жизни имѣли еще мѣсто обычаи кровомщенія, похищенія невѣстъ и т. п.; но потомъ, съ исчезновеніемъ этихъ обычаевъ, армяне, можно сказать, стали примѣрнымъ населеніемъ. Имъ чужды открытое пьянство, безшабанный разгулъ молодежи, дебоширство и другіе проступки противъ общественной тишины и спокойствія. Къ старикамъ, старшимъ и къ женщинамъ армяне относятся съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ другія народности. Вообще нравы у армянъ смягчились и улучшились. Конечно и у армянъ есть преступники, но въ семьѣ не безъ урода, и во всякомъ случаѣ обвинять ихъ въ повышенной преступности нѣтъ основаній. Правда, за армянами можно зачислить одинъ грѣхъ—это обиліе тяжкихъ дѣлъ по денежнымъ обязательствамъ, векселедательству и нарушеніямъ торговыхъ и другихъ договоровъ. Въ этомъ отношеніи они превзошли русскихъ, но достаточно ли этого мотива для того, чтобы онъ могъ послужить даже побочнымъ обстоятельствомъ въ рѣшеніи вопроса объ обращеніи Армавира въ городъ?.

Еще слабѣе въ прошеніи иногородцевъ былъ другой рядъ мотивовъ, выразившихся въ отѣненіи какъ бы неблаговидности общественныхъ расходовъ въ Армавирѣ. Указывая на значительныя суммы общественныхъ доходовъ по Армавиру, жалобщики поставили армянамъ въ вину ихъ расходы: на встрѣчу католикоса, на помощь армянамъ, потерѣвшимъ отъ наводненія, на депутацію армавирицевъ избранныхъ для защиты своихъ общественныхъ правъ, на содержаніе армянскихъ школъ, на постройку и ремонтъ армянскихъ церквей, на содержаніе армянскаго управленія, на покупку хлѣба для армянскаго продовольственнаго магазина и на уплату подымной подати, падавшей на одно армянское населеніе. Все это, конечно, факты и факты, но считать эти факты посылкою для вывода о томъ, что Армавиръ долженъ быть обращенъ въ городъ никакъ нельзя. Да и сами по себѣ большинство этихъ фактовъ вытекаютъ, во первыхъ, изъ требованій закона, а во вторыхъ, изъ насущныхъ нуждъ коренного населенія, хозяина Армавира и его земель. Неужели обращеніемъ Армавира въ городъ можно упразднить такіе естественные и вполне законные расходы, какъ расходы на встрѣчу главы армяно-григоріанской церкви, на помощь пострадавшимъ, на школы, на постройку и ремонтъ храмовъ Божьихъ и т. п.?

Такъ неосновательны и слабы были тѣ мотивы, съ которыми выступило принятое населеніе противъ коренныхъ жителей въ борьбѣ изъ за Армавира. Основной вопросъ о необходимости муниципализаціи Армавира явился совершенно пустымъ по содержанію и безпринципнымъ по отсутствію тѣхъ основаній, изъ которыхъ логически вытекала бы необходимость реформы. Не было ни мотивовъ государственной важности, ни анализа мѣстныхъ экономическихъ условій, ни учета торгово-промышленныхъ выгодъ, ни даже административныхъ соображеній и вообще ничего такого, что имѣло бы непосредственное отношеніе къ вопросу о муниципализаціи. Иногородцамъ удалось лишь одно-пристегнутое съ боку голословное обвиненіе армянъ въ томъ, что они враждебно относятся къ русскимъ. Оно принесло потомъ свои плоды.

Прошеніе иногороднихъ пошло по разнымъ инстанціямъ. Первою инстанціей было Кубанское областное правленіе. По его свѣдѣніямъ, въ 1900 году въ Армавирѣ, при торговомъ оборотѣ въ 18.001.000 рублей, изъ 729 хозяевъ армянъ обрабатывали землю только 297 хозяевъ, „при чемъ, какъ значится въ журналѣ правленія, женщины въ обработкѣ земли совершенно не участвуютъ“, и изъ 14.565 дес. пахатной земли армянами было засѣяно 4.762 дес., а остальные пашни они отдавали въ аренду и скопщину. Кажалось бы, что изъ этихъ немногихъ и условныхъ данныхъ слѣдовалъ прямой выводъ о предпочтеніи армавирицевъ торговыхъ занятій земледѣлію, для чего требовалось привести и другой рядъ цифръ, свидѣтельствовавшихъ о торговлѣ армавирицевъ. Это былъ положи-

тельный доводъ въ пользу необходимости городской реформы. Но областное правленіе привело справку о томъ, что подъ приговоромъ Армавирскаго общества, въ которомъ оно категорически отказалось отъ обращенія Армавира въ городъ, подписалось 534 домохозяина, т. е., за вычетомъ отсутствовавшихъ, больныхъ и пр., почти все наличные представители правомочнаго населенія, и сдѣлало, на основаніи этихъ цифръ, совершенно неожиданное заключеніе о томъ, что приговоръ составленъ былъ подъ давленіемъ лицъ, несочувствовавшихъ преобразованію Армавира въ городъ. Вышло какъ-то такъ, что не только иногородніе жители, но и сами армяне въ сущности желали превращенія Армавира въ городъ. А это означало, что, слѣдовательно, армавирцы злобный народъ, не желавшій идти по указанному имъ пути, въ виду чего и не слѣдовало обращать на нихъ нежеланіе вниманія.

Просто и категорично отнесся къ рѣшенію вопроса о реформѣ Армавира главный военный штабъ. Въ 1902 году онъ далъ свое заключеніе въ томъ смыслѣ, что Армавиръ слѣдовало переименовать въ городъ, всю принадлежавшую армянамъ землю въ количествѣ 54.468 дес. надлежало передать въ собственность города, а желавшихъ остаться поселянами армянъ надѣлать землею по числу мужскихъ душъ.

Еще рѣшительнѣе высказалось по этому поводу военное министерство въ своемъ мнѣніи, сообщенномъ Министру Финансовъ 1 декабря 1904 года. Исходя изъ того соображенія, что въ Армавирѣ, благодаря его обширнымъ торговымъ оборотамъ, живетъ 18000 душъ иногородняго населенія, эксплуатируемаго 4000 армянъ, Министерство цѣликомъ поддерживало мнѣніе главнаго военнаго штаба, но усилило его тѣмъ добавленіемъ, что состоятельныхъ армавирскихъ армянъ слѣдовало „зачислить въ городское сословіе помимо ихъ желанія“ и отобрать у Армавирскаго общества въ пользу города все принадлежащее обществу капиталы и общественное имущество.

Съ своей стороны, главноначальствующій на Кавказѣ князь Голицынъ, основываясь на ст. 717 общихъ законовъ, находилъ, что отобрать безвозмездно землю отъ армянъ никакъ нельзя даже въ предѣлахъ селитебной площади. Но главноначальствующій находилъ необходимымъ обратить Армавиръ въ городъ по другому соображенію, чтобы оказать помощь „русскому населенію, угнетаемому армянами“, хотя послѣднее придаточное предложеніе ничѣмъ не подтверждалось.

Наконецъ, въ средѣ министровъ, признавшихъ необходимымъ обращеніе Армавира въ городъ, мнѣнія раздѣлились по частичнымъ толкованіямъ тѣхъ условій, на основаніи которыхъ можно было осуществить предложенную реформу.

Министръ юстиціи, находя необходимымъ введеніе городского положенія въ Армавирѣ, считалъ, что принудительное отчужденіе безмездно земли у армянъ подрывало бы авторитетомъ правительства.

Министръ земледѣлія призналъ возможнымъ осуществить реформу, надѣливши будущій городъ 6000 десятинъ земли.

По мнѣнію министра финансовъ, обратитъ Армавиръ въ городъ было совершенно возможнымъ дѣломъ, но изытіе въ пользу города всей площади принадлежавшихъ Армавиру земель, общественныхъ капиталовъ и имуществъ было бы нарушеніемъ гражданскихъ правъ коренного населенія. Въ силу этого же соображенія, нельзя было передать городу и тѣхъ 3000 дес. земли, которыя отведены были Армавирскимъ обществомъ для содержанія ихъ училища.

Наконецъ, со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало заключеніе въ томъ смыслѣ, что въ административномъ порядкѣ можно было бы ввести городовое положеніе только для одной селитебной части Армавира, а для болѣе широкой постановки городской реформы потребовалось бы Высочайшее повелѣніе.

Все это лишь отдѣльные, наиболѣе характерные моменты въ исторіи муниципализаціи Армавира. Вопросъ этотъ нѣсколько разъ возбуждался, дополнялся и перерѣшался въ разнаго рода учрежденіяхъ, но во всѣхъ случаяхъ наиболѣе ясно и опредѣленно выдвигался на первый планъ лейбъ-мотивъ: нужно, во что бы то ни стало, изытть Армавиръ у коренныхъ жителей, какъ армянъ, и передать его въ вѣдѣніе пришлагаго русскаго населенія. Но именно націоналистическая тенденція въ сильнѣйшей степени осложняла вопросъ и мѣшала его правильной постановкѣ и разрѣшенію, обостряя въ то же время взаимныя отношенія борющихся сторонъ.

По очень естественнымъ причинамъ, армавирскіе армяне энергично выступали противъ осуществленія реформы. Они стояли „за свое“ и не желали передать это „свое“ чужимъ да еще даромъ. Въ своихъ ходатайствахъ армяне указывали на то, что они основали, развили, застроили и возвеличили Армавиръ, что на это они затратили массу энергіи и капиталовъ, что земля, послѣ многихъ и долгихъ хлопотъ, была отдана имъ за усердную и самоотверженную военную службу, что они всегда были самыми ревностными исполнителями распоряженій начальства, что они неуклонно заботились о внѣшнемъ видѣ и благоустройствѣ Армавира, произвели огромныя затраты на общественныя зданія, на мостовыя, на освѣщеніе и т. п. и что они не отказываются и отъ дальнѣйшихъ улучшеній Армавира особенно тѣхъ, которыя потребуеетъ начальство. Историческое прошлое несомнѣнно стояло на сторонѣ коренныхъ жителей Армавира.

Страшно было бы требовать отъ армянъ, что бы они отказались отъ своей національной самобытности и кровныхъ интересовъ. Нельзя было бы требовать, чтобы армяне отказались отъ удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ, потребностей въ просвѣщеніи, въ культурѣ, въ укрѣпленіи общественныхъ порядковъ, хотя бы и въ тѣсной сферѣ сельскаго самоуправленія, въ естественномъ стремленіи улучшить свой армянскій бытъ, а именно все это и стави-

П. А. Муратовъ, б. волостной старшина.

лось въ вину армянамъ. Самое большее, чѣмъ могли быть грѣшны армяне, исчерпывалось тѣми жизненными случаями, когда армянинъ благоволилъ армянину, а не инородцу. Но это свойственно любой національности, и армяне никогда не выходили изъ тѣхъ границъ, гдѣ начиналось бы нарушение закона или административныхъ распоряженій и тѣмъ болѣе нарушенія государственныхъ интересовъ. Наоборотъ, на всемъ Кавказѣ армавирскіе армяне представляли наиболѣе послушную народность, ни разу не нарушивши нормальнаго теченія жизни какими либо эксцессами.

Но съ именемъ армянъ всегда соединялось самое грозное обвиненіе противъ нихъ, состоявшее въ томъ, что армяне давили русское населеніе своею экономической мощью и капиталами. Въ этомъ обвиненіи есть своя доля истины. Въ рукахъ армавирскихъ армянъ сосредоточены дѣйствительно наиболѣе солидные капиталы и если бы армяне даже не захотѣли, то не смогли бы не подавлять ими интересы трудящихся классовъ и маломущаго населенія, при существующемъ экономическомъ строеѣ. Но вѣдь капиталъ интернаціоналенъ. Имъ можетъ давить рабочую массу одинаково и армянинъ, и русскій, и татаринъ. Вся вина армянъ, слѣдовательно, заключалась въ томъ, что они богаче другихъ и располагали крупными капиталами. Но это именно и есть коренное условіе, на которомъ зиждется муниципальная жизнь и взаимоотношенія городовъ при существующихъ условіяхъ и законодательствѣ. Слѣдовательно, наиболѣе тяжкій грѣхъ армянъ— ихъ торговыя преимущества, и составляетъ тотъ главнѣйшій мотивъ, которымъ была вызвана фактически необходимость въ преобразованіи села въ городъ. Этой точки зрѣнія, какъ мы видѣли уже, держались составители перваго проекта о преобразованіи Армавира въ городъ.

Благодаря концентраціи капиталовъ у армянъ. Армавиръ уже сталъ городомъ. При 60-ти тысячномъ населеніи и свыше 50 милліонахъ рублей годового оборота въ 1200 торговопромышленныхъ предпріятіяхъ и около 500 мил. руб. оборота въ 10 кредитныхъ учрежденіяхъ онъ имѣлъ уже болѣе 1000 десятинъ земли подъ строениями, улицами и площадями, свыше 16 мил. пудовъ груза по экспорту и 15 мил. пудовъ по импорту, до 70 фабрикъ и заводовъ, 38 торговыхъ товариществъ, 25 торговыхъ домовъ и 14 акціонерныхъ компаній, а также трехъ нотаріусовъ, три камеры мировыхъ судей, сѣздъ мировыхъ судей, трехъ судебныхъ слѣдователей, много врачей и адвокатовъ, свои гимназіи и учебныя заведенія, мѣстныя газеты, клубы, гостиницы, рестораны, цирки, театръ, электричество, телефонную сѣть и многое другое, свойственное городскому укладу жизни. Все это образовалось не вдругъ, а постепенно, и, по естественному стеченію обстоятельствъ, на землѣ армавирскихъ армянъ, закрѣпленной полувѣковою давностью.

Въ сущности Армавиръ, какъ городъ, т. е. внѣшній видъ его и внутренняя организація по обслуживанію общественныхъ нуждъ,

созданъ общественнымъ управленіемъ коренныхъ жителей. Армавирамъ никакъ нельзя предъявить обвиненіе въ томъ, что они ничего или даже очень мало сдѣлали для Армавира, какъ города. Отчетъ волостного старшины П. А. Муратова за трехлѣтіе 1911—1913 гг. даетъ очень краспорѣчивыя данныя въ этомъ отношеніи. Въ теченіе трехъ только лѣтъ Армавиръ, что называется, преобразился. За три года въ немъ заново были построены зданіе для пожарнаго обоза, баракъ для ратниковъ ополченія, пристройки въ сельской больницѣ, помѣщеніе биржи труда и пр., при чемъ одно зданіе для пожарнаго обоза стоило 42.000 руб. Реорганизованъ былъ и самый пожарный обозъ, т. е. увеличенъ составъ наличныхъ силъ и размѣры противопожарныхъ средствъ. Одновременно съ тѣмъ приведенъ былъ, путемъ капитальной ремонтровки, въ надлежащій видъ цѣлый рядъ общественныхъ зданій и учреждений, какъ напр. Александровское училище, бойня, молочный рынокъ, эпидемическій баракъ, сельская больница, сапной сарай, помѣщеніе для сѣзда мировыхъ судей, мостъ черезъ р. Кубань и т. п. Особенно же усиленно велось въ это время замощеніе улицъ. Мостовыя были сооружены по шести улицамъ и въ общемъ, вмѣстѣ съ переходами черезъ улицы и къ кладбищу, замощена была площадь въ 19.389 кв. саж., т. е. свыше 8 десятинъ. На ряду съ этими крупными общественными работами, сами жители всюду устроили кирпичные тротуары. Въ то же время переустроены были базаръ введеніемъ новыхъ рядовъ по новому плану — мясного, хлѣбнаго и для овощей и зелени, укрѣплены были берега р. Кубани, огорожены 3-я роща и общественныя плановыя мѣста, приведены въ порядокъ и засажены новыми деревьями бульвары, заведены цвѣтники и т. п.

Армавиръ имѣлъ уже водопроводъ и электрическое освѣщеніе. Последнее было доведено до 58 дуговыхъ фонарей въ 600 свѣчей каждый и до 18 лампъ въ 200 свѣчей каждая, т. е. общая сила электрическаго свѣта стала равна 38.400 свѣчей. Армавирское общество выдало также концессию на постройку электрическаго трамвая и постановило открыть 8 классное коммерческое училище, съ ежегоднымъ расходомъ на содержаніе его въ 45,000 рублей. Какъ залогъ для будущаго благо-устройства Армавирское общество приобрѣло 411 дес. земли за 172 тысячи рублей, сданныхъ въ аренду за 12 тысячъ рублей.

Вообще, въ теченіе послѣдняго трехлѣтія, значительно повышены были какъ расходы, такъ и доходы по Армавиру, и все это направлено на благоустройство, на удовлетвореніе общественныхъ потребностей и на культурно-общественныя обзаведенія. Къ лучшему замѣтно измѣнился не только вишній видъ Армавира, но еще въ большей степени общія условія для жизни. Благодаря моцненію, главныя улицы Армавира стали удобопрѣзжими, приличнѣе и чище, меньше стало грязи въ дождь и пыли въ сухую погоду, больше появилось растительности и зелени въ общественныхъ мѣ-

стахъ, вообще въ санитарномъ отношеніи въ Армавирѣ сдѣланъ значительный шагъ впередъ. На санитарную часть было обращено вниманіе, заведена была чистка базаровъ, площадей и улицъ, учреждена новая должность санитарнаго надзирателя и сѣорганизованъ въ цѣляхъ санитаріи спеціальныи обозъ изъ пяти фуръ.

Очень характернымъ оказывается вообще фактъ роста расходовъ на нужды собственно Армавира и на благоустройство его. Въ 1910 году общіе расходы по Армавиру равнялись 163.716 руб., въ 1911 году 230.577 руб., въ 1912 году 306.449 руб. и за 11 мѣсяцевъ въ 1913 году 468.660 руб. Такимъ образомъ, сравненіе въ послѣдовательномъ порядкѣ расходовъ за четыре года показываетъ, что въ 1911 году расходы увеличились на 41%, въ 1912 году— на 33% и въ 1913 году еще на 53%, а съ 1910 по 1913 годъ на цѣлыхъ 186%. Но при такой общей тенденціи цифръ къ возрастанію, одни изъ расходовъ и относительно и абсолютно повысились, а другіе понизились. Такъ, расходы на мѣстное управленіе въ Армавирѣ составляли въ 1910 году 25%, въ 1911 году 22,7%, въ 1912 году 17% и въ 1913 году 12,5%, а расходы на нужды села и благоустройство въ 1910 году составляли 48%, въ слѣдующемъ году 57%, въ 1912 году 54% и въ 1913 году цѣлыхъ 75%. Другими словами, Армавиръ сталъ не только благоустройственнымъ поселеніемъ, но и это благоустройство росло и ширилось непрерывно и систематически за послѣдніе годы.

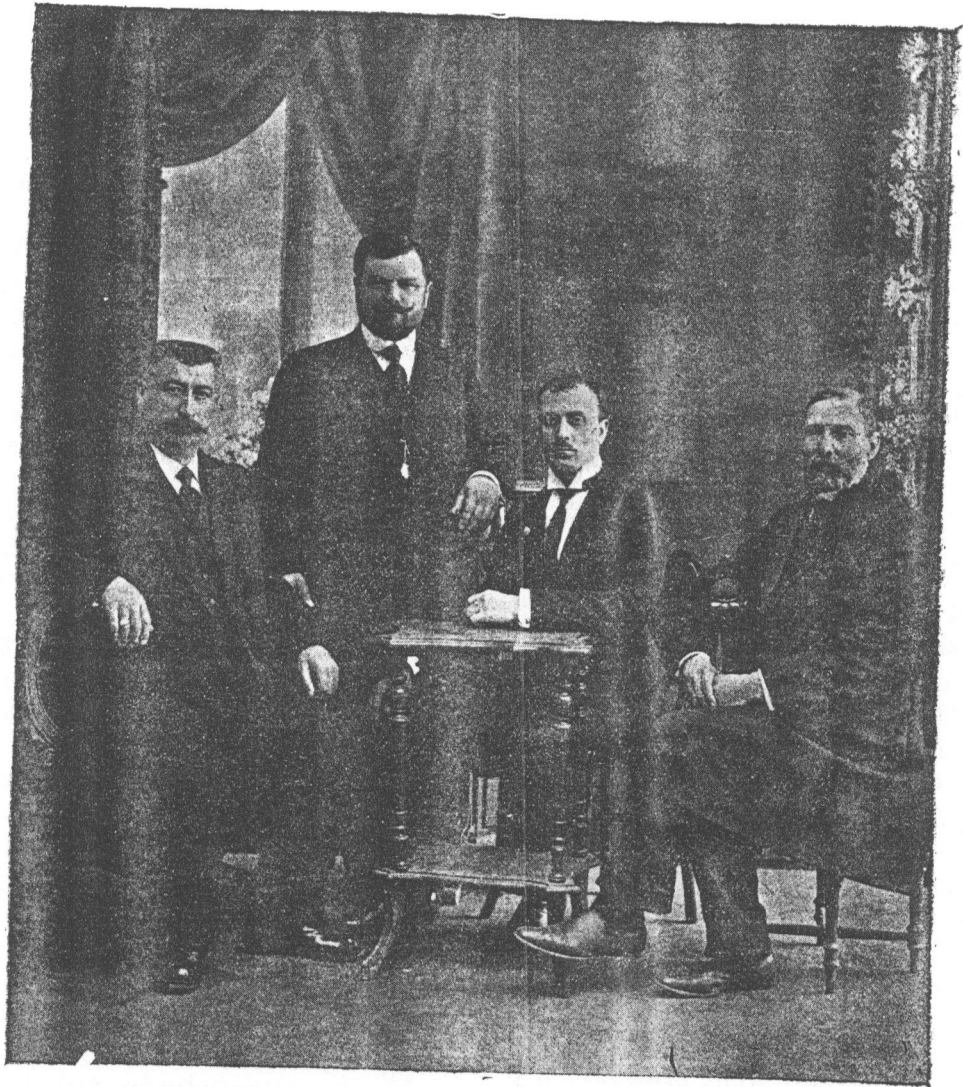
Правда, въ послѣдніе три года въ Армавирѣ по многимъ отраслямъ общественнаго хозяйства сдѣлано такъ много, какъ за длинный рядъ всѣхъ предшествующихъ, благодаря умѣлой и энергичной дѣятельности стоявшаго во главѣ общественнаго управленія старшины П. А. Муратова и его помощниковъ. Но фактъ остается фактомъ. Не будучи городомъ, Армавиръ все таки шелъ по такому широкому пути развитія общественнаго хозяйства и благоустройства, который трудно достигимъ для многихъ искони существующихъ городовъ. Слѣдовательно, Армавиръ и безъ преобразования въ городъ фактически былъ уже городомъ.

Въ настоящее время вопросъ о преобразованіи Армавира въ городъ является общерусскимъ и общегосударственнымъ вопросомъ. Не одинъ Армавиръ очутился въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, которыя приблизили его къ типу современнаго русскаго города и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаютъ формальному обращенію его въ городъ. На обширныхъ пространствахъ Россіи можно отмѣтить сотни аналогичныхъ случаевъ. Такія села, какъ Бутурлиновка, Калачъ, Алексѣевка, Ровеньки и пр. въ Воронежской губерніи, или село Покровское на берегу Волги, или казачьи станицы—Лабинская, Уманская, Устьлабинская и многія другія въ Кубанской области, или хутора той же Кубанской области въ родѣ хутора Романовскаго и пр., пр., насчитывающіе населеніе десятками тысячъ, переполненные пришлымъ людомъ и ведущіе огромные торговые обороты, нахо-

дятся въ совершенно тождественныхъ условіяхъ съ Армавиромъ. И всюду коренные жители, подобно тому какъ армавирцы, горою будутъ стоять за нарушеніе ихъ кровныхъ, исторически сложившихся интересовъ. Очевидно, существующія условія муниципализаціи крупныхъ поселеній въ города требуютъ одного общаго закона для всей Россіи, которымъ въ достаточной мѣрѣ ограждались бы насущные интересы коренныхъ жителей и найденъ былъ бы правильный выходъ для общественной организаціи этихъ полугородовъ.

Судьба Армавира, однако, рѣшена уже. Такъ какъ, по существующимъ русскимъ законамъ, село можетъ быть превращено въ городъ только съ согласія его жителей, а армавирцы рѣшительно не соглашались на это, то потребовался особый сепаратный законъ о перереформированіи Армавира въ городъ. Проектъ въ этомъ родѣ былъ внесенъ въ Государственную Думу, но былъ отклоненъ Государственнымъ Совѣтомъ. Тогда послѣдовало въ порядкѣ Высочайшаго управленія по ст. 67 о Государственной Думѣ распоряженіе объ обращеніи Армавира въ городъ. Въ силу этого закона, Армавиръ обращенъ въ городъ на слѣдующихъ основаніяхъ: въ городъ передана безмездно селитебная часть его, съ оплатою армавирскому обществу принадлежащихъ ему имуществъ и съ отводомъ 3000 десятинъ выгонной земли въослѣдствіи, когда въ Армавирѣ будетъ организована городская дума, которая и должна войти въ соглашеніе съ армавирцами по этому пункту. Но вѣдь это самое серьезное препятствіе для сколько-нибудь удовлетворительной постановки городского самоуправленія. Въ Россіи городъ безъ земли незаконорожденное дитя муниципализаціи. Городу потребуется выкупить 3000 дес. выгонной земли, а такъ какъ цѣнность усадебныхъ мѣстъ дошла уже отъ 5 до 200 р. за кв. сажень, то, при самой скромной оцѣнкѣ выгонной земли, прилегающей къ селитебной площади, въ нѣсколько рублей за кв. сажень потребуются на оплату 3000 дес. или 7.200.000 кв. саж. многомилліонныя суммы, что будетъ новому городу положительно не подъ силу,

Обращеніе Армавира въ городъ, при такихъ условіяхъ и такъ, какъ оно велось, противорѣчило русскимъ законамъ, что стмѣчено было министромъ финансовъ и др. представителями высшей власти. Армавиръ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Вопросъ о муниципализаціи крупныхъ торговыхъ селъ, которыми усыяна вся Россія, ея окраины, Сибирь и Кавказъ, имѣетъ огромное государственное значеніе. Настоятельно требуется изданіе по этому предмету общаго для всей Россіи закона, которымъ, съ одной стороны, ограждались бы интересы коренныхъ жителей, а съ другой, открытъ былъ бы просторъ развитію общественнаго самоуправленія на началахъ, возвыщенныхъ въ манифестѣ 17 октября. Только такимъ путемъ были бы устроены тѣ противорѣчивыя осложненія, которыми сопровождалось обращеніе Армавира въ городъ. Но для Армавира закрыта уже эта дорога. Это послѣднее въ исторіи пораженіе, по-несвоевременное черкесо-гаями.

Персональ Армавирской сельской больницы: справа д-ръ Кусикьянцъ, фельдшера Иванисовъ и Джароянцъ и санитарный надзиратель Донгуловъ.

ХІV.

Главнѣйшіе моменты въ исторической жизни арма- вирскихъ армянъ.

Исторія коренныхъ жителей Армавира представляетъ поразительный примѣръ устойчивости народа, малочисленнаго по составу, разъединеннаго по мѣстожительству, но крѣпкаго по своему духовному единенію.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ, изъ Малой Азіи перебралась на Кавказъ небольшая партія людей. Ее передвинули сюда исключительныя историческія обстоятельства. Родная страна выходцевъ была разгромлена, города и селенія разрушены, имущество предано огню и грабежамъ, люди падали подъ ударами меча и не могли дальше выносить насилій завоевателей. Жизнь на родинѣ стала непереносимой и съ родныхъ земель бѣжали всѣ, кто могъ.

Это было въ Арменіи или древнемъ Гайканскомъ государствѣ въ концѣ ХІV столѣтія. Тысячелѣтія до того существовала Гайканія, ея прошлое до краѣвъ было переполнено разрушительными войнами съ сосѣдями, но послѣдняя историческая вакхалалія была такъ ужасна и гнетуще тяжела, что люди, безгранично преданные родинѣ, вынуждены были оставить ее и искать спасенія въ чужихъ странахъ.

Въ эти трудныя времена изъ Гайканіи армяне массами ушли въ разныя мѣста Малой Азіи и Европы. Преданіе гласитъ, что одна дружина гайканцевъ пришла на Сѣверный Кавказъ, въ горы, гдѣ обитали черкесы. Какъ и въ зависимости отъ какихъ мѣстныхъ условій это произошло, исторія прикрыла соответствующія обстоятельства трудно пронизываемой давностью. Надо полагать, однако, что тѣ, кто шелъ на Кавказъ, знали туда дорогу. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ были здѣсь раньше. По свидѣтельству того же преданія, аборигены черкесы охотно приняли въ свою страну выходцевъ армянъ. Армяне пришли не съ завоевательными цѣлями, а въ качествѣ друзей.

Отъ этой послѣдней части преданія вѣтъ поэзіей первобытныхъ народныхъ сказаній. Пришельцы были закованы въ желѣзо и броню, имѣли блестящее оружіе и воинственный видъ. Наличие военныхъ доспѣховъ считалась тогда признакомъ благородной крови. И благородное черкесское сословіе, вонны, оберегавшіе населеніе и край, радушно приняли въ свою среду пришлыхъ воиновъ, отвели имъ почетное мѣсто, слились съ ними и даже породнились.

Это былъ первый моментъ въ исторіи армавирцевъ. Съ исторической точки зрѣнія, этотъ моментъ характеризовался наличиемъ родового быта, осложненнаго образованіемъ сословныхъ группъ. У черкесовъ были князья и дворяне, военное сословіе, народъ и рабы, зависимыя сословія, но у тѣхъ и другихъ родовымъ началомъ ре-

гулировались важнѣйшія взаимоотношенія людей. Въ умахъ массы царили еще понятія о родovitости и чистотѣ крови, высоко читлся авторитетъ старшихъ или родоначальниковъ, тяжелымъ гнетомъ ложился на внутреннюю жизнь родовой обычай кровомщенія, обычнымъ считалось похищеніе невѣстъ и т. п.

Все это должны были принять или усвоить пришлые армяне. Судя по тому, что черкесы приняли пришлыхъ армянъ, какъ „своихъ“, все это, надо полагать, соответствовало въ извѣстной мѣрѣ культурной стадіи развитія армянъ. Иначе между черкесами и армянами не могло бы произойти столь быстрого и близкаго сліянія, какъ это рисуется легендой. Не по одному оружію и воинственному виду армяне оказались сродными черкесамъ, но и по жизни, по обычаю. Пришельцы, гласящъ документы армянъ, занявши одинаковое положеніе съ черкесскими узденями, стали ихъ „сообщниками и сообразниками“. Армяне превратились въ черкесскихъ родовичей.

Преданіе перешло въ историческій фактъ. Армяне, гайкъ, стали черкесо-гаями и узденями. Съ этого начался второй моментъ въ исторіи армавирцевъ. Черкесы, какъ подавляющая по численности народность, дали, а армяне, въ положеніи тонувшей въ массѣ черкесскихъ племенъ народности, взяли внѣшній бытъ горцевъ: жилища, домашнюю обстановку, костюмъ, военное снаряженіе, хозяйственныя формы и технику, и одновременно восприняли отдѣльныя звѣнья внутренней бытовой жизни: главнѣйшій способъ общенія людей—языкъ, общій кодексъ поведенія—нравы, и нормы общественныхъ и повседневныхъ взаимоотношеній—обычай.

Это были послѣднія грани, за которыми поглощеніе одной народности другою переходило въ полное разрушеніе слабѣйшей изъ нихъ. Но у армянъ остались еще: святая святыхъ ихъ—христіанская религія, и движущій аппаратъ общественныхъ организацій—самоуправленіе, собственные распорядки своей внутренней общественной и семейной жизни. На этихъ двухъ устояхъ покоилась все время самобытность армянской народности, крѣпко спаяно было ихъ духовное единеніе.

Благодаря этому единенію, армяне, какъ болѣе сильная по духу и культурная по развитію сравнительно съ черкесами народность, усвоивши внѣшній бытъ черкесовъ и нѣкоторыя основы ихъ внутренней жизни, заняли выдающееся положеніе въ ряду другихъ группъ населенія и сумѣли укрѣпить его въ трехъ различныхъ направленіяхъ. Въ экономическую жизнь они внесли совершенно чуждый черкесскому строю промыселъ—торговлю, обогатившую ихъ. Свои отношенія съ правящимъ классомъ—съ князьями, они закрѣпили аталычествомъ и посредническою ролью необходимыхъ людей. Въ области общественнаго права и распорядковъ они сумѣли установить за собою высокій авторитетъ родовичей въ роли умныхъ и справедливыхъ судей.

И вотъ эти пришельцы, будучи черкесогаями по внѣшнему быту, по языку, нравамъ и обычаямъ и оставаясь армянами по своей вѣрѣ и внутреннимъ распорядкамъ, получили громкую извѣстность именитыхъ черкесскихъ узденей и между своими соотечественниками, обитавшими въ другихъ мѣстахъ внѣ Гайканіи. Въ тѣ времена войнъ, грабежей и произвола это было очень завидное и обезпеченное положеніе, и къ первымъ выходцамъ изъ Арменіи потянулись ихъ соотчичи армяне, жившіе въ Турціи, въ Крыму, въ Польшѣ и въ Россіи. Это былъ новый притокъ, усилившій количество богатое и почетное въ горахъ племя черкесо-гаевъ. Армяне стали какъ бы связующимъ разныя части пестрой и разноколиберной Черкессіи племенемъ. Всюду они были своими и всѣмъ нужны.

Между тѣмъ и въ средѣ черкесскихъ племенъ стали наростать свои особыя теченія въ направленіи ихъ духовнаго объединенія. Будучи язычниками по вѣрѣ, черкесы, въ короткій промежутокъ распространенія между ними христіанства, не успѣли усвоить основъ этой великой религіи. Когда, поэтому, въ горахъ началась пропаганда воинствующаго магометанства, понятнаго и сроднаго воинствующимъ черкесамъ, совершился опредѣленный поворотъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ горцевъ, пріютившихъ у себя армянъ христіанъ. Появились два совершенно различныхъ вѣроученія—высокія идеи христіанской любви и миротворенія между людьми, съ одной стороны, и пламенная вѣра въ оболстительный съ прекрасными гуріями рай, достигъ который возможно лишь съ мечемъ въ рукахъ противъ гяуровъ, съ другой. До сихъ поръ между черкесами и черкесо-гаями не было религіозной розни или во всякомъ случаѣ она не всплывала на поверхность совмѣстной повседневной жизни. Теперь же эта рознь стала фактомъ. Съ этого начался третій моментъ въ исторіи армавирцевъ.

По мѣрѣ того какъ усиливался религіозный фанатизмъ у черкесовъ, армянамъ все труднѣе и труднѣе становилось удерживать за собою свое прежнее главенствующее положеніе вліятельныхъ родовичей. Появилась брешь во взаимныхъ отношеніяхъ армянъ и черкесовъ. Когда же Россія заставила единовѣрную черкесамъ Турцію вступить ей черкесскія владѣнія въ горахъ и черкесы были окружены плотнымъ кольцомъ русскихъ войскъ, взаимоотношенія армянъ и черкесовъ осложнились и обострились еще въ большей степени. По мѣрѣ того какъ русскіе шагъ за шагомъ стали тѣснить горцевъ, занимать ихъ земли и покорять отдѣльныя племена, рознь росла и усиливалась. Тонкіе политики армяне скоро поняли вѣроятный исходъ борьбы русскихъ съ горцами и, какъ христіане, круто повернули въ сторону христіанъ. Большая часть черкесо-гаевъ, жившая бокъ-о-бокъ съ русскими владѣніями, приняла русское подданство и перешла на русскія земли.

Тогда-то возникъ Армавиръ и начался новый моментъ въ исторіи его кореннаго населенія.

Въ историческомъ отношеніи этотъ моментъ представляетъ ту особенность, что со времени основанія Армавира, всѣ черкесогаи, разбросанные до того группами по разнымъ племенамъ и отдѣльными семьями по одиночнымъ ауламъ, соединились въ одну многочленную общину и поселились вмѣстѣ. Въ такихъ условіяхъ армяне не находились еще со времени оставленія ихъ предками Арменіи.

Какъ же сложилось дальнѣйшее развитіе этой оригинальной общины? Сумѣли ли переселенцы установить правильныя гражданскія отношенія въ своей средѣ и создать сплоченную общественную организацію, привычныя къ обособленнымъ формамъ общегитія и разрозненной дѣятельности въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій?

Съ чѣмъ пришли въ Армавиръ черкесо-гаи, съ того и начали устраивать свою новую жизнь. Они не поломали ничего, что сложилось у нихъ исторически въ горахъ, начиная съ родового быта и оканчивая нелѣпыми похоронными обрядами горцевъ. Путемъ естественной группировки семействъ, жившихъ вмѣстѣ или въ общемъ сосѣдствѣ по отдѣльнымъ племенамъ, они осѣли въ Армавирѣ четырьмя такими группами или частями, изъ которыхъ двѣ—Хатукаевская и Егерухаевская части получили названія по имени тѣхъ племенъ, среди которыхъ жили раньше армяне, одна Гяурхабльская по имени главнаго аула черкесогаевъ и одна Хакубхабльская по имени лица, сплотившаго и объединившаго разрозненныхъ армянъ въ одну группу. Каждая такая часть представляла собою какъ-бы самостоятельную родовую группу, во главѣ которой стояли почетные старики, старѣйшины или родоначальники.

Это дѣленіе Армавира сохранилось до нашихъ дней, какъ нерукотокъ родового устройства внутренней жизни армянъ. И теперь еще продолжаютъ существовать въ Армавирѣ Хакубхабльскій, Гяурхабльскій, Хатукаевскій и Егерухаевскій кварталы или части. Согласно родовому началу, каждая изъ этихъ четырехъ частей посылала своихъ почетныхъ стариковъ на общій сходъ, какъ главный органъ общественнаго самоуправленія, и имѣла одного представителя въ органахъ низшаго порядка—въ тхамадѣ, судѣ и пр. Позже самое пользованіе землей пріурочено было также къ отдѣльнымъ частямъ.

Предоставленные самимъ себѣ, армавирцы въ первое время всецѣло слѣдовали тѣмъ обычаямъ, которые они унесли изъ горъ отъ черкесовъ, и ничѣмъ, за исключеніемъ открытаго исповѣдованія христіанской религіи, не отличались отъ послѣднихъ. Какъ и въ горахъ, въ Армавирѣ продолжали существовать дѣленіе населенія на узденей и рабовъ, обычай канлы или кровавой мести, умыканіе невѣстъ, калымъ за нихъ, затворническая жизнь замужнихъ женщинъ и т. п. Армяне удержали въ домашнемъ обиходѣ даже черкесскій языкъ до нашихъ дней. Однимъ словомъ, въ первое время

существованія Армавира. они буквально таки повторили обцій складъ и ритуаль той жизни, какую они вели раньше въ горахъ между черкесами.

Но въ такой позиціи горекіе армяне не могли долго удержаться. попавши въ условія русской жизни болѣе культурной, сложной и разносторонней, чѣмъ у черкесовъ. Соприкосновеніе съ этою новою жизнью неминуемо должно было повести къ измѣненіямъ въ патріархальномъ бытѣ армянъ. И осѣвши въ Армавирѣ, армяне дѣйствительно прошли затѣмъ три совершенно различныхъ стадіи въ перереформировкѣ своего быта и порядковъ.

Первую стадію составилъ военный періодъ Армавира. Въ теченіе 25 лѣтъ армяне вели упорную борьбу съ горцами какъ самостоятельно, такъ и въ рядахъ русскихъ войскъ. Это было славное въ военномъ смыслѣ время, которымъ гордятся старики, бывшіе участниками, очевидцами и современниками выдающихся подвиговъ война армавирца. Военныя дѣйствія армавирцевъ въ свою очередь распадаются на два подперіода. Въ первое время армяне защищали основанный ими Армавиръ, не давши горцамъ не только разрушить его, какъ это намѣревались сдѣлать черкесы, но даже проникнуть за его стѣны. Въ слѣдующій затѣмъ подперіодъ, армавирцы, получивши разрѣшеніе отъ русскихъ военныхъ властей, въ свою очередь обрушились на горцевъ и произвели цѣлый рядъ дерзкихъ по замыслу и удачныхъ по реквизиціямъ набѣговъ. Надо отдать въ этомъ отношеніи справедливость черкесо-гаямъ. Какъ воины, они далеко превзошли своихъ противниковъ черкесовъ храбростью, отвагой, организаціей и умѣлымъ веденіемъ предпріятій. Отдѣльныя личности выказали при этомъ истинно геройскіе подвиги. И все это занесено на страницы военной исторіи русскимъ военнымъ начальствомъ. рядомъ неоспоримыхъ доказательствъ—пожалованіемъ храбрымъ черкесо-гаямъ чиновъ, орденовъ и другихъ военныхъ отличій. Рѣдкій армянинъ, участвовавшій въ военныхъ операціяхъ, не былъ отмѣченъ тѣмъ или другимъ знакомъ военной заслуги. Очень многіе получили георгіевскіе кресты и еще больше оказалось армавирцевъ, украсившихъ свою грудь нарочно установленными для милиціонеровъ медалями за храбрость на георгіевской лентѣ. Старики милиціонеры и до сихъ поръ съ гордостью носятъ всѣ эти военные знаки отличія.

Но это былъ періодъ чисто черкесскаго уклада жизни въ Армавирѣ. Занятые военными дѣйствіями, армавирцы не пытались реформировать патріархальныхъ формъ своего быта. Внутренняя ихъ жизнь, общественный режимъ и порядки, повседневныя отношенія, господствующіе виды хозяйства, торговля и пр.—все это совершалось и велось въ духѣ черкесскаго строя. И только тогда, когда въ 1864 году былъ окончательно покоренъ Западный Кавказъ, наступилъ слѣдующій моментъ или стадія въ исторіи армавирцевъ.

Этотъ новый моментъ былъ ознаменованъ широкимъ хозяйственнымъ строительствомъ. Военная служба и тревоги перестали обременять населеніе, свободной земли было много, скота армяне имѣли достаточно, трудолюбіемъ, энергіей и способностью къ интенсивной дѣятельности они отличались всегда,—и естественно, что Армавиръ сталъ расти и развиваться прежде всего въ экономическомъ направленіи, въ увеличеніи его богатства. Еще шире поведено было скотоводческое хозяйство и прочно положено было начало зерновой культурѣ. Въ то же время замѣтно стали мѣняться и устарѣлые способы армянской торговли, покоившейся, въ первые годы существованія Армавира, на работорговлѣ и натуральной мѣнѣ краснаго товара и русскихъ фабрикатовъ на черкесскій скотъ и сырье. Съ освобожденіемъ въ самомъ Армавирѣ выведенныхъ изъ горъ черкесовъ рабовъ отъ крѣпостной зависимости, сама собою безповоротно пала работорговля и тѣ отрасли горскаго торговаго дѣла, которыя были связаны съ ней. Армянину, торговцу по натурѣ, предстояло радикально измѣнить характеръ торговли и ея операций.

Существенныя измѣненія въ этомъ отношеніи начались съ послѣдняго вида торговли, оставшейся въ наслѣдство отъ черкесовъ—со скототорговли. Пока Армавиръ находился въ обособленномъ положеніи, будучи разъединенъ значительными разстояніями отъ крупныхъ русскихъ рынковъ, армяне сосредоточили свою дѣятельность исключительно на торговлѣ скотомъ, какъ на главномъ предметѣ тогдашняго хозяйства и наиболѣе подвижномъ товарѣ, скупая его массами и отправляя на самые отдаленные рынки Россіи. Скототорговля, организованная на денежныхъ операціяхъ, приняла совершенно иной характеръ, чѣмъ какимъ она отличалась у черкесовъ въ горахъ. Когда же на смѣну степному табунному скотоводству выступило хлѣбопашество и зерновая культура стала господствующимъ промысломъ населенія, еще быстрѣе сталъ развиваться новый видъ торговли—скупка и продажа хлѣба и зерновыхъ продуктовъ.

Наступилъ третій и послѣдній моментъ въ исторіи Армавира и армавирцевъ. Окончательный поворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ одновременно съ тѣмъ, какъ черезъ Армавиръ прошла Владикавказская желѣзная дорога. Съ этого времени замѣтно стали сокращаться торговые обороты со скотомъ, усиливаться операціи по хлѣботорговлѣ и быстро повышаться торговое значеніе Армавира.

Наступилъ небывалый еще въ жизни горскихъ армянъ историческій процессъ—быстрое развитіе творческихъ силъ населенія. Точно способности и духовная мощь черкесо-гаевъ долго были стиснуты и замкнуты въ тѣсныхъ рамкахъ ихъ прежней патриархальной жизни и, будучи выпущены на просторъ, сразу и въ корнѣ перестроили всю ихъ жизнь, выдвинувши, какъ гигантскій памятникъ недалекаго прошлаго, ихъ ауль Армавиръ на показъ всѣмъ среди обширныхъ когда-то степей Предкавказья. Въ теченіе

трехъ или четырехъ десятилѣтій Армавиръ превратился въ крупный торговопромышленный центръ, а его основатели армяне въ богатѣйшее торговое сословіе, властно взявшее въ свои торговыя руки главнѣйшія нити мѣстной хозяйственной и торговой жизни.

Съ трудомъ какъ-то вѣрится, чтобы, въ столь короткій промежутокъ времени, такъ мощно и радикально могли измѣниться убогій армянскій аулъ, его коренное населеніе, народный бытъ, духовное развитіе, нравы, обычаи и вся внѣшняя обстановка. Пишущій эти строки, посѣтивши въ 1875 г. Армавиръ въ качествѣ студента-экскурсанта Петровской академіи, былъ пораженъ примитивнымъ видомъ Армавира, черезъ который тогда пролагалась Владикавказская желѣзная дорога. Армавиръ еще состоялъ большею частью изъ убогихъ черкесскихъ сакель, дворы были обнесены терновникомъ и колючкой, улицы загрязнены и неудобопроходимы, хозяйство отличалось крайнею незатѣйливостью, армяне еще ѣздили въ классическихъ черкесскихъ арбахъ, съ огромными, какъ въ хорошей водяной мельницѣ, скрипучими колесами, а женщины и дѣти, при нашемъ приближеніи къ нимъ, прятались, какъ сурки въ норы, въ свои незатѣйливыя жилища. Только лихо несущійся со степи въ Армавиръ на превосходномъ скакунѣ всадникъ, наряженный въ черкесскій костюмъ и вооруженіе, нѣсколько оживлялъ унылый видъ Армавира.

Но прошло немного времени—и сакли превратились въ красивые особняки и многоэтажные дома, на главныхъ улицахъ появились мостовыя, засверкали темными ночами электрическіе огни, керосинные и калильные фонари, площади украсились огромными частными и общественными зданіями, крошечныя краснорядскія лавки замѣнены роскошными магазинами, зазеленѣли бульвары и сады, вмѣсто неуклюжихъ скрипучихъ арбъ понеслись по улицамъ рессорные экипажи—фаэтоны, линейки и тачанки, и тамъ, гдѣ раньше лѣниво плелся грязный буйволъ, быстрою и элегантною походкою, въ узкихъ платьяхъ послѣдняго фасона, у всѣхъ на глазахъ проходятъ стройными рядами красивыя армянки,—однимъ словомъ, внѣшній видъ и благоустройство Армавира измѣнились до неузнаваемости.

Еще разительнѣе произошли перемѣны въ области внутренней жизни и взаимоотношеній армавирскаго населенія. Армавирецъ сбросилъ съ себя ненужную ношу патріархальнаго челоуѣка. Забиты черкесскіе нравы, безслѣдно исчезли ужасный обычай кровомщенія, рабы и рабство, хищеніе невѣсть и дикіе обряды религіознаго характера. Мощнымъ движеніемъ Армавирскаго общества рѣшено было упразднить языческіе церковныя обряды и церемоніи и слѣдовать лишь тому, чему учить христіанская церковь.

Но особенно выросло армянское населеніе въ своемъ духовномъ развитіи. Долгій религіозный голодъ армянъ, не имѣвшихъ въ горахъ ни церквей, ни духовенства, былъ замѣненъ систематическимъ

удовлетвореніемъ религіозныхъ потребностей народа съ появленіемъ у него своего духовенства. Армянское духовенство приняло непосредственное участіе въ открытіи школъ и обученіи дѣтей грамотѣ и письму. Народное просвѣщеніе, начатое съ начальныхъ школъ, закончилось открытіемъ среднихъ учебныхъ заведеній. Неграмотные и полуграмотные старики получили возможность давать дѣтямъ не только простую грамотность, но среднее и высшее образованіе, и армавирицы давно уже имѣютъ своихъ юристовъ, инженеровъ, филологовъ и др. Хотя старики до сихъ поръ еще объясняются на черкесскомъ нарѣчій, но молодежь и люди зрѣлаго возраста прекрасно владѣютъ роднымъ армянскимъ и общегосударственнымъ русскимъ языкомъ. Черкесо-гаи стали русо-гаями, по языку и образованію.

И все это тѣмъ разительнѣе, что со времени основанія Армавира, историческая судьба не баловала армавирскихъ армянъ. Будучи виднымъ правящимъ сословіемъ въ Черкессіи, армяне, перешедши въ Армавиръ, шагъ за шагомъ утратили свой узденскія права, подвластныхъ имъ крѣпостныхъ черкесовъ, часть занятыхъ ими фактически земельныхъ владѣній и въ концѣ концовъ самый Армавиръ. Съ точки зрѣнія историческаго объективизма, все это конечно въ порядкѣ вещей. Такія исключительныя права, какъ узденскія или рабовладѣльческія, отжили свое время и о нихъ можно лишь сказать: туда имъ дорога. Благодаря своей исторической негодности, армавирицы, быть можетъ, такъ легко и безобидно перенесли эти потери. Но, строго говоря, развѣ армавирицы не въ правѣ сѣтовать на то, что съ ними не такъ заботливо, какъ съ другими инородцами и ихъ соотчичами, поступлено было, несмотря на ихъ заслуги передъ новымъ ихъ отечествомъ и несомнѣнную культурную роль въ немъ?

Послѣ всего сказаннаго, едвали-требуется гадать о дальнѣйшей судьбѣ Армавира и его коренныхъ жителей. Что армяне не останутся энертными и въ новомъ городѣ, ручательствомъ тому можетъ служить ихъ исторія, обильная фактами поразительной живучести, необычайной энергіи и обилія творческихъ силъ, обнаруженныхъ этой замѣчательной народностью. Всего вѣроятнѣе, что, рядомъ съ городомъ, будетъ расти крѣпкая армянская община, и было бы большею ошибкою и несправедливымъ дѣломъ ставить ей какія-либо преграды и затрудненія. Ростъ армянской общины не мѣшаетъ никому и идетъ по широкому пути прогрессивнаго экономическаго движенія. Сами армяне несомнѣнно мѣняютъ свою національную внѣшность. Черкесо-гаи становятся русо-гаями по языку, гражданскимъ навыкамъ и общимъ условіямъ жизни. И процессы этого перерожденія совершаются быстрѣе и интенсивнѣе въ обширной и мощной Россіи, чѣмъ совершались они когда-то въ горахъ у малокультурныхъ черкесовъ.

СПИСОКЪ

Армавирскихъ армянъ, получившихъ ордена, награды и похвальные свидѣтельства.

1. **Азгимовъ Баронъ**, юнкеръ 1-го Хакубхабльскаго квартала; получилъ серебрянную за храбрость въ петлицу медаль „за отличіе въ лѣтней экспедиціи правого фланга Кавказской линіи въ 1851 г.“ (свидѣтельство Кавказскаго Штаба за № 1106); золотую за храбрость въ петлицу медаль— „за отличную храбрость въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ за р. Лабою въ ноябрѣ и декабрѣ 1852 г. (свид. шт. № 1422); чинъ юнкера за отличіе въ дѣлахъ съ горцами при движеніи отряда къ Шахгереевскому ущелью въ декабрѣ 1853 г. (св. шт. № 2277); 30 р. сер. за отличія въ дѣйствіяхъ отрядовъ Лабинскаго, Майкопскаго и Псефирскаго съ 10 нояб. 1859 г. по 5 фев. 1860 г. (св. шт. № 992); похвал. свид. за дѣятел. „выборнымъ общественнымъ почетнымъ старикомъ“, (св. пристава Бесленеев. народа и закубан. армянъ 31 дек. 1856 г.). Переч. наградъ сооб. также Хр. А. Бароновъ и Е. Т. Айвазовъ.
2. **Айвазовъ Ананій**, милиціонеръ 3-го Хатукаевскаго квартала имѣлъ серебр. за храбр. мед. въ петл.; сообщилъ С. П. Шахановъ.
3. **Айвазовъ Гавріиль Тимофеевичъ**, „житель“ Армавира 1-го кв.: сер. мед. за 12 л. службу церковн. старостой; сооб. Айвазовъ.
4. **Айвазовъ Емельянъ Тимофеевичъ**, жит. 1-го кв., сер. мед. за службу вол. старш., с. Айвазовы.
5. **Айвазовъ Додухъ**, онъ же Каспаръ, мил. 1-го кв., сер. мед. въ петл. за хр.; сооб. Айвазовы.
6. **Айвазовъ Пани**, онъ же Иванесъ, мил. 1-го кв., сер. мед. въ петл. за хр., с. Айвазовы.
7. **Айвазовъ Падъ**, юнк. 3-го кв., сер. мед. въ пет. за хр., С. Шахан.
8. **Айвазовъ Христофоръ Артемьевичъ**, мил. 1-го кв., двѣ сер. мед. въ петл. за отличіе и усердіе, мед. за пок. Кавказа 1864 г., мед. 1825—1855 г. спасъ вмѣстѣ съ юнк. Акубжановымъ 4 казаковъ и 11 подводъ, занесенныхъ метелью; сообщ. лично.
9. **Айдиновъ Барсегъ**, мил. 3 кв., сер. м. въ п. за хр., С. Шахан.
10. **Акубжановъ Авдѣй Сергѣевичъ**, юнк. 1-го кв., мил. съ 1852 г. орденъ Св. Георгія IV степ. № 2317 за отлич. противъ гор. при занятіи укр. Хамкеты въ 1861 г., получилъ чинъ юнкера „за разновременныя отличія“ въ дѣлахъ съ горцами въ 1862 г., св. Георгія III степ. № 165 за отл. въ дѣл. противъ гор. при укр. Майкопъ въ 1864 г., мед. 1864 г., мед. 1853—1856 г., (формул. списокъ); два свидѣт. за отличную службу отъ Ком. Абинск. полка за 1862 и 1863 г.г. и Ком. 8-й бриг. 1864 г.; свид. начальника Куб. обл. 1864 г. за спасеніе казаковъ и 11 подводъ, занесен. снѣгомъ въ ночь съ 27 по 28 января.
11. **Акубжановъ Аракель**, юнк., 1 кв., имѣлъ св. Георгія IV степ. и сер. мед. на шею за храбр., сообщ. Айвазовы.

12. **Акубжановъ Бабасинъ**, юнк. 1 кв., три раза раненъ, имѣлъ св. Георгія IV и III степ., (сообщ. Айвазовы), св. Георгія II степ. за отл. въ дѣл. Залабин. отр. въ 1861 и 1862 г.г., (св. шт. № 186).

13. **Акубжановъ Иванъ**, мил. 1 кв., сер. мед. за хр. въ пет., с. Айвазовы.

14. **Алавердовъ Абрамъ**, мил. 4 кв., св. Георг. IV ст., сооб. Бѣликовъ.

15. **Алавердовъ Багдасаръ**, прапорщ. 4 кв., св. Георг. IV ст., Стан. 3-й ст., сооб. Бѣликовъ.

16. **Алавердовъ Таль**, юнк. 4 Егерухаев. кв., сер. за хр. въ пет. мед. за отл. въ эксп. 1858 г., (св. шт. № 285), св. Георг. IV ст. № 6865 за отл. въ д. противъ горц. во 2-й п. 1863 г. (св. шт. № 301); юнкер. за отл. въ д. пр. гор. 1863 г., (св. № 301).

17. **Алавердовъ Шумафъ**, мил. 4 кв., раненъ въ 1855 г., имѣлъ св. Георг. IV ст. и сер. на шеѣ мед. за храб., сообщ. Захаръ Давидовъ.

18. **Аладжевъ Саркисъ**, мил. 3 кв., двѣ сер. медали въ петл. за хр. и усерд., сообщ. Шахановъ.

19. **Артемовъ Егоръ**, прапорщикъ 3 кв., имѣлъ св. Георгія VI ст. и сер. мед. на шею за храбр. сообщ. Шахановъ.

20. **Байтековъ Егоръ**, мил. 1 кв., сер. въ п. мед. за хр., с. Айваз.

21. **Бароновъ Егоръ Христофоровичъ**, 100 лѣтній старикъ, мил. 1 кв., живъ и имѣетъ медали 1825—1855 г.г., за пок. Зап. Кавказа 1864 г. и Кавказскій кр. сообщ. Арчибисовъ.

22. **Бароновъ Мелконъ**, мил. 1 кв., им. св. Георгія IV ст. № 4521 за отл. въ дѣл. пр. гор. въ 1857 г., (св. шт. № 317), мед. 1864 г. за пок. З. К., 1825—1855 г.г. и мед. „принцевскую“, с. Айвазовы.

23. **Бароновъ Накаръ**, онъ же Маркаръ, юнк. 3 кв. сер. за хр. въ петл. мед.—„за отличіе противъ абадзеховъ 23 янв. 1852 г. при истребленіи ауловъ на р. Пшехоць, (св. шт. № 780); св. Георгія IV ст. № 4521 за отл. въ д. противъ гор. лѣтомъ 1857 г.; званіе юнк. за отл. въ д. противъ гор. Залабинск. отряд. зимою 1861 и 1862 г.г., (св. шт. № 189); участв. въ дѣлахъ противъ горц. въ 1853, 54, 57, 58, 59, 1861—64 годахъ; брон. мед. 1853—56 г., сер. мед. 1859—64 г., Кавказ. крестъ, (св. ком. Лабин. конно-урегулярн. эскадр. отъ 21 марта 1866 г.); сер. мед. на шею въ дѣлахъ при покореніи Зап. Кавк. въ 1864 г., (св. шт. № 52), зол. за усер. на шею мед. за участіе въ высел. Хакучей и др. бродячаго насел. изъ горъ въ 1870 г., (св. наз. Кавк. гор. ок. № 6051); похвал. свид. съ 10 марта 1866 г. по 1 июня 1867 г., (св. нач. окр. № 12-й).

24. **Бароновъ Пшемафъ**, онъ же Хачересь, юнк. 1 кв., св. Георг. IV ст. и сер. мед. на шею за храбр. сообщ. Айвазовы.

25. **Бароновъ Христофоръ Араkelовичъ**, мил. 1 кв., сер. мед. въ петл. сооб. Айвазовы.

26. **Бедросовъ Вартресъ**, мил. 1 кв., званіе урядника, с. Айваз.

27. **Бедросовъ Захаръ**, подпоруч. 3 кв., сер. за хр. въ пет. мед. за отл. въ дѣл. противъ абадзеховъ въ 1852 г., (св. шт. № 778); свид. о двор. званіи за подп. 8 знатн. горцевъ, зол. за хр. въ пет. мед.—за отл. въ д. съ гор. 1853 г. за р. Бѣлой, (св. шт. № 1783); сер. мед. на

шею за храбр. оказ. въ дѣл. прот. горц. на прав. крылѣ Кав. линіи въ 1856 г., (св. шт. № 255); св. Георг. IV ст. за отл. противъ горц. во 2-й пол. 1857 г., (св. шт. № 554), зол. мед. на шею за усер. по дол. переводчика (св. шт. за 1857 г. № 123); св. Георгія III ст. за отл. въ д. противъ горц. на Малолоабин. линіи съ 20 по 27 февр. 1859 г., (ст. шт. № 753); похв. свид. за сл. перев. съ 1857 по 1861 г.; св. Анны 4 степ. за дѣла съ горц. во 2-й пол. 1863 г.; св. Станислава III ст., какъ депуту къ Государю Александру II, (Указъ 14 марта 1872 г.); сер. мед. на груди, пожал. тогда же, (св. нач. Куб. обл. 1874 г.).

28. **Бедрозовъ Иванисъ**, онъ же Чанклышъ, мил. 1 кв., сер. мед. въ петл. за усер., сообщ. Айвазовы.

29 **Бедрозовъ Таль**, онъ же Данель, мил. 1 кв., раненъ въ бокъ, за что пол. пенсію, сер. мед. въ петл. за хр., с. Айваз.

30. **Бѣликъянцъ Семень Григорьевичъ**, капитанъ 4 кв., имѣлъ св. Владимира 4-й ст. за 25 л. службу въ офиц. чинахъ, св. Анны 3-й ст., св. Георгія IV ст. № 17357 за пок. Чечни и Дагестана въ 1857—1858 г.г., сер. мед. 1864 г., Кавк. крестъ. (Свидѣт.).

31. **Бѣликовъ Егоръ**, юнк. 4 кв., св. Георг. IV ст., с. Бѣликовъ.

32. **Бѣликовъ Карпъ**, юнк. 4 кв. св. Георг. IV ст., зол. мед. на шею за хр., сер. м. на шею за хр., зол. м. въ пет. за хр. сер. м. въ петлицу за хр., сообщ. Захаръ Давидовъ.

33. **Давидовъ Исаакъ**, мил. 1 кв. св. Георг. IV ст., сер. мед. на шею за храбр., сообщ. Давидовъ.

34. **Давидовъ Каспаръ**, мил. 4 кв., св. Георг. IV ст., сообщ. Бѣликовъ.

35. **Давидовъ Ногай**, юнк. 4 кв., Георг. IV ст. и сер. м. на шею за хр., с. Шахановъ.

36. **Давидовъ Семень**, юнк. 4 кв., св. Георг. IV ст., с. Шахановъ.

37. **Давидовъ Христофоръ**, юнк. 4 кв., сер. м. на шею с. Давидовъ.

38. **Давидовъ Тугушъ**, мил. 4 кв., св. Георг. IV ст., с. Давид.

39. **Джагуповъ Егоръ**, мил. 4 кв., св. Георг. IV ст. с. Давид.

40. **Джагуповъ Иванъ**, мил. 1 кв., двѣ сер. мед. въ петл. за хр. и усер. с. Айвазовы.

41. **Накупшевъ Хаутъ**, ожъ же Кокчевъ Григорій, юнк. 4 кв., св. Георг. IV ст. № 4522 за отл. лѣтомъ 1857 г. въ дѣлахъ съ гор. (св. шт. № 1884), сер. мед. за хр. на шею „за храбр.“ неустрасимось въ дѣлахъ съ абадзехами, (грамота Ком. от. корп. за 1838 годъ).

42. **Каладжевъ Гавриилъ**, мил. 1 кв., св. Георг. IV ст., сер. мед. 1864 г., с. Айваз.

43. **Каплановъ Мельконъ**, мил. 3 кв., сер. въ пет. мед. за хр., сообщ. Шахановъ.

44. **Каракашевъ Анопъ**, мил. 1 кв., сер. мед. въ петл. за храб., с. Айвазовы.

45. **Каракашевъ Багдасаръ**, юнк. 1 кв., св. Георгія IV ст., мед. 1864 г., с. Айвазовы.

46. **Каракашевъ Мартынъ**, мил. 1 кв., св. Георг. IV ст., сер. въ пет. за хр., с. Айв.

47. Каспаровъ Антонъ, мил. 3 кв., сер. на шею, сер. въ петл., с. Шахановъ.
48. Каспаровъ Арутюнь, мил. 3 кв., св. Георг. IV ст., с. Шахановъ.
49. Каспаровъ Архипъ, мил. 3 кв., сер. мед. на шею за хр. с. Шах
50. Каспаровъ Багдасаръ, юнк. 3 кв., св. Георг. IV ст., сер. м. въ п. за хр., с. Шахановъ.
51. Каспаровъ Борисъ, мил. 3 кв., сер. мед. въ п. за ус., с. Шах.
52. Каспаровъ Давидъ, мил. 3 кв., св. Георгія IV ст., с. Шаханъ.
53. Каспаровъ Карапетъ. (Карпъ), мил. 3 кв., сер. мед. 1864 г. и мед. за усерд., сообщ. Шахановъ и Хачиковъ.
54. Каспаровъ Нагупшъ, юнк. 3 кв., сер. мед. на шею за хр., зол. мед. въ петл. за хр. и сер. мед. въ петл. за хр., с. Шахан.
55. Каспаровъ Ованесъ, мил. 3 кв., св. Георг. IV ст., общ. Шах.
56. Каспаровъ Павелъ, юнк. 2 кв. сер. за хр. въ пет. мед., за отл. въ дѣл. съ горц. 2-й пол. 1861 г. въ Куб. обл. (св. шт. № 351); нагр. чин. юнкера 30 мая 1964 г., какъ перев. и ревн. выполн. пор. главн. (св. начал. Курджипской и Верхне-Пшехинской линіи № 755); похвал. свидѣт. за службу перевод., (участ. нач. Нижелабин. линіи за 1863 г.
57. Каспаровъ Сергѣй, мил. 3 кв., сер. въ п. мед. за хр., с. Шах.
58. Каспаровъ Ханафъ, мил. 4 кв., св. Георгія IV ст., сер. мед. на шею за хр., с. Зах. Давидовъ.
59. Каспаровъ Яковъ, мил. 3 кв., св. Георг. IV ст., сер. мед. въ петл. за усер., с. Шахановъ.
60. Кусиковъ Антонъ, юнк. 3 кв., сер. въ петл. мед. за хр., с. Шах
61. Кусиковъ Барсегъ, прапорщ. 3 кв., зол. за хр. мед. въ петл. и сер. мед. за хр. въ петлицу, сообщ. Шахановъ.
62. Кусиковъ Минай, мил. 3 кв., сер. за хр. мед. въ петл., с. Шах.
63. Кусиковъ Ованесъ, мил. 3 кв., сер. за хр. мед. въ петл., с. Шахановъ.
64. Кусиковъ Осипъ, юнк. 3 кв., св. Георгія IV ст. с. Шахановъ.
65. Кусиковъ Хачикъ, (Христофоръ), 3 кв., за храбр. сер. въ петл. за отлич. въ дѣлахъ съ горпами въ 1856 г., св. шт. № 265. „звание юнкера“ за отличія въ дѣлахъ при покореніи Зап. Кавк. въ 1864 г. (св. шт. № 130), сообщ. также Шахановъ.
66. Магдесіевъ Чамбулетъ, мил. 1 кв., двѣ мед. въ петл.—сер. за храбр. и сер. за пок. З. Кавк. въ 1864 г., сообщ. Айвазовъ.
67. Муратовъ Артемъ, мил. 2 кв., сер. за хр. въ петл. мед.—за отл. противъ абадзеховъ 23 января 1852 г., (св. шт. № 779) сер. за хр. на шеѣ медаль за дѣло пр. горцевъ 28 окт. 1856 г., св. шт. № 199-й
68. Назаровъ Баронъ, мил. 3 кв., зол. въ петл. мед. за ус., с. Шах.
69. Назаровъ Нагупшъ, мил. 4 кв., св. Георг. IV ст., общ. Айваз.
70. Огановъ Татіосъ, юнк. 3 кв., сер. на шею мед. за усердіе. (св. шт. № 85); серебр. на Георгіевск. лентѣ въ петл. за отл. при движеніи отряда въ долину Кудако для уничт. укрѣпл. Магометъ Амина на земляхъ натух. въ октябрѣ 1850 г., (св. шт. № 306); золотую мед. на шею за храбр., оказанную въ дѣлахъ съ натухайцами съ 5 по 14 ноября

Захаръ Бедрозовъ, подпоручикъ 3-го кв.

1851 года. чинъ юнкера за храбрость въ дѣлахъ съ горцами 1852 и 1853 г.г., (св. шт. № 747); похв. свид. за 15 лѣтнюю службу переводчикомъ съ 1842 г., (св. нач. Черн. бер. линіи вице-адм. Серебрякова 4 ноября 1855 г.).

71. **Огановъ Христофоръ**, переводчикъ 3 кв., сер. мед. въ петл. за храбрость въ бояхъ съ горцами въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1851 г. на Черномор. бер. линіи, (св. шт. № 388)

72. **Поповъ Борисъ Семеновичъ**, прап. 3 кв., св. Георгія IV ст., сер. въ петл. мед. за храбр. мед. 1825—1855 г. и 1859—1864 г. и Кавказ. крестъ. Участв. въ 23 большихъ и мал. экспед. и 260 мел. и перестрѣлкахъ. (Форм. сп.).

73. **Сеферовъ Бедрозъ**, мил. 3 кв., сер. въ п. мед. за хр. соб. Шах.

74. **Сеферовъ Геворкъ**, юнк. 3 кв., св. Геор. IV ст. и сер. мед. въ петл. мед. за храбр. сообщ. Шахановъ.

75. **Сеферовъ Тугушъ**, прапор. 3 кв., Геор. IV ст., сер. на шею мед. за хр. и серебр. въ петл. мед. за храбр., сообщ. Шахан.

76. **Тамбіевъ Артемъ**, мил. 4 кв., св. Геор. IV ст., с. З. Давидовъ.

77. **Тамбіевъ Иванъ**, 4 кв., званіе урядника, сообщ. Айвазовы.

78. **Тарасовъ Мату**, мил. 3 кв., сер. въ п. мед. за хр., с. Шахан.

79. **Твеловъ Емельянъ**, мил. 4 кв., св. Геор. IV ст., с. Л. Давидовъ.

80. **Твеловъ Маркаръ**, мил. 4 кв., св. Геор. IV ст., С. З. Давидовъ

81. **Темировъ Григорій**, мил. 1 кв., сер. въ п. за хр., с. Айвазовы.

82. **Терзіевъ Яковъ**, мил. 1 кв., сер. въ п. за хр., с. Айвазовы.

83. **Хагупхановъ Авдѣй**, мил. 1 кв., св. Геор. IV ст., „за отличіе, оказанное 12 іюня 1860 г., при сопротивленіи въ 10 разъ сильнѣйш. неприятелю близъ аула Бейзрукова; (св. шт. № 629).

84. **Хачадуровъ Егоръ**, онъ же Луспа, юнк. 3 кв., сер. на ш. мед. за хр., сообщ. Хачик.

85. **Хачадуровъ Наспаръ**, 1 кв., „зв. уряд.“, сообщ. Бар. и Айваз.

86. **Хачадуровъ Ту**, мил. 1 кв., св. Геор. IV ст. въ 1862 г., сообщ. Бар. и Айвазовъ.

87. **Хачиковъ Егоръ**, юнк. 3 кв., сер. въ п. м. за хр., с. Шахан.

88. **Хачиковъ Михаилъ Христофоровичъ**, поруч. 1 кв., пол. зол. на шею мед. за хр. въ 1843 г., сер. мед. за хр. въ 1851 г., сер. въ пет. мед. „за спасеніе погиб. экипажа съ купеч. судна „Азовскій Курьеръ“ въ 1848 г. близъ Мысхако; всегда отличался храбр. и мужествомъ“; (свид. вице-адм. Серебрякова 26 февр. 1851 г.); св. Анны 4-й ст. за храбр. въ 1859 г.; св. Станислава 3-й степ. въ 1863 г.; св. Геор. IV ст. № 90436 въ 1853 г.; брон. медаль 1853—1856 г.; мед. за пок. Зап. Кавказа и Кавказскій крестъ. Вышелъ изъ горъ въ Черноморію въ 1835 г. (форм. списокъ).

89. **Хачиковъ Федоръ Христофоровичъ**, знаменосецъ 3 кв. сер. въ петл. мед. за хр., сообщ. Хачиковъ.

90. **Чентемировъ Асланъ**, мил. 1 кв., сер. въ п. м. за хр., сообщ. Бар. и Айв.

91. **Чентемировъ Бедрозъ**, юнк. 1 кв., св. Геор. IV ст.; сообщ. Бар. и Айваз.

92. **Чентемировъ Минасъ**, онъ же Терзіевъ, юнк. 1 кв., св. Геор. IV ст.; сообщ. Бар. и Айваз.

93. **Чентемировъ Павель**, онъ же Терзіевъ, юнк. 1 кв. св. Геор. IV ст.; сообщ. Бар. и Айваз.

94. **Чентемировъ Семенъ**, онъ же Терзіевъ, мил. 1 кв. св. Геор. IV ст.; сообщ. Бар. и Айваз.

95. **Чентемировъ Сергѣй Лазаревичъ**, сот. 1 кв., поступ. коз. въ апр. 1843 г., уряд. въ іюнѣ 1843 г., хорунж. въ 1858 г. и сот. въ 1863 г.; им. св. Геор. IV ст. № 88097, св. Стан. 3-й ст. за отл. прот. гор. и сер. мед. за храбр.; (формул. спис.).

96. **Чентемировъ Моисей Лазаревичъ**, оф. 1 кв., св. Анны 4-й ст. (въ 1847 г., ст. Анны 3-й ст. въ 1850 г. и св. Стан. 3-й ст. въ 1861 г.

97. **Чентемировъ Халчу**, онъ же Никитъ, мил. 1 кв., имѣлъ св. Георгія IV и III степеней и сер. м. на ш. за хр.; сообщ. Бар. и Айваз.

98. **Чентемировъ Хачикъ**, мил. 1 кв., сер. м. на ш. за хр. сообщ. Б. и Айваз.

99. **Чентемировъ Бекъ Мурза**, штабсъ-капитанъ, былъ раненъ.

100. **Чубаровъ Сергѣй**. юнк. 4 кв., св. Геор. IV ст., с. Бѣлик.

101. **Шахановъ Григорій**, мил. 3 кв., сер. въ п. мед. за хр. с. Шах.

102. **Шахназаровъ Баронъ Давидовичъ**, онъ же Овакимьянъ, мил. 3 кв., сер. въ п. мед. за хр.; (сообщ. Шахановъ); мед. за пок. Зап. Кавк.; Кавказ. крестъ; сер. мед. за усердіе по мин. нар. просвѣщ. въ 1883 г.; зол. мед. за усердіе на груди, пол. въ 1883 г., и румынскій крестъ св. Мартына. Сообщ. сынъ Г. Б. Шахназаровъ.

103. **Шахназаровъ Владиміръ Месроповичъ**, юнк., сер. мед. въ петл. за хр., сообщ. Г. Шахназаровъ.

104. **Шахназаровъ Яковъ Григорьевичъ**, мил. 3 кв., св. Геор. IV ст. и сер. въ петл. мед. за хр., сообщ. Шахановъ.

105. **Шахбадзевъ Иванъ**, онъ же Пшемафъ, мил. 4 кв., бронз. мед. 1825—1855 г.; сообщ. Бар. и Айваз.

106. **Шоровъ Амбарцумъ**, прап. 4 кв., св. Геор. IV ст., св. Станислава 3-й ст., сообщ. Зах. Давидовъ.

107. **Шоровъ Осипъ Христофоровичъ**, подпор. 2 кв., на службу пост. милиціонеромъ въ 1847 г., имѣлъ сер. сер. мед. на аннен. лентѣ за усердіе и предан. правительству 2 маа 1850 г.; сер. въ петл. мед. за храбр. въ дѣлѣ при движ. отр. съ 1 по 10 окт. 1850 г. на р. Бѣлой; зол. мед. въ петл. за храбр. при движеніи отряда по Шехгереевскому ущел. за р. Лабою въ дек. 1853 г.; золот. мед. на шею за храбрость „въ разновременныхъ дѣлахъ съ непріателемъ въ компанію 1855 г.“; св. Геор. IV ст. при угонѣ отъ горцевъ непріател. баранты 13 іюня 1856 г.; св. Анны 4-й степ. за храбрость въ дѣлахъ противъ горцевъ въ 1861 г.; бронзов. мед. 1825—1855 г., единовремен. награду въ 150 р. въ 1862 г.; мед. за пок. Зап. Кавказа; Кавказскій крестъ. (Форм. списокъ). Страницы 83 и 84.

Потомки трёх родословныхъ по прямой линіи.

I. Алавердова:	II. Сеферова:	III. Шаханова:
1. Алавердъ.	1. Сеферъ.	1. Шаханъ.
2. Ованесъ.	2. Петросъ.	2. Мартиросъ.
3. Пашъ.	3. Аведикъ.	3. Асвадуръ.
4. Куй.	4. Геворгъ.	4. Геворкъ.
5. Геворкъ.	5. Мельконъ.	5. Абрамъ (Петръ).
6. Барсегъ.	6. Александръ.	6. Сергѣй.
7. Астватацуръ.	7. Мельконъ.	7. Дикранъ.
8. Хачатуръ.		
9. Дѣти его.		

Въ родословную Алавердова входитъ 4 главныхъ развѣтвленія изъ 109 лицъ, въ родословную Сеферова 5 развѣтвленій изъ 103 лицъ, въ родословную Шаханова 3 развѣтвленія изъ 33 лицъ. Первые двѣ родословныя составлены священникомъ Г. Сеферьянцъ, послѣдняя родословная взята изъ поминальницы С. П. Шаханова.

ВАЖНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ

(съ обозначеніемъ относящихся къ нимъ страницъ книги).

А. Печатные источники:

1. Ставроп. губ. вѣдом. за 1855 годъ. Статьи г. Иванова на страницахъ: 2, 21—25, 33, 35, 37, 39, 82, 83, 170—120, 128—130, 143.
2. Армян. исторія, соч. Моисеемъ Хоренскимъ, съ кратк. географ. опис. древн. Арменіи, изд. 1809 г. на стр. 3 (т. I.).
3. Обзор. Ист. Армян. народа, С. Глинки, изд. 1833 г. на стр. 3 (ч. I).
4. Обзор. Арменіи А. Худабашева. изд. 1859 г. на стран. 3—5.
5. Ист. Куб. каз. войска Ф. А. Щербины, т. II на стран.: 12 (565), 27—29, 45, 46 и 48 (стр. 25—28), 56 (621, 922), 57, 59, 97 (705), 157 (704 и 705).
6. Куб. сборн. т. XI на стран. 31.
7. Кавк. № 40 за 1846 г. Ст. свящ. Хазарова на стран. 44—47, 132, 144, 145.
8. Нов. Время 4 марта 1914 г. на стр. 173.

Б. Частные писанные документы:

9. Аттест. Г. Шахназарова 1816 года на стран. 85.
10. Писан. для док. дѣла, копія съ арабск. на стран. 88—90.
11. Свид. Мурадокъ 1852 г. съ арабск. на стран. 90 и 91.
12. Свид. Ширинъ, Мурадокъ и Кусень 1852 г. съ араб., на стран. 91—93.
13. Объясн. и док. положенія 1854 г. съ араб. на стран. 93.
14. Док. для врем. надобности 1874 г. съ араб. на стран. 93 и 94.
15. Удост. шансуг. общ. 1874 г. на стран. 94 и 95.

16. Услов. или контр. Муратова 1854 г. съ араб. на стран. 95 и 96.
17. Свид. ген Рашилия 1851 г. на стран. 96.
18. Коп. съ докл. зап. Давидова 1864 г. на стран. 97.
19. Подп. Ант. Хачадурова 1864 г. на стран. 99.
20. Выкупное свид. Мельбоха 1864 г. на стран. 100.
21. Выкуп. свид. Хатковыхъ 1866 г. на стран. 100 и 101.

В. Матеріалы Армавирскаго и др. архивовъ.

22. Биограф. жит. сел. Армавиръ на стран. 6—9, 12, 13, 65—81.
 23. Откр. пред. 1863 г. гр. Евдокимова на стран. 84.
 24. Приговоръ Армав. общ. 1871 г. на стран. 126, 131 и 132.
 25. Ставр. архив. Зап. есаула Попова за 1851 г. на стран. 133 и 134.
 26. Отн. кн. Орбеліани 6 іюля 1861 г. № 17, на стран. 147 и 148.
 27. Отн. воен. м. Н. А. Милютина на стран. 148.
 28. Прошен. Намѣст. В. Кн. Мих. Ник. 1870 г. на стран. 154.
 29. Проектъ пол. объ учр. гор. Армавира на стран. 165—168.
 30. Отч. вол. ст. П. А. Муратова за 1911—1913 г.г. на стран. 174
- Остальные матеріалы Армав. арх. помѣчены годами въ самомъ текстѣ, а указ. на докум. о нагр. отмѣчены въ списокѣ нагр.

Г. Изустныя сообщенія.

31. С. П. Шаханова на стран. 2, 3, 6—8, 9—12, 13, 14, 20—25, 35, 36, 39, 42, 43, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 78, 79—81.
32. Е. А. Баронова 72, 74, 77.
33. А. А. Тарасова 2, 3, 14, 35, 36, 39, 69—71.
34. К. Б. Кусикова, 2, 3, 14, 35, 36, 39.
35. Свящ. Г. Сеферьянцъ 20, 135.
36. Г. П. Акобжанова 62, 64, 158, 163.
37. П. А. Муратова 78, 174.
38. М. Г. Попова 2, 3, 9—12, 18.
39. И. С. Паносова 9—12, 42, 43, 49, 50.
40. Хр. Ар. Айвазова 62—86.
41. О. Хр. Каспарова 62—86.
42. К. Н. Захарова 62—86.
43. Х. М. Хачикова 85.
44. С. Ак. Шахназарова 85.